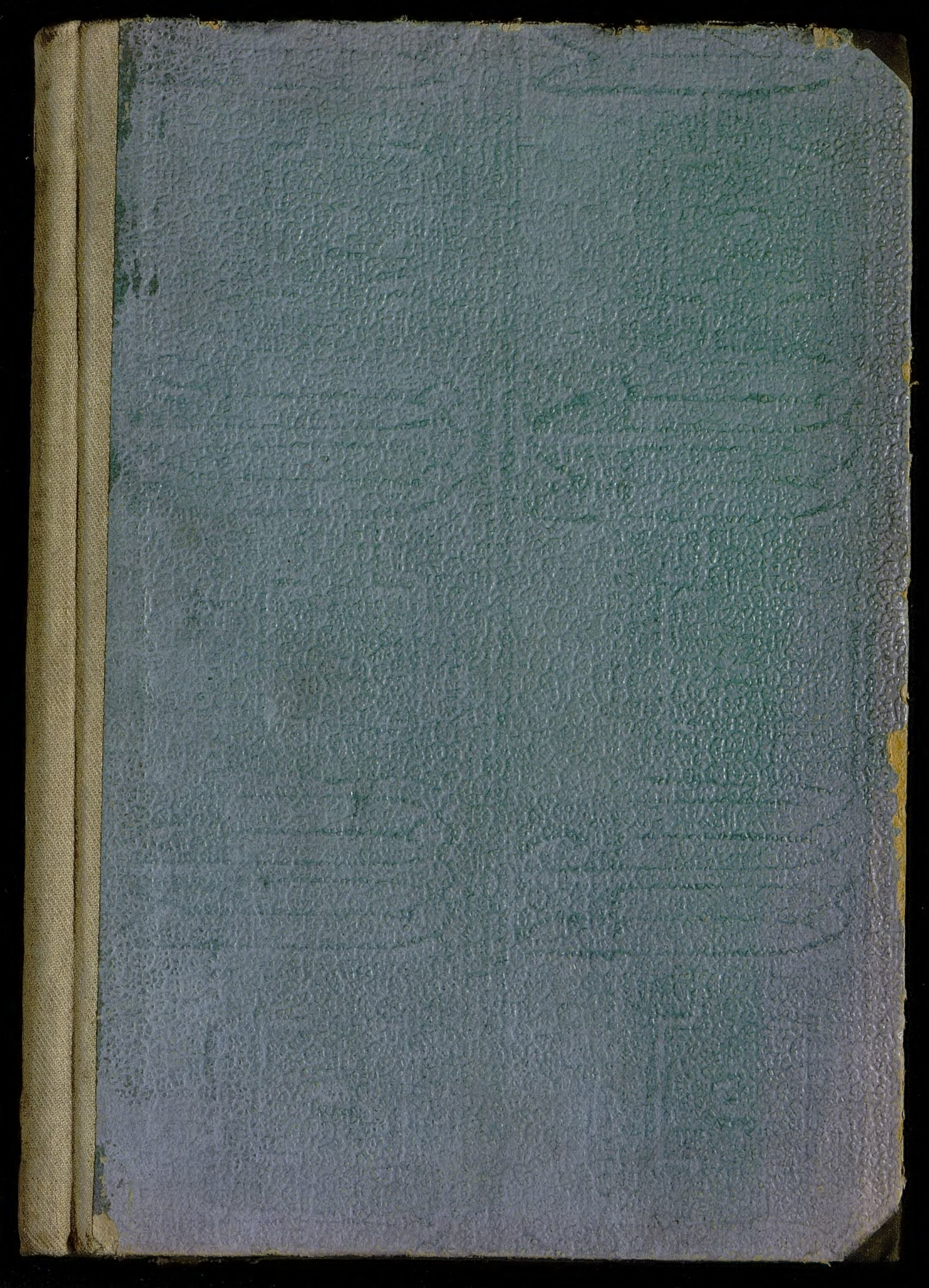
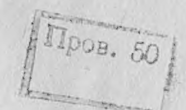

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

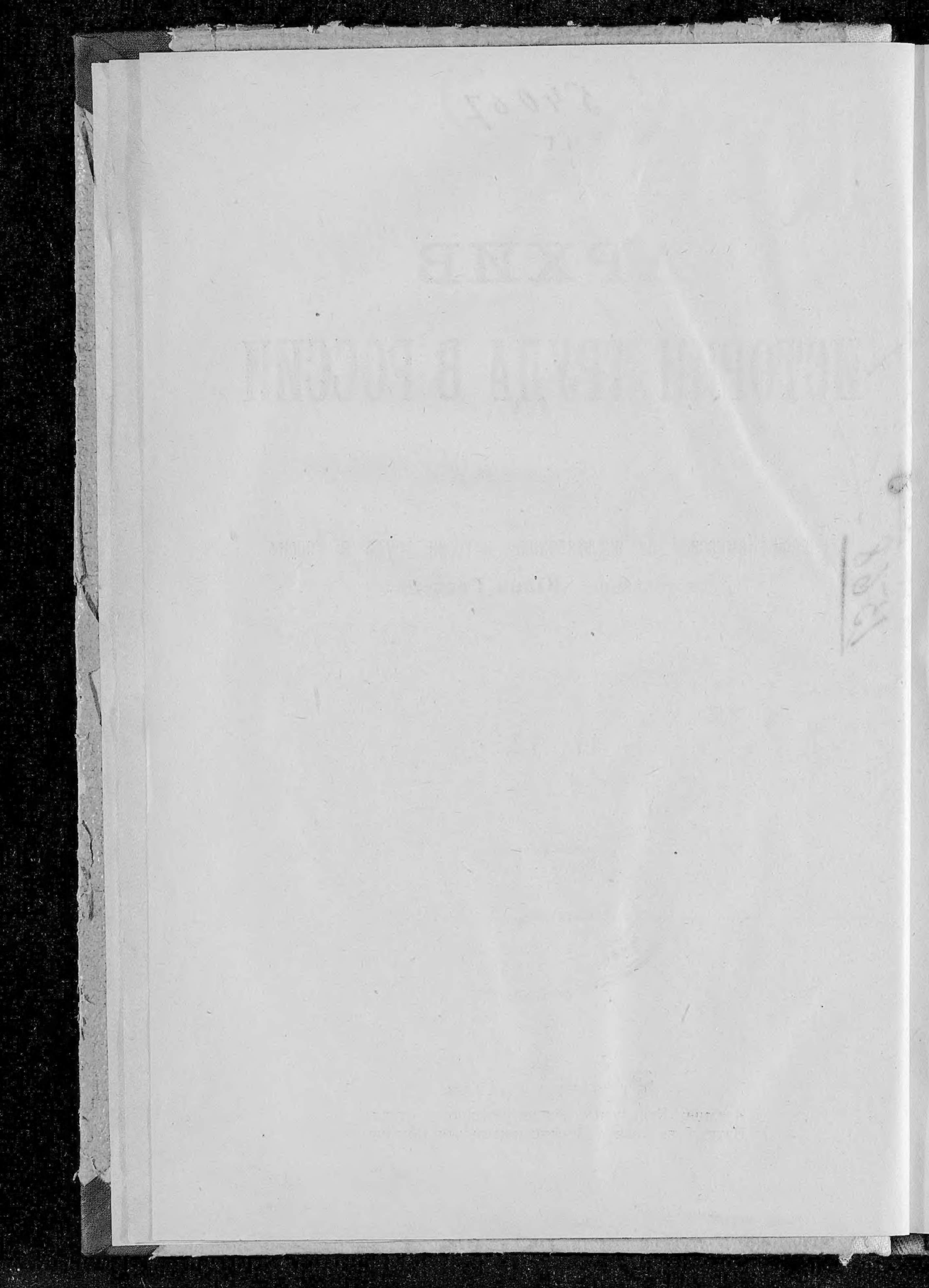
ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России
под редакцией **Юлия Гессена**.

11—12.

ПЕТРОГРАД — 1924.
Издание Культурно-просветительного отдела
Петр. Губ. Совета Профессиональных Союзов.

Выход настоящей книги „Архива Истории Труда в России“ (№№ 11-12) приурочен ко дню третьей годовщины существования Ученой Комиссии по исследованию труда в России, возникшей 18 февраля 1921 г.

Промышленная статистика и политика 18 века.

Данные фабрично-заводской статистики 18 века в историко-экономической литературе. — Обзор фабрично-заводских переписей 18 в. — Тверские „фабрики" в ведомостях 1765—1767 г.г. — Борьба „указных фабрикантов" с „вольным производством" в середине в.18 и современная экономическая политика.

I.

Своеобразная судьба выпала на долю русской фабрики 18 века. И экономист, и историк неизменно пользуются ею для общих схем экономической эволюции России. Судьбы русского капитализма, его природа и пути развития, формы русской промышленности и направления социально-экономической политики, условия появления вольно-наемного труда и размеры его применения—таковы общие вопросы, обращаемые к истории фабрики 18 века. И как будто бы история дает на них ответы: во всяком случае, они фигурируют от ее имени на страницах и специальных трудов, и популярных обзоров. Но сама история русской фабрики 18 века остается загадкой. Начать с того, что она не имеет сколько-нибудь твердой статистики по какому бы то ни было специальному вопросу. В самом деле, даже количество „фабрик" в один и тот же момент 18 в. определяется в литературе рядом различных цифр.

Статистика 18 в. приурочивается обычно к трем моментам—1725, 1762 и 1796 г.г. Количество „фабрик", имевшихся в 1762 г., определяется: по Семенову цифрой 201 [1]); по Герману—434 [2]); по Лаппо-Данилевскому—500 [3]); по „Материалам" министерства финансов—948 (в тексте 94 вместо 948) [4]); по Бурнашеву—948 [5]).

Такое разногласие порождает серьезное сомнение в методах и тщательности подсчета и делает неизбежным их изучение и поверку.

Цифра 201, данная Семеновым, не покрывает собою юфтяных, поташных и салотопенных заводов; может быть, к ней же следует прибавить еще 140 горнозаводских предприятий и таким образом приблизить ее до

---

[1]) Изучение историч. сведений о торговле и промышленности России, т. III, стр. 474. Автор относит свою цифру к 1761 г.

[2]) Mémoires de l'Acad. des Sciences de St. P. 1822. T. VIII, 445—6.

[3]) Очерк внутр. политики Екатерины II, стр. 20. Видимо, источник тот же, что и у Германа, т. е. ведомость 1767 г., но известная автору по пересказу ее в Наказе Мануфактур-Коллегии в Уложенную Комиссию (Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 43, § 9, стр. 204—201).

[4]) Материалы по истории и статистике промышленности России (Сборник Сведений по Мин. Финансов за 1865 г., стр. 224).

[5]) Туган-Барановский, Русская фабрика в ее прошлом и настоящем (изд. 1922 г.), стр. 41.

некоторой степени к цифре Германа [6]). Примирение же цифр Германа и Бурнашева прямо невозможно без поверки их источников.

Поверка, доступная в пределах напечатанного материала, дает неутешительные результаты. Цифру 94, указанную „Материалами" для 1762 г., Туган-Барановский, справедливо признавая грубой опечаткой, произвольно исправляет, согласно с цифрой Бурнашева,—в 984. Тогда как простой арифметический подсчет общего числа предприятий по различным производствам, отдельно указанным „Материалами", дает не 984, а 948.

Тоже и для 1796 года. В литературе обычно фигурируют две цифры. По „Материалам" при вступлении на престол Павла I „фабрик" было 3129 [7]), по Бурнашеву—3161 [8]). Обе они довольно близко подходят одна к другой, но, к сожалению, плохо гармонируют с цифрой 2270, коей определяется число „фабрик" на 1802 г. официальным докладом министерства внутренних дел. Это доставляет исследователям немало хлопот, заставляя их или выяснять гибельное влияние Павловской экономической политики на отечественную промышленность или выбрать одну из трех цифр, в сущности говоря, на-удачу. Но и в данном случае простая арифметическая поверка данных „Материалов" дает новую цифру—2048 вместо 3129, что неожиданно приближает нас к данным министерского доклада, но еще дальше уводит от цифры Бурнашева и, конечно, не разрешает основной задачи [9]).

В том же положении оказываются при ближайшем рассмотрении и другие вопросы истории русской фабрики 18 в.: вопрос о численности и составе рабочих, о заработной их плате, о размерах и стоимости производства, его устойчивости—и все тому подобные задания [10]).

Перед историком остается ничем неприкрытая пустота, отсутствие подлинных данных фабрично-заводской статистики и необходимость их изучения заново. Попытка обойтись без них ведет к обходным и не всегда надежным путям. Как, например, изобразить рост фабрично-заводского вольно-наемного труда во второй половине 18 века? За отсутствием прямых данных неизбежны аргументы общего свойства и лишь косвенного значения: рост отхожих промыслов по данным выборки паспортов и наблюдениям современников, рост оброка за счет барщины в центральных областях, наконец, общее увеличение городского населения—иначе говоря, не более, как условия, „облегчавшие, как говорит специалист-исследователь, наем на фабрику" [11]).

При наличном состоянии источников следовало бы отказаться от решения подобного рода вопросов. Именно так, но не всегда последовательно, и поступает современный историк, обратившийся к русской фабрике с целями сравнительно-исторического изучения [12]). В противном

---

[6]) А. Семенов, назв. соч. пение, стр. 257, 330.

[7]) Стр. 225.

[8]) Туган-Барановский, стр. 41.

[9]) Полное Собрание Законов, XXVII, № 20852, 18 июля 1803 г.

[10]) Как на один из многочисленных примеров небрежной корректуры, укажем на статистику по Тверской губернии. Так, к 1783—1784 году, говорит В. Покровский, „всех фабрик и заводов в городах и уездах было 80". Тогда как у него же перечислено выше: по г. Твери—105 предприятий (правильно—102), по Торжку—152, не говоря о других городах и всех уездах (В. Покровский, Ист.-стат. описание Тверской губернии, т. I, стр. 132).

[11]) Туган-Барановский, стр. 42.

[12]) Е. Тарле, Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? („Россия и Запад", стр. 146—8).

случае исследователь, если только он хочет сохранить видимость научного взгляда, вынужден довольствоваться общими фразами [13]).

Замкнувшись в тесном кругу опубликованных и не всегда доступных анализу и поверке источников, исследователи невольно рассеивают свое внимание по мелочам [14]) или фиксируют его на материале, лишенном самостоятельного значения.

Тогда как материал налицо и материал богатейший: имеем в виду фабрично-заводские переписи 18 в. Для истории промышленности 18 в. „ведомости о фабриках и заводах"—сводные и частичные, общие и специальные, — составлявшиеся областными и центральными учреждениями, представляют совершенно исключительный интерес и с давних времен, но спорадически, без должного анализа и поверки, они фигурируют в специальной литературе [15]). В делопроизводстве Сената и его I и V департаментов, Мануфактур-и Берг-Коллегий и их контор, Коммерц-Коллегии при Сенате, Комиссии о Коммерции при Верховном Тайном Совете и позже при высочайшем Дворе; в архивах Горного Департамента, Департамента Торговли и Мануфактур и Таможенных Сборов; в делопроизводстве Главного Магистрата и областных учреждений 18 в.,—всюду хранятся ценнейшие материалы по фабрично-заводской статистике и вместе делопроизводственный к ним комментарий. Научное значение их можно лишь отчасти представить себе по опубликованным и использованным в литературе „ведомостям", взятым преимущественно из архива Департамента Таможенных Сборов, имеющего уже давно печатные каталоги [16]).

Фиксировать внимание специалистов на означенном архивном материале и на единичном примере изучения екатерининских переписей 60-х годов, наиболее полных и планомерных, показать какой ценнейший запас сведений о русской фабрике 18 в. они заключают,—такова ближайшая цель настоящей работы.

2.

С первых же дней „заведения" петровских „указных фабрик и заводов" велся их точный учет с указанием вложенного предпринимателем капитала или же субсидии, предоставленной правительством. В течение всей середины 18 в. из областных канцелярий поступали третные „ведомости" о „билетах"-разрешениях, выданных на фабрично-заводские предприятия; „билеты" утратили свой смысл с изданием манифеста 17 марта 1775 г., коим между прочим отменялся существовавший дотоле порядок промышленных монополий и специальных — „указных дозволений" [17]). Представление соответственных ведомостей оказалось излишним и было

[13]) Так, И. М. Кулишер, подводя итог общего количества фабрично-заводских предприятий 18 в. и определяя степень их устойчивости, заключает: „Для нас важно лишь установить тот факт, что крупные предприятия в течение 18 в. возникали в *значительном количестве* и если *часть их вскоре погибала*, то другие все же держались и продолжали свою деятельность, а на смену прекратившимся появлялись новые в увеличенном количестве, причем постепенно они обходились без принудительного труда крепостных, посессионных рабочих, нищих и бродяг, прибегая к вольнонаемной рабочей силе" (Очерк истории русской промышленности, стр. 153. Изд. 1922 г.).

[14]) Ср. П. Столпянский, Из истории производства в С.-Петербурге („Архив истории труда в России", т. II, стр. 86—104).

[15]) Ими пользовались: Голиков, Чулков, Шторх, Герман, Кириллов, Бурнашев, Семенов; из новейших исследователей: Семевский, Фирсов, Туган-Барановский, Лаппо-Данилевский.

[16]) Кайданов, Системат. каталог делам Комиссии о Коммерции. На стр. 59—63 отмечены „ведомости" за 1754 и 1778 г.г.

[17]) Полное Собрание Законов, XX. № 14275.

отменено сенатским указом 5 июня того же 1775 г. [18]). Общие сведения о „фабриках“ и „заводах“ поступали в Мануфактур-и Берг-Коллегии от их членов-ревизоров, „в надзирание“ которым были отданы фабрично-заводские округа [19]). Может быть поступали они и от тех уездных служилых людей, которые в качестве чиновников особых поручений по назначению Мануфактур-Коллегии следили на местах за точным выполнением коллежских указов [20]). Участие областных учреждений в развитии отечественной промышленности и, в частности, в составлении фабрично-заводской отчетности, так широко намечавшееся воеводской инструкцией 1719 г. [21]), в первой половине века было довольно скромно и выражалось, видимо, в присылке кратких и необходимых с узко фискальной точки зрения сведений [22]). Воеводский наказ 1728 года не возлагает уже на областную администрацию никаких забот по надзору, охране, содействию местным „фабрикам“ и „заводам“ и по промышленной отчетности. Единственная оговорка § 48—„у кого имеются в домах фабрики на такие дворы по силе данных привиллегиев и указов постою не ставить“—в счет, конечно, не идет [23]).

Материалы фабрично-заводских переписей поступали в Мануфактур-и Берг-Коллегии, Сенату же оставались неизвестными. Вот почему 31 января 1724 года именным указом предписывалось между прочим: „о фабриках и о мануфактурах также и о горных делах, с каким прилежанием оные в совершенство приходят и что где в какое время размножено, и доносить о том его имп. величеству дважды в год“ [24]). Каковы были формуляры ведомостей и сколь детальны отдельные их параграфы, не знаем.

При имп. Анне деятельная борьба с „нерачительными и подложными фабрикантами и заводчиками“ и обратный перевод их в тяглое купечество являются очередной задачей правительства по соображениям столько же финансовой, сколько и социальной политики. В этой борьбе постепенно выясняется круг тех вопросов, на которые должна отвечать фабрично-заводская анкета. Указом 7 января 1736 года повелено о мануфактурах и фабриках „учинить о состоянии их известие, сколько кто сначала своих фабрик своего капиталу в них положил или из казны награждения получил и ныне в каком состоянии и по скольку каких мануфактурных и фабричных товаров в год делают“ [25]). Дела уничтоженной в 1727 году и восстановленной лишь в 1742 г. Мануфактур-Коллегии перешли к Коммерц-Коллегии, которая на основании полученных ведомостей и личного осмотра предприятий [26]) составляла списки „отрешенных фабрикантов“ и, как видно, не всегда одинаково осмотрительно [27]). Тогда же в 1741 году в журналах Сената упоминается „учрежденная для следствия о фабриках комиссия“. Она подбирает соответственный статистический материал, пересматривает дела обреченных на закрытие предприятий и, получая на то санкцию Сената, возобновляет нормально работающие [28]).

---

[18]) П. С. З., XX, № 14332.
[19]) П. С. З., VII, № 4378, § 21.
[20]) М. М. Богословский, Областная реформа Петра Великого, стр. 6.
[21]) П. С. З., V, № 3294, § 9, стр. 17, 22, 38.
[22]) М. М. Богословский, op. cit. стр. 99.
[23]) П. С. З., VIII, № 5333.
[24]) П. С. З., VII, № 4447.
[25]) П. С. З., IX, № 6858, стр. 711, § 10.
[26]) Сенатский Архив, т. II, стр. 404: в янв. 1741 г. „по изустному е. и. в. государыни правительницы вел. кн. Анны повелению“ фабрики обревизованы были коммерц-коллегии президентом фон-Менгденом.
[27]) П. С. З., XI, № 8176, 15 июля 1740 г.
[28]) Сенат. Архив, т. III, стр. 86 и 198.

Закрепляя систему указного и даже монопольного производства, Елизавета продолжает решительную борьбу с „подложными фабрикантами“, т. е. с теми из „указных“, которые заводят „фабрики“ только для вида с целью покупки людей или избывания посадского тягла. Лично присутствуя в заседании Сената 29 марта 1753 г., Елизавета повелела „о содержателях мануфактур и фабрик рассмотреть: все ль оные действительно происходят как в доброте товару, так и в распространении оных, дабы можно было видеть, кто в том прилежность имеет и кои токмо под видом фабрику или мануфактуру имеют и от такого несмотрения и неприлежности здешние фабрики и мануфактуры в слабое состояние приходят“. Сенат решил, чтобы о ходе фабрично-заводских работ и размерах производства, о том, нет ли среди фабрикантов таких, „кои только для лица фабрики малые завели и чрез то от служеб гражданских отбывают и какое в том за ними смотрение происходит Мануфактур-Коллегии, учиня обстоятельную и со всяким из'яснением ведомость рассмотреть и со мнением своим подать в Правительствующий Сенат немедленно“ [29]).

По вышеизложенной программе „ведомости“ поступали в течение 40—50 годов 18 в.; в них отмечалось: начальный капитал предприятия, размеры производства, стоимость фабриката и количество товара, пущенного на продажу [30]).

Сложнейшая финансовая и административная отчетность областных учреждений,—до 1755 г. областная канцелярия отправляла в центр за год до 1700 „ведомостей“ различных типов [31]),—оправдывает неисправность, задержки и пропуски в собирании и пересылке сведений по фабрично-заводской статистике. Это, в свою очередь, вызывало обычные в бюрократическом механизме напоминания, понукания и понуждения. По делам фабрично-заводской отчетности и в целях ее улучшения был издан Сенатом указ 22 июля 1746 г. Его нет ни в Полном Собрании Законов, ни в „Сенатском Архиве“, но беглое о нем упоминание сохранилось в сенатском указе того же типа от 6 февраля 1764 г. [32]).

Тогда же, в связи с общим направлением социальной политики, энергичным обособлением шляхетства в его правах и преимуществах, ставится на очередь вопрос о праве покупки деревень и людей к фабрично-заводским предприятиям, иначе говоря, о предоставлении права душевладения лицам не шляхетского звания. Запретительный указ 1736 года, изданный в отмену петровских узаконений, в свою очередь был отменен в 1744 г. в связи с делом „заводчика“ Гребенщикова [33]). Однако, прежние запретительные тенденции скоро восторжествовали и определили собой содержание сенатских постановлений 17 января и 12 марта 1752 г. [34]), коими, выражаясь словами позднейшего указа, „в покупке к заводам и фабрикам крестьян—пропорция положена“ [35]).

На очереди стояло, таким образом, совершенное запрещение подобных закупок, и правительство, не успевшее при жизни Елизаветы провести в законодательном порядке означенную меру, внимательно подбирало статистический материал, собирало сведения об общем числе рабочих по фабрично-заводским предприятиям и их группировкам по признакам сословной принадлежности.

[29]) Сенат. Архив, т. IX, стр. 49 и 52 § 16.

[30]) Лаппо-Данилевский, Русские промышл. и торг. компании в первой половине 18 в. (Спб. 1899), стр. 40, 94, 124.

[31]) П. С. З., XX, № 14332.

[32]) П. С. З., XVI, № 12037.

[33]) История Прав. Сената, II, стр. 207.

[34]) П. С. З., XIII, № 9954.

[35]) П. С. З., XVI, № 11638.

Соответственный пункт появляется в фабрично-заводских „ведомостях“ Елизаветинского царствования [36]). Учет рабочей силы по ведомству промышленных коллегий велся параллельно с подушной переписью; порядок ее в отношении фабрично-заводского рабочего населения определялся специальными указами 1722, 1732, 1736, 1743, 1744 и др. годов [37]).

Семилетняя кампания обратила промышленную политику в сторону экономического либерализма. Дни монопольных и „указных“ предприятий были сочтены, и полный список их с отметкой о времени выдачи привилегии или разрешения был заготовлен по предписанию сенатского указа от 22 декабря 1758 года [38]).

Вступление на престол Екатерины II, ее малая административная реформа, необходимость изыскания новых источников дохода или—что то же—заботы о под‘еме народно-хозяйственных сил придали работам по фабрично-заводской статистике собственно фискальное, податное значение и вместе с тем сообщили им более энергичное и планомерное движение. Манифестом 15 декабря 1763 г. вводились новые штаты областных учреждений и на их содержание был обращен новоположный сбор „канцелярских“ или оброчных денег. Обложению подлежали фабрики и заводы ведомства Мануфактур- и Берг-Коллегий, причем с каждого фабричного стана определено было взимать по 1 руб., а с прочих фабрик, на которых станов нет, т. е. со всех не-ткацких, как это было раз‘яснено впоследствии, „с употребляемого их капитала по 1%“, по 100 руб. с доменной и по 5 руб. с медноплавильной печи [39]).

Ничтожное значение канцелярских денег в бюджете 18 в. достаточно выяснено исследователями современных финансов и областных учреждений [40]). В самом деле, в 1763 году они дали только 600 тыс. руб., т. е. около 3% общей суммы поступлений путем податей и сборов; в 1769 г.—при введении чрезвычайного военного налога и удвоении ставки оброчных денег [41])—последних было собрано 1270 тыс. руб., т. е. около 5% [42]). Правда, в графе оброчных денег сбор с „фабрик“ и „заводов“ занимал одно из первых мест. Так, из общей суммы оброчных денег в 1769 г. путем фабрично-заводского обложения было собрано 475.292 руб., т. е. около 30% [43]). Но все же не этой финансовой стороной интересует нас фабрично-заводское обложение по манифесту 1763 г.

Судя по некоторым намекам в законодательстве, проведение в жизнь обложения фабрик и заводов осложнилось на практике расширением и углублением статистических работ в области промышленности. На местах собирание статистических сведений и составление ведомостей падало на плечи областных канцелярий. Вопрос о более деятельном участии их в фабрично-заводской инспекции и статистике стал на очередь несколько раньше—в связи с общим процессом децентрализации русской жизни, оседания шляхетства в своих местностях, раскрепощения промышленности и заведения „фабрик“ и „заводов“ по провинциям. Последний процесс ускорялся крайне невыгодными условиями столичной промышленности; перегруженность столиц промышленными предприятиями, вздорожание „харчевых припасов и прочих принадлежностей“, а следовательно, и рабочих

[36]) Лаппо-Данилевский, op. cit. 98.
[37]) П. С. З., VI, № 3919; VII, № 6255, № 6858; XI, № 8836; XII, № 8969.
[38]) П. С. З., XV, № 10910.
[39]) П. С. З., XVI, № 11988; ср. № 12259.
[40]) Проф. Чечулин и Ю. В. Готье.
[41]) П. С. З., XVIII, № 13375.
[42]) Чечулин, Очерки по ист. русских финансов царств. Екатерины II, стр. 256.
[43]) Сборник Русского Истор. Общ., X, 368.

рук,—все это было отмечено докладом Сената, высочайше конфирмованным 23 октября 1762 г. Доклад указывал на стихийную тягу „фабрики" и „завода" в провинцию и города; необходимо, заключает он, озаботиться надзором за ними, иначе говоря, возложить соответственную обязанность на областные канцелярии [44]). Наставление губернаторам 1764 г., обращая губернатора в главу и хозяина губернии, оставляло за ним общий надзор и заботу о процветании всех отраслей народного хозяйства. В сфере промышленной губернатор обязывался „разные пользы, как к приращению нашего интереса, так и к общему добру служащие, сенату нашему и нам самим о том представлять" [45]).

Как обычно, правительство Екатерины зорко следило за ходом статистических работ и неоднократно и энергично понукало нерадивых чиновников. Вместе с напоминаниями о присылке сведений по сбору оброчных денег и раз'яснениями техники последнего [46]), правительство напоминает о необходимости присылки в Сенат полугодичных ведомостей о состоянии фабрик с непременным указанием, „какое на оных пред прежними годами ныне в делаемых товарах размножение учинено" [47]). Судя по материалам „Сенатского Архива", можно думать, что тогда же, летом 1765 года, фабрики были обревизованы вице-президентом Мануфактур-Коллегии Сухиным [48]). Не трудно догадаться, что поступление ведомостей как из областных канцелярий в коллегии, так и от предпринимателей в канцелярии не всегда было исправным. За просрочку Мануфактур-Коллегия указом 28 октября 1765 года определила взыскивать с предпринимателей штраф в размере от 10 до 30 рублей в зависимости от срока поступления ведомостей. Первоначально указ был распространен только на московских фабрикантов. Очередь до провинции дошла лишь к следующему 1766 году, когда указом 29 марта действие его было распространено и на городовых фабрикантов и заводчиков. В виду многочисленных недоразумений попутно раз'яснялось, что по манифесту 1763 года положено взимать 1% себестоимости фабриката [49]).

Ведомости о фабриках и заводах поступали в коллегии и их конторы и далее в I и V департаменты Сената, но скоро вопрос о состоянии промышленности и фабрично-заводских предприятий отошел в ведомство Комиссии о Коммерции, куда и должны были направляться полугодичные ведомости вместе с образцами „делаемых вещей" [50]).

Помимо общих и очередных сводок коллегии изготовляли ведомости специального характера и по чрезвычайным обстоятельствам. Составлялись они и при Анне и при Елизавете. Несколько сводных ведомостей о состоянии фабрично-заводской промышленности до 1767 года было заготовлено вместе с наказами депутату от промышленных коллегий в Комиссию о составлении проекта нового уложения. К сожалению, ведомости эти при наказах не сохранились [51]). Следы их надо искать в делопроизводстве Мануфактур- и Берг-Коллегий. В свое время их использовал Hermann в статье „Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie": число „фабрик" к 1767 году он определял по точным таблицам, представленным Екатерине II [52]).

[44]) Сенат. Архив. т. XI, стр. 276.

[45]) П. С. З., XVI, № 12137.

[46]) П. С. З. XVI №№ 12129, 12217, 12262; XVII № 12363 (указы 15 апр. 1764 24 марта 1765 г.).

[47]) П. С. З. XVI № 12037 Сенат. 6 февраля 1764 г.

[48]) Сенат. Архив, т., XV стр. 182.

[49]) Вышеприведенные указы сохранились в делах Тверской провинциальной канцелярии за 1765—67 г.г. Вязка № 2 „Столп о фабриках и заводах" л. 87.

[50]) П. С. З., XVII № 12592.

[51]) Сборник Р. Ист. Общества т. 43.

[52]) Memoires de l'Academie des Sciences de St. P. 1822. T. VIII, p. 445.

В 1769 году в виду турецкой кампании был введен чрезвычайный военный налог, и ставка фабрично-заводского обложения увеличивается вдвое, ибо все несут „некоторые чрезвычайные тягости в способствовании общей обороны и безопасности, купечество же, фабриканты и заводчики по состоянию своих промыслов не токмо в том не соучаствуют, но паче умножающимися по причине войны подрядами и другими промыслами получают в военное время новые способы к умножению своего имения“ [53]).

Фискальное значение фабрично-заводской переписи, таким образом, возрастает; усиливается система контроля и понуждений. Тем не менее выясняется, что ведомости, продолжавшие поступать не только в Комиссию о Коммерции, но и в Сенат, имеются в делопроизводстве последнего (по данным 1773 года) только по 1771 г. по представлениям Мануфактур-конторы, бывшей в С.-Петербурге, и по 1763 г. по представлениям Мануфактур-Коллегии из Москвы. И правительство снова и снова напоминает коллегиям о необходимости, собрав сведения, рапортовать в Сенат ежегодно по два раза; в ведомостях надо отмечать число и состояние „фабрик“, наименование и количество фабриката и цену проданного товара, остатки от продажи, а равно и указания—„какое пред прежними годами в делаемых товарах размножение и в одном противу другого рознь состоит“ [54]). Ремесленное производство привлекается к платежу оброчных денег—формально в 1769 году, фактически значительно ранее того,—почему в ведомостях того времени можно расчитывать на указания домовых станов, ручных горнов и тому подобных ремесленных заведений.

Отмена фабрично-заводского и ремесленного обложения происходила постепенно и завершилась в несколько приемов. Так, отмена чрезвычайного военного налога 1769 г., иначе говоря понижение ставки до размеров 1763 года, было определено манифестом 17 марта 1775 г. в виду заключения Кучук-Кайнарджийского мира [55]). Сбор с домовых станов слагается по манифесту 28 июня 1777 года [56]) и, наконец, в 1779 г. отменяется основной сбор с фабрик и заводов [57]). Не совсем правильно изображает дело сложения фабрично-заводских сборов Туган-Барановский, без поверки повторивший соответственный отрывок из труда А. Семенова [58]).

Не взирая на отмену фабрично-заводского обложения и уничтожение системы указных разрешений и промышленных монополий, ведомости о фабриках и заводах продолжали поступать прежним порядком. Правда, возникали и затруднения в фабрично-заводской статистике, вызванные новыми узаконениями: „Ныне в рассуждении данной свободе каждому, не требуя ниоткуда дозволения, заводить у себя в домах фабрики и рукоделия всякого рода, число фабрик в Москве так велико, что по множеству и обстоятельных известий собрать трудно“ [59]).

Однако, необходимость ведения фабрично-заводской отчетности областными канцеляриями прямо подтверждалась известным сенатским указом 5 июня 1775 года, производившим пересмотр порядка и техники областной отчетности вообще; впрочем, ведомости представляются теперь только однажды в год, остаются в делопроизводстве коллегий и в Сенат восходят по специальным требованиям [60]).

---

[53]) П. С. З. XVIII № 13375. Ср. П. С. З. XIX № 13949 20 февраля 1773 г.
[54]) П. С. З. XIX № 14011. 16 июля 1773 г.
[55]) П. С. З. XX № 14275, стр. 83.
[56]) П. С. З. XX № 14625.
[57]) П. С. З. XX № 14904.
[58]) Туган-Барановский, 40. Ср.: А. Семенов, II, 87.
[59]) Чулков, т. VI, кн. 3, стр. 712.
[60]) П. С. З. XX № 14332.

С уничтожением Мануфактур-Коллегии в 1779 г. и Берг-Коллегии в 1783 г. ведомости поступали в учреждения, их заменившие, и опять в те же коллегии с их восстановлением в 1796 году, правда на короткий срок: они просуществовали лишь до 1802—3 г.г. [61-63]).

Обязанности областных канцелярий 18 в. по фабрично-заводской отчетности перешли к губернаторам 19 века: по сенатскому указу 30 июня 1804 г. они обязаны были подавать в министерство вн. дел соответственные ведомости о фабриках и заводах губернии. Вместе с ведомостями предпринимателей губернаторские отчетные сведения являются главнейшими источниками фабрично-заводской статистики 19 века [64]).

3.

В силу соображений, изложенных выше, мы произвели пробный пересмотр делопроизводства областных канцелярий в бывшем московском архиве министерства юстиции с целью подбора материала по истории промышленных переписей екатерининского царствования и прежде всего 60-х годов 18 в. Однако, никаких следов по применению манифеста 15 декабря 1763 г. о сборе с фабрик и заводов, по разнообразным причинам, обнаружить не удалось.

Неожиданным успехом увенчались поиски в 1-м Тверском Актохранилище (бывш. „Исторический Архив"), где под № 38 хранятся три вязки дел Тверской провинциальной канцелярии, случайно оторвавшиеся от общей массы провинциального делопроизводства, переданного в свое время в московский архив министерства юстиции. В вязке № 2 хорошо сохранился „Столп о находящихся в Тверской провинции фабриках и кто имяны фабриканты и при оной фабрике работники какие имеются. О присылке об оных обстоятельных ведомостей 1765 году"—на 158 листах. „Столп" представляет собою случайный отрывок делопроизводства провинциальной канцелярии за 1765—67 г.г.: сохранились журналы заседаний канцелярии, переписка ее с Новгородской губернской и Мануфактур-и Берг-Коллегиями; рапорты городовых воевод, „ведомости" и „доношения" тверских предпринимателей [65]).

Первоначальная редакция фабрично-заводской анкеты 1764 г. не была достаточно определенной. Во всяком случае она позволяла предпринимателям намеренно или случайно избегать прямых ответов на вопросы: вместо оборотного („употребляемого") капитала показывать в ведомостях „употребленный"—начальный капитал предприятия, вопреки точному смыслу указа 1763 г., но согласно с практикой промышленной статистики 50-х годов; обозначать число строений и инструментов, не указывая их стоимости; общим числом отмечать сумму производства. Сведения были очень пестры и разнокалиберны, а потому для податных целей явно не пригодны. Многие предприниматели и совсем не представляли ведомостей. В виду случайности и несоизмеримости данных—к сбору оброчных денег не приступали до 1765 года. Меры понуждения чередовались с мероприятиями по улучшению статистических приемов, и к концу 1764 года была выработана точная

---

[61]) П. С. З. XX № 14947 и XXI № 15740 § 4.

[62]) П. С. З. XXIV № 17687.

[63]) П. С. З. XXVIII № 21372.

[64]) Критические замечания о них предложены между прочим в статье Ильина— „К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике" (Экономические этюды и статьи, стр. 269—290) и в его же книге „Развитие капитилизма в России" (СПБ. 1908 г.) в главе—„Наша фабрично-заводская статистика", стр. 361—380.

[65]) Последующее изложение основано на указанном архивном материале.

форма анкеты с четкой постановкой отдельных вопросов. В делах Тверской провинциальной канцелярии сохранился образец анкеты по ведомству Мануфактур-Коллегии; он назывался „формуляр каким образом фабрикантам в Мануфактур-Коллегию ведомость о состоянии своих фабрик подавать". Формуляр может быть разбит на 18 нижеуказанных пунктов (в анкетах 50-х годов их было всего лишь 7—8):

1) Наименование фабрики.—2) Содержатель ее.—3) Местонахождение фабрики.—4) На собственной или наемной земле (в собственном или наемном доме).—5) Надворные постройки; их размеры, материал, назначение.—6) Размер земельного участка.—7) „Звание товаров".—8) Цена их.—9) Количество станов.—10) Размеры производства за отчетное полугодие.—11) Себестоимость фабриката.—12) Количество и цена товара, пущенного на продажу; по статьям: „в Заморский отпуск или внутри государства".—13) Остаток от продажи.—14) Общая сумма производства.—15) Запас сырья или, как говорит формуляр, „при оной фабрике в приготовлении материалов"; их количество и стоимость.—16) Состав рабочей силы предприятия („при отправлении мастерств сколько состоит мастеров, подмастерьев и учеников, каждого мастерства порознь, обозначивая при том, сколько в том числе состоит из отданных с фабриками мастеровых и из таковых же деревень, также и приписных по силе указа 1736 года, из отданных по ревизии и из купленных фабрикантами деревень и коликое сверх того из вышеписанных людей число в простых работах состоят, а при том то же самое показывать и о числе наемных людей").—17) Начальный капитал предприятия („в производство фабрики положено капиталу").—18) „Из оного в обращении на покупку материалов и на дачу мастеровым и работным людям в сем году состоит..................руб.".

Анкета обещает, как видно, полное и почти исчерпывающее описание фабрично-заводского предприятия. В дальнейшем она послужит образчиком для промышленных анкет 19 в.: со включением нового пункта о машинах и двигателях будет принята „Уставом промышленности фабричной и заводской" и войдет в Свод Законов Российской Империи [66]). Не подозревая многолетней давности анкет, введенных по указу 1834 года, редактор „Статистического Временника" удивляется той точности и подробности, с которою „закон предписывал *уже с начала нынешнего столетия*, при ничтожном еще в то время развитии промышленности фабричной и заводской, собирание статистических о них сведений" [67]).

Формуляры были отпечатаны в 1764 г. и разосланы при указах—московским и петербургским предпринимателям из коллегии и ее конторы; а для рассылки городовым фабрикантам—в губернские канцелярии. Ведомости, согласно указу 1724 г., должны были подаваться по полугодиям.

По „Реестру" Новгородской губернской канцелярии, посланному в Тверскую провинциальную канцелярию, в Новгородской губернии на 1765 год числились следующие предприятия ведомства Мануфактур-Коллегии:

„В Твери скипидарная Авраама Евреинова, кожевная Петра Святогорова, у него канатная. В Новгородском уезде шляпная капитана Василья Татищева. В Торжке красочная Антона Тавлеева. Полотняная генерал-фельдмаршала и кавалера графа Алексея Григорьевича Разумовского во псковских его сиятельства вотчинах. В Торопце беления воску Дмитрия Антонова. В Зубцовском уезде шляпная Федора Карасева. В Старицком уезде кожевные: действительного камергера князя Сергия Долгорукова; секунд-маэора князь Василья Долгорукова".

[66]) XI т. Св. Зак., ч. II, кн. I, гл. IV, ст. 32—33.
[67]) Статист. Временник Росс. Империи. Серия II, вып. 6. Введение, стр. 11.

Таким образом, к 1765 году в Новгородской губернии имелось „фабрик“: кожевенных —3, шляпных—2, канатной, полотняной, красочной, скипидарной, воскобелильной по одной, т. е. всего 10 фабрик.

Интересно, что в „Реестре“ по Старицкому уезду не помечено почему-то еще одно предприятие Долгоруких—„хрустальная и стеклянная фабрика“: она была заведена и фактически работала по указу Мануфактур-Коллегии, данному в отсутствии ее президента; в виду этого обстоятельства возникло о ней специальное дело [68]).

Полученные из Новгорода формуляры были разосланы Тверской провинциальной канцелярией в воеводские—Новоторжскую, Ржевскую, Старицкую и Зубцовскую. Ответные рапорты воеводских канцелярий о получении указов сохранились, но ведомостей о состоянии фабрик и заводов нет. Городовые воеводы пересылали их непосредственно в Мануфактур-Коллегию, как это видно из рапорта канцелярии новоторжского воеводы. Новоторжская воеводская канцелярия сообщила, что „хотя в г. Торжку красочная фабрика новоторжского купца и производителя Антона Тавлеева имеется, но по поданному от оного производителя в Новоторжскую в. канцелярию известию показано, что никаких красок на той фабрике по малоумению работников не делается, а делаются только одни секретные материалы и отсылаются в Пензенскую фабрику, где из оных и краска делается. И сколько на оную употреблено будет капиталу, о том обстоятельно репортовано будет от Пензенской фабрики. И затем новоположенного сбору здесь не собирается, о чем и в Государственную Мануфактур-Коллегию репортовано“. В свою очередь Мануфактур-Коллегия обращается с указами непосредственно в Тверскую провинц. канцелярию, минуя Новгородскую губернскую канцелярию, и Тверская рапортует и пересылает ведомости мимо Новгородской в Мануфактур-Коллегию, что в виду географического расположения названных учреждений отвечало и требованиям целесообразности.

Итак, в делопроизводстве Тверской провинц. канцелярии можно расчитывать найти описания трех производств ведомства Мануфактур-Коллегии по г. Твери: скипидарном Авраама Евреинова, кожевенном Петра Святогорова и канатном того же Святогорова.

Святогоровы - хорошо известная по Твери купеческая фамилия; последние представители ее сошли со сцены уже в наши революционные дни. В свое время, в 18 в., они принадлежали к числу „первостатейных“, „мочных“ купцов и играли видную роль в хозяйственной жизни посада и екатерининском магистрате [69]).

На заволжском посаде, в приходе Вознесения господня, стоял дом купцов Святогоровых, и на дворе, „в самом жилье“, расположились их так называемые „фабрики“—„кожевая и канатная“. Дозволение на их учреждение купец Дмитрий Святогоров получил по определению Мануфактур-Коллегии от 21 декабря 1760 г.: велено ему, Святогорову, завести „кожевую и канатную фабрики“, фабрикаты за своею печатью в России „в продажу употреблять“. По смерти Дмитрия Святогорова „фабрики“ остались в совладении его сыновей Петра и Кондратия.

В 1761 году для „фабрик“ были выстроены специальные здания, фабричные корпуса своего рода—палатка, избы, амбары, сараи, навесы—и снабжены всеми нехитрыми орудиями производства: чанами, ступами, вьюгами, колесами и печами.

---

[68]) П. С. З., XVII, № 12426.

[69]) Моск. Архив Мин. Юстиции. По г. Твери: опись 5, 1782 г. „Ведомость о купцах и мещанах г. Твери“.

По ведомости 1765 года „кожевая фабрика“ Святогоровых имела довольно скромный вид большой кустарной мастерской. На дворе стояли: „изба деревянная мерою длины 15 аршин, поперек 9 аршин, в ней дошников 11, в которых катков 2, стругов 2; изба деревянная (13 × 8), в ней 5 зольных дошников; изба деревянная мастерская (12 × 7); амбар деревянный для битья корья, в котором стоят 5 ступ и 5 пестов (9 × 7); амбар деревянный, в котором кладется битый дуб (12 × 10); сарай деревянный, в котором кладется корье (30 × 10); сарай деревянный, в котором развешиваются для сушки кожи; две печи, в которые вмазаны два котла железные для краски кож и грения воды, оные по 20 ушатов; палатка каменная, в которой кладутся кожи отделанные (12 × 12)“.

Итак, „каменная палатка“-склад, две избы, два амбара, два сарая и навес для печей—вот и все незатейливое хозяйство „кожевой фабрики“.

Кожевенное производство Святогоровых напоминало обычный тип кустарной мастерской и, подобно последней, выпускало на продажу исключительно грубые и дешевые сорта кожи; „яловочная, мастерская черная“ была наиболее ценным фабрикатом.

Вынужденный представить отчетные данные за 1764 год, Петр Святогоров отговаривается неимением книг, „а впредь имею о том чинить записку“. Сообщенные им тут же данные значительно, как это и нужно было ждать, приуменьшены.

С 1765 года Святогоров представлял в провинциальную канцелярию полугодичные ведомости по форме; они сохранились в количестве пяти—с 1765 года по первое полугодие 1767 г. За это время производство представляется в следующем виде:

	За 1764 год.		За 1765 год.		За 1766 год.		За 1767 год.
	I—II полугодия.		По полугодиям.		По полугодиям.		По полугодиям.
	Штук.	По цене.	I	II	I	II	I
			Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	
Яловок . .	250	1 р. — к.	200	205	190	190	175—1 р. 10 к.
Конина . .	200	— „ 50 „	150	140	130	120	120 та же.
Подошва .	200	— „ 40 „	150	145	145	145	145 — р. 45 к.
Баран . . .	400	— „ 40 „	400	410	410	410	100 та же.
Опойка . .	100	— „ 25 „	100	120	120	100	50 — р. 30 к.
			Цена та же.	Цена та же.	Цена та же.	Цена та же.	
Всего. .	1150 на 615 р.		1000 на 520 р.	1020 на 527 р.	995 на 507 р.	965 на 497 р.	590 на 372 р. 75 к.

Некоторое уменьшение производства вместе с вздорожанием продукта падает на первую половину 1767 года.

Канатная фабрика той же фирмы внешне была еще скромнее соседки: вся она помещалась в четырех деревянных амбарах и одном сарае. Один амбар (14 × 10) служил складом для пеньки; в трех остальных „мерою 2 аршин“ пряли на вьюге и спускали „снасти“; в сарае работали „колесным мастерством“—при двух прядильных и одном спускальном колесе.

Размеры производства соответственно скромны. Канатов „бельных и смольных“ было выделано:

	Пудов.	По цене.	На сумму.
в 1764 г. за весь год	1000	— р. 80 к.	800 р.
„ 1765 „ „ I полугодие	500	— „ 90 „	450 „
„ II „	500	— „ 90 „	450 „
„ 1766 „ „ I „	510	— „ 90 „	459 „
„ II „	504	1 „ — „	504 „
„ 1767 „ „ I „	415	1 „ 20 „	498 „

Уменьшение производства и вздорожание канатов падает на первую половину 1767 года.

В ведомостях отмечено производство смольных канатов, но никаких приспособлений для просмолки не показано; видимо, смольные канаты и не выделывались вплоть до того момента, когда у Святогоровых, как „указных фабрикантов“ завязалась борьба с „безуказным“ производством мастеров тверского канатно-прядильного цеха; тогда впервые в ведомости за первую половину 1766 года показана на канатной фабрике—„печь для смоления канатов“, в которой вмазан медный котел весом в 4 пуда 20 фунт.“. Качество товара, видимо, не высоко: канаты готовились не из чистой пеньки, а из пеньковой чески: немалое число пудов ее закупалось Святогоровыми „на Украине“. Эти подробности канатного производства Святогоровых узнаем из доношения цеховых в тверской магистрат.

Запасы сырья и полуфабриката („кожи недельные“, пенька и пряжа) также отмечались в ведомостях. Товар Святогоровых расходился на местном рынке; канаты шли для волжского „барочного хода“. Какова была продажная им цена—неизвестно. Сами предприниматели определяют прибыль в размерах подозрительно скромных: „и так уповательно, что не более с рубля по 5 копеек“.

В ведомостях обстоятельно отмечается количество и социальное положение мастеровых и чернорабочих: мастеровых рабочих людей крепостных, живших при фабрике, было двое, наемных при кожевенной—восемь, при прядильной—двенадцать, итого 22 человека, в том числе: „в мастерстве 16, в простых работах—6“. При устройстве своих предприятий Дмитрий Святогоров купил к ним четырех человек и определил их в „фабричные“ работы. По ведомости Мануфактур-Коллегии 1769 года они продолжают числиться за Дмитрием Святогоровым и „все в фабричных работах“ [70]).

Определяется в ведомостях и заработная плата вольнонаемным и содержание крепостных, но, к сожалению, общей суммой: „оным рабочим людям в первой сего 1765 году половине то есть наемных зарабочих денег дано и на содержание крепостных употреблено до 60 рублев“. Та же сумма в 60 рублей показана во всех последующих ведомостях за исключением одной—первого полугодия 1766 г., в которой она уменьшена до 50 руб.

При производстве товаров на обоих предприятиях на сумму примерно в 2000 руб., заработная плата наемных рабочих и содержание крепостных равнялось 110—120 руб. в год, иначе говоря, своего рода „переменный капитал“ составлял примерно до 6% постоянного. При расчете на 22 чело-

[70]) Сборник Русск. Истор. Общества, т. X...

века (в том числе 2 крепостных) на одного работника приходилось около $5^{1}/_{2}$ руб. в год. Возможно, однако, что работа на предприятиях Святогорова производилась только в зимние месяцы; соответственно с этим заработная плата увеличивается вдвое [71]). Для соображений о размере реальной заработной платы интересны тверские цены на предметы первой необходимости. По генеральному соображению 1783—84 г.г. в Твери: 1 четверть ржи стоила 1 р. 75 к.; 1 пуд мороженой рыбы—60 коп.; 1 сажень двухаршинных дров—50 коп., 1 аршин холста—6 коп., шкура лисья—1-2 руб., изба—15-30 руб.

Ткачиха за зиму вырабатывала до 6—7 руб., считая, что спрясть, выткать и выбелить она успевала до 100 аршин [72]).

Тверское производство скипидара, канифоли и гарпиуса Аврама Евреинова имело свою длинную историю и вплоть до времени, нас интересующего, пользовалось вместе с вологодским производством того же типа и того же Евреинова исключительным покровительством. Русский наблюдатель-современник, имея в виду тверское и вологодское предприятия Евреиновых, заметил: „владетели оных имеют преимущество (привилегию) замечательное“ [73]).

В самом деле еще по указу 19 июня 1719 года производство скипидара, канифоли и гарпиуса было об'явлено монополией торгово-промышленной компании Савелова и Томилиных, которая завела его в Твери и Медынском уезде (здесь, может быть, для нужд мыловарения в виду близости украинского сала?). Компания владела тверским предприятием до 1751 г., когда оно перешло в руки Аврама Евреинова, а к 1765 году—к фирме „Московский 1-й гильдии купец Иван Евреинов с братьями“.

Фамилия Евреиновых хорошо известна в торгово-промышленном и бюрократическом мире 18 в. В первой половине века на русском севере в разработке беломорских соляных промыслов фигурирует фирма „Аврам Евреинов с братьями“. С 1737 года действуют в Москве, на Посольском дворе, а также на 1-ой Мещанской довольно значительные шелковые „фабрики“ коллежского ассессора Ивана Евреинова и, видимо, его брата Матвея. Один из Евреиновых, советник и вице-президент Мануфактур-Коллегии, отправляется в 1744 г. торговым агентом в Голландию. Какой-то „отец Евреиновых“, как говорят источники, принимал деятельное участие в торговых делах „персидской компании“; однажды он потерял там (от грабежей и разбоя?) 180.000 руб., „а торгов однакож туда не пресек, конечно, уверен будучи там и наградить себе убыток“. Те же Иван и Матвей Евреиновы числятся в списках шелковых и полотняных фабрикантов в 60-х годах. Наконец, один из бумажных фабрикантов Яков Матвеевич Евреинов тогда же был Коммерц-Коллегии президентом; умер он до 1773 г. [74]).

Сенатским указом 4 сентября 1751 года монополия 1719 г. была закреплена за Евреиновыми, и ввоз заграничных скипидара, канифоли и гарпиуса безусловно воспрещен [75]). О том энергично хлопотал сам чело-

[71]) По данным А. Семенова (т. III, стр. 256—7) наемная плата рабочего 50—60 годов исчислялась в 14—15 руб. серебром.

[72]) В. Покровский, Историко-статист. описание Тверской губ., 1. 131 и 141.

[73]) Граф Влад. Григ. Орлов. См. В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк графа В. Г. Орлова, т. I, стр. 26.

[74]) Лаппо-Данилевский, 87. Чулков, VI, кн. 3. стр. 605, 608, 630 и 705. Сборн. Р. И. О., т. X, стр. 371. 373, 375; Сенат. Архив, т. XI, стр. 433; т. XV, стр. 183; т. VI, стр. 37. Полное Собрание Законов, XV, № 11489. Ср. Архив Воронцова, т. XXIV стр. 120. См. также: „Архив истории труда в России“, кн. X, стр. 4. О происхождении семьи Евреиновых (от пленного еврея) — см. Ю. Гессен, История еврейского народа в России, т. I, (Спб. 1916), стр. 51—52.

[75]) П. С. З. XIII. № 9880. Ср. Дела Тверской пров. канц., связка 2, л. 33.

битчик, обещая всю „Российскую Империю удовольствовать деланными на тех фабриках вышепоказанными товарами; токмо де, предупреждает он, ежели вывоз оных из-за моря запрещен не будет, то оные фабрики в состояние никак прийти не могут и придут в крайнюю остановку и упадок от вывозных таковых товаров“. Итальянский („веницейский“) скипидар был тогда опасным конкурентом русского. Запрещение не оставалось номинальным. В 1756 году в порту был задержан таможней груз в 12 боченков скипидару весом 165 пудов. После долгого и всестороннего обсуждения вопроса в Сенате (уже тогда предчувствовалась близость крушения протекционистской экономической политики) было решено утвердить общее правило: привозные скипидар, канифоль и гарпиус трактовать как товары контрабандные, а потому по конфискации передавать их для продажи Евреинову. Сенатское решение приняло форму указа 6 марта 1756 г. [16]).

Ведомости о состоянии своих предприятий—тверского и вологодского—Евреинов, как московский фабрикант, должен был представлять непосредственно в Мануфактур-Коллегию. Отчетный материал за 1764 г. вместе с образцами фабрикатов и оброчными деньгами в сумме 47 р. 20 коп. был представлен им в Москве, и таковой порядок по челобитью Евреинова был сохранен и на будущее время. И если бы не оплошка Осоргина, тверского приказчика Евреиновых, в делах Тверской провинц. канцелярии не осталось бы никаких следов от тверского скипидарного производства. По неосмотрительности Осоргин за первую половину 1765 года подал ведомость тверскому воеводе.

„Скипидарная фабрика“ Евреинова располагалась в городской части на правом берегу Волги, на собственном дворе, где после бывшего в Твери в 1763 году пожара были построены: „поварня скипидарная, в ней 20 печей с трубами и 20 кубов медных, в чем скипидар делается, анбар большой для положения серы (смолы), в нем весы большие с гирями; два котла больших, в коих перетапливаются калифонные крохи; сарай большой для положения калифонии; анбар для поставления скипидару; в нем 60 бутылей, в чем скипидар бывает; да 30 тазов медных, 30 труб медных, через которые скипидар идет, 20 колпаков медных; котлов железных 15, в коих сгущается из кубов калифонь“. На дворе стояла „изба для рабочих людей с сеньми, покои для прикащика и погреб с напогребицею“. Все это было огорожено забором в 252 сажени.

Производство за отчетное полугодие представляется в следующем виде: изготовлено скипидару 177 пуд. на сумму 531 руб., канифоли 2000 п. на 240 руб., гарпиусу 250 пуд. на 30 руб.

Скипидар и гарпиус были отправлены для продажи в Москву, а канифоль в С.-Петербург и Москву.

Сырья и топлива значилось: серы 6.800 пуд. на сумму 680 руб., дров 100 саж. на 40 руб.

Рабочих было 12, из них крепостных, живших при фабрике, 2, наемных 10, причем в мастерстве—1, в простых работах—11 человек. Заработная плата 10-ти вольнонаемных и содержание 2 крепостных исчислена была за полугодие в общей сумме в 60 рублей, т. е. составляла примерно 7,5% от постоянного капитала; при расчете на год на одного работника приходилось по 10 руб.

Тверская фабрика Евреиновых, уничтоженная пожаром 1763 года, была тотчас же восстановлена, но вряд ли скоро восстановились ее обороты: они довольно скромны и к 1765 году. Если судить по размерам обложения, для 1764 года выразившегося для обеих фабрик Евреиновых в

[16]) П. С. З. XIV, № 1051б.

сумме 47 руб. 20 коп., вологодское производство их было вдвое более тверского.

Какова была роль областных канцелярий при собирании и пересылке в Мануфактур-Коллегию или ее контору изученных ведомостей?

Черновики ведомостей, сохранившиеся в делах Тверской канцелярии, носят следы неоднократных поправок в числах другой рукой и другими чернилами. Так, в ведомости Святогоровых исправлялась стоимость лошадиной кожи, трижды перечеркивалась и изменялась цифра стоимости опойки (25 к.—20 к.—25 к.). Встречаются поправки и в ведомости Осоргина. Видимо, ведомости обсуждались, внимательно пересматривались, при сдаче их, надо думать, шел оживленный торг, и воевода или товарищ воеводский в роли податного инспектора, зная и учитывая все обстоятельства дела, редактировал ведомость прежде, чем сдать ее в „повытье".

Для фабрично-заводских предприятий ведомства Берг-Коллегии нормы и единицы обложения, установленные манифестом 1763 года, оказались не пригодными. По докладу Сената, утвержденному 15 апреля 1764 года, было решено возвратиться к десятинному обложению, введенному еще 1 июня 1762 года [77]). Взамен анкет, рассылавшихся по ведомству Мануфактур-Коллегии, Берг-Коллегия через посредство областных канцелярий снабжала заводчиков особыми шнуровыми книгами за печатью: в них отмечалась недельная продукция завода, сроки и причины перерывов в работе [78]). Областные канцелярии следили за своевременной пересылкой „записных книг". Понятно, таким образом, почему в делопроизводстве Тверской канцелярии нет никаких сведений о красочном заводе Ивана Григорьева сына Протопопова, единственном заводе Берг-Коллегии, находившемся на территории Тверской провинции.

Ведомости и записные книги предприятий служили для сбора канцелярских денег. Евреинов и Протопопов платят их на Москве, Святогоров в Тверскую канцелярию.

Некоторые любопытные сведения о тверских предприятиях, главным образом о технике производства, сообщены в дневнике гр. Влад. Григ. Орлова, вместе с императрицей посетившего их 1 мая 1767 г. Осмотр фабрично-заводских предприятий был включен в программу поволжского путешествия; помимо Твери, осмотр состоялся еще в Ярославле, Костроме, Казани, Саратове, Дубовке, Астрахани. Записи дневника Орлова свидетельствуют о высокой степени правительственного интереса к вопросам отечественной промышленности [79]).

4.

Обложение фабрично-заводских предприятий оброчными деньгами— „десятою деньгою" для заводчиков—повело к утайке и прописке капиталов, станов и продукции. Энергичная и интересная борьба с утайкой и пропиской осложнялась борьбой „указных фабрикантов" с „безуказными"— большею частью, конечно, кустарями. Подобные столкновения, типичные для 18 в., чаще имели место в производствах, не требовавших сколько-нибудь значительных затрат на обзаведение, каковы, например, салотопенное, мыловаренное, кожевенное и т. п.

[77]) П. С. З., XVI, № 12129.

[78]) П. С. З., XVI, № 12129, § 4, стр. 71.

[79]) В. Орлов-Давыдов, стр. 24, 30, 36, 43, 49, 57, 66. Ср. М. Цвибак, некоторые данные о фабриках в 1767 г. („Архив истории труда в России" кн. 3, стр. 134—136).

К числу таких производств относилось, между прочим, и канатно-прядильное, технически совсем простое. Неудивительно, что и тверским „указным фабрикантам“ Святогоровым пришлось столкнуться с конкуренцией местного канатно-прядильного цеха.

Челобитной в Мануфактур-Коллегию от 15 июля 1765 г. Кондратий Святогоров жалуется, что канатное производство его приходит в упадок, что при всем старании невозможно привести его в лучшее состояние. Причиною тому бесчестная конкуренция мелких „безуказных производителей“—купцов, крестьян и других разных чинов людей. Худым колесным мастерством из негодной и нечистой пеньки они выпускают канаты по значительно пониженным ценам, наводняют рынок гнилым товаром и тем „в плавании судов вред и купцам раззорение“ чинят. Челобитчик просит запретить означенным лицам без дозволения Коллегии и без платежа положенного в казну сбора заниматься выделкой канатов.

Мануфактур-Коллегия, ссылаясь на указы 60-х годов (о них речь впереди), отказывает челобитчику. Отказ мотивирован тем, что те фабрики еще цеховыми не заведены, „и в каком размножении производиться будут, Коллегии предвидеть и за тем оного запрещения учинить не можно“. Однако, Тверской провинц. канцелярии Коллегия предписала узнать: идут ли канаты, изготовляемые в Тверском уезде без коллежского дозволения, только для барочного хода или же и на оснастку морских судов и в заморский отпуск. В последнем случае—материалы и инструменты следует конфисковать, производство канатов пресечь; в первом же случае, совместно с Тверским магистратом осмотреть образцы производимых кустарями канатов и с отзывом прислать их в Мануфактур-Коллегию.

Вследствие этого амбары цеховых были опечатаны, а для экспертизы взяты два целых каната.

Прядильного цеха мастера Алексей Монин с товарищами заволновались и в доношении своем изложили магистрату свою точку зрения. Имеют они прядильное мастерство во Твери издавна, как еще при жизни Петра I деды и отцы их, для казенной и вольной продажи, только этим одним промыслом они занимаются, а других торговых купеческих промыслов никаких не имеют. Обвинение Святогоровых цеховые отводили: по добротности их канаты не уступают ни святогоровским, ни тем, что идут для барочного ходу по другим поволжским городам—во Ржеве, Володимерове, Нижнем и Рыбной Слободе. Канаты делаются действительно колесным мастерством, но ведь и у Святогоровых „канатов делание имеет через колесо, а не другим инструментом, да и не безуповательно не из самой чистой одной пеньки“, что действительно было засвидетельствовано экспертизой присяжного канатного цеха ольдерменом. Канатного производства в уезде ни у кого нет, и в привозе из уезда на Тверь канатов не бывает. Ссылаясь, подобно коллегии, на указы 60-х годов, цеховые просили не чинить препятствий их производству и амбары распечатать, ибо они „не так, как фабрикант, достаточные“ и те канаты делают собственными своими трудами, не имея, как на фабрике, наемных мастеровых и работных людей. А Святогоров бил челом недельно „ища одного, чтоб делание в Твери канатов было только в одних его руках“ и их, цеховых, как людей бедных и с давних лет от того мастерства имеющих свое пропитание, напрасно притеснить и разорить.

Дальнейшее движение дело получило, однако, к осени. Тверской воевода, воеводский товарищ и бургомистр Тверского магистрата осмотрели канатное производство у затверецких цеховых у девяти человек; на образец отрубили от каната по кусику в 1 саж. и за печатями вместе с цеховыми отправили в Мануфактур-Коллегию. Другой образчик оставили в

провинциальной канцелярии. Эта комиссия предложила предприятия цеховых обложить 1% сбором, добротность выделки обеспечить подпиской, а для контроля—сверх того определить знающего и искусного в том мастерстве ольдермена, который „против аппробации всегда имеет сделанные рассматривать и годные печатать и в продажу дозволительно производить". Ответа Коллегии, равно как и вообще конца дела нет. Но цеховые не унимались: они представляли магистрату, какую крайнюю в пожарном отношении („от чего боже сохрани") опасность представляют предприятия Святогорова для заволжского посада.

В столкновениях тверских „указных фабрикантов" с „безуказными", очень живо схваченных делопроизводством провинциальной канцелярии, одна за другой проходят давно знакомые картины: старая посадская рознь, брань молодших людей и „мужиков-мироедов" или на языке 18 века „первостатейных купцов-фабрикантов" и „маломочных" посадских и цеховых [80]). Однако, не только в этом интерес и значение делопроизводства Тверской канцелярии. Мануфактур-Коллегия рассматривала дело Святогоровых и Тверского прядильного цеха в свете современных законодательных актов; свое решение она скрепила ссылкой на тексты именных и сенатских указов 50—60-х годов, живо рисующих момент наибольшего значения в истории социально-экономической политики 18 в., но неизвестных ни полному собранию законов, ни специальной исторической литературе.

Законодательством первой половины 18 в. вопрос о промышленной свободе решался отрицательно.

Правительство Елизаветы ведет энергичную борьбу с безуказным производством; в интересах „указных" и „настоящих" фабрикантов она не останавливается даже перед отменой указа 1736 г. [81]). В их же интересах неоднократно подтверждается в 50-х годах известный указ 15 октября 1751 г. [82]). В этом направлении действовал указ 3 сентября 1752 г., в переложении сохранившийся в делах Тверской канцелярии. Он предписывает все „безуказные" производства пресекать; материалы и инструменты конфисковать; фабрикаты трактовать как неявленные и от пошлин утаенные товары и тоже конфисковать, ибо, раз'ясняет законодатель, такие вольные производства „настоящим фабрикантам в произведении и распространении их фабрик помешательство и остановку чинят". Той же позиции держался и следующий затем указ 6 мая 1755 года, поручавший Мануфактур-Коллегии „по должности своей иметь смотрение, дабы все безуказные мастерства были пресечены", и накрепко наблюдать, чтобы безуказных мастерств „к подрыву указных российских фабрик никто не производил" (оба указа изложены в указе Мануфактур-Коллегии от 2 мая 1766 г.). В заботах о под'еме российской промышленности правительство Елизаветы обращалось к давнему средству, к вызову колонистов с Запада, „а особливо фабрикантов и других ремесленных людей"—„не токмо изгнанных чрез утеснение в вере и законов французов (т. е. протестантов после отмены Нантского эдикта в 1685 г.), ежели бы иногда охотники из них были". Но старый принцип „указного производства" этим не нарушался [83]).

Впервые вопрос о прекращении борьбы с „безуказным производством" вообще и мелким ремесленным в частности („через что у мастеровых,

---

[80]) Ср.: Кизеветтер, Посадская община, стр. 149. Городские наказы в Комиссию 1767 г.

[81]) П. С. З., XII, № 9004, 27 июля 1744 г. Ср. История Сената II,297: дело „фабриканта" Гребенщикова.

[82]) П. С. З., XIII, № 9889.

[83]) Сенат. Архив, т. IX, стр. 256, 2 мая 1754 г. Ср. § 4 Инструкции Канцелярии Опекунства, 22 июля 1763 г., П. С. З., XVI, № 11881.

как крестьян, так и прочих промышляющих тем людей пропитание отнято быть может") стал на очередь в 1758 году, конечно, в связи с финансовыми тяготами и военными успехами прусской кампании. По предложению генерал-прокурора кн. Никиты Юрьевича Трубецкого сенатским указом 22 декабря 1758 г. Мануфактур-Коллегия обязывалась представить ведомость, „на какие имена фабрики и по каким указам к заведению позволения и привилегия даны", ей же предоставлено было высказаться по вопросу, существенному для намечавшихся работ, „что считать фабрикой и мануфактурой и что рукоделием и мастерством"? [84]). Вопрос первостепенной важности, если принять во внимание, что „фабрика" 18 века—„мануфактура" по терминологии Маркса—не более, как „особливое заведение, где великое число мастеровых вместе собрано для делания какого-либо товару под смотрением одного содержателя"—определение, данное Мануфактур-Коллегией в другое время и по другому поводу [85]). И тем же вышеупомянутым сенатским указом был сделан и первый конкретный шаг по пути утверждения промышленной свободы (в отношении мелких шляпных производств).

В тяжелых финансовых условиях семилетней кампании, в виду исключительного по своему политико-экономическому значению присоединения к России (30 апреля 1760 г.) восточной Пруссии, старая идея выгодного торгового баланса сочетается с идеей экономического либерализма. Неотвратимость последнего становилась очевидной. Выростала специальная литература многочисленных и многообразных проектов рефомы экономической политики. В сенатском архиве в делах секретной экспедиции хранится доныне не напечатанный проект указа Сенату об уничтожении монополий, откупов и всего, что стесняет свободу торгово-промышленной жизни [86]). В делах Тверской провинц. канцелярии сохранился и самый указ, очень интересный и обстоятельный,—указ 10 октября 1760 г. Он утверждал, в сущности говоря, задолго до манифеста 1775 г. начало торговой и промышленной свободы. К сожалению, в изложении Мануфактур-Коллегии указ приведен лишь в выдержке; в качестве справки по делу Святогоровых использован только один его пункт о свободном „безуказном" производстве канатов и веревок, но заключение указа не оставляет сомнения в общем его содержании и значении. Мануфактур-Коллегия обязывалась не только не чинить запрещений вольным фабрикантам, но и „всячески стараться, дабы как лен, так и другие российские продукты сколько возможно противу прежнего были в переделе и к портам привожены, через что народ от трудов имел бы больше прибыли, а в государство-б иностранные капиталы вступили".

Именно этим октябрьским указом 1760 г. и воспользовались многие предприниматели (в частности и Святогоровы) для заведения своих „фабрик". Именно с этого указа, вызванного условиями и ходом семилетней кампании, растет русский экспорт, в частности льна. Впрочем, попытка иллюстрировать это положение статистически приводит, как и во многих других случаях, не к наглядности, а к сугубым недоразумениям [87]).

[84]) П. С. З., XV, № 10910.

[85]) Сборник Р. Истор. Общества, т. 43, стр. 204, § 1 Наказа 1767 г.

[86]) История Правит. Сената, т. II, стр. 303.

[87]) По А. Семенову (т. III, стр. 422) за 1758—60 г.г. вывезено льна 547.831 п., за 1778—80 г.г. 899.205 пуд. Данные Семенова перешли и в „Историко-стат. обзор промышленности России" под ред. В. А. Тимирязева (т. II, стр. 10). Однако, с цифрами Семенова конкурируют данные „Истории промышленности России" (Спб. изд. Фарикова, 1837). „Краткое начертание всеобщей истории промышленности" (часть II), на стр. 32—*ежегодный* вывоз льна за время 1758—62 г.г. равнялся 692.493 пуд., тогда как в последующее время (1763—1777 г.) ежегодно вывозилось 899.919 пуд.

Интересно было бы установить взаимоотношения отмеченного выше сенатского проекта и указа 10 октября 1760 г. Тем более это важно, что и указ и проект не более, как отрывки той большой (малоизвестной в науке) литературы современных проектов пересмотра торгово-промышленной политики, прямо поощрявшейся сенатским указом 23 ноября 1760 года—„без всякого опасения и сомнения" все приглашались к подаче в Комиссию о Коммерции соответственных проектов, записок, соображений и т. п. [88]).

К этой серии проектов относится, между прочим, и письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова от 19 декабря 1760 г. на имя президента Комиссии о Коммерции Ивана Григорьевича (гр. Чернышева?). Автор—позже и сам президент Мануфактур-Коллегии,—настаивая на свободе торговли и в частности хлебной, предлагает эту меру в интересах исключительно одного купечества; шляхетство прямо отстраняется от участия во внешней торговле: „Всемерно надобно, чтоб дворянство ни прямо за море хлеба не отпускало, ниже иностранным купцам продавать могло. Я истинно от всего сердца дворянство почитаю и хочу ему всякого добра, но я добром дворянским не почитаю, когда б мы сделались купцами, а купцы наши должности исправляли б" [89]).

Петр III закрепляет 28 марта 1762 г. одну сторону елизаветинского указа 1760 г.—принцип свободной торговли: соображения и финансовой и социальной политики скрещиваются на одном заключении: „мы всемерно того мнения, что всякому торгу свободну быть надлежит". Письмо Д. В. Волкова оказало некоторое влияние на мелочи петровского указа 28 марта, но общая его тенденция, конечно, не была воспринята законодателем [90]).

Указ Екатерины II от 31 июля 1762 г.—тот, что считается обычно первым шагом в борьбе с торгово-промышленными монополиями,—только дополняет указы Елизаветы и Петра III, хотя и опорочивает петровский указ, говоря о „многих неудобствах" в нем, клонящихся „ко вреду и тягости общенародной" [91]).

Дело закрепления принципа промышленной свободы, провозглашенной елизаветинским указом 1760 г., выпало на долю Еаатерины II. Это предрешалось уже утверждением ею сенатского доклада от 8 августа 1762 г. [92]). А 9 декабря 1762 г. было предписано Сенату: „Учинить все благопристойные способы дать в Российской Империи фабрики и прочие ко употреблению надежные рукоделии не только б внутрь живущих довольствовали, но еще бы затем излишняя в другие государства с прочими из Россси товарами в продажу как можно более отпускали" [93]).

Указ не заключал прямого запрещения борьбы с безуказным или вольным производством, но в этом смысле был истолкован Сенатом: иначе Мануфактур-Коллегии не было бы смысла ссылаться на него в тверском деле Святогоровых с канатно-прядильным цехом.

Изложенный указ 9 декабря 1762 года прекрасно отражает остроту рабочего вопроса в моменты, близкие к указу 29 марта 1762 г. [94]). Екатерина, только что занявшая престол и 8 августа подтвердившая под дав-

88) Кайданов. Систематический каталог делам Комиссии о Коммерции. стр. 11.

89) Архив кн. Воронцова, т. XXIV, стр. 123—124.

90) П. С. З., XV, № 11489, стр. 964; ср. Архив кн. Воронцова, т. XXIV, стр. 120.

91) П. С. З., XVI, № 11630.

92) П. С. З., XVI, № 11638. Корсак в труде „О формах промышленности" (стр. 133) неверно толкует как этот указ, так и указ от 27 июля 1760 г. Последний говорит не об указном порядке заведения фабрично-заводских предприятий, а о порядке приписки крестьян к партикулярным заводам. Ср. П. С. З., XV, № 11087.

93) Сенатск. Архив, т. XI, стр. 309. Дела Тверской пров. канц., 2-ая связка, л. 96.

94) П. С. З., XV, № 11490. Указ Петра III о запрещении покупок деревень и людей к фабрикам и заводам.

лением шляхетских притязаний петровский указ, должна, однако, вникнуть также в сословные нужды и купцов и промышленников. Она готова освободить их от непристойных служеб и напрасных отягощений и „благопристойною пользою спомоществовать“, но не такой, которая могла бы нарушить шляхетское право душе-и землевладения,—„однако такою, как бы другим отягощения или убытков не приключили“. Здесь и бессилие, и боязнь для русских „буржуа“ сделать то, что манифестом 22 июля следующего года было сделано для иностранных, или то, что сделает Павел I, указом 1798 г. возродивший старинное поссессионное право [95]).

„Если, заканчивает свой указ Екатерина II, за множеством дел сенату об оной важной материи рассуждать не достает время, то взять в рассуждение: не лучше ли сделать комиссию и нам представить“.

Сенат избрал последний путь и повелел: все затронутые именным Екатерины II указом вопросы „в тонкость рассмотреть“ в соединенном заседании промышленных коллегий и Главного Магистрата и по каждому пункту в отдельности представить Сенату свое мнение [96]). С возрождением Комиссии о коммерции при высочайшем дворе [97]) все вопросы экономической политики вошли в сферу ее компетенции. Видимо и фабрично-заводская анкета 1764 года имела здесь свою историю.

Промышленная политика времени семилетней кампании, обратившаяся в сторону экономического либерализма, энергично поддержанная в этом направлении Екатериной II, неожиданно обращается вспять к указам первой половины века и через них к § 8 Регламента Мануфактур-Коллегии.

Вызванный представлением Мануфактур-Коллегии апрельский указ 1764 г. с новой энергией возрождает борьбу с „безуказными фабриками“; они безусловно воспрещаются; к розыску их привлекаются частные лица: доносы поощряются наградами — половиной конфискованного по доносу имущества.

Каково происхождение и смысл этой архаической меры? Финансовая политика и податные соображения, вызванные манифестом 1763 г.,—с одной стороны, сословно-экономические притязания класса „указных фабрикантов“—с другой: таковы слагаемые; указ 1764 года—их равнодействующая.

Однако, для 60-х годов 18 в., особенно в виду закрепления социально-экономической мощи шляхетства, старый институт „указных фабрикантов“—уже анахронизм. С другой стороны, и податные соображения не оправдывали борьбы с „вольным производством“: было и проще, и выгоднее обложить новоположным сбором все, в том числе и ремесленные производства. Как видно из дела тверского прядильного цеха, эта последняя мера и подсказывалась правительству снизу задолго до ее формального закрепления по манифесту 1769 г. [98]). Эта же мера положила предел дальнейшим колебаниям законодательства в вопросе об „указном“ и „вольном“ производстве. Эта политика колебаний хорошо отразилась и в мотивировке отказа по челобитью Святогорова, и в именном 2 июня 1764 г. указе Сенату [99]).

[95]) П. С. З., XVI № 11880 § 10 и XXV № 18442, 16 марта 1798 г. Указ 9 декабря 1762 г. принимался иногда элементарно, просто и буквально: так, ссылаясь на него, заводчик Баташев, обремененный „партикулярными долгами“, бил челом о выдаче ему пособия. (Сенат. Архив, т. XIV, стр. 518, дело 6 ноября 1764 г.).

[96]) Краткое изложение, см. Сенат. Архив, т. XIII, стр. 219.

[97]) П. С. З., XVI № 11985. (8 дек. 1763 г.).

[98]) Ср. Сборник Р. И. О., т. X, стр. 329; т. XLIII, § 1.

[99]) Сенат. Архив, т. XIV, стр. 259.

В свете приведенных данных яснее становится смысл и история известного указа 19 апреля 1767 г., прекращавшего борьбу с безуказным производством: все конфискованное имущество безуказных фабрикантов возращалось по принадлежности; было решено впредь до будущего рассмотрения никакие рукомесла и рукоделие, какими городские жители пропитание себе промышлять могут, не запрещать, и все взятое с так называнных безуказных фабрик хозяевам возвратить. „Но о сем, добавляет законодатель, без особливого нашего указу не публиковать“ [100]). Манифест 17 марта 1775 г., исключавший самую возможность каких-либо разрешений для заведения промышленных предприятий, не давал таким образом ничего, кроме юридической санкции давнему явлению быта [101]).

Мы закончили наши наблюдения над материалом Тверской канцелярии. Но он же позволяет поставить на очередь еще один вопрос, который возвратит нас к первым страницам настоящей работы.

С недоумением останавливается исследователь перед данными фабрично-заводской статистики 18 в., фигурирующими обычно в ученой литературе: 434 или 984 „фабрики“ для 1762 г. и 2048 или 3161 „фабрика“ для 1796 г. Каково реальное значение этих цифр? При изучении тверских „фабрик“ слишком странным представляется малое количество их (4) для 1765 г. Во всяком случае непонятен колоссальный рост тверской промышленности второй половины 18 в.: за следующие 18—19 лет количество „фабрик“ увеличилось более, чем в 25 раз, и к 1783—4 г.г., если брать цифры „Генерального Соображения“, Тверь насчитывала 102 „фабрично-заводских“ предприятия [102]). В качестве об'яснения возможна ссылка на рост Твери и обращение ее в центр тверского наместничества; возможно общее замечание о росте русской промышленности и в частности шляхетских „фабрик“ и „мануфактур“ именно за означенный 20-летний период екатерининского царствования. Приведенные соображения, может быть, оправдают количественный рост тверских предприятий до общей суммы—102 к 1783—84 г.г. С другой стороны, ссылка на тверской пожар 1763 г., не только разбивший промышленную жизнь тверского „фурштата“, но и самое существование его поставивший под вопросом, укажет, быть может, на причину малого числа „фабрик“ к 1765 г.

Есть, однако, иное и на наш взгляд наиболее выразительное толкование столь „мощного“, казалось бы, развития тверской промышленности.

Различие статистических показаний отражает лишь различие оснований и техники фабрично-заводской статистики 60 и 80 годов 18 века. Первоначально учитывались и подлежали обложению одни лишь „указные“ производства; „безуказные“, „вольные“ долгое время игнорировались и чаще по настоянию „настоящих“ фабрикантов уничтожались. Борьба фискальных и социально-экономических интересов, завязавшаяся вокруг этого вопроса, велась с переменным успехом, пока, наконец, указами 1767—1775 г.г. не была прекращена совершенно: указные разрешения и дозволения были отменены, но зато безуказные производства наравне с указными были обложены оброчными деньгами. Тогда, догадываемся мы, в ведомостях начинают фигурировать не только „фабрики“ и „заводы“, но „рукоделия“ и „рукомесла“.

Действительно, в ведомостях 1774 г. в числе прочих и очень крупных производств значатся мелкие кустарные мастерские: Санктпетербургского прядильного цеха мастера Степана Клишина канатная фабрика с

[100]) П. С. З., XVIII, № 12872.
[101]) П. С. З., XX, N. 14275.
[102]) В. Покровский (т. I, стр. 132) насчитывает 105. Но ср. Генеральное Соображение по Тверской губ. (Тверь, 1873 г.), стр. 21.

производством 150 пудов за год; СПБ. купца Ивана Набатова—50 пудов за полугодие; кожевная сыромятная Московской ямской слободы ямщика Михаила Нуцкого (50 кож за полугодие); наконец, в Москве, на Арбате, в приходе Филиппа апостола, карточная фабрика Сергея Беляева" с одним работником [103]).

Так и в Твери: в 1765 г. показана только одна указная канатная фабрика Святогоровых и ни одной прядильной. Однако, с ней конкурируя, рядом существуют задолго до нее возникшие девять канатно-прядильных, но безуказных производств мастеров прядильного цеха Алексея Монина с товарищами. В 1783—4 г.г. (по Генеральному Соображению) в Твери показаны: 1 канатная и 10 прядильных „фабрик", т. е. почти то самое количество их, которое фактически существовало за 20 и может быть за 200 лет до того.

Если справедливы наши соображения для тверской промышленности, они помогут разобраться в подлинном значении всех данных фабрично-заводской статистики всего екатерининского царствования. В частности, несомненно придется ограничить столь категорически высказанное в литературе утверждение о колоссальном росте русской промышленности за 34 года царствования Екатерины [104]). Те же наблюдения можно перенести и в 19 в., долгое время сохранявший статистические приемы конца 18 в. На подобном же статистическом недоразумении были основаны, между прочим, и наблюдения над „уменьшением" числа фабрик во второй половине прошлого века.

Ив. Полосин.

---

[103]) Чулков, VI, кн. 3, стр. [illegible]95, 65[illegible], 709.
[104]) Туган-Барановский, стр. 41.

К истории промышленности и труда во второй половине 17 века.

Бумажная мельница на реке Яузе.

1.

Начало возникновения бумажного производства в России следует отнести еще ко времени Ивана Грозного. Рафаэль Барберини, посетивший Москву в 1565 году, рассказывая про русских, говорит: «Затеяли они также ввести делание бумаги и даже делают, но все же еще не могут ее употреблять, потому что не довели этого искусства до совершенства» [1]. Это свидетельство подтвердилось купчей от 1576 г. (найденной среди неизданных грамот Коллегии Экономии), в которой при определении границ продававшейся вотчины упоминается некий Федор Савинов, «который бумажную мельницу держал». Эта первая русская бумажная фабрика была расположена около села Каннино-Вантеевка в 30 верстах от Москвы [2].

Как видно из купчей, в 1576 году бумажная мельница уже бездействовала. Но важен самый факт основания служилым человеком вблизи Москвы первой туземной бумажной фабрики. Очевидно, начало книгопечатания в Московском государстве заставило подумать о необходимости заведения местных русских бумажных мельниц, но фабрика просуществовала, сравнительно, очень недолго и не смогла вырабатывать фабрикаты достаточно хорошего качества.

После этой неудачной попытки до конца первой половины 17 в. нет никаких сведений о насаждении русского бумажного производства. Около этого времени Василий Бурцев устроил бумажную мельницу, для чего пригласил из-за границы пруссака Фрума, который, по отзыву же самого Бурцева, «в бумажных снастех учеников русских людей научил», но по неизвестным

---

[1]) „Сын Отечества", 1842 г., ч. II., № 7, стр. 23.

[2]) Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве (Спб., 1891 г.), стр. 85—86.

обстоятельствам стал проситься на родину и в 1641 году с разрешения царя покинул Россию [3]).

Между тем разбухавший бюрократический аппарат Московского государства с его многочисленными приказами требовал все больше и больше бумаги. Патриарх Никон для сокращения расходов на бумагу приказал в 1665 г. построить особую бумажную мельницу для печатного двора. Эта новая русская бумажная фабрика была устроена на р. Пахре около села Зеленая Слобода (село того же названия существует и в наше время в Бронницком уезде, Московской губ.). Наблюдал за ее постройкой человек, имевший в этом деле уже определенный опыт, Василий Бурцев. Бурцева вскоре сменил «целовальник бумажного дела из суконной сотни» Лукьян Григорьев Шпилькин. Из приходо-расходных записей, которые вел Шпилькин, мы узнаем, что на этой бумажной мельнице было шесть рабочих: главный бумажный мастер Иван Самойлов, его помощник—хлебный мельник Матвей Христофоров, мастера бумажного дела Иван Маковецкий и Яков Вертанский, черпальщик Кодрат Марков и подчерпальщик «белорусец» Иван Яковлев. Через полтора года главный мастер сдал на печатный двор 75 стоп бумаги, но бумага оказалась «черной», годной только для переплета книг. Не успело производство бумаги стать на ноги, как сама мельница в марте 1657 г. была разрушена весенним наводнением [4]).

Но временные неудачи в истории бумажного производства не изменили основного курса торгово-промышленной политики Московского государства, всячески поощрявшего во второй половине 17 в. попытки к организации местных промышленных предприятий. Так, уже в 1660 году по челобитью крупного голландского купца, жившего в Москве, Ивана фан-Сведена разрушенная бумажная мельница на р. Пахре, состоявшая в ведении Патриаршего Приказа, была ему отдана «на оброк», сроком на 6 лет «из выделки» с условием «в те годы ему, Ивану, те мельницы построить и призвать бумажных самых добрых мастеров из немецкия земли», которые должны были непременно обучить русских людей всем тонкостям бумажного производства, чтобы «впредь бумажное дело стало, и в том бумажном деле в. государя впредь была прибыль». По прошествии этих урочных лет мельница оставалась за фан-Сведеном «на оброке» в продолжение 10 лет «без перекупки» с условием поставки с мельницы ежегодно «по 100 стоп самыя добрыя писчия бумаги против немецкого

[3]) Н. Рожков, Происхождение самодержавия в России, стр. 157.

[4]) Н. П. Лихачев, стр. 83—84.—Крижанич, с ненавистью относившийся к „немцам“, по этому, вероятно, поводу делает замечание: „Невем, коею хитростью немцы ослепиша наших людей, да завершен бысть завод бумажного делания на Руси“ („Русское государство“, № 1, стр. 34).

образцу». При передаче имущества прежней разрушенной мельницы фан-Сведену оно было оценено в «290 рублев 10 алтын 4 деньги» [5]).

Были ли иноземные мастера выписаны из-за границы, не знаем. Но от 1668 года сохранилась челобитная самого фан-Сведена, из которой видно, что в 1667 году он ездил в Амстердам по своим коммерческим делам, где приказал своим доверенным людям «торговому человеку иноземцу Исаку Николаеву сыну Рунцу до корабельного дела мастера Давыду Бутлеру призвать мастеровых людей». Указанные лица исполнили данное им поручение и наняли девять мастеров, дав им «паемные деньги по договорной». Пятеро из них прибыли в Москву, а четверо, хотя и взяли задаток, остались в Амстердаме.

Фан-Сведен между прочим указывает, что «нанимал же он иноземцев по указу из Приказа Тайных Дел» [6]). Очень возможно, что среди этих мастеров были специалисты по бумажному производству. Но в 1669 г. фан-Сведен, задававшийся необычайно широкими планами постройки и организации под Москвой, сверх бумажной мельницы, стеклянного и суконного завода при условии получения от московского правительства жалованной грамоты на Ивановскую волость со всеми угодьями, внезапно умирает. Его вдова не могла привести в исполнение смелые предпринимательские замыслы своего мужа, и в 1674 году у нее отобрали Ивановскую волость с угодьями и крестьянами за неплатеж денег в Приказ Большого Дворца [7]). Но ставшее уже на ноги бумажное производство жена его продолжала вести, как сообщает Кильбургер, бывший в Москве в 1674 году [8]). Она даже, по всей вероятности, сама вела общее наблюдение за ведением дела, что ясно из ее челобитной в 1674 году по сыску ее беглого человека; в этот год подрядился с ней «к бумажному ее промыслу в работники Ивашко турченин и запись с поруками ей на себя дал, что ему Ивашке по той своей записи и по договору у ней работать безо всякие хитрости и не збежать, а деньги по договору взять у нее сполна» [9])

[5]) Дополнения к Актам Историч., т. XI, стр. 111.

[6]) I отделение Госархива (б. гл. Арх. Минист. Иностр. Дел); Голландские дела. 1668 г., № 3. О значении Приказа Тайных Дел, как инициатора целого ряда промышленных предприятий во второй половине XVII в., см.: А. И. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, г... 4.

[7]) Там же, Приказные дела старых лет, 1674 г., № 376.

[8]) Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича (Киев, 1915 г.), стр. 117.

[9]) I отд. Госархива, Голландские дела. 167[illegible] г., 23 августа, № 4.

2.

В истории русской обрабатывающей промышленности 17 в. постройка бумажной мельницы на р. Яузе в 1673 г. составляет любопытный эпизод.

В русской исторической литературе, посвященной вопросам истории экономического быта, до сих пор встречаются и высказываются не совсем верные взгляды по вопросу о возникновении этой русской бумажной фабрики. Так, в предисловии к документам по истории постройки и организации бумажной мельницы на р. Яузе говорится, что «жившим в Москве торговым немчиною Иваном фан-Сведеном были приглашены в Москву из Весланской земли из г. Эссена два иноземца... В первой половине 1673 г. они приехали в Москву» [10]). И другой исследователь утверждает, что «в 1673 г. на Москве была бумажная фабрика голландского купца Ивана фан-Сведена» [11]). То же повторяет Б. Г. Курц: «Иван фан-Сведен пригласил из Вестфалии двух иноземцев для бумажного дела и они прибыли в начале 1673 года в Москву.. Ив. Шведен скоро умер». Ошибка Курца еще досаднее в том отношении, что в другом месте он правильно указывает годом смерти фан-Сведена 1669 г. [12]). Все сведения об интересующей нас мельнице начинаются с 1673 года. А фан-Сведен умер, как мы знаем, в 1669 году, следовательно, никакой инициативы в организации ее он проявить никак не мог.

Указанных исследователей смутило, вероятно, то обстоятельство, что работавшие по постройке ее иноземные мастера Яган Отендоль и Берент Отендоль, действительно, были вызваны из Эссена в Россию Иваном Сведеном. Но только документы совершенно не говорят о годе их приезда в Москву [13]). Как мы выше указали, сам Сведен ездил в Амстердам в 1667 году для найма мастеровых людей на службу в Московском государстве. Возвращаясь обратно ввиду поздней осени уже не морем, а сухим путем через Германию, Сведен легко мог в Эссене нанять еще двух человек мастеров для организованной им на р. Пахре бумажной мельницы.

Кильбургер, бывший в Москве годом позже (в 1674 г.), сообщает про бумажную мельницу на р. Яузе следующее: «Одна

---

[10]) „Чтения", 1907 г., кн. II, Смесь: О бумажной мельнице в Москве на р. Яузе (1673—1676 г.г.). Сообщ. С. А. Белокуров, стр. 45.

[11]) А. С. Мулюкин, Очерки по истории юридич. положения иностранных купцов в Моск. государстве (Одесса, 1912 г.), стр. 206.

[12]) Б. Г. Курц, стр. 317—318 (см. прим. 5 на стр. 17).

[13]) „Чтения", 1907 г., книга II. Смесь, стр. 59.

мельница лежит на р. Пахре... Другую же царь велел двум мастерам, которые неохотно ушли из прежней мельницы, выстроить на Яузе близ города Москвы» [14]). Итак, новая бумажная фабрика на Москве возникает по инициативе самого московского правительства, бюрократический аппарат которого требовал большого количества бумаги [15]). Техническая же часть организации нового предприятия была поручена двум иноземным мастерам, специально командированным для этой цели с уже функционировавшей бумажной фабрики, основанной Сведеном и принадлежавшей в 1673 году его вдове.

Действительно, 19 мая 1673 года вышел царский указ, согласно которому было предписано «на реке на Яузе, в котором месте наперед сего бывала мельница, что построена была ис Пушкарского приказу для зелейные и пороховые казны, и в том месте завести к бумажному строению мельницу, и анбары и всякие заводы, что к тому делу надобно» [16]).

Спешность работы, очевидно, требовала того, чтобы бумажная мельница была построена уже на приспособленном месте, на котором находилась до этого мельница Пушкарского приказа. Место это было расположено под Новою Немецкою Слободой [17]), которая тогда находилась «за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы реки», т. е. вверх по реке Яузе, на месте нынешних кварталов, прилегающих непосредственно к Немецкой улице [18]).

На следующий же день было приказано немедленно приступить к переносу прежних построек на другое место, «где пристойно, из Пушкарского приказу тотчас, чтобы затем бумажному строению всякие мельнишные заводы не стали» [19]). Финансирование нового промышленного предприятия было всецело передано приказу «Володимирские чети»: «а деньги на то мельничное строенья и за лесные запасы подрятчиком и плотником и всяким работным людем по подрядным записям от дела давати из доходов Приказа» (Владимирской чети) [20]). Главный надзор за всеми работами на ее постройке был поручен Артамону Сергеевичу Матвееву, который, сидя в Посольском приказе, давал руководящие указания. Подготовительные работы начались не-

---

[14]) Б. Г. Курц, стр. 117.

[15]) Еще Коллинс указывал на то, что дьяки „изводят невероятное количество бумаги" (Зап. Моск. Арх. Института, т. XV, стр. 144).

[16]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 47.

[17]) Там же, стр. 51.

[18]) Там же. Предисловие С. А. Белокурова, стр. 45. Д. В. Цветаев, Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований (Москва, 1890 г.), стр. 252—253.

[19]) Там же, стр. 47.

[20]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 47.

медленно. Так, уже 26 мая семь ямщиков из Дорогомиловской слободы перевезли «с старого Сафьянного двора («что у Земляного города») на бумажную мельницу»—«300 древ лесу 4-х и 5-и сажен», за каковую перевозку было уплачено 25½ рублей [21]).

«Подрятчики, плотничного дела мастеры», стрельцы приказа полковника Василия Бухвостова — числом 16 человек — взяли подряд «в приказе Галицкие чети»—построить целый ряд деревянных строений «для бумажного заводу мельницу». Плотники рядились построить «анбар, где быть мельнице с ступами» (главное здание бумажной мельницы)—площадью в 42 кв. сажени. В анбаре высотой 5 сажен должны были быть «два моста»: один пол, настланный на землю, под другим же «мостом» надо разуметь. по всей вероятности, доски, положенные для технических целей на известную высоту над ступами, где подвергалось обработке тряпье.

В анбар вела очень массивная дверь «с колоды», свет проникал через «большие красные» окна, расположенные по 8 на каждой стороне здания. Кроме того, плотники обязались проконопатить стены мохом («сомшить»); сверху амбар был покрыт тесом и «скопою» (березовой корой — для предохранения тесовой крыши от просачивания влаги). Около такого амбара должна была находиться большая «изба пять сажень кругом поземная белая»; судя по описанию, это двухэтажное здание с 9-ю большими «красными» окнами в первом этаже и с 2 «мостами» (надо думать, что второй мост должно понимать в смысле, подобном уже отмеченному выше).

Во втором этаже избы («чердаке») тоже должно было быть 9 окон. Сзади большого амбара плотники обязались «прирубить» два амбара «в длину и поперег по 3 сажени, а те два анбара з большим мельничным анбаром, длиною 10 сажень, в них трои двери с колоды, два окна красных».

Назначение этих амбаров не совсем ясно; возможно, что они служили в качестве подсобных фабричных помещений для главного большого амбара, т. е. в них находились приборы, приводившиеся в движение силой воды посредством мельничных колес, установленных здесь же («да к тем же анбарам сделать, где колесам ходить, анбарец, покрыть сколою и драньюю»)[22]). Кроме этих построек плотники подрядились вбить сваи, «под трубы хворост класть и песок сыпать», а равным образом сделать все главные деревянные приспособления, нужные при производстве бумаги. колеса, ступы, «стаппор» и «гребенья».

[21]) Там же, стр. 48—49.
[22]) Там же, стр. 59.

За всю эту работу из материала, предоставленного казной, подрядчики просили «150 рублев денег и 10 ведр вина». Ими были получены 75 руб. в виде задатка. В документах мы не находим точных указаний, целиком ли исполнили рядившиеся плотники подряд, т. е. были ли все упомянутые в договоре здания построены, как требовала тогдашняя техника бумажного производства. Из того, что бумажная мельница работала несколько лет и выработала известное количество стоп бумаги, следует думать, что главные фабричные строения были возведены.

Кроме указанных строений немного позднее (точных дат документы не дают) крестьяне Карп Федоров и Иван Гордеев, оба «подрятчики и плотники с товарищи подрядилися»—«поставить две избы 4-х саженных, а в них делать нутра, стены вытесать и выскоблить и по 6 окон доспеть волоковых, да по окну косящному».

В этих избах внутри предполагалось устроить «лавки кругом с опушками»; в этих избах же предположено было поставить печи. От каждой избы шла деревянная труба («да спереди у обеих изб по трубе по три доски в трубу»), что указывает на несомненный характер этих изб как помещений для технических целей (для промыванья тряпья).

Обе избы имели просторные четырехсаженные сени, находившиеся под одной и той же крышей («сверщить те сени с избами под один верх, а крыть дранью») [23].

Те же самые плотники должны еще «срубить поварня... 1 окна косящных... а в той поварне клей варить, да поставить рубленой анбар в моху в длину 5 сажен, а в ширину 3 сажени». Избы, поварня и амбар предположено было покрыть дранью со сколою (содранная береста) [24]. Назначение этого последнего амбара не ясно. На обязанности этих же плотников лежало устройство ворот, одних новых и перенос старых на другое место: «да у того же заводу доспеть ворота створные а покрыть их тесом з зубцами.... а другие ворота перенесть, где нам укажут». За всю работу Карп Федоров «с товарищи... рядили... от того государева дела 55 рублев денег». Половину их они получили в виде задатка [25].

[23]) Там же, стр. 62.

[24]) Словарь церк.-слав. и русск. языка, составленный 2 отделением Акад. Наук, т. IV (Спб., 1847 г.), стр. 128.

[25]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь стр. 60. На бумажную мельницу было доставлено очень много разнообразных лесных материалов, закупленных „у кадашевца у Фильки Анофреева сына лесника": 100 дубан 3-х саженных „на свои", „на анбар 200 бревен 8 сажен, в отрубе 6, 7 и 8 вершков", еще „200 бревен 6 сажен", 120 досок, 1.500 „тесниц доброва тесу", 2.000 скал добрых, бревен для забора и т. д. 12 июля „леснику Филипу" было уплочено „за всякой лес, что у него взят" для бумажной мельницы 987 рублев 20 алтын. Там же, стр. 53—54.

В таком виде представляются нам те строительные работы, которые должны были дать в результате целый ряд построек для нужд бумажного производства.

Что работа по постройке нужных зданий шла полным ходом, видно из следующих обстоятельств; в течение мая, июня, июля и августа взято «у под'ячего у Ивана Коровина 35 рублев денег к бумажной мельнице и на всякие покупки». В числе купленных предметов упоминаются: 10 заступов, 10 лопат, 2 «причалки тонкие», «лычные веревки», одна «кирка, что землю копают», 1 точило, веревки, ушат, ведро, шайка и 43 воза моху для прокопоначивания стен. Из этих же денег было заплачено 14½ р. в разные сроки работникам, производившим перевозку разных материалов и работы на постройке мельницы [26].

Все здания бумажной мельницы на р. Яузе были окружены высоким забором (высотой в 20 трехсаженных бревен), состоявшим из 100 звеньев. Таким образом площадь, занятая мельницей, в окружности имела около 300 сажен.

Плотники «Калинка Карпов с товарищи, четверо человек», подрядившись с 1 июля «забрать 100 звен забору» за «20 рублев», вскоре уже совсем окончили свою работу [27].

Непосредственный технический надзор за постройкой зданий был поручен уже упомянутым двум иноземным мастерам Ягану Отендолю и Беренту Отендолю (последнего чаще называли русские документы Борис Андреев), которые по приказанию Алексея Михайловича были командированы с бумажной мельницы вдовы Сведена на р. Пахре.

Мастера-иностранцы немедленно же принялись за работу: «тот Яган да Борис учали мельничные бумажные заводы на р. Яузе строить мая з 19 числа нынешнего 181 году» [28].

Из челобитной плотника Гришки Иванова об уплате ему жалованья можно думать, что работы по постройке бумажной мельницы еще в августе месяце были в полном разгаре: «тот Гришка Иванов всякие бумажные мельничные заводы, что надобно, июня с 15 числа августа по 5 число нынешнего 181 года делает беспрестанно». По всей вероятности, в ближайшее же время было начато само приготовление бумаги, так как в приходо-расходном столбце Владимирской чети значится, что в 1675 году бумага, выделываемая на бумажной мельнице на р. Яузе, сдавалась в приказе «Новой Оптеки» [29].

[26]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 56.
[27]) Там же, стр. 56—57.
[28]) Там же, стр. 59.
[29]) Там же, стр. 57, 61.

3.

В истории бумажного производства вообще и русского в частности — наибольший интерес вызывает вопрос о технике самого производственного процесса. Техника этого вида производства в те времена была очень примитивна. Несмотря на то, что во второй половине 17 в. в Германии и в Голландии уже входил в обиход новый аппарат для размола тряпья (голландр или рол), вытеснявший старые толчейные аппараты, на бумажной мельнице на р. Яузе дело велось старым способом. Обычно при таком способе производства тряпье подвергалось в кучах гниению, варилось и потом промывалось водой; измельчение тряпья обыкновенно происходило в толчеях при мельничных жерновах, приводимых в действие водяной силой [30]). Насколько позволяют судить документы, обработка тряпья на бумажной мельнице на р. Яузе совершалась подобным же способом.

Действительно, бумага делалась из тряпья, которое сортировалось, обчищалось и приготовлялось для обработки особыми рабочими—«трепишниками». Для проваривания тряпья 25 июня 1673 года была куплена баня на Рождественке и перевезена на Яузу на территорию бумажной мельницы [31]). Проваренное, сильно размягченное тряпье, очищенное и отбеленное при помощи квасцов, превращалось в густую массу толчением в особых ступах, представлявших собой плотную долбленую колоду [32]). Такие ступы находились на Яузской бумажной мельнице в самом большом амбаре, представлявшем собой центральное фабричное здание. Обработка тряпья в ступах путем превращения его в однообразную густую массу производилась особыми дубовыми пестами, в которые были вбиты железные шипы. Таких пестов плотник Гришка Иванов сделал 44 штуки, и к ним же кузнецы «Моисей Микитин да Таганной слободы тяглец Степан Ларионов» сделали «400 шипов в песты, что бумагу толкут, а рядили мы о тех шипов от десятку до 20 алтын». Из хозяйственных документов, относящихся к постройке Яузской мельницы, можно составить себе общее представление о том, каким способом на ней тряпье перерабатывалось в бумагу. Из подряда на постройку анбаров и изб явствует, что в самом большом здании, в большом амбаре, помещались ступы «для толчения трепиц»; к тому же

[30]) Большая Энциклопедия, изд. „Просвещение“ (3 изд.), т. IV, стр. 62.

[31]) „Чтения“, 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 54.

[32]) „Ступы мельничные—долбленая колода, кряж, в которую бьют окованные песты“.—В. Даль, Толковый словарь русского языка (Москва, 1905 г.), т. IV, стр. 559.

[33]) „Чтения“, 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 58.

амбару непосредственно были «прирублены» еще 2 амбара; рядом же с ними вплотную был построен небольшой амбар, в котором помещались мельничные колеса. Тяжелые дубовые песты поднимались при помощи какого-то вала, на котором были сделаны для этой цели особые «кленовые пальцы»: «на вал вытесано 250 пальцев кленовых, чем поднимать песты в ступы» [34]).

Точных представлений о том, каким именно образом происходило механическое толчение тряпья в ступах тяжелыми дубовыми пестами, опускаемыми и поднимаемыми на «кленовых пальцах» вращающимся валом, из чтения документов не создается. Но в другом подряде, заключенном плотниками Карпом Федоровым и Иваном Гордеевым «с товарищи», говорится о том, что они кроме изб и других строений подрядились «зделать 3 дубины длиною 4-х саженных, а в двух дубинах сделать 8 ступ 2-х аршинных, а третью дубину выгранить в 3 грани и растерть пилами да в кряж зделать по ступе и тех всех будет 10 ступ» [35]). Несомненно только одно, что ступы были высотой в два аршина и делались из очень плотной и толстой колоды, «кряжа» [36]). Естественно, что толочь тряпье в ступах такого размера ручным способом было невозможно. Но толклось ли тряпье в одной и той же ступе одновременно только одним пестом или несколькими, неизвестно.

Кроме ступ на бумажной мельнице были в употреблении, по всей вероятности, бочки; так, упомянутые нами кузнецы должны были сделать 52 железных обруча. Возможно, что в этих бочках происходило предварительное распаривание измельченного тряпья, после чего оно уже поступало в ступы для превращения его путем толчения пестами в однородную густую массу. Эта густая масса черпалась из ступ и разливалась тонким слоем на особых железных листах (формах), называвшихся «терками»: («на терку 2 листа двойных... железа» [37]).

Окончательная очистка и отбелка бумаги производилась при помощи квасцов, но и после этого серой бумаги получалось довольно значительное количество. Так, из производства 1675 г. получилось на 290 стоп хорошей бумаги из'яну 110 стоп серой и легко пропускающей чернила бумаги. Для того, чтобы бумага не пропускала чернил, ее клеили. Во время клеения и окончательной отделки бумаги тоже получался известный процент брака [38]). Проклейка производилась клеем, варившимся из бараньих ног в особой «поварне» на территории же бумажной мельницы.

---

[34]) Там же, стр. 50, 55, 58.
[35]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 60.
[36]) См. Значение слова „кряж" у В. Даля, т. II, стр. 533.
[37]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 55, 62.
[38]) Там же, стр. 62.

Какова, однако, была себестоимость бумажного производства? На этот вопрос документы в одном месте дают сжатый, но исчерпывающий ответ. Так, из дьячей пометы от 13 сентября 1676 г. видно, что на доделку 134 стоп с лишним бумаги было приказано выдать 62 р. 24 алтына Еремею Левкину «из доходов Володимирские чети». Предварительно Левкин представил смету на доделку указанного количества бумаги. По его смете требуются следующие материалы: «10 пудов квасцов по рублю по 20 алтын пуд, итого 16 рублев; 3 сажени дров сухих 6 рублев; на клей 30.000 бараньих ног по 10 алтын 1.000, итого 9 рублев; 2.000 саж. верви тонкой, чем бу(магу) в стопы вязать, рубль 20 алтын; на терку два листа двойных... железа, 4 алтына; да мастерам с работники за дело... по 8 алтын по 2 деньги от стопы, итого 30 рублев. Всего на запасы и мастеру с работники дать 62 рубли 24 алтына» [39]).

Таким образом, себестоимость одной стопы бумаги, приблизительно, равнялась 15 алтынам, не считая стоимости «тряпиц» и погашения расходов по постройке и организации бумажной мельницы. Кильбургер указывает, что «когда цена на бумагу высоко подымается, такая туземная продается по 1 рублю стопа». Далее он говорит про цены привозной бумаги: «хорошая шутовской колпак бумага стоит теперь в лавках 160 коп., а французская почтовая бумага малого формата—140 копеек стопа», а самая дешевая привозная бумага («белыя лилии или трава кувшин») стоила около рубля (90 коп.). Поэтому можно предположить, что качество бумаги, выделываемой на Яузской мельнице, едва ли могло быть ниже указанного сорта иностранной бумаги.

При упоминании о бумажной мельнице на р. Яузе Кильбургер говорит, что «там еще мало работают». Действительно. 4 или 5 сотен стоп бумаги, вырабатывавшиеся на этой мельнице, были очень незначительным количеством в сравнении с цифрами привоза бумаги в 1671 г. (28.479 стоп) и даже 1673 г. (8.033 стопы и 2 кипы бумаги).

При сравнении себестоимости стопы бумаги с максимальной ее продажной ценой в лавках можно вывести заключение, что местное производство бумаги при продаже таковой стопами давало прибыль, приблизительно, в 100%. При тогдашних условиях внешней торговли московского государства такая прибыль не могла быть очень заманчивой для частного предпринимателя, так как при затруднениях в морском транспорте (иностранные корабли приходили в Архангельск только один раз в год) цены быстро повышались и понижались [40]), что давало возможность ловким купцам путем спекуляций наживать большой барыш на

[39]) Там же, стр. 61, 62.

[40]) Б. Г. Курц. Кильбургер, стр. 116—117, 143, 146, 148.

бумаге, спрос на которую так увеличился во второй половине 17 века в Московском государстве.

Что касается размеров выработки бумаги на новой фабрике, то как документы, так и замечания Кильбургера, что «там еще мало работают», вполне подтверждают друг друга. Производство только налаживалось и не давало ощутительных результатов на тогдашнем московском рынке.

4.

Весь технический надзор за постройкой бумажной мельницы и организацией самого производства, как было уже указано, был поручен двум иностранным мастерам: Ягану Отендолю и Беренту Отендолю, которые были наняты Сведеном «в Весланской земле в городе Ессене». По письменному договору мастера обязались у него жить «на бумажных заводах» 4 года, и за это «найму на год давать: Ягану по 110 ефимков, Беренту по 60 ефимков, да им же сверх того пить и есть его Иваново» [41]).

Но когда они перешли на новую бумажную мельницу на р. Яузе, условия договора были несколько изменены: вместо стола натурой было решено выдавать каждому деньгами: по 2 рубля человеку в месяц. Потом размер кормовых денег был увеличен до 3-х руб. в месяц.

Уже 19 мая по указу от того же числа оба иностранца начали работать по постройке и организации бумажной мельницы. С первого же дня оба мастера принялись быстро приводить в осуществление проект постройки новой бумажной фабрики. Специальности обоих заграничных квалифицированных мастеров были строго разграничены: Яган был мастером «бумажного дела», а Берент—мастером «плотничьего дела» [42]).

Несмотря на сильное желание «на верху» как можно скорее построить новую бумажную фабрику, формализм московских приказов оставался неизменным. Материальные условия труда обоих иноземцев-мастеров были не блестящи: уже в начале августа ими была подана челобитная, в которой они просят выдать причитающиеся им кормовые деньги [43]). Вскоре им было выдано за июнь, июль и август.

Кроме двух упомянутых нами мастеров-иноземцев на бумажной мельнице еще были: два плотника и 5 «тряпишников»—рабочих, производивших сортировку и обработку тряпья. Ограничи-

[41]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 59.
[42]) Там же, стр. 59, 61.
[43]) Там же, стр. 58.

вался ли ими штат фабрики, сказать трудно. Один из плотников получал «кормовых денег»—2 рубля в месяц, другой 1 р. 25 алт.; каждый же из «трепишников»—по 1 рублю [44]).

Главной причиной перехода мастеров-иноземцев на новую Яузскую бумажную фабрику было, конечно, приказание, исходившее от имени Алексея Михайловича из высших приказных сфер, озабоченных организацией собственного бумажного производства в Москве. Хотя Кильбургер и говорит, что эти мастера «неохотно ушли из прежней мельницы», однако, условия их труда на р. Пахре на мельнице не были очень хороши. Еще при жизни самого владельца, заключившего с ними договор в Эссене об уплате им в год определенной заработной платы, часть таковой не была выплачена в срок. По указу от 6 июля 1678 года эти деньги было велено «Посольского приказу приставу Козме Данилову» взыскать с вдовы Сведена в пользу Ягана 95 рубл. 23 алтына 2 деньги, а Берента 58 рубл. 9 алтын 2 деньги. Но и с переходом на новую фабрику мастера не добились аккуратной выплаты заработка. Те же два иноземца вместе «с товарищи» били челом в 1675 г., «чтоб вел. государь пожаловал свое государево жалованье, кормовые деньги на апрель и май, и на июнь месяцы велел им выдать, чтоб им дела не отбыть и врознь не разбрестися, а у государева де дела они бывают неотлучно» [45]).

Как мы видим, на Яузской бумажной мельнице работали наемные рабочие: кроме двух главных мастеров иностранцев, работали еще плотники и тряпичники, по всей вероятности русские (документы безусловно отметили бы их иностранное происхождение), которые получали определенную заработную плату.

5.

Бумажная мельница на р. Яузе, основанная по инициативе казны в 1673 г., очевидно, не оправдала коммерческих расчетов: производство медленно становилось на ноги. Правительству при таких обстоятельствах не было никакого смысла нести целиком на себе все заботы, связанные с функционированием этого промышленного предприятия. Так, из тех же документов мы узнаем, что в 1675 г. в качестве посредника между приказами и фабрикой выступает новое лицо голландец Еремей Левкин (Herman Leefken), который совмещает в себе все обязанности управляющего или арендатора фабрики, ведет переписку с приказами, получает суб-

[44]) Там же, стр. 61.
[45]) „Чтения“, 1907 г., кн. II. Смесь. стр. 60

сидии и т. д. [46]). Таннер, посетивший Москву в 1678 г., считал эту фабрику частновладельческой. Действительно, уже в 1676 г. числилось официально, что «на р. Яузе бумажная мельница в откупу за иноземцем за Еремеем Левкиным со 184 по 189 год» [47]).

Дальнейшая судьба этой бумажной фабрики неизвестна.

Суммируя наши сведения о бумажной мельнице на р. Яузе, надо отвергнуть мнение, будто она «была фабрика Сведена, а не казенная» [48]). Иван фан-Сведен умер за четыре года до постройки этой фабрики, и так как фабрика была казенная, то и все оборудование производилось на счет казны: «из доходов приказу Володимирские чети» и друг. Во всех подрядах, заключавшихся поставщиками материалов и подрядчиками строительных работ, их работа называется: «ево великого государя делом». Только с 1676 г. эта фабрика сдается на откуп голландцу Еремею Левкину, но не лишается субсидий и заботы со стороны казны.

Правительство всячески старалось привлечь иностранцев в Россию и поощрить их предпринимательскую инициативу, чтобы путем обучения русских людей приемам западно-европейской промышленной техники можно было создать кадры местных русских квалифицированных рабочих. Вот почему так часто многие промышленные предприятия в 17 веке возникали в пределах разнообразных отраслей царского, т. е. казенного хозяйства [49]).

История этого нового опыта насаждения русской бумажной промышленности в 17 веке дает возможность сделать несколько выводов общего характера. Бумажное производство в России даже по тогдашним понятиям не стояло на уровне техники своего времени: как мы видели, бумага выделывалась примитивным старинным способом. К тому же в России в конце 17 века не хватало тонкого тряпья, из которого только и можно было делать бумагу хорошего качества. На это указывал и Кильбургер, давая сведения о бумаге среди прочих товаров, которые «Россия хотя сама имеет, но не в достаточном количестве и отчасти должна покупать у других наций». «Бумага, говорит он, несмотря на то, что теперь около Москвы две бумажных мельницы, однако же там не может делаться по недостатку тонких тряпок, но ежегодно привозятся большие партии французской, голландской и немецкой бумаги».

---

[46]) „Чтения", 1907 г., кн. II. Смесь, стр. 62. См. также расписки в получении денег на голландском языке, I отд. Госархива (бывш. Гл. Арх. М. И. Д.). Приказные дела новой разборки № 561, л.л. 3, 4 и 6.

[47]) „Чтения", 1891 г., кн. III, Бернгард Таннер, стр. 70.—Доп. к Акт. Историч., т. VII. № 66, стр. 312.

[48]) А. С. Мулюкин, Очерки по истории юрид. положения иностр. купцов в моск. государстве, стр. 216.

[49]) И. М. Кулишер, Очерк истории русской промышленности (Петроград, 1922 г.), стр. 90.

В силу этого бумага русского производства оказывалась очень неважного качества, и последователи своеобразного русского меркантилизма, ведущего свое начало от Новоторгового устава 1667 года, не имели никакой возможности надеяться, чтобы эта бумага могла вытеснить иностранную. Не только промышленные предприятия, возникавшие из той или другой отрасли царского хозяйства, но и всецело частновладельческие (заведения фан-Сведена на р. Пахре, суконный завод Ильи Тауберта и др.), несмотря на целый ряд поощрительных льгот от правительства, не могли достигнуть той степени мощности, когда бы вырабатываемые ими фабрикаты могли вполне удачно конкурировать с иностранными товарами. Тем не менее эти скромные промышленные предприятия с небольшим количеством рабочих послужили первым шагом к созданию настоящей русской промышленности в 18 веке.

Г. Новицкий.

Очерк истории труда в России.

XV *).

Отмена крепостного права и первый момент в истории русского капитализма (эпоха Рейтерна).

Крепостное право было формально отменено в России 19 февраля 1861 года, несомненно, под давлением все возраставших крестьянских волнений и под влиянием тех новых хозяйственных явлений, о которых у нас шла речь в предыдущей главе. Но крестьянство не принимало никакого участия в выработке Положения 19 февраля 1861 г., и потому содержание этого законодательного акта сложилось в результате борьбы разных дворянских и бюрократических групп.

В результате при осуществлении реформы получились прежде всего крестьянское малоземелье, чересполосица крестьянских земель с частновладельческими и очень высокие выкупные платежи, к выгоде крепостников и богатых и знатных дворян—крупных земельных собственников; при этом, впрочем, и дворяне-либералы типа тверского губернского предводителя Унковского, мечтавшего о конституции, но видевшего в дворянстве почти единственную культурную силу, которая способна была бы поддержать конституционный строй, и бюрократы-аболиционисты, являвшиеся в то же время сторонниками сохранения самодержавия, вроде Н. А. Милютина, и славянофилы типа Самарина, отстаивавшие теорию „достаточности надела“ и желавшие сохранения в значительной мере вотчинной юстиции и полиции, волостного суда и розги,—все они не шли дальше сохранения за крестьянами той площади земли, которою последние пользовались при крепостном праве.

Малоземелье выразилось в двух характерных явлениях: в „отрезках“, т. е. в передаче помещикам по крайней мере пятой части той земли, которая была в собственной обработке и владении крепостных крестьян, и создании „нищенского“, „сиротского“, „четвертного“ надела, т. е. надела, равного четверти высшей надельной нормы, назначенной для данной губернии, и потому ничтожного, но дававшегося без выкупа. Это наделение нищенскими наделами особенно практиковалось богатыми и знатными помещиками, являвшимися сторонниками освобождения крестьян без земли и без выкупа. В результате оказалось, что при освобождении крестьяне были освобождены прежде всего и больше всего, как сейчас будет показано, от земли, в значительной степени обезземелены.

Чересполосица при разверстке угодий проводилась чрезвычайно широко: помещичьи земли вдавались клиньями в крестьянские, отрезывали

*) См. „Архив истории труда в России“, кн. 5, с—7, с.

последние от водопоя, леса, сенокоса, большой дороги. Крестьянину некуда было податься от господской земли и приходилось сильно платиться за неизбежные при такой чересполосице потравы помещичьей земли крестьянским скотом.

Наконец, выкупные платежи за землю, оставшуюся в уменьшенном количестве у крестьян и перерезанную чересполосицей, были непомерно высоки. При выкупе правительство уплатило дворянам 900 миллионов рублей (около 400 мил., впрочем, пошли на покрытие долгов правительственным учреждениям—сохранным казнам—за заложенные в них дворянские имения), а с крестьян взыскано было, несмотря на неоднократные сокращения выкупных платежей и на сначала половинное, а потом и совершенное прекращение их в 1907 г. вместо 1932 г., как должно бы быть по закону, $1^1/_2$ миллиарда рублей [1]. Еще в 90-х годах выкупные платежи, к тому времени значительно уменьшенные, составляли 75% всех лежащих на крестьянской земле сборов—государственных, земских и волостных.

К этому надо еще прибавить, что до 1882 года существовала старая подушная подать, а когда после ее отмены введен был поземельный налог, то, так как он раскладывался земствами, а состав земских собраний в большинстве был некрестьянский, десятина крестьянской земли оказывалась сплошь и рядом обложенной поземельным налогом вдвое тяжелее, чем десятина земли некрестьянской. Статистическое исследование установило для 70-х годов несомненный дефицит в крестьянском земледельческом хозяйстве, покрывавшийся только сторонними заработками—отхожими промыслами и кустарной работой [2].

Наконец, чтобы исчерпать полностью данные, касающиеся внутренних условий, в каких находилось тогда крестьянское хозяйство, надо отметить еще сохранение многочисленных обломков крепостного права—волостных судов, волостного и сельского управления с характером государственной полиции, повинности, а не самоуправления и защиты местных интересов, телесного наказания, наконец—произвольной власти, сначала мировых посредников, потом непременных членов крестьянских присутствий и с 1889 года земских начальников. Урезанным до крайности и лишенным в 1890 г. даже и последней тени самостоятельности оказалось и представительство крестьян в земских учреждениях.

Но в последнее время справедливо указано М. Н. Покровским [3], что к этому ряду внутренних условий присоединялось еще одно очень важное, внешнее: сельско-хозяйственный, прежде всего земледельческий, кризис, потрясший мировой хлебный рынок и страшно понизивший цены на хлеб во второй половине 19 в., вследствие конкуренции дешевого заокеанского хлеба—аргентинского, австралийского, южноафриканского, в особенности же северо-американского и канадского. Этот кризис, понизив земельную ренту в Англии на 30%, в Германии на 50% [4], не мог не отразиться и у нас: капиталистическое сельское хозяйство встретило здесь огромное препятствие на пути своего развития.

Таким образом внешние условия поддерживали в России не капиталистическое, а крепостническое сельское хозяйство. В том же направлении действовали и изложенные выше условия внутренние.

---

[1]) Лосицкий, Выкупная операция.

[2]) Янсон, Опыт исследования о крестьянских наделах и платежах.

[3]) М. Покровский, История России 19 в. (изд. бр. Гранат) и его же Русская история с древн. времен.

[4]) Каутский, „Аграрный вопрос".

В самом деле: малоземелье и чересполосица вызывали необходимость аренды крестьянами помещичьей земли; но так как крестьяне не имели денег, а помещики большей частью лишены были средств оплачивать деньгами наемный труд и часто не имели собственного живого и мертвого инвентаря или имели его в недостаточном количестве, то оплата аренды отлилась в формы отработок и испольщины. Таким образом оказывалось, что помещичья земля обрабатывалась крестьянским инвентарем, причем отработки являлись с хозяйственной точки зрения не чем иным, как старой барщиной, а испольщина—аренда из половины или вообще какой-либо доли продукта—была типичной крепостной формой оброчного держания земли. В результате крепостническое хозяйство являлось основной чертой тех экономических отношений, какие сложились в России последних трех десятилетий 19 и в начале 20 веков в русской деревне. По тем статистическим данным, какие имеются в распоряжении исследователей, русское сельское хозяйство было лишь наполовину капиталистическим, а наполовину крепостническим [5]). Это очень тяжело отражалось на положении сельскохозяйственного труда. Установлено, что при отработочной и испольной аренде труд фактически оплачивался по крайней мере вдвое ниже, чем при найме на сельские работы за деньги.

Но формальная отмена крепостного права все же поставила на очередь вопрос о капиталистическом развитии России. И в 70-х годах 19 в. министр финансов Рейтерн, типичный либеральный бюрократ эпохи Александра II, задался целью разрешить этот вопрос практически. Его программа была широко задумана. Он хотел развить железнодорожное строительство в России, понимая, что железные дороги являются сильнейшими проводниками капитализма. Затем он имел в виду протекционизм—сравнительно умеренный, не крайний. Далее Рейтерн поставил себе задачей скопить золотой фонд, который послужил бы основой отмены бумажной валюты и введения свободного размена кредитных билетов на золото.

Для всех этих целей, особенно для железнодорожного строительства, требовались большие капиталы, в значительной степени и иностранные. Отсюда пошло широкое развитие внешних займов. Займы эти большею частью были весьма невыгодны для России и русской казны: они оплачивались высоким процентом, реализация их стоила дорого вследствие высокой оплаты банкиров-посредников, наконец займы были срочные и даже часто краткосрочные и заключались с гарантией правительства. Такая же гарантия и субсидии были отличительными чертами устройства и железнодорожных обществ, основывавшихся русскими капиталистами [6]). Многие дороги оказались при этом дутыми, бездоходными, даже убыточными предприятиями. Горячка железнодорожного строительства и вообще первые шаги в развитии русского промышленного капитализма, как это было всегда и везде, сопровождались крайней спекуляцией, ажиотажем, хищничеством. Понятно, что наиболее страдающей стороной от этих непременных свойств грубо-хищнического капитализма являлись трудящиеся. Русские рабочие 70-х годов эксплуатировались до чрезвычайности: не было и признаков ни рабочей организации, ни фабричного законодательства, рабочий день отличался чрезвычайной продолжительностью, заработная плата была крайне низкой. Недаром же именно к 70-м годам относится начало нового рабочего движения в России—первые стачки фабричных рабочих нового типа, первые движения русского фабричного пролетариата. И в области индустрии таким образом крайнее угнетение труда напоми-

[5]) Вл. Ильин, Развитие капитализма в России.
[6]) Мигулин, Русский государственный кредит.

нало полукрепостнические условия труда в сельском хозяйстве. Несомненно, что эти сельскохозяйственные условия влияли также и в области индустрии, порождали или поддерживали и здесь отсталые хищнические формы.

При всем том эпоха Рейтерна, если бы она не была прервана дворянской реакцией, послужила бы исходным пунктом развития русского промышленного капитализма. Но как раз этот реакционной перерыв и случился.

Как ни половинчаты были реформы, они все же порывали со старыми дворянскими традициями и грозили гибелью дворянскому государственному порядку и самодержавию. Поэтому реакционные круги русского дворянства решили найти внешнюю поддержку русскому самодержавию путем образования на Балканском полуострове новых славянских государств, построенных также на принципе самодержавия. Это и было сознательной целью русско-турецкой войны 1877—78 годов [7]). И хотя эта цель не была достигнута, потому что балканские славяне сербы и болгары—перешли к буржуазно-конституционным порядкам, но русско-турецкая война разрушила финансовые и экономические планы Рейтерна, истощила весь скопленный им золотой запас и тем уничтожила возможность введения золотой валюты и, следовательно, решительного перехода к капитализму. На время Россия была „подморожена", как об этом тогда и потом мечтал один из самых талантливых русских реакционных писателей Константин Леонтьев.

XVI.

80-е и 90-е годы 19 века и первое пятилетие 20 века.

Сельское хозяйство России оставалось наполовину крепостным вплоть до революции 1905 года. Наполовину крепостным оставался, следовательно, и крестьянский труд. Тем не менее и процесс развития капитализма даже в сельскохозяйственном производстве давал себя знать, и бедственное положение крестьянства влияло в свою очередь. В результате оказывалась сильная пролетаризация крестьянства.

Если считать население России (без Финляндии и Польши) по переписи 1897 г. в 130 миллионов человек, то окажется, что 22 миллиона или 17% были уже тогда пролетаризованы. Из этих 22 миллионов 10 миллионов приходилось на фабричный пролетариат с семьями и до $3^1/_2$ миллионов составляли рабочие, занятые в сельском хозяйстве [8]). Остальное приходилось на транспортных и ремесленных рабочих, прислугу и проч.

Параллельно процессу пролетаризации—отрыва от земли и от формально-самостоятельного сельского хозяйства—шло социальное, классовое расслоение внутри крестьянства. Крестьянином в собственном, классовом (экономическом), а не сословном (юридическом) смысле этого слова называется тот, кто занимается земледелием на собственной земле и обрабатывает ее сам, без наемных рабочих, с помощью только своей собственной семьи. Это и есть типичный крестьянин-середняк. По данным той же переписи 1897 г., если их критически обработать, оказывается, что 64% всего населения —свыше 83 миллионов—составляли именно такие крестьяне.

[7]) Такое происхождение войны 1877—78 г.г. превосходно выяснено М. Н. Покровским в его „Русской истории" и в „Истории России 19 в.", изд. бр. Гранат.

[8]) Перепись населения Росс. империи 1897 г., вып. 8; данные здесь цифры критически обработаны Лосицким в его статье в „Современном Мире".

Но к крестьянскому сословию принадлежало тогда 80% всего населения, т. е. 104 миллиона человек. Значит, свыше 20 миллионов перешли уже в деревенскую бедноту, полупролетариат, или в зажиточную буржуазию. Распределялись они между обеими этими группами приблизительно поровну.

Пролетаризации и классовому расчленению крестьянства содействовали в конце 19 в. и в начале 20 в. процессы и явления, характерные для сельскохозяйственного развития России того времени.

Тяжелое положение крестьянства обостряло в нем чувство земельного голода. Отсюда происходили крестьянские аграрные волнения, стихийное стремление крестьян к переселению и жажда приобретения земли.

Правительство России того времени, которое становилось все более смешанным—дворянско-буржуазным по своей социальной природе, противодействовало всем тенденциям крестьянства. Крестьянские волнения усмирялись вооруженной рукой. Переселению противопоставлялись полицейские меры: боялись вздорожания рабочих рук в деревне. Всячески стремились сохранить возможно больше земли в дворянских руках.

Но все было напрасно, и пришлось поневоле пойти на уступки. Первой из них было некоторое облегчение податного бремени. В начале 80-х годов отменена была подушная подать и заменена поземельным налогом, падавшим уже не на одно крестьянство, а затем последовали сокращения выкупных платежей. Несмотря на это, крестьянский бюджет улучшился очень мало: дефицитность продолжала составлять его характерную черту [9]).

Второй уступкой явилась организация крестьянского переселения за Урал. Сначала переселялись по несколько десятков тысяч человек в год, потом переселенческая волна достигла 200—300 тысяч ежегодно [10]). При всем том переселение не только не оказалось в силах утолить земельный голод, но не могло покрыть и ежегодный прирост населения в местностях, откуда шли переселенцы.

Наконец, по плану министра финансов Бунге учрежден был крестьянский земельный банк. Без сомнения, Бунге желал учреждением крестьянского банка несколько ослабить земельную нужду крестьянства и тем укрепить существовавший государственный строй. Но об'ективные условия оказались могущественней суб'ективных заданий.

Прежде всего банк выдавал отдельным, единоличным покупщикам земли через его посредство несравненно бо́льшие ссуды, чем крестьянским обществам и товариществам, совершавшим покупки коллективно. Поэтому главная масса земли переходила к единоличным покупщикам, более зажиточным.

Затем выдавались ссуды не в полном размере стоимости имения или земли, покупаемой через банк, а сначала лишь в размере 75% этой суммы, и только потом в размере 90%. Остальное приходилось занимать за колоссальные проценты у частных ростовщиков, т. е. у тех же деревенских кулаков, в руки которых и переходила бо́льшая часть земель, покупавшихся товариществами и даже отчасти крестьянскими обществами.

К тому же приводили высокие ежегодные платежи процентов и погашения: они доходили до 7% в год.

Таким образом результат совершенно не соответствовал заданию: крестьянский банк не облегчил малоземелья, а увеличил классовое расслоение крестьянства, обогатив землей сельскую зажиточную буржуазию.

[9]) Щербина, Крестьянские бюджеты.
[10]) Колонизация Сибири, офиц. издание.

Такова была та сторона деятельности крестьянского земельного банка, которая обрашена была к крестьянству. Другая ее сторона обращена была к дворянству и ярко свидетельствовала, что учреждение возникло в условиях самодержавного режима, фактически действовало в дворянских интересах. Крестьянский банк увеличил цены на землю в несколько раз, содействовал развитию земельной спекуляции и помог дворянству выгодно ликвидировать значительную часть своих земельных богатств. Помогло этому и то, что под конец, перед революцией 1905 г., крестьянскому банку разрешено было покупать за свой счет крупные имения и перепродавать их крестьнам по частям. Прямо и непосредственно интересам дворянства служил учрежденный одновременно с крестьянским банком дворянский земельный банк, оказавшийся, однако, также не в силах сохранить в прежних размерах, тем более развить дворянское землевладение и в свою очередь способствовавший ликвидации значительной его части на условиях, выгодных для дворянства.

Так, несмотря на все меры, хозяйственное положение крестьянства не улучшилось в конце 19 и в начале 20 века. Положение крестьянского труда оставалось попрежнему тяжелым. В результате—сильнейшее аграрное движение 1903 года и времени первой революции 1905—1907 годов.

80-е и 90-е годы 19 в. и первое пятилетие 20 века были эпохой, когда осуществлена была—на этот раз более удачно—новая, вторая по счету попытка развития промышленного капитализма в России, связанная с именем Витте.

Основу всей промышленной политики Витте составлял усиленно-покровительственный таможенный тариф, установленный в 1891 г. предшественником Витте Вышнеградским. Этот тариф был развит и закончен Витте в 1892 г. и оградил ряд русских фабричных предприятий от иностранной конкуренции. Надо, впрочем, заметить, что нередко слишком высокие тарифные ставки задерживали развитие индустриальной техники, давая возможность сохраняться отсталым предприятиям. Кроме того, в отдельных случаях, напр., по отношению к сахароварению, оказывалось усиленное покровительство устарелым дворянским предприятиям, которые без такой поддержки неминуемо погибли бы.

Оградив промышленность от внешней конкуренции, необходимо было гарантировать ей новые хорошие пути сообщения, непременное условие широкого сбыта товаров. То же диктовалось и условиями сельскохозяйственного рынка, заставлявшими облегчить вывоз русского хлеба главным образом через южные, черноморские порты. Отсюда произошла усиленная постройка железнодорожных линий. Было проведено до $23^1/_2$ тысяч верст новых железных дорог. Вместе с тем введен был новый общий железнодорожный тариф, уничтоживший конкуренцию между различными железными дорогами, удешевивший провоз товаров и облегчивший положение производственных районов, лежавших вдали от портов и вообще мест сбыта.

Третьим необходимым условием развития промышленного капитализма было упорядочение денежной системы, замена бумажной валюты золотою, свободный размен на золото кредитных билетов, неразменных уже с половины 19 столетия: только в таком случае возможен был прочный кредит и выгодный внешний обмен и устранялись потери от постоянного колебания рубля, курс которого часто менялся не только вследствие политических и экономических влияний, но и от воздействия спекуляции. Для введения золотой валюты составлен был золотой фонд, установлен новый золотой рубль, по весу равный двум третям старого. Формально это не была девальвация, понижение денежной единицы, так как основной денежной единицей в России считался серебряный, а не золотой рубль, но

реально девальвация все-таки была произведена, так как действительность опередила закон и давно заменила серебряный рубль золотым.

Наконец, приняты были меры к развитию промышленного, технического и коммерческого образования: основаны были такие высшие учебные заведения, как Петербургский Политехнический институт и ему подобные в других городах, коммерческие училища, технические и торговые школы и классы.

В результате оказалось, что производство чугуна в России за изучаемое время утроилось, производство стальных и железных изделий увеличилось также втрое; количество добываемого угля возросло на 78%, добывание нефти увеличилось в 10 раз. Сильно содействовало этим успехам то обстоятельство, что промышленность и не в одной только России переживала тогда подъем.

Но это же обстоятельство вызвало усиленную борьбу русских рабочих за улучшение условий труда,—началось и оживилось стачечное движение, пока под чисто экономическими лозунгами.

Напряженная экономическая борьба помогла рабочим в отдельных случаях несколько улучшить свое положение, создать отдельные просветы в непроглядной раньше тьме грубо-хищнической эксплуатации. Эта же борьба заставила правительство сделать первые опыты фабричного законодательства. Сюда относятся законы об учреждении и деятельности фабричной инспекции, законы 1882 г. о работе малолетних, 1885 г. о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на прядильных и ткацких фабриках, 1897 г. о продолжительности рабочего времени и 1903 г. об учреждении старост на фабриках и заводах.

Все эти законы, сами по себе очень узкие, нимало не отражавшие интересов и потребностей труда, имевшие в виду лишь внешне успокоить рабочих кажущейся уступкой, на деле не имели совершенно никакого значения. Не вдаваясь в подробности, следует, напр., отметить, что по закону 1897 г. установлена была норма продолжительности рабочего дня в 11½ часов, сама по себе непомерно большая. Однако, и эта нормировка теряла всякое значение вследствие введения сверхурочных работ, тем более, что максимальная продолжительность их оставалась неопределенной [11]). Любопытен также тот процесс перерождения, который произошел с институтом фабричной инспекции. Институт этот был вызван к жизни тою же борьбой рабочих за свои интересы, приведшею к изданию первого из фабричных законов, выше перечисленных,—закона 1882 г. о нормировке труда малолетних. Раз издан был первый фабричный закон, необходимо было следить за его исполнением. Отсюда и вышла фабричная инспекция. Но очень скоро оказалось, что фабричная инспекция на деле не орган надзора за фабрикантами в деле исполнения ими постановлений фабричного законодательства, а полицейский орган, призванный предотвращать стачки и уведомлять полицию о начинающихся рабочих волнениях. В 1903 г. предполагалось даже прямо передать фабричную инспекцию из ведомства м-ва финансов в ведение м-ва внутр. дел, т. е. открыто признать фабричных инспекторов полицейскими чиновниками [12]). На это, однако, не решились, но сущность дела была та же.

Жизнь, интересы рабочих при развивавшемся капитализме требовали появления профессиональных рабочих организаций. Правительство и класс предпринимателей не могли и не хотели допустить существования этих боевых экономических пролетарских организаций. И вот, вместо них придуман был в 1903 г. институт рабочих старост, обязанных официально

[11]) М. Г. Лунц, Сборник статей (М. 1909), стр. 20.
[12]) Ср. статью М. Балабанова в настоящей книге. *Ред.*

представлять рабочие интересы и заявлять о них. Повидимому, думали этим предотвратить стачки и даже, кажется, предполагалось сделать фактически ответственными старост за возникновение стачек. Конечно, этот суррогат не помог беде: он не удовлетворил ни рабочих, ни власть и вообще очень плохо привился к жизни и ненадолго удержался.

Те огромные перемены, которые, как мы видели, произошли в положении труда в России со времени отмены крепостного права, сказались и на положении интеллигентского труда и на идеологии и психологии демократической по составу и настроению интеллигенции. Капитализм сильнейшим образом расслоил интеллигенцию, бросил ее верхи, экономически более обеспеченные, в об'ятия буржуазии, а низы заставил искать выхода из создавшегося положения на ряду с массами трудящихся. Сначала, пока промышленный капитализм в России находился в пеленках, интеллигенция шла под знаменем народничества. Социалистически настроенная, сознающая, что и ее материальные интересы, и чувство собственного достоинства, не допускающее пользоваться жалкими подачками буржуазии и услуживать ей, влекут к социализму и массам физического труда, демократическая интеллигенция с легкой руки Герцена, кающегося дворянина, нашедшего в крестьянстве олицетворение социальной правды, усмотрела в крестьянской земельной общине и кустарной артели зародыши социализма и „пошла в народ" открывать ему глаза на его социалистическую природу. Это, однако, оказалось не столь легким в силу инертности и буржуазных тенденций самого крестьянства и вследствие противодействия полицейской власти государства. Тогда мирная пропаганда „Земли и Воли", которой посвящали себя и пропагандисты-лавристы, последователи Лаврова, и бунтари-бакунисты, сторонники Бакунина, превратилась в террор „Народной Воли", руководимый Желябовым. Параллельно этому совершался идеологический перелом, появились разрушительные, отрицательные теории, —базаровщина, типичным представителем которой был Писарев, возводивший разрушение в принцип, и бакунизм, самым ярким выразителем которого на практике стал Нечаев. Капитализм в его первоначальных зародышах вызвал рабочих на путь социалистической самоорганизации, и отсюда вышел Северный союз русских рабочих во главе с Халтуриным и Обнорским. Наконец, 80-е и особенно 90-е годы создали русский марксизм во главе с Плехановым. Марксисты, вышедшие из пропагандистских кружков 80-х и 90-х годов, помогли рабочим массам в их стачечной борьбе, внесли в нее организованность и сознательность. Но в большинстве своем марксистская интеллигенция, увлеченная успехами экономической борьбы в период промышленного под'ема, отдалась чистому экономизму, и социал-демократической партии, основанной в 1898 г., а потом группе „Искра" пришлось вести упорную борьбу с „экономизмом" во имя завоевания власти и ниспровержения старого государственного порядка, буржуазно-дворянского самодержавия.

Борьба эта и наступление первой революции были облегчены тем кризисом, который постиг русское народное хозяйство к началу 20 в. и был обострен войной с Японией.

Периодичность, свойственная капиталистическому хозяйству вследствие присущей ему анархии, несогласованности производства с потреблением, сказалась и у нас: вслед за под'емом, благоприятной кон'юнктурой наступил неизбежный при капитализме экономический кризис. Рабочие стали терять все свои немногие экономические приобретения и убедились на практике, что с одной экономикой, без завоевания власти, нельзя обеспечить себе прочных и действительных достижений.

Кризису в области промышленного капитализма и рабочего сознания соответствовали крестьянские волнения, обострение аграрного вопроса. А главное сам капитализм запутался в собственных противоречиях. Он пролетаризировал значительную часть крестьянства, социально расслоил крестьянскую массу, создал множество пауперов-бедняков, лишил—рука об руку со старой государственностью и ее устарелой финансовой системой—массу населения ее покупательной способности и тем бросил русскую внешнюю политику в уродливо-империалистические авантюры, в поиски новых рынков на Дальнем Востоке. К тому же думали, что война с Японией, легкая и победоносная, отвлечет внимание от внутренних язв и успокоит революционное движение. Но война оказалась не легкой и не победоносной и вместо того, чтобы распутать положение, только окончательно его запутала и обострила.

В результате всего этого сочетания общественных сил получилась революция 1905—1907 годов.

XVII.

В эпоху между двумя революциями.

Первая революция, в 1905 году, не увенчалась успехом. Правящие классы сумели разделить трудящиеся массы. И прежде всего на время притихло крестьянство.

Для его успокоения приняты были особые меры. Усилено было переселение, составлен фонд в $8^1/_2$ миллионов десятин казенной и удельной земли и передан крестьянскому банку для перепродажи крестьянам, отменены выкупные платежи. Так как в то же время уменьшена была под влиянием аграрного движения арендная плата за землю и повышена заработная плата сельскохозяйственным рабочим, то крестьянство в значительной мере успокоилось. Рабочие были разбиты по частям, так как отдельные слои рабочего класса выступали разрозненно, не одновременно вследствие различной степени их сознательности и организованности [13]).

Правящие классы озаботились упрочением своей победы над трудящейся демократией России. И здесь на помощь им должна была прежде всего притти новая аграрная политика, проводниками которой были Столыпин и Кривошеин.

В основу этой политики положена была мысль об организации в России зажиточного, „крепкого", проникнутого собственническими инстинктами крестьянства, которое могло бы служить надежной опорой социального и политического консерватизма—буржуазно-капиталистического строя и самодержавной монархии, слегка прикрытой думской мнимой конституционностью.

Для осуществления этой цели издан был указ 9 ноября 1906 г., превратившийся, после утверждения его государственной думой и государственным советом, в закон 14 июня 1910 г., и Положение о землеустройстве.

Уничтожение чересполосицы, разрушение общины, введение хуторского и отрубного хозяйства—вот основные тенденции этих законодательных мер. Несомненно, ими насаждалось в значительной степени зажиточное крестьянство и в то же время пролетаризировался крестьянский полупролетариат. Оба слоя крестьянства—верхний и нижний—росли таким образом на счет крестьянина-середняка. Социальное расслоение деревни

[13]) Это выяснено в статье Вл. Ильина в журнале „Мысль" за 1910 год.

пошло усиленным и ускоренным темпом [14]). Этим создавались предпосылки для окончательной ликвидации крепостнического сельского хозяйства в России и для успехов аграрного капитализма.

В то же время наступил новый период промышленного под'ема. Характерно, однако, что под'ем этот далеко уступал по своей высоте под'ему 90-х годов. Железнодорожное строительство свелось в десятилетие между 1905 и 1914 г.г. только к $16\frac{1}{2}$ тысячам верст новых дорог. Средний годовой прирост выплавки чугуна составлял в это время лишь $9\frac{1}{2}$%, тогда как в 90-х годах он доходил до 22%; прирост добычи угля равнялся за 1905—14 г.г. только 37%, тогда как в 90-ые годы он доходил до 78%, нефти в 1901 г. было добыто 706 милл. пудов, а в 1913 г. только 559 милл. пудов [15]). Было ясно, что политический строй окончательно перестал соответствовать экономическому содержанию общественной жизни, откуда и произошла задержка в самом темпе хозяйственного развития.

Русский капитализм одной своей чертой—необыкновенным распространением крупных по своим размерам предприятий—как будто указывал на широту размаха, на высокую степень развития: в Бельгии количество предприятий с числом рабочих не менее 500 составляло 28% всего числа предприятий, а в России 53%; процент предприятий с 1000 и более рабочими был в России не менее, чем в Германии [16]). Надо, однако, заметить, что значительная часть крупнейших русских заводов были казенными, т. е. государственно-капиталистическими, что они большей частью работали в убыток, т. е. капиталистически-неправильно, нецелесообразно, так что эта черта большой процент крупных предприятий—требует поправки.

Но помимо того целый ряд признаков указывал на отсталость русского капитализма в промышленности, как он сложился между двумя революциями.

Прежде всего он далеко не обслуживал внутреннего рынка: вычислено, что только 25% всей потребности России в продуктах индустрии покрывались собственным производством, 75% давались заграничной промышленностью, так что Россия на три четверти была иностранной колонией.

Особенно ярким и показательным признаком отсталости русского капитализма явилось то, что производство средств производства было в России ничтожно,—почти все в этой области вывозилось из-за границы. Даже тогда, когда делались опыты выработки средств производства в России, обыкновенно легкие части машин изготовлялись за границей и привозились в готовом виде в Россию, а у нас производились лишь тяжелые их части, перевозка которых стоила бы слишком дорого.

Затем русская индустрия отличалась весьма значительной технической отсталостью, чему способствовал и русский уродливо-покровительственный таможенный тариф.

Наконец,—и это не менее важно как признак отсталости,—положение труда рабочих в русской обрабатывающей промышленности совершенно не соответствовало тем его условиям, какие сложились в передовых капиталистических странах. Дело здесь не только в низкой оплате труда в России, но в его неорганизованности. Правда, революция 1905 г. дала формальную уступку: профессиональные рабочие союзы были признаны законными. Но реальных результатов это почти совершенно не имело: во-пер-

[14]) См. Рожков, Аграрный вопрос и землеустройство—в „Соврем. Мире“ 1915 г., март.

[15]) Кафенгауз, Под'ем или кризис? „Совр. Мир“ за 1914 г., апрель.

[16]) См. статьи Туган-Барановского и Милулина в газ. „Речь“ за 1909 г., №№ 305 и 319.

вых, признаны были законом только местные союзы, объединения же в национальном масштабе не допускались; во-вторых, на практике деятельность местных союзов была сведена на нет административными преследованиями, запретами и закрытием. Таким образом, практически профессиональные союзы в период между двумя революциями не являлись активной общественной силой не только в качестве боевой классовой экономической организации пролетариата, какой они должны быть в эпоху капитализма, но даже и в качестве простых обществ взаимопомощи. Экономически русский рабочий класс оставался неорганизованным.

В таком недовершенном, некультурном виде вошел русский аграрный и промышленный капитализм в период войны и переживаемой великой революции. Этот период—уже не история, а современность. Он выходит поэтому из пределов нашего исследования. Ограничимся только одним самым общим замечанием, органически, неразрывно связанным со всем предшествующим изложением: совершенно ясно, что, как показывает история труда в России, интересы трудящихся могут быть защищены и обеспечены только в связи с той грандиозной, мировой задачей, которая сейчас стоит на очереди,—с задачей завоевания социализма. Вне этого нет прочного обеспечения частичных достижений трудящихся, не говоря уже о завоевании нормального положения труда в целом.

Н. Рожков.

Служащие и работные люди у Строгановых в 16—17 веках.

Основные устои торгового капитализма в 16—17 в. в древней Руси зиждились в значительных и характерных своих чертах на факте существования многих торгово-промышленных предприятий, принадлежавших либо коллективным владельцам, либо единоличным хозяевам. Из последних заметную роль играли гости—крупные оптовики-торговцы и организаторы различных промысловых заведений, раскинувшихся по различным хозяйственным районам Московского государства.

Коллективные торгово-промышленные предприятия возникали в силу своеобразных экномических условий развития торгового капитализма древней Руси. Острый недостаток в свободных денежных средствах, дорогой кредит, который можно было получить только у бояр, монастырей и гостей, юридическая несбеспеченнсть в торговых отношениях, высокие таможенные ставки, частые, бессистемные налоги, опасности от воровских людей при транспортировании товаров—все это заставляло маломочных торговцев об'единяться в небольшие группы-компании, которые, складывая свои скромные капиталы, стремились к возможно быстрому товарообороту, только такой товарооборот и давал небольшой процент прибыли при наличии ряда препятствий и препон, лежавших на путях развития русского торгового капитализма в 16—17 в.в. Эти коллективные предприятия обслуживались по преимуществу силами самих компанионов при помощи немногочисленных их дворовых людей; подсобные же в торговом деле работы—транспортирование товаров, их погрузка и выгрузка, упаковка и пр.—производились силами наемных рабочих, набиравшихся в потребном количестве в каждом определенном случае.

Большой интерес представляет выяснение положения той части трудовых элементов, которая была на службе у единоличных владельцев торгово-промышленных предприятий, гостей, т. к. именно последние имели наиболее крупные и капиталистически-поставленные предприятия, где был и больший капитал и большая рабочая сила.

Современный историк, однако, с трудом может учесть внутреннюю жизнь таких крупных частно-предпринимательских предприятий из-за недостатка документальных данных, которые в массе своей до нас не дошли погибнув в развеянных временем частных фамильных архивах. Только не-

которая доля материала, относящегося к истории частных торгово-промышленных фирм древней Руси, и притом материала одностороннего, дошла до нас в остатках приказной переписки. Есть и еще трудность в индивидуальном изучении старинных фирм: она заключается в том, что многие древне-русские фирмы существовали сравнительно непродолжительное время, два-три поколения, и предприятие рассыпалось, уходило частично в другие руки, распадалось и единство делового архива, отдельные документы которого постепенно утрачивались.

Редкое исключение в этом отношении представляет фирма Строгановых, сохранившая свое бытие почти на всем протяжении русской истории московского и императорского периодов и прекратившая свое существование только с Октябрьской революцией 1917 г.

За время своего почти пятисот-летнего существования Строгановы хранили свои архивы, нужные для правильного ведения дел, и некоторые уцелевшие части этих архивов дошли и до нашего времени [1]. В частности, имеется возможность собрать ряд разрозненных данных о служащих и рабочих у Строгановых в 16—17 в.в.

Рабочие и служащие, трудом которых создана была финансовая мощь предприятий Строгановых, давшие им возможность существовать несколько столетий, могут быть для удобства изучения разбиты на категории. Одна группа обслуживает господские дворы в Сольвычегодске, центре управления всеми предприятиями фирмы; вторая группа занята на солеваренных промыслах и других подсобных предприятиях; третья—в торговле Строгановых по рынкам многих посадов и городов.

В настоящем очерке мы остановимся на первых двух группах.

I.

Вскоре после смерти (1570 г.) основателя фирмы Строгановых, Аники Федоровича, все дело поделилось между его сыновьями—Яковом, Григорием и Семеном. Единая прежде фирма распадается на три самостоятельно функционирующих фирмы, но в ведении дела замечается, несмотря на формальный раздел, стремление к единству действий, солидарность в выступлениях на рынке и в организации производства. Братья часто заключают формальные договоры о совместных действиях, и это об'ясняется не столько родственными узами, сколько деловой необходимостью и хозяйственной связанностью поделенных частей предприятий. В единоличном владении состоят соляные варницы в двух солеваренных районах, Пермском и Сольвычегодском, но россольные трубы, по которым россол подавался к варницам, остаются в общем владении: точно также в поделенных землях, находящихся в индивидуальном пользовании, находим общее владение в виде выгонных земель и пастбищ, рыбных ловель и зве-

[1]) А. Введенский, Библиотека и Архив у Строгановых в 16—17 в.в. (в журнале „Север", Вологда 1924 г., кн. III—IV, стр. 69—115, и отдельно).

риных охотничьих мест; в общем владении остаются некоторые товарные склады и транспортные средства, цыренные кузницы и углеобжигательные печи, дровяные склады и судовые пристани.

Это раздельное состояние частей прежде единой торгово-промышленной фирмы, но вместе с тем находящихся в союзном, тройственном управлении, характерно не только для ближайших годов после смерти Аники Федоровича. Такой способ ведения дел остается у Строгановых характерным и для 17 века: постоянно сосуществуют три родственных фирмы, координирующие свои действия.

Разделы имущества, неоднократно происходившие в течение 16 и 17 столетий, каждый раз вели, между прочим, к перераспределению рабочей силы, обслуживавшей хозяйство Строгановых. Основная масса этой рабочей силы состояла из крепостных и кабальных людей и, сравнительно, немногих наемных, число которых, однако, с каждым десятилетием увеличивалось. Значительное количество рабочей силы было сосредоточено в сольвычегодских дворах владельцев, при которых были расположены солеварные промыслы и где находился главный товарный склад и центр управления всех предприятий фирмы.

Каждый из трех сольвычегодских дворов представлял сложное хозяйственное целое с массой разнообразных построек и жилых помещений, где жили рабочие и крепостная дворня хозяев.

Наглядное представление о внутреннем устройстве одного из этих дворов дает „роспись Никитинскому переднему и заднему двору“, составленная в 1622 году. Двор этот находился в соседстве с каменным Благовещенским фамильным собором и занимал большую территорию, спускаясь к самой реке Вычегде, где были расположены свои „судовые пристани“. На переднем дворе находились: „горница белая с комнатою на подклѣтах, против горницы сѣни дощаные, да повалуша бочкою, посторонь повалуши горница черная с сѣнми на подклѣте, за комнатою горенка маленькая на подклѣте же с сѣнми, подле еѣ мыльня на дзрубе (sic!) с сѣнми, да на переднем дворѣ от крыльца переходы к горнице той и до крыльца. Да на переднем же дворе пять погребов, овин с сушилом да анбар запасной, над ним сушило, да у ворот изба, возле избу пристѣн, да анбар болшой соляной, да два сарая, да две поварни: пивная да ѣстовная, да чюланов люцких меж иконною горницею и меж болшою избою, возле Максимов межной тын, двадцать четыре чюлана, да меж мылнею и меж малою горенкою в загороде два чюлана да под сѣнми пять чюланцов, в двоих, обоего тридцать один чюланов [1]). На заднем дворе были расположены: „горница болшая на подклѣте на заднем дворе, да двѣ избы челяденные болшие, да поварня, да погреб люцкой, да мылня люцкая же с сѣнми, да три конюшни, поверх ихъ сѣнницы, да подле конюшни три чюланца, да три свинарника и с хлѣвцы. К тому же двору горници столовая на

1) Фамильный Строган. архив в Петроградском Строган. дворце-музее, столбец от 3 ноября 1731 года.

подклѣте с сѣнми и с крыльцомъ и с лѣстницами, что на переднем дворе з причь мѣста (sic!), подлѣ еѣ горница иконная на подклѣте же, кроме же мѣста да чюланов люцких от горницы, что на заднем дворе, возле огородной тын и до мылни, и с Ларионовскимъ чюланомъ, пятнатцать чюланов, да на другой стороне двора от Максима Яковлевича огорода меж заднею болшею избою и меж погребом люцкимъ шесть чюланов, обоего: дватцать один чюланъ [1]).

В этом перечне строений купеческого двора интересны сведения о двух типах жилых помещений: господских и людских. С одной стороны, на обоих дворах двух-этажные хоромы хозяина с рядом пристроек, повалуш, горниц черных и белых, соединенных многочисленными сенями с чердачками и крытыми переходами с лестницами. Внутреннее устройство этих хором достаточно сложно,—в Федоровском дворе каждая повалуша, например, имеет один, два „жира"—жилых комнаты, основное здание „во дворе хоромного строенья тройня старая на подклетях"—состоит из трех соединенных двух-этажных изб, с рядом „передних", „средних" и „задних" горенок. Напротив этой „тройни" „повалуша старая ж о четыре жира", соединенная сенями с основным зданием [2]).

Внутреннее убранство этих господских хором богато и разнообразно: большие столы с „дубовыми столешницами", богато украшенные киоты в каждой горнице с 24—28 иконами в золотых и серебряных ризах; медная, серебряная и стеклянная посуда; есть здесь и „клетка проволочная попугайская, зголовье деревянное, точеное" и часы „немецкое дело", ковры из бело-медвежьих шкур и всякого рода парчевое, „золотное" платье для парадных выходов, музыкальные инструменты „цимбалы" и пр.

Иную картину представляют помещения „людские", состоящие из „чюланов людских", раскиданных в переднем и заднем дворах, где придется, под лестницами крытых переходов, соединяющих барские жилые избы, примыкающие к „свинарникам с хлевцы". Кроме „чюланов" служащие фирмы живут в больших „челядинных" или „семейных" избах, а то и просто в помещениях для скота—„изба скотья, а в ней живут люди ж ея", говорит опись дворовых строений 1686 г. вдовы Федора Петровича, Анны Никитичны Строгановой [3]).

В Яковлевском дворе по описи 1622 г. мы насчитываем всего 52 людских чулана, 2 избы челядинные, поварню, погреб людской, мыльню людскую; в Семеновском дворе по описи 1686 г. мы имеем 36 людских чулана, одну избу семейную, в которой „живут служащие ея люди", избу столовую, поваренную, мыльню и одну „избу скотью", приспособленную для жилья. Служащих в каждом дворе бывало от 250—300 человек, и таким образом в каждом чулане жило по 3—5 служащих.

[1]) Там же.

[2]) Московский архив минист. иностр. дел. Пр. дела старых лет. 7165 г. Опись л. 112—119.

[3]) Там же, л. 119.

Лучшие помещения были у „дьячков больших", приказчиков-главноуправляющих и стряпчих. Эта дворовая аристократия имеет отдельные помещения. В ее руках находится фактическое управление делами фирмы. Они ведут сводные приходо-расходные книги, составляют отчеты, ведут судебные дела и рассылают приказчиков с товаром для продажи по городам и с различными поручениями по промыслам. Впрочем, роль этих приказчиков не всегда одинакова. Они более самостоятельны в своих действиях, когда во главе фирмы находилась женщина. Обычно же их роль была скромнее,—они только посредствующее звено между хозяином и всей остальной дворней.

Следующий разряд служащих—казначеи, ведавшие денежной наличностью и хранившие богатую домашнюю рухлядь. Деньги хранились в коробьях, которые набивались „мехами" с деньгами. На обязанности казначеев был прием поступавших денежных сумм, их счет, упаковка по „мехам" и наклейка на „мехах" ярлыков с указанием сочтенной суммы и имени считавших казначеев. Они же ведали и „всякую железную рухлядь и варничный запас", у них же хранилось и „пятно железное, чем соль пятнают" и т. д.

В числе дворовых администраторов не малую роль играли „дьячки большие" и стряпчие, специальностью которых было ведение судебных дел и преодоление волокиты в московских приказах. Солепромышленность и торговля Строгановых, их кредитно-ссудные операции в кругу социально-разнообразных клиентов порождали много конфликтов, не всегда разрешавшихся путем мирных соглашений. В каждый данный момент фирма имела неоплаченные претензии третьих лиц, просроченные платежи своих постоянных или случайных клиентов, земельные тяжбы с соседями, наконец, в силу жалованных грамот в руках Строгановых находились суд и расправа в их вотчинах. Разрешение всех этих вопросов требовало советов и знаний опытных практиков-дельцов, и на службе у Строгановых можно, действительно, заметить опытных юрисконсультов-стряпчих. Таким, например, был у М. М. Строганова стряпчий Жданко Воронин, „бивший челом во двор" на службу в 1615 году, причем ему было дано высокое жалованье—30 рублей на год, „да платье ему сулено праздничное по воскресным днямъ и носильное платье сукно ему всякое, как и иным ево братье всякое платье давано на Москвѣ, а на однорядку на носильную и на зипун и на нагавицы в штанов мѣсто посулены ему у Соли—настраеильные им аглинские" [1]). Этот Жданко Воронин, повидимому, происходил из известной стряпческой семьи суздальских Ворониных, давшей много опытных волокитчиков-дельцов Суздальским монастырям, которые переманивали друг у друга высоким жалованием стряпчих Ворониных.

Вообще следует отметить, что этот верхний слой служащих, главных приказчиков и управителей, больших дьячков, казначеев и стряпчих, был

1) Моск. Архив Минист. Иностр. Дел, Строганов. дела, кар. II, духовная М. М. Строганова л. 27—28.

хорошо обеспечен жалованьем и подарками, служившими своего рода тантьемой. Из духовного завещания М. М. Строганова можно также видеть что эта группа служащих отличена от прочих—„а людямъ моим,—читаем здесь,—после моей смерти надѣлка давати, которые мои люди крѣпостные кабальные при мнѣ за дѣлами нашими на Москвѣ жили, и по приказомъ, и в дьячках большихъ были, и в судовом ходу, и в верховских городехъ, и в Пермских вотчинах наших, и у Соли у Вычегоцкие, и жили добро, и которые у наших дѣл близко нас жили у письма, и к намъ радѣнье их и служба прямая была и порухи ни в чемъ не учинят,—и тѣм людям моим, большой статье, давать надѣлка сверхъ ихъ платья и жалованья, што от меня имъ преже сево давано, и сверхъ тово, после моей смерти давати им надѣлка по пятинатцати и по двенатцати рублевъ и по десяти рублевъ человѣку и мене по людям смотря, и по радѣнью, и по разуму, и по службѣ" [1]). Таким образом, мы видим, что люди „большой статьи" после смерти хозяина вознаграждаются годовым жалованьем, в качестве „наделка" и, кроме того, по обычаю и по закону, отпускаются на волю. Но чаще всего, как мы видим по документам, на другой же день после получения воли бывшие вчерашние холопы опять бьют челом в холопство новому хозяину-наследнику, пишут на себя кабалу и вновь служат до своей смерти или до смерти хозяина.

Как же подбирались эти квалифицированные служащие, откуда Строгановы собирали свою „техническую интеллигенцию"? В 16 веке, в эпоху счастливого для Москвы периода войн Грозного с Литвой, Ливонией и Швецией, как в столице, так и по другим городам всегда был „полон"— „пленные немцы" и „литва", которых можно было купить как продажную военную добычу и обратить в крепостную зависимость" [2]). За скупкой полонных людей и тюремных сидельцев-иностранцев ездят в Москву, Ярославль и др. города сами хозяева, и в результате таких поездок к Строгановым попадают „люди русаки по крепостям и полонские люди нѣмцы и литвяки по купчим... иманые и купленые". С другой стороны, переводчики, нужные для сношений с сибирскими инородцами, с которыми велась оживленная меховая торговля, собирались из туземного населения Пермских вотчин. Оно, по заявлениям Строгановых, было их „старинными недругами", почему и можно было не особенно стесняться с такими недругами: туземное население сбивалось в процессе промышленной колонизации со своих исконных земель, земли их осваивались, и население, несмотря на поток жалоб по московским приказам на обидчиков Строгановых, попадало к ним в крепостную или холопскую зависимость. Строгановские документы знают многих „вогуличей, и остяков и татаров, которые в Пермѣ в Государском жалованье по сей день куплены".

Служащие „большой статьи", занимавшие особо ответственные должности в хозяйстве Строгановых в 16 в., обычно были из числа полных

[1]) Там же, л.л. 24—25.

[2]) С. Ф. Платонов, Строгановы, Ермак и Мангазея („Русское Прошлое", Птг. 1923 г. III, стр. 7).

холопов, но в следующем столетии в этой среде все чаще встречаются наемные специалисты. Так, по деловой 1583 г. у Семена Аникиевича из полных холопов были два больших дьяка: „Василий дияк Литвин“ и „Лучка дияк малой“, а у Максима Яковлевича—„Гриша дьяк Батан“. У Никиты Григорьевича в это время был большим дьяком Яков Литвин, позднее сделавшийся управляющим Пермскими вотчинами и бывавший почасту на Печоре, где Строгановы скупали пушной товар.

Роль этих больших дьяков чрезвычайно велика, в их руках сходились нити управления всех предприятий фирмы. Они вели денежную отчетность, ведали учет „мастеровым всяким людям“ и их работу, через их руки проходили назначения на должности приказчиков из дворовых людей, они составляли всякого рода „выписки для памяти о челобитьи“ и при помощи подручных дьячков-под'ячих составляли вотчинные писцовые книги, которые до нас, к сожалению, не дошли, но которые имели важное значение, ложась, вероятно, в основу официальных писцовых книг.

При помощи своих дьяков Строгановы осваивали огромные территории в Перми Великой и выбивали туземное население пермичей с их насиженных земель. Приведем яркий пример.

В 1609 г. были посланы в Пермь Великую писцы дьяк Сарыч Шестаков и под'ячий Второй Ильин для размежеванья Соликамских и Пермских земель со строгановскими. Новые писцы отнеслись добросовестно к своей задаче и начали отмежевывать строгановские захваты и возвращать их прежним владельцам, чего Строгановы не ожидали. Строгановские канцелярии заработали, дьяки сами составили проект писцового описания со ссылками на прежнюю и до тех пор действующую писцовую опись Яхонтова от 1579 г., не вполне удовлетворявшую Строгановых, но с которой они примирились, и послали в Москву, всячески противодействуя по приказам утверждению нового описания. В черновых набросках строгановской писцовой книги мы постоянно встречаем недовольство новым описанием [1]).

И несмотря на то, что описание Сарыча Шестакова, повидимому, было утверждено правительством [2]), Строгановы игнорировали его и продолжали сечь леса для своего варничного промысла в спорных землях, пока не добились при следующем валовом описании Кайсарова (в 1625 г.) включения этих земель в их владения, причем кайсаровский счет населения и учет земель совпал со счетом и учетом строгановских дьяков, с их вотчинной писцовой описью.

Играя значительную роль в хозяйстве Строгановых, занимая высокое положение среди их дворни и будучи обеспечены большими ставками денежного жалованья и одеждой, имея возможность накапливать помимо того и свое состояние взятками, вести параллельно с хозяйским торгом свою торговлю, этот верхний слой служащих жил незавидно в том отношении, что их личность не была ограждена от разного рода покушений со стороны

[1]) Академия наук. Строгановские столбцы, неопис., тетрадь № 23, л.л. 23—24 об.

[2]) Вас. Шишонко. Пермская летопись, период второй, стр. 183. (Пермь, 1882 г.).

властных хозяев. Не говоря уже том, что обычно служивший холопился по служилой кабале и утрачивал свою свободу, каждый служащий подвергался часто риску потерять и свою жизнь. В моменты сильного налогового гнета со стороны правительства на фирму Строгановых в середине 17 в., когда у фирмы не бывало денежной наличности для расплаты с недоимками и частными долгами, эти служащие, посылавшиеся хлопотать по приказам об отсрочках, попадали на правеж и под жестоким боем батогами расплачивались за временную финансовую немощь своих хозяев, и даже в ряде случаев вместо расплаты деньгами служащие посылаются хозяевами со специальной целью „отстаиваться“ на приказном правеже взамен платежа.

Из большого судного дела Афонасья Русинова со Строгановым, полного драматизма, можно узнать много фактов и обычных черточек житейской обстановки, в условиях которых проходила жизнь и деятельность этих служащих. В этом деле рисуются порядки хозяйского управления в Сольвычегодском дворе Ивана Максимовича Строганова, обладавшего вспыльчивым характером и жестоким сердцем, непоследовательного в своих поступках. Он был и неудачливым предпринимателем, и в этом отношении среди дельцов Строгановых за два столетия он представляется исключением. Неудачные спекуляции на Москве привели его к закладу соляных предприятий и вотчин в Перми Великой и к большим долгам московским гостям. В результате своей неумелой коммерческой деятельности Иван Максимович лишился многих своих вотчин и соляных варниц и только энергичное вмешательство родственников и напряженная последующая работа его сына Данила спасли фирму от краха и восстановили ее.

У такого хозяина тяжело жилось рабочим и служащим, в целях „поучения“ которых хозяин нимало не стеснялся ни в средствах, ни в обстановке. Так, например, в 1629 году, в день государева ангела, Иван Максимович „пришед в церковь к молебному пѣнию, бивъ своих людей кнутьемъ, а пришед из церкви иных своих кнутом бил же“.

Властный хозяин, бывший в родстве с семьей царя Михаила Романова, легко на допросе отделался от взводимых обвинений, утверждая, что „людям его и крестьяном в тот день никакова поученья от него не бывало“ [1]). Этому заявлению поверили, и Строганову была выдана царская грамота на его челобитчика Афонку Русинова. Происхождение якобы клеветнического на него челобитья Строганов так об'яснил, когда просил царя, чтобы он „Аѳонкиному ложному челобитью и извѣту вѣрить не велѣл,—потому что он Аѳонка извѣщает на него Івана, хотя избыти своего холопства“. Царская грамота послушно идет за этими об'яснениями и велит Русинова отдать в холопство Строганову потому, что по сыску Русинов у Максима и у сына его Ивана Строгановых жил во дворе

[1]) Моск. архив мин. иностр. дел. Строганов. дела, кн. II, дело 14 июня 7137 г. по 20 окт. 7144, л. 46—48.

исстари, и он подал жалобу на Строганова, „избываючи своего холопства и не хотя у него во дворе служити". Однако, Русинов, чтобы не вернуться на службу к Строгановым, сказал за собою „слово и дело государево", что у Строгановых Максима и сына его Ивана бы удушен в колоде „без отца духовного для государева дѣла" Семейка Ярило и что иные люди у Строгановых „у Соли Вычегоцкие обвели пашни и пожни у доворишков".

Началось дело, в процессе развития которого всплыло много страшных тайн из внутренней истории хозяйского двора и хозяйского произвола, о которых хорошо был осведомлен старый строгановский служака Русинов, прослуживший во дворе еще Максима Яковлевича сорок лет, после же смерти своего хозяина, по обычаю отпущенный на волю с „денежным надѣлком и платьем". Впрочем, Русинов, получив отпускную, не долго гулял на воле. Узнав, что на Москву приехал приказчик Ивана Строганова Кукшин с товарищами „отцовских людей вново во двор примимати охочих на свое Иваново имя", Русинов нанялся на годовой срок в 1625 г. к Ивану Строганову за 16 рублей в год да в прибавку с сукном на платье. По прошествии годового срока Строганов не захотел отпустить Русинова, от себя, „хотячи меня сильно к собѣ во двор похолопить з женишком и з дочеришком и пограбить животы моего отца, ево государя моего даные, чем меня холопа своего благословил поминать собя, кроме денежного наделка взял грабежом на 50 рублев с полтиною" [1]) -рассказывает в своем челобитье пострадавший.

Служивший судовым приказчиком, Русинов был оговорен своим хозяином в разбойном нападении на строгановскую денежную казну и посажен на Москве в тюрьму, где пробыл больше года, но за недостатком улик выпущен. Однако, как только Русинов приехал в Сольвычегодск, Строганов, как сообщает Русинов, велел своим людям поимать его, на двор отвести и здесь, раздев до нага, бить ослопьемъ, а затем посадил его у себя в колоду, приковав его цепью весом в полтора пуда к стене, где и содержал его в течение пяти лет. Случайное обстоятельство освободило Русинова от тюремного сиденья: пожар строгановского двора, во время которого Русинова расковали и выпустили. Очутившись на свободе, Русинов не смог нигде получить работу, так как все побаивались взять к себе опального строгановского человека. Мирское управление, впрочем, сделало попытку, пригласило было его на службу „к розрубным целовальником в дьячки", но сейчас же к земским розрубным целовальникам явились посланные Иваном Строгановым его люди, которые „с великими угрозами не велели ни в какие диячки ставити" Русинова, и, убоясь „Ивановых гроз", мирские власти отказали Русинову. После этого он уже во всем Сольвычегодском округе не мог найти работу и заступничество, так как влияние Строгановых было сильно даже и на царских воевод, по отношению к которым Строгановы ведут себя совсем независимо. Напри-

1) Там же, л. 56—59.

мер, Иван Строганов, по словам Русинова, ни о каких делах не докладывал воеводам, „ни во что их ставит, дѣлает самосудом, по своему изволу". Немудрено, что не считавшийся с воеводами Строганов не стеснялся и с посадским населением. Лишая всюду работы, Строганов „гонит" Русинова „в великую нужу к собе в работу в холопство и морит голодною смертью, чинит... великое насилство... самосудом по своему изволу, изгоняет всякими грозами, записью и кабалами устрашает", гоняется за живущим на свободе Русиновым, „хотячи поимать на двор к собе привести и хочет по прежнему сковать в железа и в колоду и в темницу у собя засадить".

Такое обращение со служащим — явление не единичное на памяти человека, поседевшаго на дворовой строгановской службе. Сохранилась длинная цепь скорбных воспоминаний о погибших и замученных людях. У него же, Ивана Строганова, „людям ево крепостным и крестьяном его чинятца многие напрасные смерти в темницѣ, сѣдячи в колоде в желѣзах тяжких, сѣдят года по три и четыре и болше и умирают от великого кроволитья от кнутьяных побоев без отцев духовных, морят дымом и голодом. Уморен Семенка Шада, Ждан Оловенишников, да Ѳеонасей Шешуков в колоде и в железах дымом уморены, знаючи за ними Государьское слово, а положены на старом городище, погрѣбал их Андрѣй попъ, а нынечи тот попъ Андрѣй живет в вотчинѣ их на Каме рекѣ на Слутке служит у храму, да в вотчине их на Усолке уморен в колоде и в желѣзах человек их Ярило без отца духовного". Этот мартиролог строгановской патримониальной юстиции может быть продолжен,—избит до-смерти посадский человек Федор Вихревъ, похоронен „у Соли Вычегоцкие в убогих домах", избит и ходит вспухший от побоев и изувеченный воротный сторож Пашко и т. д.

Следствие отнеслось к заявлениям Русинова формально. Московские приказы ограничились только допросом самого Ивана Строганова, который в своих показаниях вообще замалчивал вопрос о наказаниях своих дворовых людей. Опросили еще архимандрита Введенского монастыря, Строгановского ставленника. Был и повальный обыск, но запуганные Строгановыми обыватели посадские сумели показать только то, что „тот Ѳеонка от Івана стряпчей был, а для варничного Іванова промысла у Соли у крестьян тот Ѳеонка и дрова покупал", да затем высказали общее соображение, что „у Строгановых без служилых кабал и без крепостей никакие люди во дворе з женами и з детьми не живут и не служат"[1]).

Следствие, вообще очень кратко сделанное, повидимому, больше для формы, не обратилось к тем лицам, на которых ссылался Русинов, и приказный суд не пошел против многомочных купцов Строгановых и своим решеньем отдал в „холопство и во двор" обратно Русинова, не входя в рассмотрение по существу ряда уголовных преступлений, в которых обвинял своих хозяев их служащий дворовый человек.

1) Там же, л.л. 7, 8, 9—11, 45—55, 74.

II.

Солеваренная промышленность была главной и основной специальностью Строгановых на протяжении почти пяти столетий. Непосредственно обслуживали это производство: „трубочные“ мастера—своеобразные горные инженеры, отыскивавшие „россольные места“ и устанавливавшие на них „россольные трубы“; повара и подварки, варившие соль в черных варницах; кузнецы-цыренники, плотники и „варничные ярыжки“—чернорабочие, производившие рубку и сплав дров, погрузку соляных мехов на суда вешних караванов, подкидку и сушку соли „на полатях“ и т. д.

У мастеров была специальность, требовавшая большой сноровки и практических знаний. Нужно было сначала выбрать подходящее место для устройства и закладки соляных труб, для чего изучалась данная местность, делались изыскания. Опытный мастер останавливал свое внимание на местности, покрытой низким ельником или березником или, чаще всего, на болотистых и сырых местах, производил опрос туземного населения, если таковое по близости было, присматривался к скоту, поведение которого во время пастьбы давало самые верные указания древнерусскому горному инженеру. В соляных местах скот, а если местность дика и необитаема, то лесное зверье оставляло много следов здесь во время своих посещений для лакомства соленой почвой. С таких мест мастером бралась глина и пробовалась на огне костра; если глина подсыхая издавала треск, и на пробу языком „крепко к языку прилипает“—то это было верным знаком, что здесь соляное место. Были еще и об'ективные признаки: вода, выходившая из земель, содержавших в своей глубине соляные растворы, покрытая ржавчиной, выпариваясь летом, оставляла серебристый налет в виде легкого соляного инея по берегам протока. Наконец, опытный мастер узнавал присутствие соляного источника по „засольному духу“, серо-водородным испарениям, по вечерам и утрам исходившим от насыщенного солью источника.

Наконец, место найдено, наступает для мастера самая трудная и ответственная часть в его работе: установка россольных труб. При всей своей примитивности, древне-русская техника установки россольных труб была сложной, носила затяжной характер. Бурение земли затягивалось до 2 и 5 лет, как показывали в своих челобитьях Строгановы, Шорины и гости Веневентиновы и др., работавшие в Перми Великой.

В 1640—1642 г.г., наприм., „гость Григорий Никитников допрашиван“ был в Московском приказе—„Иные такие же соляные варничные трубы во много ли время поспевают?“ И Григорий сказал: где земля мягче, в тех местех трубы поспевают месяца в три, в четыре, в полгода, а иные и в больший срок, а где земля камениста, там бывает года по три и по четыре [1]).

[1]) Моск. Архив Мин. Иностр. Дел. Строганов. дела, карт. III, дело 7148—7150 г., л. 211.

На избранном месте копается вручную яма глубиной в 1½—2 саж. до воды, затем опускается первая труба „матица“—с широким диаметром пробуравленной резки—в 8 вершков, которая загоняется в землю до 10 сажен, до твердого грунта. На другом конце матицы, на крепких плахах строится деревянная избушка, которая наполняется вынимаемой землей и своей тяжестью загоняет матицу все больше в землю, до предельной глубины в 8—10 саж. В избушке работают над посадкой матицы и других труб мастер и его помощники ярыжки, зимой и летом без перерыва, при помощи целого набора буравов, „сверл с ремешками“, железных долот „кривых“ и „прямых“, „строжниц, чѣм в трубѣ камень сѣкут“, „шемолов желѣзных, чѣм в трубѣ землю роют“, и др., которые вставляются на конец тонкого шеста и опускаются в отверстие пола избушки, которое будет и отверстием „губой“ матицы первой широкой 10-саженной деревянной трубы, загоняемой в землю. Шесты с насаженными буравами и долотами, опущенные в матицу, беспрестанно вращаются 2—4 ярыжками, при помощи ворота-колеса, сделанного на другом конце шеста, с насаженной тяжестью камней и железа в 20—60 пудов. Раздробленная буравами, строжницами и сверлами порода вынимается тюриками и др. инструментами, надеваемыми на эти же шесты, для чего буровая работа приостанавливается, с ворота снимаются тяжести, вынимаются шесты с буравами, меняются бурава на нужные долота и шест загоняется обратно.

Такая работа была чрезвычайно медлительна, и неудивительно, что за 10—15 дней подвигались на 2—3 четверти вглубь, а если встречалась твердая порода,—то на 1—2 вершка.

В 19 веке, из дневников буровых мастеров мы усматриваем такую же медлительность работ. Напр., в 1821 г. с 13 по 28 октября была загнана матица на глубину в 9 саж. 9 четв. до „твердого камня“ и далее работа пошла так: 1½ мес. каждый день проходили по 3 четверти, затем по 2 четверти и по 1 четв., а потом уже несколько месяцев каждый день проходили по 1—2 вершка [1]).

Когда матичная труба установлена до каменного грунта в глубине 8—10 сажен, приступают к загонке более тонкой „обсадной трубы“, которая спускается в маточную и тем же способом и при помощи шестов с буравами и тяжести на верхнем конце обсадной трубки вдавливается еще дальше в грунт до 10—12 сажен. Обсадная трубка делается из соснового дерева в 6 вершков толщины, в котором пробуравливается резка с диаметром в 4 вершка. Обсадная трубка состоит из 3—4 колен, по 2—3 сажени каждое, крепко соединяемых железными обручами „лукошками“, затем трубка обвивается сукном или заливается варом и обматывается холстом, сверх этого плотно покрывается овчиной, прибитой гвоздиками и обмотанной веревкой. Эта овчина, размякая от почвенной воды, плотно прилипает своей шерстью к каменным стенкам твердого грунта и этим

[1]) Центр. вотчинный архив Строгановых в с. Ильинском, Пермск. губ., 1789 г., дело № 70, л. 16—76 об.

[illegible], препятствуя пресной воде проникать через обсадную трубку и поднимавшийся по ней соляной россол.

Обсадная трубка, загнанная на 10—12 сажен, служившая продолжением матичной, в свою очередь углубленной сажен на 8—10, уже обычно доходила до россола, который выкачивался на пробу для определения качества и крепости россола. Так как древняя техника не знала инструментов Ламберта и др. для определения крепости россола в градусах, то из выкачки пробы делалась варя, дававшая то или иное количество соли. Если соли получалось мало, россол был жидок, то ниже обсадных трубок проходили почву еще вглубь „веслыми трубками“, устроенными точно так же, как и обсадные, только с более узким диаметром высверленного поперечника, не более 1½ вершка. Эти веслые трубки загонялись до 10 сажен, пока не „доходили россолу“. Далее 30 сажен в глубину солеваренная техника 17 в. не ходила до россолов, в первой же половине 19 в. в Перми, где находятся лучшие россолы, было обычно бурение и до 75 сажен.

Утомительная, длившаяся годами буровая работа, требовавшая содержания трубных мастеров и ярыжек без реально ощутимого результата, [illegible], конечно, много затрат, посильных либо многомочному поморскому и столичному гостю, либо крупному боярскому и монастырскому капиталу. Россольная труба, снабжающая россолом варницы, самая дорогая часть в варничном строении. Вот, например, во что оценивает один из конкурентов Строгановых, солевар гость Григорий Никитников в [illegible] г., начавший работы по бурению одной скважиной, но еще не дошедший до россола: „Лес росчистил я для ради соленых труб, трубников и ярыжек годовых нанял и задатки им подавал многие и для их, трубных мастеров и ярыжек, на том пустом месте избу поставил, видючи что то пустое место к соленому и варничному промыслу угодно,—и стало мне [illegible]“, заявляет Г. Никитников в своей челобитной государю — „[illegible] и трубный [illegible] на то место и в лесной [illegible] рублев пятьсот и больше“[1].

Из углубленной многолетним трудом россольной трубы соляной россол качался поршневым насосом, который приводился день и ночь в действие силою ярыжек, позже при помощи конской тяги. Россолоподъемные машины на Пермских промыслах у Строгановых были поставлены только в 1780 году, как сообщается в описании соляных промыслов Строгановых, составленном в 1812 г.[2]. Вообще, техника солеваренного дела и до настоящего времени остается весьма консервативной. За исключением применения россолоподъемных машин, лучшего устройства варниц (каменных с 1870 г.) и более усовершенствованных инструментов, техника в основном осталась такой же, какой была в древней Новгородской и Московской Руси.

1) Моск. Архив Мин. Юстиц. Дела Строгановых, карт. [illegible], дело [illegible] г., л. [illegible].

2) Центр. [illegible] архив Строгановых в с. Ильинском Перм. губ. Краткое описание соляных промыслов графа Строгановых в Пермской губернии, состоящих, каким образом [illegible] 1812 г. [illegible], л. 22.

Когда [illegible] к [illegible] работе [illegible] трубами, [illegible] установка черных [illegible] [illegible] кузнецами-цыренщиками.

Черная варница — [illegible] изба с [illegible] отверстием, [illegible] трубой, внутри [illegible] четырехсаженная [illegible] печь [illegible] краями [illegible] камнем и глиной. На этой печи [illegible] цыренщиками устанавливается четырехсаженный квадратный или [illegible] железная жаровня, где выпаривается [illegible] рассол. Црен [illegible] из железных плит — „полиц“ железными „гвоздями [illegible]“, а бока — „порубни“ выкладывались из [illegible] весом 50 пудов, которые [illegible] и заклепывались [illegible]. По краям печи устанавливались [illegible] бревенчатые [illegible] с бревенчатыми „перекладинами“, на которые [illegible] дугами, скрепленными [illegible] „[illegible]“, [illegible] поднималось [illegible], и варница была готова к действию.

Цыренщики [illegible] ремонтировать [illegible] полицы [illegible], поправляли гвозди [illegible]. Это была своеобразная работа, [illegible] в 19 веке. [illegible] после „соляной [illegible]“ [illegible] [illegible] перемазать [illegible] [illegible] в 1810 г. [illegible] автор [illegible].

Во дворе у Строгановых [illegible] железных [illegible] в варницах [illegible] имущественных их описей. Так, по описи 1627 г. [illegible] [illegible] Мак. Иван. Строганова, видно, что [illegible] 1500 „гвоздей [illegible]“, [illegible] „короб [illegible]“, [illegible] целые наборы [illegible] инструментов [illegible] трубы [illegible] „[illegible] сторожных [illegible]“ [illegible] „2 тесла“, 6 „[illegible] цыренных“, 5 [illegible] [illegible] и т. д.[1]

В каждом из вотчинных [illegible] в [illegible] или в каменных [illegible] вотчинных [illegible] такие же [illegible] „варницы [illegible]“ [illegible] „по [illegible] смотря“.

[1]) [illegible] 150.

Последней принадлежностью „варничного строения“—ларь, ставившийся из толстых тесовых досок, проконопаченных плотно мохом. В этот ларь, находившийся обязательно при каждой варнице, наливался из труб россол с расчетом, чтобы его хватило на 1½—2 вари. Также возле варницы, против ее единственных дверей, было с накатом устроено „дровяное плодбище“, на которое ставились поленницы дров, шедшие на беспрерывную топку варничной печи. Вблизи стояли соляные амбары и жилые помещения работных варничных людей.

Когда цыренщики кончали установочную и ремонтную работу цыренов, тогда „зачинали варю“. Самый лучший варничный сезон, летний, проходил с 1—1½-месячным перерывом из-за Камского и Чусовского вешнего разлива, обычно ежегодно затоплявшего варнишные места. Строгановы, с 1 мая гасились огни в подцыренных печах, соль убиралась, как убиралась и прочая варничная снасть. Строгановские работные люди встречали бурное вешнее наводнение, уносившее в своих водах дровяные заготовки, даже жилые постройки, обычно плохо и на скорую руку сделанные, портившее варницы и лари и размывавшее печные кладки. К половине июня начинался деятельный и спешный ремонт всех разрушений, работали с напряжением всех сил, чтобы выгадать благоприятное летнее время для варки соли.

Варил соль повар, который владел искусством высматривать во время „кипежу“ россола, когда в нем начинает „родиться соль“. Ему помогали подварок и несколько подручных работников-ярыжек. Работа в процессе варки соли распределялась следующим образом. Повар сам затапливал варничную печь, кладя кучкой дрова „вострякими“ к устью печи. В это время подварок наверху у цырена „напущал“ россол, который ведрами носили ярыжки из ларя. Когда на цырене „пойдет шум“, т. е. россол закипит, повар и подварок меняются местами. Повар, стоя у цырена, зорко наблюдает, как идет „кипеж“ соли. Нужно, чтобы кипеж шел равномерно по всей площади цырена, для чего подварок регулировал железными заслонками и железной кочергой равномерный и тихий жар в печи.

Повар должен был хорошо знать все свойства тех россолов, над которыми ему приходилось работать, так как „твердые“, содержавшие много глинистого известняка, гипсу и пр. и „мягкие“ россолы по разному закипали и осаживали соль, для чего требовалась разная топка и особый уход в процессе варки соли. Вооруженный железными греблами, повар регулировал движение кипящего россолу до образования в нем „засолу“ - отокристаллизовывающейся соли, которой нельзя дать осесть на дно и бока цырена „леденцом“, так как в тех местах, где сядет леденец, цырен будет быстро прогорать. По появлению засола повар заставляет ярыжек еще напускать свежего россола, который он и уваривал опять до засолу—и так несколько раз, до образования густого засолу. Тогда повар „пускает на привод“ насыщенный солью засол—дает соли, при прекращенном огне, свободно оседать в виде правильных мелких кристаллов на дно цырена, затем осевшую соль охлаждают. Затем снова подбрасываются дрова, пускается новая

[illegible] по полу и доб[illegible] способом, причем повар [illegible] цырена мешает [illegible] греблом, не давая образоваться [illegible] и снимая накипевшую пену, принимает меры к очищению соляного рассола от посторонних примесей, что очень просто достигалось расстановкой по всем „кормам" цырена деревянных или железных желобков с рукоятками, к которым [illegible] кипением различные „нечистоты" [illegible] затем [illegible].

Когда „соль [illegible]ся" и в цырене будет густой осадок-засол, прекращается топка, соль собирается греблами в кормы или углы цырена, откуда подварок с ярыжками сбрасывает лопатой соль на „полати", устроенные из „перекладах", на которых висит цырен. Однако, некоторое количество соли оставляется „на семена"—при следующей варе эта оставшаяся соль содействует скорейшему выделению из рассолов соли. На полатях соль выравнивается наподобие трапеции для сушки ее, клеймится [illegible], когда „соль пятнают", для ограждения ее от хищений со стороны служащих и посторонних, цырены чистят, молотками выбивается „треска"—осевшие на дну образования из гипса и глинистых известняков, и варница снова пускается в действие.

Каждая варя, описанная выше, совершается в 24—3[illegible] часов, и таких варь беспрерывно „заводится" 20—25, после чего наступает „[illegible]" перерыв для капитальной чинки и чистки цырена, ларя и печи. Просохшая в течение суток на палатях соль набивается подварком в рогожные „мехи" по 3 пуда и выносится солоносами ярыжками в амбар. Таких солоносов на две варницы полагалось не более трех [1].

В 17 в. каждая суточная варя давала 50—70 мехов соли, стало быть 150—210 пудов, причем на каждую сажень дров приходилось 10—15 пуд соли. В первой четверти 19 в. вываривалось уже 250—300 пуд. соли и на сажень дров приходилось соли 25—30 пудов.

Промысловая работа протекала в тяжелой и антисанитарной обстановке, т. к. во время варки соли выделяются сероводородные соединения. Работа кузнецов и цыренщиков на неостывших цыренах влекла за собой при малейшей неосторожности, ранения и ожоги. Своеобразные бытовые условия работы и жизни на промыслах награждали работных людей колоритными кличками, которые, затвердевая, становились фамильными прозвищами, употреблявшимися и в документах. Такие клички, как Омос трубка, Иван Блуд, Ондрей Дурак, Соска Небученок, Иван Осеридеревцо, „Богдан Леонтьев, прозвище Мухосран кузнец", Юрий Заплата, Немка Курепа, Муха-кузнец—были обычны и широко распространены.

[1] Техника солеварения 16—17 в. осталась без существенных перемен в [illegible] промыслах и в 19 веке, и в настоящее время. См., например, „Краткое [illegible] Усольским соляным промыслам", написанное практикантом Степаном Волеговым в 1827 г., хорошо знавшим древнюю технику солеварения по документам своего [illegible] Ф. Волегова (Центр. вотчин. архив Строганов. в с. Ильинском, Перм. губ., [illegible] 159), а также „описание" 1812 г., [illegible] выше.

[illegible] наряду с трубниками, поварами и подварками, [illegible]щиками, плотниками и цыренщиками, непосредственно занятыми в производстве, [illegible] [illegible] ремесленников, работавших на работных людей. Для этой цели из состава своей Сольвычегодской дворни Строгановы [illegible] [illegible] на Пермские промыслы сапожников, портных, рыболовов [illegible].

Организация продовольственного дела в Пермских вотчинах была [illegible] следующим образом. Так как крестьянского собственного хлеба не хватало, своей же запашки промысловый люд не имел, то Строгановы [illegible] вываренной соли выменивали в вятских и пермских городах на [illegible] хлеб, который и доставлялся на промыслы. Затем Строгановы посылали от себя из Соли Вычегодской в вотчины свои в Пермь „на [illegible], [illegible], на Яйву, на Чусовую и на Усолку для своих промыслов на [illegible] [illegible] всякой, который к промыслам их прилежается, и людем своим [illegible] и одежу“.

Доставка провианта и прочего довольствия из хором Строгановых в Пермские их вотчины происходила по особому короткому пути, найденному Строгановыми, „летом в судах, в каюках и в стругах Вычегдою рекою [illegible] [illegible] переход, а зимним путем на санях через Сысолу, мимо [illegible] [illegible]“. По этому же пути из Пермских вотчин в Сольвычегодские хоромы доставлялись „рыба всякая и икра и мед и иные [illegible] [illegible] про себя, а не на продажу“. И это товарное движение было [illegible] от правительственных пошлин, на что Строгановы имели специальную льготную грамоту, неоднократно подтверждаемую[1]. Есть указания, что Строгановы этот путь использовали не столько для товарного движения „про себя, а не на продажу“, сколько именно в торговых целях, [illegible] и прикрываясь льготной грамотой. Строгановы минуя [illegible] [illegible] пункты, возили по этому пути продажную пушнину.

Кроме промыслового дела в Пермских вотчинах, у Строгановых [illegible] [illegible] были еще в самом Сольвычегодске в ближайшем соседстве [illegible] [illegible] [illegible] и здесь солеварение велось описанными выше способами и при том же уровне промысловой техники. Но промысловое дело в Сольвычегодске было осложнено еще крупным землевладельческим, сельским хозяйством, с одной стороны, и кустарно-ремесленным производством во дворах [illegible] — с другой. В Сольвычегодском и соседнем В.-Устюжском уезде Строгановым в различных волостях и станах принадлежал ряд земельных владений, которые, в отношении их управления, об'единялись возле крупного населенного места, села или погоста, где был „двор на приезд“ [illegible] и в котором в обычное время жил сельский приказчик, управлявший [illegible] к селу деревнями.

Около приказчичьего двора располагались хлебные амбары, где сосредоточивался оброчный крестьянский хлеб, постепенно вывозившийся [illegible]

[1]) [illegible] архив [illegible] [illegible] Строгановых [illegible], кар. [illegible] Дело [illegible] л. 2—29 об.

злевами или на продажу, или шел в Пермские промыслá. Здесь же были скотные дворы, где бывали большие табуны лошадей и рогатого молочного скота, свинарники и т. п. хозяйственные постройки. Большая площадь покосов, не сдававшаяся на оброк, выкашивалась наемными батраками, и сено, в тысячах копен, частично шло на продажу, во всей же остальной массе поступало во дворы тех приказчиков по селам, где было сосредоточено крупное скотоводческое хозяйство.

Организация ремесленно-кустарного производства на дворах Строгановых вызывалась как потребностями их солеваренного промысла, так и тем своеобразным меценатством, которое заставляло Строгановых строить храмы, монастыри и церкви, заботиться о наполнении их утварью, иконами и книгами.

Особенно широкий размер в постановке ремесленно-кустарного производства можно наблюдать с 1562 года, когда Строгановы стали строить хозяйственным способом, в соседстве со своими дворами, величественный соборный Благовещенский храм. Для его постройки возводятся кирпичные заводы на специально для этого прикупленных землях, организуется добыча белого камня известняка на Вычегде и его доставка на специальных лодках-камневозках. Штат дворовых кузнецов расширяется приглашением искусных мастеров с В. Устюга, которые занимаются поделкой [illegible], оконных и дверных переплетов, нанимаются специально иконники, в массе вырабатывающие иконные ансамбли, расставленные по иконостасам собора с его многочисленными приделами. Мастера-чеканщики чеканят сложные рисунки серебряной посуды для обслуживания религиозного культа, приготовляют басменные иконные оклады. Специальные вышивальщицы из дворни, под руководством искусниц монахинь близлежащих монастырей, вышивают златотканные пелены и завесы. Составляются комплекты богослужебных книг, распределяемые по вотчинным церквам, туда же шли и иконы, и серебряная посуда.

С концом постройки и отделки собора в первой четверти 17 в. прекращается подъем ремесленных работ Строгановских дворов. Одни дорого оплачиваемые ремесленники распускаются, другие переводятся на промысловые работы.

Андрей Введенский.

Поместье и крестьянская крепость.

К истории земледельческого труда 16—17 в.в.

(Посвящается памяти академика М. А. Дьяконова).

В 1885 г. В. О. Ключевский в статье «Происхождение крепостного права в России» сделал попытку пересмотреть «старый вопрос, который столько раз и с таким напряженным вниманием обсуждался в нашей литературе — и все еще остается неразрешенным». Остался он нерешенным и после остроумной статьи Ключевского. С тех пор появился целый ряд исследований, так или иначе касавшихся этого вопроса. Нельзя сказать, однако, что теперь все ясно — когда, как и почему возникло крепостное право на Руси.

В таком положении дела нет ничего удивительного: с одной стороны, закрепощенье крестьян является самым важным фактом, можно сказать — основным стержнем русской истории, с которым приходится считаться каждому историку; с другой стороны, хотя источники и довольно многочисленны, но качественно они весьма недостаточны, не давая прямых ответов на главный вопрос, умалчивая о том, что в их время было всем известно. Они свидетельствуют, кроме того, о сложности обстановки, в которой земледельческое население теряло право свободного выбора места поселения и хозяйствования и превращалось мало-по-малу в безличную массу «душ», составлявших частное имущество землевладельцев. Тут было много факторов, действовавших не всегда в одном направлении: *выделить и учесть значение каждого из них* и является очередной задачей исследователей.

Первым нашим историкам (начиная с Татищева), которым приходилось об'яснять возникновение крепостного права, дело казалось простым и ясным: в один прекрасный день правительство об'явило особым, недошедшим до нас указом об отмене практиковавшегося до тех пор крестьянского «выхода». По мере того, как умножалось количество документов, вводившихся в научный оборот, и утончались приемы исторического анализа, дело

представлялось все более сложным и в некоторых отношениях не только не разъяснилось, но, как будто, еще более запутывалось. Наглядный пример того, как добросовестная и кропотливая работа над источниками делала исследователей очень осторожными и заставляла воздерживаться от окончательных выводов — представляют труды покойного М. А. Дьяконова. Но если они не дают окончательного решения проблемы, то за автором их остается крупная заслуга тонкого и тщательного разбора многих существенных деталей, мимо которых до того проходили историки, и установления ряда положений, ставших прочным достоянием науки. Однако, особый интерес представляют две последние его статьи, посвященные данному вопросу: «Заповедные и выходные лета»[1] и «Поместье и крестьянская крепость»[2] — ибо они намечают новые пути для разрешения старой проблемы. Настоящая заметка является попыткой развить и дополнить некоторые пункты этих исследований — именно установить, в самых общих чертах, взаимную связь между развитием поместного землевладения и крестьянского закрепощения.

I.

Поместье было государевой землей, отданной во владение и пользование служилого человека под условием службы и в качестве материального обеспечения этой службы. Каждому служилому (кроме низших чинов) назначался определенный поместный о к л а д, определявший собой максимум того количества земли, которое он имел право получить в поместье; действительная д а ч а бывала часто (в 17 веке почти всегда) значительно меньше оклада, и помещику предоставлялось право приискивать свободные поместные земли и бить о них челом государю в додачу, в свой оклад. Земля «отделялась» помещику специально посланным на место правительственным агентом (губным старостой, городовым приказчиком или простым сыном боярским), который составлял о том особый акт — «отдельные книги». В них отдельщик переписывал села, деревни и пустоши, с обозначением площади пахотной земли (в четвертях); помещику выдавалась «ввозная» грамота, обращенная к крестьянам («которые в тех деревнях живут и вперед учнут жити») с предписанием: поме-

[1] Отдельный оттиск из „Известий Петроград. Политехнич. Института", т. XXIV (П. 1915 г.).

[2] Эта статья (24 стр.) должна была появиться в сборнике в честь проф. Посникова, не увидевшем света; я пользуюсь отдельным оттиском статьи, полученным от автора.

шего в его приказчика слушать, пашню его пахать и оброк платить.

Конечно, ценность поместной земли определялась далеко не одной площадью ее, измеряемой четвертями (½ десятины). Правительство обращало внимание на качество земли — дача исчислялась в четвертях доброй земли, к которым клались худшие и средние земли с «наддачей»: это называлось «одабриванием». Во второй половине 16 века были установлены и нормы одабривания: на 100 четей средней земли велено было наддавать 25 четей средней же, а на 100 четей худой — наддавать 50 худой, так что 100 четей доброй земли = 125 средней = 150 худой. Но замечательно, что при испомещении служилых людей не принималось во внимание другое весьма важное обстоятельство: населенность земли. Мы сплошь и рядом видим, что помещик получает совершенно пустое поместье, без единого крестьянина и бобыля; он всегда считался испомещенным полным количеством четвертей своего оклада, хотя бы все его поместье было «пусто»[1]); в то же время другой мог получить все «живущее». Напротив, при исчислении государственных повинностей в расчет принималось лишь «живущее» — то количество четвертей, на которых сидели записанные в тягло (в писцовые книги) крестьяне. По «службе» [illegible] и земле: «уложение» 1556 года определило норму ее так: «со ста четвертей доброй угожей земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь»[2]).

Такой порядок обеспечения и нормирования службы исключительно землей, без соображения с ее населенностью, уже обращал на себя внимание исследователей. С. В. Рождественский видел в этом признак того, что отдача земель в поместье преследовала первоначально не только «служебную» цель, но и цель «культурно-хозяйственную» — введение в хозяйственную эксплуатацию пустых, необработанных земель: помещик должен был «называть» крестьян и вообще привести данный ему участок в культурное состояние[3]).

[1]) См., напр., писцовую книгу Шелонской пятины 1571 г.: „А те деревни все пусты не живут... а верстан Микула на 200 четвертей и Микула испомещен сполна". Новгород. писцовые книги, т. V (СПБ., 1905), стр. 478.

[2]) „Полн. Собр. Рус. Летописей", т. XIII, 1-ая половина, стр. 269. С. Б. Веселовский думает, что в данном случае речь идет тоже только о „живущей" пашне. Единственное доказательство он видит в том, что позднее, в 17 в., переложная земля, сильно поросшая лесом, давалась в полуторном, а иногда и двойном количестве вместо пашни („Сошное письмо", II, стр. 350); но тут проявляется тот же принцип, что и в замене 100 четвертей доброй земли 150-ю худой, — больше ничего. Слова летописи об „уложении" 1556 г. совершенно ясны; кроме того, надо отметить, что 100 четвертей живущей пашни были достоянием очень немногих; немного бы воинов получало московское правительство при такой норме! Правильно у С. В. Рождественского, „Служилое землевладение XVI века", стр. 332—333.

[3]) С. В. Рождественский, „Служилое землевладение в Московском государстве 16 века", стр. 21—22; ср. так же стр. 282—285, 330—331.

Нельзя отрицать того, что при зарождении поместного землевладения московские князья могли ставить своим помещикам и ту колонизационную задачу, но с развитием поместной системы, когда определилось значение поместья (в первую очередь), как обеспечение службы, эта цель отошла далеко на задний план. В 16 веке большинство мелких помещиков, не обладавших никакими капиталами, постоянно отрываемых от своего хозяйства посылками на службу, совершенно не годилось в роли колонизаторов. Они не могли оказать существенной поддержки основывающимся крестьянским хозяйствам и были для них лишь обузой. Развязать крестьян в ссуде, дать льготу на несколько лет могли и сами крестьянские миры через своих старост — как это делалось в черных и дворцовых волостях.

Тем не менее, эта система, обеспечивавшая службу помещика неопределенно известным количеством земли, без прикрепления к ней обязательного труда, тем не менее просуществовала более столетия. Это было возможно только потому, что помещики находили себе рабочие руки для обработки данной им земли. Эти рабочие руки были двух категорий: 1) прикрепленные к личности помещика — холопы и 2) свободные крестьяне, селившиеся в пределах незаселенной земли в качестве наемных рабочих или арендаторов.

Что касается холопов, то мы довольно часто встречаем в писцовых книгах, отдельных и проч. документах особенно людские дворы, обыкновенно расположенные около помещикова двора, в непосредственной близости. В частности, довольно много людских дворов находим в стране сравнительно старой колонизации — новгородских пятинах. Но главная масса холопов, естественно, была сосредоточена в вотчинах (а не поместьях) крупных землевладельцев, располагавших средствами для их покупки. Впрочем, и в 17 веке владельцы пустых поместий иногда обходились своими холопами — так, в 1617 г. московские дворяне и дети боярские, испомещенные в Белозерском уезде, жаловались, что их поместья все пусты, крестьяне разбрелись, «и они пашни пашут своими людьми» ¹). Но количество людских дворов и распаханной ими пашни всегда было все же, сравнительно, незначительным. Главный контингент рабочих рук для обработки пустых поместий давало свободное крестьянство.

Следует иметь при этом в виду тот (хорошо известный и многократно подчеркивавшийся исследователями) факт, что писцовая, фискальная «пустота» далеко не всегда была реальной, у—

¹) „Акты Писцового Дела", изд. С. Б. Веселовского, т. I, № 82, стр. [illegible]

поместьной пустотой. Широко распространенным явлением был так называемый «наезд». Наездом пашет ту или иную пустую деревню или обжу в поместьи иногда сам помещик, иногда крестьяне соседних землевладельцев, а также государевы «на оброк», т. е., за арендную плату [7]). Такая обработка земли наездом могла быть весьма выгодной помещику: наезжая пашня обыкновенно считалась писцами пустой, т. е., с нее не шло податей, за исправное поступление которых ответственность лежала на нем; выгоден был наезд и крестьянину, т. к. оброк за наезжую пашню был определеннее и легче тягла [8]).

Но наезжая пашня была невыгодна государству. Подвижный арендатор ускользал от обложения и хищнически эксплуатировал почву, бросая ее, как только она истощалась. Поэтому правительство стремилось прочно посадить крестьян на землю — хотя бы, отказавшись, на первое время, от всяких доходов с нее. Таков смысл усердно практиковавшейся льготы. В дворцовых и черных волостях (по писцовым наказам первой половины 17 века) стали запрещать крестьянам пахать пашню «на сторонах, наймуя у помещиков, или у вотчинников, и у монастырей, мимо своих пашен» — только в том случае, если в волости государевых земель в пусте не будет, разрешается пахать на стороне. Пустые участки отдавались (а иногда — навязывались) в аренду из доли урожая или за денежный оброк; но если находились желающие взять их «в жило» и «в тягло», т. е. поселиться на них с записной себя в писцовые книги, то их отдавали таким «охочим людям» на льготу от 1 до 5 лет, «смотря по пустоте» [9]). Таким образом, наезд, как бытовое явление, был первоначально такой обработкой земельного участка, когда земледелец на нем не жил, а лишь «наезжал» для работы; но этот термин приобрел и другое, юридическое, значение — наезжая пашня не была в тягле, но зато владение ею было непрочно: как только находился желающий взять ее в жило, она переходила к нему на льготу.

То же самое происходило на поместных землях. Помещик получал для данных ему пустых участков освобождение от государевых податей на несколько лет, в течение которых он должен был «назвать» крестьян. Не всегда это ему удавалось; иногда он довольствовался отдачей земли на оброк крестьянам, пахавшим ее наездом. Тут большое значение могло иметь наличие жи-

7) Новгород. Писцовые Книги, т. V, стр. 456—7, 457—8, 469—473, 574—576, 583, 589, 654 и др. Ср. одно поместное судное дело 1538 г., где сказано, что в деревне Боровенец помещик „отдавал пахати из пятого снопа государевым крестьянам Валдайского села" („Архивный Материал" Самоквасова, т. I, стр. 146).

8) См. расчеты размеров оброка у В. Ф. Загорского — „История землевладения Шелонской пятины", стр. 130.

9) „Акты Писцового Дела", т. I, стр. 113—114, 119, 135—136, 143, 187 и др.

ных и хозяйственных построек, т. е. д в о р а. Двор, хотя бы и пустой, представлял собой значительную ценность и был важнейшей частью сельско-хозяйственного капитала [10]. Недаром переписывались не только жилые, но и пустые дворы (которые не смешивались с пустыми дворовыми местами), и для охраны их принимались особые меры: так, в тех случаях, когда выморочное поместье или поместные «лишки» (сверх оклада) отписывались на государя, крестьянским старостам и целовальникам поручалось беречь пустые дворы, чтобы окрестные жители «хором не развезли и не сожгли» [11]. При отдаче поместья помещик должен был получить для себя особый двор, а если его не было, то ему давали крестьянский двор «против помещикова двора». Для постройки двора («на хоромную ставку») крестьяне получали особую льготу.

Из обыкновения предоставлять новым жильцам пустые дворы, оставшиеся от старых, возникло и правило об уплате «пожилого» за двор. Уже первый Судебник (1497 г.) постановил: «Двор пожилые платить в полех за двор рубль, а в лесех полтина», причем «весь двор» (полную стоимость) крестьянин платил тому, за кем жил не менее четырех лет, за 1 год — четверть двора, за 2 года — полдвора, за 3 года — три четверти двора (ст. 57). Но это правило (повторенное Судебником 1550 года), а также обилие пустых дворов в писцовых книгах, говорят об одном очень важном факте — значительной п о д в и ж н о с т и земледельческого населения.

Эта подвижность (кроме истощения почвы — обычной причины подвижности примитивного земледелия) постоянно стимулировалась двумя тесно-связанными между собою факторами: тяжестью государственного обложения и обычаем срочной податной льготы. Отжив льготные годы, крестьянин становился плательщиком всех государственных повинностей — и, естественно, снова начинал подумывать о том, чтобы уйти к новому землевладельцу, опять на льготу. Тяжесть обложения вызывала необходимость льготы для колонизации новых мест; возможность уйти на льготу вызывала бегство старых плательщиков и тем отягчала бремя оставшихся. Получался заколдованный круг.

При таких обстоятельствах появились правила обоих Судебников. Нужно было урегулировать отношения землевладельца и земледельца при расставании. Было установлено, прежде всего,

---

[10]) Напомню, что и по новейшим обследованиям о капиталах крестьянского хозяйства 1910—1911 г.г. в северных губерниях стоимость построек составляет до 80% стоимости средств производства (постройки, скот, инвентарь) среднего крестьянского хозяйства. См. А. Ч а я н о в „Капиталы крестьянского хозяйства" (М. 1918), стр. 22—23.

[11]) „А р х и в н ы й М а т е р и а л", т. II, стр. 173, 183, 187 и др.

срочи крестьянского отказа: «А христианом отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю по Юрьеве дни осеннем». Судебник 1550 г. уточнил понятие двора, как совокупности построек, имеющей одни общие ворота, и сверх пожилого установил еще плату «за повоз» с двора по 2 алтына, прибавив: «а опричь того на нем (крестьянине) пошлин нет». В этих статьях отсутствует всякое упоминание о долгах землевладельцу, часто лежавших на крестьянине. Это отсутствие тем более замечательно, что тут предусматривается случай уголовного поручительства владельца за своего крестьянина и решается так, что оно не должно мешать уходу крестьянина («вино его вынутити»).—Но обязанность представить его в суд переходит на нового владельца («[illegible]»). Препятствовала ли задолженность переходу крестьянина? другими словами, была ли предварительная уплата долга непременным условием «отказа»?

Известно, что Ключевский всю свою теорию происхождения крепостного права построил на предположении повсеместной массовой задолженности крестьян, потерявших в силу этого обстоятельства, без всякого правительственного указа, право уйти от землевладельцев-заимодавцев. Проверка этой теории должна была бы идти в двух главных направлениях: 1) была ли задолженность крестьян повсеместным нормальным явлением и 2) если да, то препятствовала ли она крестьянскому выходу.— Здесь нет места приводить такую проверку с должной полнотой, но для ясности дальнейшего изложения необходимо на почве построений Ключевского сделать несколько замечаний.

Ключевский исходил из того положения, что в 16 веке крестьяне определяли свои отношения к землевладельцам свободным договором. «Чужую землю, черную, дворцовую, поместную или вотчинную, крестьяне снимали на короткие сроки, обыкновенно на год, свободно возобновляли контракты с прежним землевладельцем, либо переходили к новому». Роковое значение для крестьянства имело развитие ссуды, «серебра». [illegible] распространению серебра [illegible] рост поместного владения: обилие [illegible] земли [illegible] в [illegible]. Новые владельцы, [illegible] ссудой [illegible] из городского и сельского населения [illegible] бездомного и голого люда, сажая его на землю. Проценты по ссуде оплачивались работой крестьянина, «изделием»: «Так барщина имела заемное происхождение. Тут подготовлялась идея [illegible], по которой работа за долг [illegible] личную зависимость, [illegible]

крестьянства в сторону кабальных холопов. Таким образом, [illegible] холопское право было применено к крестьянству [12]).

Подвижность русского крестьянства 16 в. Ключевский, несомненно, преувеличивает. «Ежегодное всеобщее [illegible] контрагентов (при трехпольной системе земледелия) [illegible]. Всюду были «старожильцы», [illegible] местную сторону по 20 и 30 лет; зажиточные, «лучшие» крестьяне не имели побуждений бросать созданное многолетним трудом хозяйство. Способствовал ли рост поместного землевладения распространению [illegible] бродяжничества? Едва ли. Не следует забывать, что огромное большинство мелких помещиков не располагало свободными капиталами, а кроме того само было едва ли не так же подвижно, как и крестьянство. В актах поместного делопроизводства 16 века, изданных Д. Самоквасовым, мы не раз встречаем указания на помещиков, «сбежавших безвестно», поступивших в холопы, лишенных поместий за неявку на службу, [illegible] поместья, в силу государевой опалы и т. д., уж не говоря о таком [illegible] бедствии, как опричнина, когда [illegible] владельцев, и многие помещики получили участки в [illegible] местах против того, что у них было на государя в опричнину» [13]). Выморочные и конфискованные поместья отдавались новым владельцам, на которых крестьяне обязаны, между прочим, «пахать пашню» [14]). [illegible] — крестьяне обязаны были пахать пашню [illegible] помещику не потому, что они кому-то что-то были должны, а потому, что он был помещик, служивший [illegible]. Отделение крестьянских дворов от одного помещика к другому производилось без [illegible] в том, должны ли они что-нибудь прежнему владельцу. Так, в 15[illegible] г. [illegible] было отделено из [illegible] поместья [illegible] двор [illegible] и к нему [illegible], т. е., очевидно, [illegible] этой формулой [illegible] 10 дворов крестьянских; остальные два — [illegible] 12 — [illegible] помещику. В 1592 г. [illegible] поместье [illegible] 45 четвертей, а остаток 30 ч. отделяется [illegible] Мустафину, при чем в разделе дворов [illegible]: «А [illegible] крестьянские [illegible] и пустые [illegible]

[12]) В. [illegible] стр. 251, 258—[illegible].

[13]) [illegible] стр. [illegible] 45 и др. [illegible] II, стр. 483, [illegible] помещиков в предыдущем году [illegible] в московском [illegible] от [illegible] не ведают, где они [illegible] 485 („[illegible] живет в холопех“), 461, 456 („[illegible]“).

[14]) Там же [illegible] 7, 4, 6, [illegible] 21 и др.

-ште повытно, по четвертям», т. е., пропорционально количеству четвертей. Мустофин и получил «сряду, с одного и не через дворы, и не выбором» 4 крестьянских и 2 бобыльских двора: среди них могли быть и должники покойного владельца—об этом не считают нужным думать [15]). То же могло быть и при жизни владельца: в 1592 г. из поместья Лихотникова было почему-то отделено новому помещику Собакину 3 двора, при чем в одном из них жило два «новоприходца»—если новоприходцы обычно получали ссуду, то тогда тем более странно, что их сочли возможным отделить новому помещику! Это — не единственный случай. В том же году, из другого арзамасского поместья Карпова лишек был отделен Наумову, и на последнего пришелся двор, а в нем «Родька п р и ш е д ец» [16]). И можно думать, что в данном случае никакой ссуды эти новоприходцы не получали. Если же они ее получили, то это обстоятельство не препятствовало, значит, тому, чтобы они были отделены новому помещику.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что не только Судебники не упоминают о выплате землевладельческой ссуды, как предварительном условии крестьянского отказа,—об этом молчат и другие источники 16 века, говорящие о незаконном выходе крестьян. Тут ссылаются на то, что крестьяне вышли «не по срокуж», «безотказно и безвыходно», «беспошлинно», «без отказу и без пошлин» [17])—но нигде нет ни слова о том, что они не заплатили ссуды или подмоги. В одной грамоте 1555 г. передаются жалобы крестьянских выборных голов черных станов Ржевы Пустой на соседей—детей боярских, из-за которых невозможно отказать крестьян, т. к. они приезжающих отказщиков бьют, «а крестьян деи из-за себя не выпущают, да и поимав деи их мучат и грабят и в железа куют, и пожилое деи на них емлют не по судебнику, рублев по пяти и по десяти». Тут, опять-таки, нет и намека на задолженность крестьян, хотя она была бы очень удобным предлогом для их удержания — не пришлось бы и «в железа ковать»! Да едва ли у черных крестьян были бы средства уплачивать долги вывозимых ими крестьян: они и без того должны были платить «выход», «по нашему указу»—очевидно, согласно Судебнику 1550 года [18]). Можно думать, что задолженность крестьян земле-

---

[15]) „Арзамасские Поместные Акты“, М. 1915, №№ 10 и 63; ср. там же № 66 и др.

[16]) Там же, №№ 63 и 61.

[17]) Примеры у Дьяконова „Очерки обществ. и гос. строя древн. Руси“, стр. 315. Ср. „Архив. Материал“, т. II, стр. 48, 59, 443 и „Писц. книги XVI в.“ Калачова, т. II, стр. 337 („вывезли беспошлинно“), 349 („без отказу и беспошлинно“) и др.

[18]) „Дополнение к Актам Историческим“, I, № 56. Ср. аналогичные дела по жалобам на помещиков, сопротивлявшихся вывозу своих крестьян—там же, № 52, XXII и XXIV.

ссуду деньгами была распространенным явлением лишь в вотчинах монастырей, тогдашних капиталистов-ростовщиков, и, может быть, высших сановников—бояр[19]).

Итак, в делах о беглых крестьянах 16 века ничего не говорится о задолженности. Затем, мы видели выше, что барщина (существенный элемент крепостного права!) установилась совершенно независимо от какой-либо ссуды. Наконец, правительство распределяло крестьян между помещиками, не справляясь о том, не должны ли они кому-нибудь из них. Все это приводит нас к дилемме: или задолженность крестьян была сравнительно редким явлением, или она не была препятствием для крестьянского выхода. И в том и в другом случае — теория происхождения крепостного права из крестьянской задолженности отпадает.

Совершенно независимо от задолженности и вообще договорных отношений крестьян с помещиками, последние имели обширные права на первых. Царские грамоты разрешали помещику обращать в собственную запашку любые участки в поместьи (с тем только, чтоб «ему с тех обеж на крестьянех своих доходов не имати») и определять по собственному усмотрению свой доход с крестьян, лишь бы поместье не запустело — «а доспеет пусто, и ему платити великого князя дань и посошная служба самому, а от великих князей в том быти ему в опале». Д. Самоквасов нашел даже, что «в такой юридической обстановке, с такими правами и обязанностями помещиков и крестьян»—«немыслимо право крестьян отказываться от своих жеребьев тяглой земли». Отсюда и вывод его, что «в России крепостное право возникло при первых князьях Рюриковичах»[20]). Но что казалось немыслимым Самоквасову, в действительности существовало. Правила Судебников о крестьянском выходе стали понемногу атрофироваться лишь во второй половине 16 века. Но каким образом это совершилось—до сих пор не вполне ясно. В особенности неясен сравнительно недавно возбужденный вопрос о том, что такое «заповедные годы» и какова их роль в истории возникновения крепостного права. К нему мы и перейдем.

II.

Правила Судебников о «христианском отказе» никогда не были формально отменены общим законом. М. А. Дьяконов нашел

[19]) Указания в источниках на необходимость уплаты „серебра" при отказе относятся к вотчинам Кириллова и Ферапонтова монастырей в 15 веке. „Акты Археограф. Экспедиции" I, № 48 (перепечатано в „Архиве Строева", I, № 24) и № 73; „Дополнения к Актам Историческим", I, № 198. Обобщать эти данные никак нельзя.

[20]) „Архивный Материал", т. I, ч. I, стр. 43 и 93.

ряд случаев их применения, относящихся к началу 17 века [21]). Но в царствование Ивана Грозного произошел какой-то перелом, сущность и причины которого до сих пор еще не вполне установлены. В результате его, к концу 16 века крестьяне, по общему правилу, утратили право выхода.

Мы уже видели, что задолго до того правительство весьма свободно распоряжалось крестьянами, «отделяя» их помещикам, которые в свою очередь получали право очень широкого пользования их трудом. Единственное право, долго сохранявшееся за крестьянами, было право «выхода», т. е., перемены землевладельца. Платить при отказе пошлины самому крестьянину было обычно непосильным: ведь хорошо наладившие свое хозяйство зажиточные крестьяне едва ли склонны были часто менять местожительство; переселения — удел неудачников и бедняков. Но, в силу потребности в рабочих руках, они всегда находили землевладельца, готового заплатить за них пошлины с тем, чтобы они поселились у него. Уже в Судебнике 1550 г. фигурирует «отказчик», к которому вместе с крестьянином переходит и уголовное поручительство за него. В этой борьбе за крестьян перевес был, естественно, на стороне крупных, богатых землевладельцев. В их интересах и были написаны правила Судебников о крестьянском отказе. Эта тенденция покровительства высшему и богатейшему слою служилого класса видна и в другом положении Судебника 1550 г. (до сих пор мало обращавшем на себя внимания): «А который крестьянин с пашни продастся кому в полную в холопи, и он выйдет бессрочно и пожилого с него нет». Эта статья разрешала крестьянам продаваться в холопы, а тем, у кого были на то деньги, покупать себе в холопы чужих крестьян, без платежа пошлин, полагавшихся при вывозе; прежний землевладелец, таким образом, лишался крестьян без всякой компенсации. М. Ф. Владимирский-Буданов по этому поводу выразил только свое удивление: «чем об'яснить эту видимую привилегию в пользу рабовладения?» [22]). Но ясно, что благодаря ей богатые бояре могли обрабатывать свои вотчины купленными людьми: крестьяне переходили из слабых рук в крепкие. В общем производительные силы страны в целом не страдали от этого: напротив, делала большие успехи колонизация новых земель, руководимая крупными капиталистами. Страдали лишь служилые низы, мелкие помещики и вотчинники. Но бояре ближе стояли к трону: и если правитель-

---

[21]) „Заповедные и выходные лета" стр. 15—19.

[22]) М. Ф. Владимирский-Буданов, „Хрестоматия", вып. II, изд. 4-е, стр. 174, прим. 223. У М. А. Дьяконова („Очерки общ. и гос. строя", изд. 4-е, стр. 325) выходит, что это правило установлено в интересах закладывавших крестьян — для тех, кого мертвая петля долговой [illegible] доводила до безысходной нужды.

[illegible] весьма произвольно распоряжаясь трудом крестьянина, [illegible]жки предоставляло ему «выход», то это делалось во внимание к интересам отнюдь не крестьян, а крупных вотчинников-бояр.

Но во второй половине 16 века стал быстро расти класс мелких помещиков, которому правительство роздало массу государственной земли и в котором оно искало опоры в борьбе с боярством. В значительной степени (но не исключительно) под влиянием этого нового и многочисленного класса и произошло закрепощение крестьян. Вот основа связи между ростом поместного землевладения и крестьянским закрепощением.

Однако, самые формы этого закрепощения не сразу установились: правительственная практика была разнообразной и невыдержанной. С одной стороны, уже в удельные времена московские князья, выдавая льготные грамоты землевладельцам на право призыва поселенцев, вместе с тем запрещали принимать «тутошних людей волостных или становых», «тяглых, письменных и [illegible] людей». Тот же мотив — стремление сохранить тяглецов — побуждало правительство и в 16 веке издавать для отдельных местностей, населенных государственными черными людьми, грамоты (напр., известная уставная Важская грамота 1552 г.) с предписанием возвращать вышедших тяглецов на их старые жеребья, не считаясь с тем, как они вышли: согласно или с нарушением правил Судебников. С другой стороны, даются грамоты, запрещающие впредь выход на известный срок или [illegible] государева [illegible]—таков смысл «заповедных лет», которым посвящена одна из указанных статей М. А. Дьяконова. Взгляды его, в общем, принимаются в настоящее время С. Ф. Платоновым, который писал недавно, что «цель дальнейших изысканий по вопросу о времени и мерах прикрепления крестьян заключается в том, чтобы дознаться, когда и в какой форме провело московское правительство свое распоряжение о заповедных годах. Как Татищев и его продолжатели искали закон об общем прикреплении крестьян к земле, так мы теперь должны искать «государеву заповедь» о невыходе и невывозе крестьян в «урочные», «заповедные» годы. Это — главнейшая очередная задача в интересующем нас вопросе» [13].

Надо отметить, что указание на заповедные годы в источниках встречается сравнительно редко; недаром весь вопрос о них всплыл только в самое последнее время. На основании печатного материала можно делать только более или менее вероятные догадки о том, когда и по каким мотивам издавались подобные «заповеди». Считая, однако, что такие догадки могут быть полезны в науке — хотя бы в качестве возбудителей критики и дальнейших [illegible]-

[13]) „Архив истории труда в России“, кн. [illegible] (П. 192[illegible]), стр. 22.

лий, — решаюсь предложить некоторые соображения по этому поводу.

Запрещение крестьянского выхода на некоторый срок в какой местности (обширной или незначительной), очевидно, вызывалось обострением потребности удержать крестьян, которые почему-либо получали добавочные мотивы или облегченную возможность уйти с данного места. Вместе с тем, это обострение представлялось временным, так что запрещение устанавливалось только до государева указа, который должен был восстановить «выход». Если при Грозном начались подобные «заповеди», то это свидетельствует о том, что в это время в разных местностях крестьянский выход принял нежелательный характер и угрожающие размеры. В чем же было дело?

Одна из причин давно уже указана историками. Это военные успехи Московского государства на востоке и юге, открывшие новые места для колонизации, куда хлынула волна переселенцев. Однако, ход колонизации Европейской России еще недостаточно изучен и трудно определить, хотя бы в самых грубых цифрах, размеры отхода переселенцев из старого земледельческого центра в 16 веке. С другой стороны, мы видим, что в местах старой колонизации в это время, на ряду с крестьянами, которые «сошли безвестно», многие из выбежавших и вывезенных крестьян оказались сравнительно недалеко, у соседних помещиков и вотчинников, у монастырей, и местопребывание их было хорошо известно односельчанам. Какой момент был наиболее удобен для земледельца, чтоб уйти от землевладельца, ничего ему не заплативши? Легко понять, что это бывало тогда, когда последний почему-либо *отсутствовал*.

Крестьянский «выход» (или «вывоз») без платежа установленных пошлин не мог, конечно, пройти незамеченным со стороны владельца земли; если последний был налицо, выход оказывался очень трудно осуществимым. Ведь крестьянин, естественно, стремился увезти с собой не только семью, но и свое имущество: начинать хозяйство на новом месте с голыми руками немыслимо. Перебраться со своим скарбом и укрыться от старого владельца так, чтобы его нельзя было выследить — для крестьянина было мыслимо только в том случае, если хозяин был в продолжительной отлучке. Монастырские власти всегда были на месте — и уйти от них без соблюдения законных правил было трудно. Трудно было уйти и с земель крупных вотчинников, имевших хорошо налаженную администрацию (приказчиков). В ином положении были многочисленные мелкие помещики, которые постоянно бывали на разных «службах» и не всегда имели возможность держать приказчиков.

По источникам мы можем проследить, как пустели поместья, едва только лишались «хозяйского глаза». В апреле 1572 г. умер И. Бабичев — его поместье в Шелонской пятине, отписанное на государя в следующем году, оказалось почти все пусто, причем об одном крестьянине обыскные люди показали, что он вышел осенью 1572 г. от сошедшего помещика бессрочно и безвыходно. В 1571 г. производился обыск в бывшем поместьи Аф. Прилонского, в Бежецкой пятине, — сколь давно Афанасья не стало, не осталось ли после него жены и детей, и хором и крестьян из того поместья не развозили ль? Обыскные люди отвечали, что после смерти Прилонского двух его крестьян вывез за себя Г. Чепурин «не по сроку». В 1576 г. было описано на государя поместье, что было за И. Змеевым (в Обонежской пятине) — но уже трое соседей успели в том же году вывезти за себя оттуда 11 крестьян; кроме того, некоторые крестьяне того поместья вышли в чужие погосты[1]. Итак, когда помещика нет, крестьяне разбегаются и развозятся, — не потому, чтобы они не хотели делать это раньше, а потому, что только теперь они могут это сделать бессрочно и беспошлинно.

Именно таково было положение в том случае, когда впервые в источниках мы встречаем выражение «заповедная грамота». В виду того, что документ этот, насколько мне известно, не отмечен должным образом в литературе[2], я остановлюсь на нем подробнее.

Термин «заповедные годы» среди напечатанных документов впервые встречается в грамотах («обысках») 80-х годов 16 века, и «заповедными» в них считаются годы 1581—1587[3]. Но в одном более раннем обыске — 1571 года — уже упоминается «заповедная грамота», и по общему смыслу документа (говорящего о возвращении крестьян, вышедших из поместья) она может быть понята как заповедь выхода. Правда, тут мы еще не встречаем выражения «заповедные годы», — но нет ничего удивительного, если оно привилось только после нескольких лет применения на практике таких «заповедей».

Обыск, о котором идет речь, был произведен в 1571 г. в разных погостах Вотской пятины, где расположены были деревни, находившиеся в поместьи за Юрием Неледенским, взятым в государеву опричнину. По наказу новгородских дьяков великого князя [illegible] Григорьев производил расследование среди местных

[1]) «Архивный Материал», т. I, 2-я часть, стр. 469, [illegible], 474. Ср. [illegible] случай там же, стр. 444, и т. I, ч. 2-я, стр. [illegible].

[2]) Несколько мельком [illegible] по другому поводу сделал ссылку Дьяконов. «Очерки [illegible] гос. строя», изд. 4, стр. 311.

[3]) «Архивный Материал», т. I, ч. 2-я, стр. [illegible], 453, [illegible]. «Заповедные и выходные лета», стр. 1.

крестьян, сколько деревень и обеж было в поместьи за Нелединским, кто из детей боярских вывез оттуда крестьян за себя, в срок или не в срок, с отказом или без отказу, какой доход давали крестьяне помещику, какие есть там угодья и, наконец,—сколь давно государь взял Нелединского в свою государскую опричнину? Опрошенные перечислили ряд крестьян, вывезенных (отчасти, с указанием—«в срок») соседними помещиками и сбежавших безвестно, причем указали, что выходившие крестьяне «отказу и выходу не платили, потому что Юрьева приказщика о ти поры у нас в погосте не было», или: «отказу и пошлин дворовых и выходу платить было некому». Наконец, о самом Нелединском крестьяне сказали: «как из Новагорода привезли заповедную грамоту и высыльную в великое говейно в лето 7070 осьмом году, а велели опришных высылать из земщины, и до тое мы грамоте про Юрья не видали», потому что он жил в Бежецком Верху. В результате обыска, все крестьяне, которые из того поместья после Юрья выходили вон за детей боярских без отказу», были вывезены обратно в старые свои дворы[1].

Что означает в данном случае «заповедная грамота»? Какого рода запрещенье, «заповедь», в ней заключалось? Прямого ответа здесь нет. Остаются косвенные указания. Во 1-х, она была прислана одновременно с «высыльной», содержание которой определяется дальнейшим текстом: «а велели опришных высылать из земщины». Во 2-х, она кому-то что-то запрещала: сама собой напрашивается мысль, что это была заповедь крестьянам Нелединского выходить, а окрестным детям боярским—вывозить их за себя, так как некому было платить отказа. Потому-то все вывезенные крестьяне (независимо от срока) были возвращены назад. Цель этой заповеди очень понятна: надо было охранить государственный поместный фонд от запустения: тот доход, который раньше шел помещику, теперь собирался на государя (это возложено на старост и целовальников, из которых взята порука).

Что эти меры были нелишни, видно из данных писцовой книги 1571 года об описанных на государя поместьях Шелонской пятины, бывшие владельцы которых были взяты в опричнину,—в них нет ни одного живущего двора, все пусты[2]. Вся эта земля выходила, следовательно, из тягла. Правительство должно было принять меры для предохранения массы государственных земель, волной опричнины лишенных своих прежних владельцев, от запустения. Поместная земля и раньше иногда ока-

[1]) „Архивный Материал“, т. II, ч. [illegible], стр. [illegible]—50 и 5[illegible]—59.
[2]) „Новгородские писцовые книги“, V, стр. [illegible], 508, 509, 512—517.

зывалась бесхозяйной (напр., по смерти владельца, неоставившего наследников), но опричнина сделала это явление массовым, таким, которое требовало особых правительственных мер. Такой мерой (или одной из них) могло быть полное, хотя и временное (до появления нового помещика), запрещение крестьянского выхода.

Но тот же мотив — необходимость временной приостановки выхода в виду отсутствия землевладельцев—постоянно давал себя чувствовать в связи с насаждением поместного землевладения, независимо от опричнины. Раз начав давать «заповедные грамоты», правительство должно было и в дальнейшем уступать ходатайствам о запрещении крестьянского выхода со стороны отдельных групп помещиков, посылаемых на службу. В одном обыске 1588 г. о крестьянах, сбежавших в заповедные годы в 90-м году (1581—1582), из-за Ивана Непеньина, сделана ссылка на отсутствие помещика: «а Иван был на государеве службе в Ляпицах» [illegible]).

Таким образом, считая возможным предполагать, что первый толчок для издания специальных указов о заповедных летах дала опричнина, укрепление и развитие этой практики я связываю с другим, более общим явлением социального развития 16 века— ростом поместной системы [illegible]).

Впрочем, сами по себе, указы о заповедных годах не имели решающего значения для закрепощения крестьян. Во 1-х, понеже, это были меры временного характера, а во 2-х, они действовали только в связи с документами другого рода — писцовыми книгами. Свобода крестьянина, записанного в эти книги, имела весьма условный характер. Наряду с «заповедью» на будущее время правительство, как мы видели, не стеснялось иногда издавать указы о невыходе с обратной силой — и предписывало возвращать вышедших тяглецов на старые их жеребьи по писцовым книгам. Что «заповедные годы», которые мы встречаем в 80-х годах, тоже были связаны с фискальными интересами, видно из того, какое значение придается соответствующими документами записке в писцовые книги, в тягло. Обыск 1588 г. говорит о крестьянах, которые вышли в заповедные годы из-за кн. Г. Кропоткина «с тяглых деревень»: помещик Т. Пестриков, требуя с

[illegible]) Эта ссылка повторена два раза в обысках 11 и 13 апреля; „Архив [illegible]. Материал., т. II, стр. 449 и 450.

[illegible]) Связь указов о заповедных летах с опричниной чувствовал и Д ь я к о н о в, который, однако, решился поставить лишь вопрос: не выхлопатывали ли для себя взятые в опричнину новые государевы любимцы такую льготу „из боязни, что крестьяне уйдут к старым владельцам?" „З а п о в е д н ы е и в ы х о д н ы е л е т а", стр. 1[illegible]. Документы, мне кажется, указывают на связь несколько иную — ту, о которой выше сказано в тексте.

1589 г. возвращенья вывезенных у него семь лет тому назад крестьян, ссылался на то, что у нового владельца они живут «не на тяглой земле, в захребетниках, а в книгах те его крестьяне за Бо[illegible] не написаны»[1]).

Эти тексты делают ясными следующие два весьма важных обстоятельства: 1) заповедные годы не касались тех, кто пахал «пустую» землю наездом, т. е., был простым арендатором, незаписанным в писцовые книги, в тягло; и 2) тот крестьянин, который ушел хотя бы с тяглого участка, но на новом месте попадал в писцовые книги, уже не подлежал возвращению. Отсюда ясно основное значение писцовых книг в истории крестьянского закрепощенья.

Поэтому, можно думать, что до знаменитого указа 21 ноября 1597 г., установившего для всего государства обратную давность для сыска беглых крестьян, никакого общего указа о прикреплении крестьян не было. За основание крепости были приняты писцовые книги, составленные в конце 80-х и начале 90-х годов. Было ли объявлено уже в момент их составления о том, что по этим книгам крестьяне будут впредь крепки землевладельцам без права выхода? Об этом ничего неизвестно — источники не сохранили никаких следов. Но можно думать, что к тому времени на большую часть государства уже распространилась практика «заповедных лет» — которые мыслились крестьянами (даже в 17 веке) все-таки как что-то временное, до государева указа, который может вновь разрешить выход, до «выходных лет»...

В сторону крестьянского закрепощенья в 16 веке толкали два могучих интереса: фискальный и дворянско-помещичий. Им противодействовал интерес другого социально-сильного слоя населения — боярства (и, пожалуй, монастырей). Великодержавная внешняя политика Грозного (ее блестящие успехи и тяжелые неудачи — одинаково) сильно увеличила податное бремя; внутренняя его абсолютистская политика, махровым цветком которой была опричнина, одновременно с политической нивелировкой населения, привела к разорению страны: разрушая старые экономические связи, правительство должно было наложить новые юридические узы, дабы население не разбегалось, стремясь избавиться от непосильного тягла. Того же требовал новый класс, на который опирапось правительство — поместное дворянство. Когда было сокрушено старое боярство, погибло и право крестьянского

---

[1]) [illegible] Материалы, т. I, стр. 451—452. Ср. очень рельефный текст [illegible] Дьяк [illegible]. Те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглой пашни [illegible] тех детей боярских, которые [illegible] живут в пустых деревнях [illegible] на пашне у [illegible] стр. 2, примечание.

похода, фактически бывшие прямым вывозом крестьян богатыми и землевладельцами. В этом споре крестьянство не участвовало, и его интересы в расчет не принимались.

III.

Теперь вернемся к поместью и посмотрим, как отразился на нем процесс закрепощения крестьян. Дело в том, что, как видно из вышеизложенного, крепостное право складывалось под воздействием двоякого рода интересов: фискальных и землевладельческих. Эти интересы не всегда совпадали: практика шла путем компромиссов между ними и была поэтому нелогичной и неустойчивой. Это и породило в литературе противоречивые мнения о том, было ли прикрепление крестьян поземельным, к земле (точнее, к тяглу), или личным — к владельцу. В действительности, ни тот, ни другой принципы не были проведены последовательно. Поэтому редко какой-либо юридический институт страдал такими логическими противоречиями, как русское крепостное право. Но несомненным экономическим следствием его явился один неоспоримый факт — исчезло то наличие свободных рабочих рук, которое прежде придавало ценность земле, как таковой, без прикрепленного к ней обязательного труда земледельца. Это не замедлило отразиться на способе нормирования дворянской службы, что, в свою очередь, оказало обратное влияние на отношения крестьянина к помещику. В заключение настоящей статьи надо наметить вкратце этот процесс.

Первоначально, как указывалось выше, в поместный оклад зачислялась безразлично всякая земельная дача, пустая или живущая; так что один мог получить все пустое, а другой — все живущее. Принципиальных протестов против такого порядка со стороны служилого класса в то время незаметно. Это можно объяснить только тем, что помещики умели сами находить рабочие руки, обрабатывая землю «наездом» сами, с помощью холопов или наймитов, или сдавая ее в аренду посторонним крестьянам — в этом случае земля продолжала считаться «пустою», т. е. не несла тягла. Такое положение могло быть даже выгодно помещику, а пока поместье было, действительно, временным и условным пожалованием, он не имел особых побуждений называть крестьян на льготу, предпочитая аренду, которая, правда, всегда могла прекратиться, но зато давала доход без всякого ожидания, риска и ответственности. Если на южной окраине государства, где население было очень редко, служилые люди иногда отказывались брать

пустые земли, то в старо-населенных местностях мы встречаем челобитья о пожаловании в поместье пустошей [32]).

Однако, если отсутствие крестьян не лишало землю всякой ценности, то, все-таки, наличие их было плюсом, избавляя землевладельца от поисков за рабочими руками. Значение этого момента увеличивалось по мере того, как помещик стал отрываться от своего хозяйства на все более продолжительное время. Кроме того, земли были весьма разнокачественны; неудивительно, что при отделах и размежеваниях бывала масса злоупотреблений — один мог получать все лучшие куски, «выбором», а другой — худшие, остатки. Борясь с ними, правительство выдвинуло землеустроительный принцип дачи земли по возможности в одном куске: «сряду, с одного, а не через землю, и не выбором». Какова была практика, с которой боролось это правило, видно, напр., из жалобы 1575 г. помещиков Мокеевых на то, что отдельщик по недружбе отделил им «не сряду, и не с одного, а в верстах 20 и больше от усадища» (или—«через деревни верст за 15 и за 20, не сряду»), а их соседям Качаловым «отделил выбором деревни лучшие», которые подошли к их (Мокеевых) усадищу [33]). В этом деле ничего не говорится о том, как распределялось живущее и пустое — очевидно, что если жалобщики и учитывали это обстоятельство, то все-таки не считали возможным делать это в официальной бумаге. Впервые официальное признание того, что разница между живущим и пустым имеет существенное значение, последовало в интересах фиска — предписывая отделить новому помещику полагающееся количество земли «сряду с одного, а не врозни», грамота добавляла: «а достальное поместья, живущее, а не пустое», отписать на государя [34]). Нетрудно понять, что последнее предписание было не только крайне несправедливо, но в отдельных случаях могло итти в разрез с другим правилом — отделять сряду, с одного. Несомненно, на практике оно плохо выполнялось — об этом свидетельствует угроза отдельщику, если он отпишет на государя пустое: быть ему от государя в великой опале и прогоны на нем доправят втрое [35]).

Эта привилегия фиска становилась все ощутительнее по мере того, как усиливалось общее разорение и запустение, с одной стороны, и расширялась практика заповеди крестьянского выхода — с другой. Все труднее становилось найти рабочие руки и вследствие этого — все настоятельнее требовалось наделить помещиков

[32]) „Архивный Материал", т. I, стр. 118—119 (1581 г.).
[33]) Там же, т. I, стр. 110—111.
[34]) Там же, т. I, стр. 114, 116, 123, 125, 139, 141, 146, 153 (1572—1587).
[35]) Там же, т. I, стр. 126.

известным количеством крестьян, которые обеспечили бы его службу. Отсюда родилось правило: отделять крестьянские дворы «повытно, по четвертям»—т. е., при разделе поместья разверстывать между новыми владельцами крестьянские дворы пропорционально количеству земли (в четвертях), даваемому каждому из них. Вместе с тем отпала привилегия в пользу фиска: на государя стали описывать тоже «сряду, с одного, живущее и пустое повытно, по четвертям» [36]). Но этим путем, конечно, нельзя было достигнуть общего равнения числа дворов по числу четвертей: для этого нужен был бы своего рода «черный передел» крестьян между помещиками по всей Руси. Действительно, даже в пределах одного Арзамасского уезда мы видим, что при разделе поместий один двор приходится то на 1—5, то на 10—15 четвертей, а в других на 50 четей было всего по 1/2 крестьянского двора, и, наконец, на 100 четей — ни одного крестьянина [37]). Легко понять, что, вместе с тем, это правило потребовало ряда действий землеустроительного характера.

Число помещиков росло: им определялись новые и переделялись старые поместья, населенные очень неравномерно: там, где условия для жилья были благоприятны, скучивались крестьянские дворы, хозяева которых обрабатывали далеко лежащие «отхожие» нивы. Но помещиков требовалось наделять землею, по возможности, в одном куске, «сряду, с одного», а не через землю [illegible], а затем — и крестьянами «повытно, по четвертям». Отсюда — необходимость перенесения крестьянских дворов и перевода крестьян из одних дворов в другие. Иногда эти переделы производились по нескольку раз, по челобитью сторон, считавших себя обиженными. Наглядную картину столкновения интересов помещиков из-за раздела поместий и причин, вызывавших принудительное переселение крестьян (противоречащее идее поземельного, в точном смысле, прикрепления), дают грамоты, напечатанные С. Б. Веселовским в «Арзамасских Поместных Актах». Вот, напр., дело Скобельцыных, тянувшееся пять лет. В 1607 г. вдова Матрена Скобельцына с тремя дочерьми получила из прожиточного поместья свекра 120 четвертей, а ее деверь Валуй Скобельцын — 300 четвертей. Вдова жаловалась на отдельщика, который дал ей все «пустое и безугодное, а Валую де Скобельцыну отделил выбором живущее со крестьяны». По ее челобитью, велено было разделить между ними то поместье, живущее и пустое, повытно по

[36]) „Арзамасские Поместные Акты", № 129, стр. 151, дело [illegible] „Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду" СПБ. 1906, стр. 7 (1625).

[37]) „Арзамасские Поместные Акты", №№ 5, 7, 8, 1[illegible], 14 и [illegible] 26 и др.

четвертям. На этот раз переделом остался недоволен В. Скобельцын, который жаловался, что ему дали «все пусто» и просил переделить согласно правилу — живущее и пустое равномерно. В 1612 г. их переделили в третий раз: вдове досталась деревня Ройка — 120 четвертей, а ее деверю дер. Шеретина в 150 четв. и пустошь Филипповская—150 четв. (всего 300 четв.). Но, очевидно, крестьян, «которые живут в дер. Шеретине» на долю В. Скобельцына было мало, и ему на его жеребий отделили часть крестьян из дер. Ройки, которых он должен был в будущем году, «как даст бог, хлеб с земли оржаной и яровой [illegible]... вывести на свой жеребий на пустош Филипповскую» [1]).

В других случаях делить было труднее. Так, напр., в 1592 г. велено было двум старым помещикам-соседям оставить по [illegible] четвертей, а остаток—20 чет.—отдать третьему. Но, кроме двух помещиковых дворов, там оказалось всего два живых крестьянских двора, которые разделили так: один—новому помещику, а другой—обоим старым вместе. Это—не единственный случай дачи одного крестьянского двора двум помещикам «вопче»; встречаются указания на то, что такому-то помещику отделено пол-двора — тут неясно, кому же доставался хозяин двора? В другом случае, при дележе выморочного поместья между двумя новыми владельцами оказалось, что там есть только двор помещиков, в котором живет бобыль,—и им было предложено: «тем двором и бобылем делиться самим промеж себя». Как мог тут произойти дележ, видно, напр., из отдельных книг поместий У. Левиной и кн. И. Путятина: вдове Левиной с двумя дочерьми было дано на прожиток из поместья мужа 150 четвертей, а остаток—100 ч.—велено было отделить кн. Путятину; крестьянских же дворов было всего 3. Два из них были отделены Левиной, а из третьего крестьянин Оноха Ондреев отделен «и с детьми» Путятину на пустошь (доставшуюся последнему), где были пустые дворовые места; вдове же остался «Онохин двор совсем» [2]).

[1]) Арзамасские Поместные Акты, № 307 [illegible]; там же, №№ [illegible]

[2]) Арзамасские Поместные Акты, №№ 64, 119, 72, 78, 129. Приводя [illegible] пример, Дьяконов замечает: „Вдове достался крестьянский двор „совсем", [illegible] не только хоромы, но и запасы крестьянского хозяйства. [illegible] Ондреев заводить на пустоши новое хозяйство" („[illegible] крепость", стр. 17). Я бы остерегся от такого заключения. [illegible] постройки [illegible], имея в виду, как тщательно иногда делились [illegible] двора (причем часть построек [illegible] переносилась в другое место), что принимало во внимание качество дворов („тот двор получше"), и, напр., приказчиков двор [illegible] за 2 бобыльских (там же, № 220). Вполне вероятно, что в данном [illegible] со всеми постройками (ср. аналогичный [illegible] одному помещику, [illegible] крестьянин выходил за другого [illegible] там же, № 41).—[illegible] приводя случай (там же, № 74), когда [illegible] делить [illegible] двор, который был „вопче" за двумя помещиками. Дьяконов прибавляет [illegible] пришлось ломать голову над такой трудной задачей", [illegible] один из поме-

Во всех таких деликатных случаях, лучшим способом раздела поместий было полюбовное соглашение сторон. Поэтому мы и видим, что помещики «поступаются» крестьянами один в пользу другого, «разверстывают» их промеж себя полюбовно, и т. д. [40]).

Можно ли, однако, говорить на основании вышеуказанной практики, что крестьяне были прикреплены к личности помещика? Мне кажется, нет. Правительственная практика стремилась возможно равномернее снабдить крестьянами земли, отдаваемые помещикам: крестьяне прикреплялись не к земле, т. е. не к определенным местам жительства, а к известным идеальным величинам—количествам четвертей земли, числящимся в поместье. В идее, крестьяне должны были распределиться между ними пропорционально. Они делились «повытно по четвертям»—но не систематически, не в виде общей меры в государственном и хотя бы в уездном масштабе, а спорадически, в частных случаях, требовавших правительственного вмешательства. Переселения крестьян с переносом дворов, переводы их из одних дворов в другие и на новые места — все это было по существу своеобразной землеустроительной операцией. Но проводилась она, разумеется, в интересах не земледельцев, а землевладельцев—это было землеустройство помещиков.

Но на этом дело не могло остановиться. Раз крестьяне потеряли право выхода (а землевладельцы — право вывоза), земля без прикрепленных к ней рабочих рук не имела ценности (я для ясности упрощаю картину, игнорируя существование холопов и «вольных людей»—их становилось все меньше и меньше). Значит, центр тяжести должен был перейти с количества земли на количество дворов. Помещики обращали внимание главным образом уже не на то, сколько получают они четвертей, а на то, сколько им отделено дворов.

Уже в конце 16 века мы видим, что главное внимание отдельщиков обращено на крестьянские (и бобыльские) дворы. С перечисления их начинают «отдельные книги»—и лишь затем добавляют, сколько четвертей пашни отделено тому или другому. Часто делятся только дворы: а относительно земли предписывается «делитись землею и сенными покосы самим промеж себя полюбовно по своим дачам». В одном случае (1606 г.) есть такая мотивировка этого предписания: «А земли им Юрипан Лобанов (городовой приказчик) делить не успел, потому что завели

шиков двора делить не дал („Поместье и кр. крепость", стр. 18). Но дело шло о дворе, где крестьян не было, а жила сноха помещика; раздел двора тут не был головоломной задачей. Впрочем, и жилой двор тогда, как и ныне, умели делить: одному постройки, другому сам крестьянин с семьей.

[40]) „Арзамасские Поместные Акты", №№ 209, 219 и др.

писаны в те поры многие государевы грамоты» [11]). Ясно, что раздел земель уже считался второстепенной операцией, которой можно пренебречь, когда много работы, и сосредоточиться на главном—отделе дворов.

Естественно, что обеспечением службы стали считать уже не землю, а крестьянские дворы. В 1625 г. вологодские помещики Ф. Межаков с товарищами жаловались: «А дачи за нами, холопи вашими, небольшие и в оклады нам не сполнено; на 100 четвертей доставалось всего по четыре крестьянина, а на 80 по три крестьянина, а на 50 по два крестьянина» [12]). Любопытно дело 1627—1628 г.г. по челобитью В. Шайдурова на то, что в то время, как он отсутствовал, из его поместья отдельщик и подьячий отделили вологжанам Г. Шехирову и И. Богданову не против государева указа, «наперед лутчих крестьян выбором с семьями и сыновьями на две чети с осьминою»—и отняли у него двор усадный в селе Никольском с крестьянином и четырьмя взрослыми сыновьями (лет по 20 и по 30), которые его «поили и кормили и на службу подмогали». «А как нам, холопем вашим, продолжает жалобщик, дано то ваше государское жалованье, и нам доставалось на 100 чети по пять и по шести крестьянинов — и мы, холопи ваши, прочая вперед вашей государской службе, крестьян называли и всякую ссуду давали»; между тем, Шехирову и Богданову досталось на 100 чети по 12 мужиков лутчих»—«да у меня ж, холопа вашего, взято с двемя крестьяны живущего 15 чети, а в то число накинули пустоши Федора Ларионова 12 четвертей». В заключение, он просит вымерить ему его дачу, 100 ч., сполна, пусто и жило повытно, по четвертям, а остаток — отделить Шехирову и Богданову [13]).

Итак, центр тяжести переходил с земли на дворы. Как раньше считали нужным отличать добрую землю от худой и средней, так теперь стали отличать «лучших мужиков» от «бобылишек». Эта перемена не могла игнорироваться и фиском. В 20-х и 30-х годах 17 века в обложении частно-владельческих земель произошла знаменательная реформа — введение так называемой дворовой чети.

Выше указывалось, что государственному обложению подлежит не вся земля, а только «живущее»; и размеры живущего в

[11]) „Арзамасские Поместные Акты“, № 211.

[12]) „Материалы делопроизводства Поместного Приказа по Вологодскому уезду в XVII веке“, собранные В. Н. Сторожевым; в. I, СПБ., 1906, стр. 34 и 38.

[13]) „Материалы“ Сторожева, стр. 90.—Между прочим, из слов жалобщика можно заключить, что и в 17 веке правительство не склонно было при [illegible] крестьян считаться с тем фактом, что некоторые из них получили ссуду от прежнего землевладельца.

поместьях обычно оказывались весьма незначительными сравнительно с размерами пустоты: на сотни четвертей пустого приходилось всего несколько четей живущего. Правда, счет на четверти был очень условен — окладчики принимали во внимание не только площадь пахотной земли, но и все другие обстоятельства («животы и промыслы»), влиявшие на тяглоспособность плательщиков. Но, все же, главным об'ективным мерилом состоятельности плательщика было количество пахотной земли — все другие моменты получали выражение в четвертях: какая-нибудь рыбная ловля приравнивалась определенному количеству четвертей «пашни паханой». Но мало-по-малу, с развитием крестьянской крепости, таким об'ективным мерилом стал д в о р. И вот, не нарушая прежнего счета на четверти, самое количество живущих четвертей (с которых шли повинности) стали определять по числу крестьянских и бобыльских дворов.

С 1620 года, в разное время для разных городов стали издаваться указы, устанавливавшие нормы, «почему крестьян и бобылей на живущую пашню на четь класть». Нормы эти были различны: от 2 дворов крестьянских + 22 бобыльских — до 12 крестьянских + 8 бобыльских. Изменение основ обложения очень выпукло выступает в челобитьи одного подьячего, посланного описывать Галицкий уезд в 1625 г. без достаточных инструкций и вынужденного переделывать составленные им книги: «и тем землям книги я, холоп твой, сделав, отдал в Поместный приказ с живущею пашнею, что за кем наехали четвертные пашни в живущем... А ныне мне, холопу твоему, велено тем же землям делать другие книги и живущую пашню класти по твоему государеву уложению против крестьян и бобылей» [44]).

Указы о дворовой чети, изменив основу обложения в поместьях, с логической необходимостью повлекли за собой и изменение основ нормирования дворянской службы. Теперь помещик с своего поместья платил подати с дворов: раз пашня сама стала

[44]) „Расходные книги и столпы Поместного приказа“, ред. Н. Ардашева, т. I (М. 1910) стр. 32. — О дворовой чети подробно у Веселовского „Сошное письмо“, т. II глава XVIII. — Я думаю, что автор, все-таки, неправ, отрицая наличие каких-либо об'ективных мерок обложения до введения дворовой чети. Нельзя не согласиться с Дьяконовым („Русский Историч. Журнал“, кн. 1—2, П. 1917, статья „Посильность обложения“), что „без единицы измерения ничем нельзя соразмерять налоговые силы плательщиков“ и что „посильность“ обложения нисколько не противоречит наличию об'ективных норм оклада. И что первоначально главной меркой (наряду с другими, второстепенными и подсобными) была площадь распахиваемой земли — в этом едва ли можно сомневаться. Нельзя принять без оговорок и другое утверждение Веселовского — что целью введения дворовой четверти вовсе не был переход к подворному обложению („Сошное письмо“, II, стр. 483 и 486—487). Оставляя в стороне вопрос о суб'ективных целях, которые могли быть у реформаторов, нужно признать, что об'ективно это был, несомненно, переход к подворному обложению, и необходимость его вызывалась изменениями реальной обстановки — именно, закрепощением крестьян, о котором никак нельзя забывать историку обложения Московского государства.

на ту точку зрения, что мерилом ценности поместья является уже количество дворов, то тем легче усвоил ее и помещик. И вот, в 1633 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, которым велено было отправляться на войну под Смоленск, подали государю челобитную о выдаче им по этому случаю денежного жалованья, т. к. им «на государеве службе быти не с чем»—поместий и вотчин у некоторых совсем нет, у других есть, но пустые, у третьих всего 3—6 крестьян, «и им с тех крестьян подняться и на службе быть не мочно». На это челобитье последовал приговор: беспоместным и пустопоместным дать государева жалованья 25 рублей, тем, у кого до 15 крестьян,—20 рублей, «а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давать»[15].—Ту основанием для выдачи или невыдачи денежного пособия является исключительно число крестьян — количество земли в поместьи совершенно не принимается в расчет. Помещики становятся на ту точку зрения, что они служат с крестьян, а не с земли — и правительство с ними соглашается.

Для того, чтобы провести этот новый принцип нормирования службы в общем масштабе, нужно было точно установить, сколько крестьян находится у каждого служилого человека. Вместе с тем, нужно было покончить с исконным бытовым явлением — укрывательством «сильными» людьми беглых крестьян с тем, чтобы последние, выжив «урочные годы» (срок давности в то время—10 лет), освободились от прежнего владельца. Первую задачу должны были выполнить переписные книги, начатые в 1646 г. Одновременно, служилым людям было дано обещание: «а как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет»[16]. Это обещание превратилось в закон в Соборном Уложении 1649 г.

Развитие крепостного права не остановилось на Уложении 1649 г. Известно, какое значение имели в этом отношении переписи конца 17 века и введение подушной подати при Петре I. Если в 17 веке обыкновенно говорили (см., напр., Котошихина, гл. XI), что за тем или иным землевладельцем столько-то дворов, то в следующем столетии стали говорить уже не о «дворах», а о «душах». Есть тонкая, но существенная разница между владением крестьянскими дворами и владением непосредственно крестьянами. В 17 веке переход от первого ко второму еще не закончился. Только после введения подушной подати личность крестьянина была окончательно связана непосредственно с владельцем.

[15]) „Акты Археографической Экспедиции“, т. III, № 238.
[16]) „Акты Археогр. Экспедиции“, т. IV, № 14.

Но исследование этого вопроса выходит из рамок настоящей статьи. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть свою мысль, что изучение возникновения и развития крепостного права надо производить в тесной связи со всей социальной обстановкой и прежде всего—с историей государственного обложения, с одной стороны, и служилого землевладения—с другой. Два последние процесса не всегда одинаково, в одном направлении, но всегда очень заметно отражались на положении трудового земледельца.

С. Тхоржевский.

К истории ремесленного труда в древней Руси [1]).

Столкновения иконников-ремесленников с церковью.

При дворах патриархов, архиепископов, епископов, при крупных монастырях жили ремесленники самых различных специальностей. Имея своим назначением обслуживание потребностей данного хозяйства, ремесленники вырабатывали свои изделия с излишком. Частью изделий удовлетворялась потребность в них хозяйства, другая часть сбывалась на рынок, и вырученные суммы шли в казну церковной власти. Монастырскими ремесленниками в значительной их части являлись монахи, иноки и другие лица, принадлежавшие к церковному чину. Они вырабатывали, главным образом, предметы широкого потребления (одежду, ткани, кожаные изделия и т. д.), приспособлясь к нуждам данного хозяйства. Дифференциация ремесленного труда проводилась в монастырских хозяйствах, так же, как и в частных.

Крещение Руси совпадает с переходом изолированного хозяйства к ремесленному. Гончарное, кирпичное дело, выработка различного рода тканей и т. д., то есть то, что вырабатывалось отдельными хозяйствами и до крещения, скорее всего перешло к новым хозяйственным формам. Но выработка тех изделий, потребность в которых явилась следствием новой веры, приняла особые формы. Новая религия, новые обрядности нуждались в совершенно других предметах культа. Известно, что потребность в церквах создала особый кадр ремесленников, которые долгое время концентрировались при лицах духовной и светской власти, в интересах которой и строились эти церкви [2]). Так как крещение проводилось обязательным и массовым порядком, то явилась потребность в предметах культа сразу в больших количествах. Особенно это относится к иконам. Из Византии вместе с новой религией пришли и художники, строители, купцы, золотых и серебряных дел мастера и т. д. Вместе с ними пришли и иконописцы. Летописные сообщения не оставляют сомнений, что известное время иконописание находилось в руках иноземцев. Постройка храмов никогда не ограничивалась строительной частью. Далеко не последнее место в постройке

---

[1]) См. „Архив истории труда в России", кн. 4, 5 и 6.

[2]) Вл. Гессен. К истории ремесл. труда в др. Руси. „Архив истории труда в России", книга 4.

церкви занимала роспись стен, украшение ее иконами, каменьями и т. д. Даже тогда, когда русские овладели строительным искусством, отделка церкви, придание ей религиозного блеска поручались часто иностранным живописцам, иконникам.

В 1160 г. [1]) суздальский князь Андрей выстроил силами русских древоделов церковь св. Богородицы; однако, украшение церкви было не под смилу русским мастерам и „приведе ему бог из всех земель мастера“, которые и занялись украшением ее. Известный священник Благовещенской церкви Сильвестр, обвиненный в нововведениях при реставрации этого храма после Московского пожара в 1547 г., изложил на соборе в 1554 г. в свое оправдание краткую историю русской иконописи, указывая на ее брежную связь с греческой. Перечисляя главные церкви в городах Московского государства, Сильвестр говорит, что „все те церкви ставили великие князья, а по иконописцев посылали по греческих“. Далее Сильвестр указывает, что большинство церквей имеет на стенах и иконах „греческое и корсунское письмо, и здешних мастеров с тех же образов письмо“ [2]).

Потребность в иконах была велика, изготовление ее требовало, сравнительно, небольших знаний и затрат, техника иконописания должна была восприниматься легче, чем, например, искусство постройки каменного здания и т. д. Поэтому летописи довольно рано сообщают об иконописных работах, выполненных уже русскими.

В украшении церкви, как и вообще в ее постройке, наибольшее участие принимали духовные лица. Митрополиты, епископы и т. д., имевшие связи с Востоком, являлись живыми проводниками его культуры. В древней Руси высшие церковные чины были не только духовными пастырями. Они одновременно являлись деятельными архитекторами и незаурядными иконописцами. Монахи и иноки, вырабатывавшие полотна, чулки, шапки, сапоги и т. д., торговавшие своими изделиями, в одинаковой, если не в большей степени, писали иконы и торговали ими. Почти все летописные известия, говорящие об „иконниках“, указывают также и на их близкое отношение к церкви вообще, к монастырям в частности. Следует указать, что первым русским иконником был инок Киево-Печерской лавры преподобный Алипий или Алимпий (умер в 1114 г.), ученик греческих иконников [3]), который „иконы писати хитер бе зело“. Известны еще иконописцы — протопоп Андрей, митрополит Афанасий, митрополит Варлаам, игумен Глушецкий Дионисий, митрополит Макарий, пятницкий дьячок Осип, старец Паисий, митрополит Петр и многие др. [4]).

Артели иконописцев образовались сравнительно рано. Так, в 1338 г. епископ Василий велел дружине грека Исаи расписывать в Новгороде

---

[1]) Лаврентьевская летопись, [illegible]

[2]) В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания, стр. 5—6 (Спб. 1899 г.).

[3]) Там же, стр. 7.

[4]) Д. А. Ровинский, Обозрение иконописания [illegible] и Прибавление [illegible] указатель иконописцев, стр. 120 и др.

церковь [1]). Другое известие говорит, что начаты быша подписывать на Москве две церкви каменные". Одну расписывали митрополичьи иконописцы, другую—иконописцы вел. кн. Симеона Ивановича [2]), которые были организованы в дружину и имели своих старейшин—Захария, Иосифа и Николая.

Таким образом, иконники группировались около лиц духовной и светской власти. Тот факт, что князья и митрополиты организовывали своих иконописцев в дружины, об'ясняется тем, что они занимались не только иконописанием в его чистом виде, но в значительной мере расписывали церкви вообще.

Потребность в иконах была велика, следовательно было выгодно вырабатывать и продавать их. В то время, как выработка тканей и др. предметов широкого потребления, производилась ранее *всеми хозяйствами*, и монастыри занимались этим наравне с прочими, иконописание с самого начала стало монопольным трудом крупных церковных и великокняжеских хозяйств и лишь впоследствии, с проникновением веяний Запада в самую толщу масс и с развитием ремесла, иконописание делается достоянием многих.

Церковь была заинтересована в том, чтобы иконописание находилось в ее руках по двум причинам. Древняя Русь хотя, количественно, и быстро восприняла новую веру, но лишь благодаря насильственным мерам. Качественно же она поддавалась христианству медленно и в ней еще долгое время были сильны языческие обычаи, идолопоклонство и т. д. Икона являлась одним из важнейших предметов культа, и в целях укрепления новой религии и придачия ей определенного характера было очень важно удержать в своих руках писание икон, определенных сюжетов, образцов и т. д. Кроме того, монопольное изготовление икон и торговля ими приносили церкви крупный доход. Так, первый русский иконник Алимпий „работаше изобразуя иконы елико потребно было всем, игумену же и братии ничтоже за труд свой взимая". Много времени уделял Алимпий писанию икон по заказу частных лиц. Получаемые барыши Алимпий делил на три части: одну отдавал монастырю, другую жертвовал для неимущих, а третью расходовал на расширение производства (покупка красок и т. д.). Летопись добавляет, что заработок у Алимпия был постоянный, потому что „сице убо творя по вся лета, не даяша себе покоя день и нощь" [3]).

Начало шестнадцатого века ознаменовалось особым усилением связи Руси с государствами, где техника и искусство достигли высокого, сравнительно, уровня. Сношения с иноземцами отразились на всех отправлениях жизни Московского государства, в частности на искусстве, в отношении которого, шестнадцатый век можно назвать веком оживления и прогресса. Связь с Западом выразилась в усиленном притоке иностранных разных дел мастеров, в том числе и художников. Иноземные художники оставили в русском искусстве известный след—создали так называемый „фряжский"

---

[1]) Новгор. летопись. 1338 г.

[2]) Успенский, Очерки, стр. 11.

[3]) Ровинский, стр. 121.

стиль. Его отличительной чертой является точное воспроизведение природы и реальная красота форм. Это — относится главным образом к живописи. В отношении архитектуры Церковь в значительной мере ограничивала свободное творчество иностранных художников и заставляла их работать по древне-русским образцам. Особенно твердо эта линия проводилась при постройке храмов.

Общее прогрессивное направление в русском искусстве не могло не отразиться и на иконописании. Стремлением отрешиться от старых теорий, к новшествам и свободному творчеству, к разнообразию сюжетов — характеризуется идеология иконописцев шестнадцатого века.

Все расширяющееся и развивающееся ремесло захватило в свой мир также и изделие икон. Внутренняя торговля и внешние сношения способствовали увеличению числа ремесленников, развитию конкуренции и, следовательно, к удешевлению продукции. Наряду с прочими ремесленниками возрастает и число иконописцев. Общее прогрессивное течение в русском искусстве, стремление к реализму, к свободному толкованию тех или иных сюжетов, разбивая оковы консервативного писания икон, облегчает задачу молодых ремесленников-иконописцев.

Выше уже было указано, что первоначально дело иконописания находилось в руках церкви, -иконописание, с одной стороны, приносило митрополитам, епископам, монастырским хозяйствам и т. д. материальный доход, с другой — способствовало осуществлению тех общих задач, которые ставились церковью, обеспечивая ее от неблагоприятного толкования того или иного религиозного сюжета. При таких условиях, в шестнадцатом веке, когда появляется значительное количество иконописцев-ремесленников, не подчиняющихся и не считающихся с требованиями и интересами церкви, нарушающих ее материальные выгоды, неминуемо должно было произойти столкновение между церковной властью и ремесленниками-иконописцами. Оно, действительно, произошло на Стоглавом соборе.

Стоглавый собор собирается „во исправление церковного благочиния, государственного управления и великого земского строения". Он рассматривает лишь те стороны жизни Московского государства, которые „поисшатались". Вопросам иконописания было уделено на соборе должное внимание.

Глава 43 Стоглава [1]) говорит, что высшие церковные чины должны заботиться о „многоразличных церковных чинех, паче о святых иконах, и о живописцах, и о церковных чинех, по святым правилам, како им подобает быти, и тщание о начертании плотского воображения господа нашего Иисуса Христа и пречистые его богоматери, и святых небесных сил, и всех святых иже от века богови угодивших". Таким образом, прежде всего ставится на разрешение весьма важный для русской церкви вопрос о „плотском" изображении Христа и богоматери. Влияние западной живописи, изображавшей Христа и разных святых так реально, что они возбуждали далеко не религиозные чувства, сказалось на русской иконописи в сильной

[1]) „Стоглав" изд. Кожанчикова, 1863 г.

степени. Так, характерен вопрос Грозного на Стоглавом соборе—можно ли изображать на иконах живых или мертвых, не отнесенных к лику святых? На Западе был очень распространен обычай изображать святых с лицом той или иной высокопоставленной особы, а иногда на иконы попадали даже члены семьи. Проникнув в Московскую Русь, этот обычай естественно вызвал в среде духовной власти живейший протест, который и вылился в определенную форму на Стоглавом соборе. Но кроме этого сама реальность изображения Христа, богоматери и т. д. возбуждала сильнейший гнев церковников. Особенно возмущался позже протопоп Аввакум. „Пишут спасов образ, говорит Аввакум, Еманунла лицо одуловато, уста червонныя, власы кудрявая, руки у мышцы толстыя, тако же и у ног бедра толстыя, а весь яко немчин брюхат и толст учинен"... В другом месте читаем. „Икону пресв. богородицы пишут дебелоличну, откровенну главу имущу, простовласату, перси святыя и сосцы голы, яже никогда же кем либо видена быша... И самого Христа бога младенческий образ пишут вся удеса даже и до студных, нага без всякого благоговейна... Не бесчестие ли есть святым, яко св. мироносицы Марии Магдалины икону пишут яко блудницу"... [1]).

Трудно согласовать стремление ремесленника к производству дешевой, понятной массам иконы с желанием церкви, чтобы икона действовала на сознание масс в направлении, для нее желательном. Собор, начиная обсуждение вопроса об иконописании, возлагает на князей церкви моральную обязанность заботиться об иконах. Переходя к тем требованиям, которые следует пред'являть живописцам, Стоглав касается как будто исключительно нравственной стороны, желая этим подчеркнуть, что вопрос об иконописцах обсуждается будто бы лишь постолько, поскольку он имеет отношение к религии, святости, соблюдению чистоты и нравственности и т. д. Так, Стоглав говорит—„Подобает бо быти живописцу смирну и кротку, благоговейну, не празднословцу, ни смехотворцу, ни сварливу, ни завистливу, ни пияницы, ни убийцы, но же всего хранити чистоту душевную и телесную со всяким спасением, не могущим же до конца тако пребыти по закону женитися и браку сочетатися". Таковы требования, которые пред'являет собор к ремесленнику-иконописцу. Стоглав требует от ремесленника почти аскетической жизни, приближая ее к жизни идеального монаха.

Однако, участники собора сами были далеко не уверены в практичности своих требований—во-первых, и во-вторых, говоря о нравственной чистоте иконописца, они хотели затушевать другую, более важную причину возбуждения этого вопроса. Поэтому от требования, чтобы иконописцы являлись к своим духовным отцам на исповедь, обо всем их извещали, слушались, пребывали в посте и молитве и т. д., собор останавливается на необходимости тщательного, усердного и добросовестного

1) Успенский, Очерки, стр. 71 и др.

отношения к изображению на иконах Христа, святых и т. д.—„и приходити к отцем духовным часто на исповедание и во всем извещатися и по их наказанию в посте и молитве пребывати, кроме всякого зазора и бесчинства, и с превеликим тщанием писати и воображати на иконех и на досках господа нашего Исуса Христа и пречистую богоматерь и т. д.“ Указывая далее, как должен жить нравственно-чистый, угодный богу и церкви ремесленник, Собор говорит о писании икон, как об одном из отправлений нравственной жизни человека. Этим самым собор хочет окончательно заклеймить материальный, ремесленный характер иконописания.

Однако, Стоглазому собору не удается выдержать до конца взятый тон. Стоглав требует изображения святых по примеру древних живописцев, обещая послушным иконописцам, что „царю таких живописцев жаловати, а святителем их бречи и *почитати их паче простых человек*“. Собор не допускает внесения в иконописание элементов свободного искусства, заимствованного у западных народов. Но выявить свой консервативный взгляд — этого еще недостаточно. Собор хочет практически провести его в жизнь, и для этого обещает всякие блага тем иконописцам, которые пойдут по пути, указанному собором. Царь их будет жаловать т. е. предоставлять различные льготы, а святители будут их почитать, выделяя от прочих „простых человек“.

Не имея возможности конкурировать с частными ремесленниками путем удешевления продукции, Собор предпринимает шаги к созданию своего кадра ремесленников-иконописцев, ставя их в лучшие материальные условия и заставляя их этим порвать связь со своим классом. Но и это еще не все. Надо убить возможность конкуренции.

И вот, Собор устанавливает ряд мер с целью лишить ремесленника-иконописца *права на труд*. Стоглазым собором прежде всего закрепощается институт ученичества. Угодные церкви иконописцы, получающие разрешение писать иконы, обязаны принимать на выучку учеников, отвечающих всем требованиям нравственного порядка. Мастер, облеченный доверием церкви, учит начинающего иконника не только искусству писать иконы, но также: „како жити подобает христианину“, водит его на исповедь, следит за поведением и т. д. Утверждать ученика в звании мастера может только соответствующее духовное лицо.

Процедура этого посвящения по Стоглаву должна была проходить следующим образом. Если ученик проявил большие способности и в личной жизни его мастер не нашел ничего предосудительного, то „приводит того ко святителю“, который самым подробным образом расспрашивает о нравственных достоинствах данного субъекта, об его способностях, проверяет, как написана икона, по „образу“ ли древних живописцев и т. д. Если экзамен оказывался благоприятным для ученика, „святитель“ своей властью утверждает его мастером — „и ученик той приемлет от святителя честь такову же, яко же и учитель его *паче простых человек*“.

Добиться своего выделения из числа „простых человек“ ученик может только через своего мастера-учителя. Под непосредственным давлением

мастера и в зависимости от него вырабатывалось мировоззрение ученика. Собор, [illegible] слабой политики предупредить [illegible] злоупотребления со стороны мастера, [illegible] только для формы. Ясно, что ученик находится всецело в руках мастера, зависел от его наклонностей и т. д. Ученик не мог чувствовать себя бы и самую незначительную свободу в своем творчестве, потому что [illegible] ряд непонятных [illegible] иконописания. При таких условиях ученик, превратившийся в мастера, [illegible] почти [illegible] учителя.

[illegible] Собор постановляет: „А иже кто будет от самих тех мастеров живописцев, или от их учеников, учнут жити не по правилному завещанию, во пьянстве и в нечистоте, и во всяком бесчинстве, и святителем таковых в запрещении полагати, и от дела иконного отнюдь отлучати, и касатися тому не повелети“. [illegible], что собор [illegible] поведения иконописца с точки зрения нравственности. Собор [illegible] „самовольство и бесчинства“ [illegible] живописи, [illegible]. [illegible] „плосочтет“ изображения Христа, Богоматери и т. д.

Набросав схему организации иконного дела Собор всей тяжестью своего авторитета обрушивается на тех, из-за кого в сущности и возник весь вопрос: „А которые иконники невежи“, говорит Собор, писали иконы, не считаясь с древними образцами, не подчиняясь требованиям церкви, вносили в свое дело интерес материальный, и те иконы променяли *дешево* простым людем поселяном невежам — и тех положити в запрещение“.

Таким образом, Стоглав запрещал заниматься ремеслом частным иконникам, не только из-за того, что они не прошли необходимой школы у иконописного мастера, но также, чтобы предотвратить материальный ущерб, который терпела церковь из-за *дешевой* иконы, вырабатываемой ремесленником. Тем ремесленникам иконописцам, работы которых признаны вредными, предоставляется возможность исправиться. Они могут итти в учение к тем иконникам, которые выделены из среды всей массы и именуются мастерами.

Собор, конечно, не мог ожидать, что вся масса ремесленников-иконописцев, питавшаяся своим ремеслом, сластолюбиво [illegible], а поэтому Собор угрожает: „аще которые не престанут от таковаго дела, таковии царскою грозою накажутся, и от бога осудятся“. При этом Собор хочет как нибудь объяснить принятые решения, и он не перестает подчеркивать, что иконописание нельзя приравнивать к ремеслу, что такой взгляд и отношение оскорбляют церковь, религию, бога и т. д. Поэтому „аще они (иконописцы) рекут: и мы де тем питаемся и таковому их решению не внимати“, потому что *„не всем человеком иконникам быти“*. Иконниками могут быть только избранные, почти монахи, почти святые, угодные и послушные церкви живописцы. Они являются существами высшего порядка. Для всех же прочих „многа бо различная рукоделия дарования от бога, ими же питатися человеком и живым быти“.

Выработав мероприятия, которые должны были [illegible] иконописание, Собор установил в этой области надзор духовных властей. Архиепископы и епископы должны были принимать самое активное участие в организации иконописного дела на началах [illegible] зависимости от церкви. Так, Собор постановил, что они должны „испытывать иконных мастеров..., избирать иконописцев нарочитых мастеров", которые уже в свою очередь обязывались следить за своими учениками. Мастеров-иконописцев как духовные, так и светские лица должны были [illegible] беречь, почитать и — самое главное — выделять их среди „простых человек".

Таковы были решения Стоглавого собора по вопросу „о живописцах и честных иконах". Провести их в жизнь можно было только в крупных центрах. При всех объективных условиях жизни Московского государства 16-го века трудно предполагать, чтобы где-нибудь на окраинах даже стало известно о решениях, принятых Стоглавым собором. Когда два года спустя царь созвал совещание, митрополит Макарий на вопрос царя, как проводятся в жизнь постановления Собора, ответил, что в Москве „над всеми иконники установлены четыре старосты иконники смотреть, что бы писали по образу и по подобию, а которые писали неправо, и тех оставили, а новым иконникам велели учитись у добрых мастеров" [1].

На протяжении нескольких веков духовная и светская власти совместно пытались ввести в правильное, с их точки зрения, русло иконную живопись. В той или иной степени это удавалось. Так, благодаря постановлениям Стоглавого собора, иконописное дело принимает в 16 веке строгую цеховую организацию.

Вл. Юл. Гессен.

---

[1]) Н. В. Покровский. „Очерки памятников христианского искусства и иконографии" (изд. 3-е, 1910 г., Спб.).

Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе.

I.

Самое старинное описание села Павлова или «Павлова острога» (Нижегородской губ., Горбатовского уезда), относящееся к началу 20 годов 17 века, рисует его уже далеко не заурядным поселением и по количеству и по составу жителей. Это был в сущности город, стоявший, однако, на вотчинной земле боярина Черкасского, с таможенной избой, кабацким двором и винокурней, где «деньги сбирают на вотчинника на боярина на князя Ивана Борисыча» [1], с 61 лавками, 2 амбарами, 16 колками, 10 харчевными избами и 11 кузницами с верхним и нижним посадом. В селе жили «беспашенные торговые и мастеровые и всякие промышленные люди в 121 дворе», да «промеж тех непашенных дворов бобыльских и ярыжных и вдовых 76 дворов, и дворишек, и избенок и кельишек, а кормятся своею работою и рукодельем». Кроме этого торгового и ремесленного люда в селе жили и пашенные крестьяне в 109 дворах, стрельцы в 20 дворах и бобыли в 69 дворах. Крестьянская пашня лежала рядом с боярской, которую пахали деловые люди, т. е. холопы, посаженные на пашню, и павловские стрельцы. К Павлову тянуло уже тогда 18 деревень, в которых считалось 303 двора пашенных и 113 дворов и двориков непашенных бобыльских. Таким образом непашенные дворы в самом селе составляли 56%, а в деревнях, тянувшихся к Павлову, 63%. Пустых дворов отмечено очень немного: в селе 5, а в окрестностях—11 дворов.

Наличность в селе «приказчикова двора» указывала на центральное положение села в боярских владениях Черкасского и на особую заинтересованность владельца в правильном извлечении отсюда доходов. Они составлялись, нужно думать, не из земледельческих приношений: почва была скудная, да и распахива-

[1] Отрывки из писцовой книги помещены в Действиях Ниж. Ученой Арх. Ком., т. X, стр. 451.

лось на обярина всего лишь 100 четвертей; главный доход получался от оброков, взыскиваемых с собравшегося здесь торгового, ремесленного и разного трудового населения, которое «кормилось своей работой и рукодельем». Оно уже успело оторваться от земли и значительно диференцироваться. Часть этого населения, вероятно, большая, была крепостной, часть была свободной; так, например, упоминаются «приезжие торговые всякие люди», которых сюда привлек рынок, возможность сделать выгодный торговый оборот.

Существование 11 кузниц намекает на начавшуюся здесь уже в то время обработку железа.

Второй документ, где дается описание села Павлова и сдвинувшихся к нему деревень, относится к концу 18 века и представляет из себя так называемые экономические примечания Горбатовского уезда Нижегородской губернии. За истекшие 170 лет в Павловском промышленном районе уже многое успело измениться: самый темп жизни стал другой, производительность выросла, капитал сделал большие успехи, культура поднялась, но труд продолжал оставаться крепостным.

Павлово с 9 деревнями, где насчитывалось 1200 дворов с 6601 душами мужского и женского пола, принадлежало в конце 18 века Шереметеву: там стоял его «господский деревянный дом» [2]). Скудно обеспеченное землей—земли считалось 205 десятин под усадьбой, 3745 десятин пашни, 152 десятины сенокоса, 276 леса и 208 неудобицы,—население развило энергичную промышленную деятельность.

Читая описание Павлова, невольно приходишь к выводу о предвзятости мнения, что Россия второй половины 18 века была экономически отсталой страной. В самом деле, в Павлове стояло 20 мыловаренных заводов, где вываривалось мыла 50.000 пудов ценою до 257.500 рублей. Там же были кожевенные заводы: их насчитывалось 50; они вырабатывали 131.000 кож ценою в 110.400 рублей. Стальных заводов было 4; стали выделывалось 6.500 пудов; она отпускалась в продажу в разные места. Слесарных заводов, состоявших при домах, т. е. ремесленных мастерских было 323. Вырабатывалось столовых и складных ножей до 21.000 дюжин; замков—900.000 штук; ножниц разных сортов до 12.000; всего на сумму до 233.000 руб.; ружей 3.000 на сумму до 7.095 рублей. «Всего получается за проданные вещи до 603.995 рублей».

В литературе неоднократно указывалось на то, что развитие павловской индустрии обязано железному заводу Шереметева [3]).

[2]) Экономические примечания Горбатовского уезда Ниж. губ. Рукопись.
[3]) Туган-Барановский. История русской фабрики, стр. 242.

[illegible] однако, в 1770 году, а также выписке мастеров из Англии, от которых местные кустари быстро усвоили улучшенные приемы производства [1]). Не оспаривая этого мнения, надо все же подчеркнуть тот факт, что приобретенный на заводах опыт и знания, усвоенные от англичан, попали не в очень благоприятную почву, попали в среду, которая, во-первых, уже значительно успела оторваться от земли, и, во-вторых, экономически сильно расслоиться. В самом деле, как была организована эта промышленность?

Шторх пишет о Павлове: «Там до 3,000 крестьян, которые вместе составляют как бы одну фабрику, хотя каждый работает на себя. Они выделывают замки, ножницы, ножи, стремена, ружья, топоры и прочее» [2]). В этом замечании Шторха констатирован кустарный характер павловской промышленности. Нужно, однако, сказать, что кустарь работал не на себя, а на рынок, и чем больше он работал, тем более отрывался от земли. Цифровые данные экономических примечаний, относящиеся к землевладению (около [illegible] десятины малоплодородной земли на человека) и к количеству выпускаемого на рынок фабриката, указывают, что не земля, а ремесло кормило павловца. В экономических примечаниях вскрывается и еще одна сторона павловской промышленности: роль в ней торгового капитала. Мы узнаем, что в селе «бывают торги [illegible] раза в неделю, а также две ярмарки в девятую и десятую пятницы»; тогда «съезжаются купцы из городов Нижнего и Горбатова с разными товарами; из близ лежащих селений крестьяне с съестными припасами». Можно представить себе, что эти базары и ярмарки были временем скупки павловских изделий местными и приезжими торговцами. Перечисляя занятия павловцев, экономические примечания говорят не только о кустарных промыслах, не только о том, что жители «имеют мастерство слесарное, медно-литейное, делают ружья, пистолеты, замки, ножи», но и «отъезжают для торга как в разные российские города, а также и отправляют [illegible] довольно хорошие». Рядом с ремесленником в Павлове жил скупщик. Этому более состоятельному разряду населения принадлежали те 17 каменных домов, которые стояли в Павлове, и те четыре стальных завода, которые снабжали сталью кустаря.

Значит, начало производственного процесса и сбыт изделий были уже захвачены торговым капиталом. Дешевизна труда делала особенно прибыльными обороты торгового капитала, ставила павловские изделия вне конкуренции и открывала им широкий сбыт. В среднем, замок, ножницы или столовый нож обходились

[1]) Историко-статистический обзор промышленности России, т. II, стр. 36.
[2]) Туган-Барановский, стр. 5[illegible].

около 20 коп. асс.; ружье обходилось около 2,36 рубля асс. Приблизительно обходился около 2 руб. асс. ремонт старого ружья или сабли, если об этом судить по расходным ведомостям нижегородского комитета пожертвования, дававшего в 1812 году соответствующие заказы павловским кустарям для вооружения местного ополчения [1]). По словам Аксакова, написавшего, как известно, в 50-х годах работу о торговле на украинских ярмарках, павловский перочинный нож продавался за 12 коп. ассигнациями. В эту плату включались и расходы на провоз.

В конце 18 века кустарная промышленность Павловского района еще не имела такого широкого охвата, как позднее; она сосредоточивалась в Павлове; только Ворсма еще имела определенный индустриальный облик: там считалось 2 мылозаренных завода и 3 стальных, вырабатывавших стали 21,300 пудов. Крестьяне Ворсмы «промышляли хлебопашеством, торговали мелочными товарами, имели мастерство слесарное и кузнечное, делали ножи, замки, ножницы и продавали их в торговые дни разным людям». Округа лишь в слабой мере принимала участие в индустриальной жизни своих центров: еще не образовалось в специальных районов, где бы кустари были заняты изготовлением изделий лишь одного типа. Только в редких случаях экономические примечания констатируют наличность кустарных промыслов: так, крестьяне Тумботина, Вязовки и Хренова, принадлежавшие Шереметеву, занимались кузнечным мастерством; крестьяне сел Панина, Зеленцова, Сосновки, Зелина занимались изготовлением телег. В округе господствовала оброчная система крепостного хозяйства; изделье являлось исключением, как и наличность барского дома. Если взять данные о Павловском промышленном районе, относящиеся к 80 годам 19 века [2]), и сравнить их с данными экономических примечаний, то можно сделать следующие выводы. Новых селений за 100 лет появилось в районе немного, приблизительно семь. Число дворов в старых селениях почти повсюду увеличилось. Цифровые данные приводим в нижеследующей таблице:

	Число дворов в округе [3]), захваченной промышленностью.	Число жителей в той же округе.
Конец 18 века	3585	[illegible]
80 годы 19 века	6878	36453
Разница	3293	13455

[1]) Сборник Ниж. ученой архивной комиссии, т. [illegible], стр. 158.

[2]) Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности, вып. IX, стр. 247.

[3]) В состав округи входит 70 поселений, которые экономически тяготеют к Павлову и Ворсме.

Население возросло на 58,5%; число дворов на 89%. При неплодородности почвы данной округи, при очень слабой интенсификации крестьянского хозяйства это возросшее население, к тому же разбитое на большее число хозяйственных единиц, могло существовать, лишь усилив свои кустарные промыслы, если только оно хотело оставаться на месте.

2.

Крепостные отношения, хотя бы они и выливались в форму взимания оброка, мешали свободной борьбе экономических сил, были началом, сдерживающим процесс образования классов в деревне. Боборыкин [9]) держал в руках и с немалым изумлением перечитывал «замечательный экземпляр настоящего кодекса», составленного в 20 годах 19 века для всех вотчин Шереметева. Он носил название «Собрания положений и правил, по которым управляющий должен поступать во время управления» и принадлежал конторе Ивановской вотчины. В кодексе находилось все: и государственное устройство, и финансы, и юстиция, и крестьянская община, и нотариальная часть, и полицейское управление, и штрафы, и постановления о браках. Прошнурованный экземпляр скреплялся подписями крепостного экспедитора, столоначальника и повытчика. Получая оброк с двухсоттысячного населения, владелец не думал ни о каких способах поднять посредством общего и технического обучения материальный и нравственный быт своих крестьян в таких селах, где промышленность заменила земледелие. Тем не менее начавшийся давно процесс концентрации капитала и пролетаризации крестьянства шел своим чередом, делал свое незаметное дело. Энгельгардт, посетивший Павлово в [illegible] году, говорит, что в этом селе многие богатые мастера имеют особые мастерские, в которых работы производятся наемными людьми [10]). Академик Кеппен в 40 годах 19 века сообщает, что известный фабрикант Завьялов, фабрика которого возникла в начале 19 века, употребляет на ней машины, приводимые в движение лошадьми. В начале 50 годов того же века в Павлове насчитывалось несколько крупных мастеров-фабрикантов, из которых выделились Завьялов, Калякин, Горшков, державшие в своих руках павловскую промышленность [11]). Замечание Туган-Барановского, что лишь «в 19 веке к дворянским и купеческим фабрикам

[9]) Боборыкин, Русский Шеффильд. „Отечественные записки", 1877, т. II, стр. 345.

[10]) Engelhardt, Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg nach dem Ural p. 177.

[11]) Мельников, Павловская промышленность.

стали присоединяться еще крестьянские»[12]), нуждается в одном исправлении. Крестьянские «фабрики» появляются еще во второй половине 18 века; так, по крайней мере, было в Павловском промышленном районе, если судить об этом по экономическим примечаниям; в 19 веке это явление делается только еще более заметным: ликвидация же крепостных отношений открывает небывалый простор для борьбы экономических сил. В Павловском промышленном районе этими силами были кустарь, скупщик и фабрикант.

Если обратиться к моменту ликвидации крепостных отношений в изучаемом районе, то вот какого характера данные мы находим в известных приложениях к трудам редакционных комиссий по Горбатовскому уезду Нижегеродской губернии.

Владелец Дм. Н. Шереметев[1]): вотчина Павловская с селами, деревнями и пустошами — в ней 5627 крестьян и 13 дворовых; усадебной земли 0,08 десятины на двор; пашни 1 десятина на душу; оброк с души 5 р. 78 к. Вотчина Ворсомская и Хвощевская с селами, деревнями и пустошами — в ней 1.038 крестьян и 19 дворовых; усадебной земли 0.15 десятины на двор; пашни — 2,64 десятины на душу; оброк 5 р. 81 к. с души. Вотчина Ичалинская и Соловерская с селами, деревнями и пустошами — в ней 7.871 крестьянин и 54 дворовых; усадебной земли 0.17 десятины на двор; пашни — 2.75 десятины на душу, оброку с души 5 р. 8½ к. Кроме того, есть дворы бобыльские, вдовьи и солдатские; их 331 двор.

Эти данные были исходным пунктом при составлении уставных грамот; владелец стремился, с одной стороны, исчислить возможно выше повинности крестьян за выкупаемую ими землю, а, с другой стороны, сохранить за собой всякого рода оброчные статьи, т. е. торговые и ярмарочные площади, пристань, постройки, прилегающие к площадям. Эта тенденция особенно ясно выступает в уставной грамоте села Павлова, где читаем: «Быт крестьян обеспечен выделкою весьма значительного количества металлических изделий и обширной торговлей оными во всей России». «Почти все крестьяне без исключения имеют таковые фабрики у себя на домах, отчего годовой торговый оборот села Павлова простирается более миллиона рублей серебром в год». Указав далее, что в село Павлово перешло на жительство 187 душ из ближних селений, составитель уставной грамоты вместо 3 руб. 56¾ к. назначает оброк в 5 руб. 13 коп. При этом была сделана ссылка на примечание к 19 статье местного поло-

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика, стр. 101.
[1]) Приложения к трудам редакционных комиссий. Нижегородская губерния.

ления о поземельном устройстве крестьян [14]), где сказано, что в селениях малоземельных, в коих быт крестьян обеспечен промыслами, предоставляется губернскому по крестьянским делам присутствию допускать возвышенный против действительного надела оброк, соразмерно с промысловыми выгодами крестьян. Также была сделана ссылка и на 174 статью того же положения, устанавливающую повышение оброка между прочим и [15]) «в тех богатых промышленных, и уже состоящих ныне на оброке селениях, где сами крестьяне производят обширную торговлю, или фабричную промышленность, или пользуются, кроме поземельных угодий, значительными оброчными статьями».

Таким образом и получилось, что за низший поземельный надел—для павловцев на душу приходилось меньше десятины—был назначен повышенный оброк. Начавшаяся на основе уставной грамоты тяжба между крестьянами и Шереметевым была закончена в 1871 году особой мировой, из которой видно, что павловское общество приобрело за выкупную сумму в 130.000 руб. усадебный и полевой надел, а «отдельные крестьяне-домохозяева» выкупили в собственность участки усадебные, огородные, под базарными и ярмарочными площадями и лавками.

Это и значит, что в процессе ликвидации крепостных отношений павловская буржуазия приобрела лучшие участки земли, доходность которых должна была возрасти вместе с ростом населения и торгово-промышленного оборота; вместе с тем остальная часть населения была стеснена этим выкупом богатыми лучших и просторных участков, этим округлением усадеб [16]). В то время как полевая земля, не представляя особой ценности, сдавалась в аренду, усадебная земля концентрировалась в руках буржуазии: различие между скупщиками и рядовым кустарем усилилось и отразилось на формах павловского усадебного землевладения. «Пространство каждой усадебной земли ограничивается местом под домом»; «каждое жилище без исключения есть прежде всего мастерская, работают даже на улице, и все это место есть не что иное, как одна мастерская». Один наблюдатель пишет, что встречал здесь в Павлове на улице много мужчин совсем нагих, в том виде, как они работают в своих мастерских; это диковинное явление усиливало впечатление крайней нищеты рабочего населения [17]).

О том, насколько изменился темп социальной жизни в Павловском промышленном районе после ликвидации крепостных отношений, видно из обостренной борьбы партий в 70-х годах прошлого века. Это были, конечно, местные партии: личные счеты в

[14]) Положение 19 февраля 1861 г. (изд. 1916 г.), стр. 147.
[15]) Там же, стр. 177.
[16]) Безобразов, Народное хозяйство России, т. II, стр. 192.
[17]) Там же, 165.

них играли крупную роль; но за всем этим скрывалось обострение классовых отношений, какой-то сдвиг в самой психологии павловчанина.

В то время, когда поле для выгодных операций по скупке павловских изделий для самолишной буржуазии еще больше расширилось, из среды этой буржуазии вышел вождь «народной партии» фабрикант Прышаев, который, опираясь на раздражение массы кустарей, их обиды и притеснения скупщиков, повел великую, враждебную представителям торгового капитала, стал действовать в интересах павловского демоса, привлекая его на свою сторону. Он выдвинул идею раскладки выкупных платежей не по душам, а по состоянию, что, разумеется, больно задевало владельцев больших усадебных мест; он выдвинул идею улучшения местного быта через постройку школ и больницы. Как фабрикант, как представитель народившегося уже промышленного капитализма, он был заинтересован в улучшении местной жизни, в привязанности к своему очагу и в усердии тех кустарей, рабочую силу которых он собирался правильно с расчетом на долгий срок эксплуатировать. В этой борьбе общественных сил, напоминающей что-то античное или городские коммуны средневековой Италии, в борьбе, наполняющей послереформенное время, как нельзя более ясно обнаруживается, что кустарь из-под влияния скупщика переходит под влияние капиталиста-фабриканта.

Возникал вопрос, ухудшалась или улучшалась участь кустаря, терявшего призрачную самостоятельность и превращавшегося в рабочего, получающего заработную плату. Надо сказать, что как в литературе 70 и 80 годов, посвященной павловской промышленности, в центре внимания стоял новый, т. е. пореформенный порядок, сама самая техника производства, так и в литературе 90 годов, вышедшей из кругов земских статистиков, затронутых спорами о преимущественном положении кустаря или рабочего, т. е. спорами о народничестве и марксизме, был поставлен вопрос, теряет ли что-нибудь павловский кустарь, превращаясь в пролетария, или он даже выигрывает? Мы и переходим к рассмотрению этой проблемы [13])

3.

Исследования павловской промышленности, вышедшие из кругов земских статистиков, отличаются не только интересом к

[13]) Первая группа работ, посвященных павловской промышленности, заключается в исследовании Лабзина, полубеллетристических очерках Боборыкина (Русск. Шерфилд), статье Гацисского (IX т. Нижегородского сборника) и описании металлической промышленности области Безобразова. Вторая группа работ, вышедшая из земских и народнических кругов, представлена исследованиями Плотникова, Шмидта и Григорьева (Материалы к списку фабрик и заводов Нижег. губ. 1900).

поставленной проблеме, но и объективным подходом к ее разрешению с помощью языка цифр, общим уточнением приемов работы, расчленением на составные части производственного процесса.

Основной вопрос о связи кустаря с землей, о том, насколько он обеспечивается своим крестьянским хозяйством, получает такое разрешение. У большинства деревенских кустарей павловского промышленного района есть свой хлеб, и они не вынуждены покупать на базаре все, как это приходится делать жителям Павлова, не занимающимся сельским хозяйством. Но хлеба этого в громадном большинстве кустарных селений хватает только на часть года, иногда очень небольшую, и дается он кустарям не дешево [illegible]). Самое же главное, в районе идет процесс ликвидации земледелия, возвращение кустаря на прежние исходные позиции если не отрезано, то крайне затруднено, и он должен выбирать в случае потрясения основ его довольно призрачной самостоятельности, между рабочим домашней промышленности, Hausindustrie, и фабрики. Из прилагаемой ниже таблицы видно, как возрастал процент беспосевных с 1889 по 1901 год в районе [illegible]).

Волости.	Беспосевных % в 1889 году.	Беспосевных % в 1901 году.
Т[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	19,1	[illegible]
[illegible]	27,[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]
С[illegible]	2[illegible]	[illegible]
По району	[illegible]	[illegible]

В то время, как возрастал процент беспосевных хозяйств, кустарь все более утрачивал облик самостоятельного хозяина. Этот процесс начался давно. В историко-статистическом обзоре промышленности в России [illegible]) уже указывается, что кустарь обратился в павловском промышленном районе в обезличенного

[illegible]

[illegible]

[illegible]

рабочего, прикрепленного к крупному предпринимателю, но работающего у себя на дому.

В 90-х годах этот процесс был обследован во всех его разветвлениях. Выяснилось, что замочный промысел, требующий большего разделения труда, наиболее кустарен; наоборот, производство столового и ремесленного ножа приближается уже сильно к мануфактурному или фабричному: с базаром имеют дело уже немногие, скупающие у других их работу; производство складного ножа и ножниц занимает среднее место между замком и столовым ножом.

Изменения, которые произошли за 12 лет, т. е. с 1889 года по 1901 год, сводились, таким образом, к процессу капитализации [illegible] промыслов: уменьшилась численность самостоятельных кустарей и увеличилось число работающих в [illegible]. Приводимая ниже таблица свидетельствует об этом.

Из 100 дворов с металлическими промыслами работали в [illegible] году:

Волости	[illegible]	[illegible]	[illegible]
С. Павлово	[illegible]	[illegible]	[illegible]
С. Ворсма	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Прочие селения	[illegible]	[illegible]	[illegible]
По району	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Того же [illegible]	[illegible]	44.1	[illegible]

Павловский кустарь, однако, упорно защищал свою призрачную самостоятельность, свой «двор» [illegible] удешевлением своего труда. «Дешевизна труда мешала развитию чисто фабричной формы», — писали в «Историко-статистическом обзоре» за 1896 год[2]. Колебания рыночных цен отражались в значительно меньшей степени на мастерах, работавших на хозяина, чем на кустарях, сохранивших призрачную самостоятельность. Заработок последних [illegible] с головокружительной быстротой: в 1890 году он упал [illegible] 50 к. до 60 к.

[1] Ш[illegible], Павловский [illegible]

[2] Историко-статистический обзор [illegible]

С точки зрения социальной психологии, причины, поддерживающие существование павловской индустрии, лежали в том, что часть людей привыкла к кошному производству, возникшему [illegible] на данной территории. Кустари продолжали работать также [illegible], как и прежде, возмещая сокращавшуюся выручку увеличением продолжительности своего труда и привлечением к работе тех членов семьи, которые по возрасту или по полу ранее были освобождены от участия в промысле. Капитализм мог здесь выражаться только пока [illegible] — в расширении домашней формы крупной промышленности, что и наблюдалось [illegible] в действительности [1]).

Нижеследующая таблица выясняет успехи отмеченной [illegible] [illegible]лизации, т. е. вовлечение в промысел нетрудоспособных элементов во имя защиты призрачной самостоятельности и прежнего строя жизни.

На 100 работников приходилось:

[illegible]	1889 год.					1901 год.				
	Полурабочих.	Мальчиков.	Стариков.	Женщины.	Итого.	Полурабочих.	Мальчиков.	Стариков.	Женщины.	Итого.
Павлово	11,7	[illegible]	[illegible]	40,5	69,8	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	15,2	[illegible]	5,8	24,9	52,9	20,2	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]ения	19	[illegible]	[illegible]	24	51,2	20,5	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
По району	[illegible]	[illegible]	[illegible]	12,9	41,7	19	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Общий процент использования кустарем семейных сил поднялся за 12 лет на 29,3%; из этого процента львиная доля 21,1% приходилась на труд женщин. Образы женщины-кустарей были [illegible] уже в конце 70-х годов [2]). И тем не менее, кустари были почвой, на которой вырастала фабрика; кустари — армия, фабрика — ее передовой отряд; фабрика объединяет и реформирует кустаря. Правда, до последнего времени павловская [illegible] отмечена примитивным разделением труда, слабым применением иной силы, кроме силы человека; правда, капитал здесь больше затрачивается не на здания и машины, а на куплю материалов и раздачу их в дело, и все-таки приходится констатировать тот

[1]) Шмидт. Павловский [illegible] стр. [illegible]4.
[2]) Боборыкин, Русские [illegible].

[illegible], что чем более входят в производство сложные механизмы, тем менее кустари выдерживают силу фабрик. Материалы для оценки фабрик и заводов Нижегородской губернии за 1902 год перечисляют в данном районе 26 фабричных предприятий (Павлово — 10, Ворсма — 10, [illegible] — 6) с 11 паровыми машинами, с 1240 рабочими, занятыми работой на самих фабриках, и с 1408 рабочими вне фабричных стен[1]. Общая техническая отсталость этого промышленного района бросилась в глаза уже исследователю 70-х годов Лабзину; она проходит красной нитью и через последующую историю этого промышленного района: тут сказывались кустарные навыки населения и дешевизна труда.

В один голос исследователи отмечают, что переход кустаря на фабрику не ухудшал его материального положения. Колебания рыночных цен всегда более болезненно задевали кустаря, чем фабричного рабочего, что уже было указано. Но помимо этого, заработок фабричного был больше, время его работ было фиксировано и самый труд был более продуктивен, а все-таки кустарь цеплялся за привычную форму работы. «Заработок рабочих вне фабрики ниже, он достигает лишь 100 руб. в год; заработок рабочих на фабриках выше 125 руб. и может быть определен в среднем величиною в 153 руб.», читаем мы в материалах по оценке фабрик и заводов губернии за 1902 год. «Представителями экономической жизни здесь являлись не фабриканты-миллионеры, более или менее свободные в своих действиях относительно приискания удобных и надежных рынков для вырабатываемых на их мануфактурах изделий, а следовательно и поддерживающих худо ли, хорошо ли постоянные заработки убивающего свою жизнь на мануфактурах рабочего населения; представителями экономической жизни здесь являются целые сотни и тысячи мелких производителей, день и ночь работающих из-за средств существования, которое не удовлетворит в другой стране убогого нищего»[2].

Эти слова указывают основную социальную черту данного промышленного района.

Впоследствии жизнь внесла сюда некоторый корректив: постепенно рядом с нищим кустарем встал фабричный рабочий, растущий вместе с машинизацией и концентрацией производства. Процесс разрыва связей с землей и потери хозяйственной самостоятельности населением здесь был гораздо более медленным и

[1] Материалы [illegible] Нижегородской [illegible] 1902 [illegible]

[2] [illegible]

сложным, чем, например, в Выксунском промышленном районе [1]. Формы промышленности в их историческом развитии располагались здесь синхронистическими рядами и наслоениями, давая великолепную иллюстрацию своей изменчивости и подвижности, которые экономист систематик стремится уложить в схему и в обобщающие ряды; историк же ценит каждый нюанс, как отражение действительности.

С. Архангельский

Борьба фабрикантов против охраны труда.

Пересмотр закона 3 июня 1886 года.

Морозовская стачка привела к изданию закона 3 июня 1886 г., который ввел в некоторые правовые границы взаимные отношения фабрикантов и рабочих и подчинил промышленные предприятия, бывшие до того вотчиной фабриканта, надзору фабричной инспекции. Но не успел этот закон войти в жизнь, как против него поднялась дружная кампания, как со стороны министерства вн. дел, так и со стороны фабрикантов. Для правительства вообще и для министерства вн. дел в особенности, при издании закона на первом плане стояло, конечно, не удовлетворение каких-либо нужд рабочих и даже не действительное урегулирование взаимоотношений труда и капитала, а поддержание порядка на фабриках и в стране. К разработке закона 1886 года оно приступило под воздействием рабочих волнений. Фабриканты еще меньше оснований имели быть довольными законом, который полагал некоторые пределы безграничной эксплуатации труда и вводил непрошенный контроль над теми отношениями, которые, казалось, на вечные времена освящены стариной и патриархальностью.

Застрельщиками выступили московские фабриканты. Как только издан был закон, они принялись за дело, и уже в марте 1887 года, как мы увидим, был готов настоящий обвинительный акт против нового закона, и, в особенности, против фабричной инспекции, которая обвинялась во всех грехах смертных.

Оппозиция фабрикантов подкрепила министерство вн. дел, которое имело свои основания добиваться скорейшего пересмотра закона, изданного под давлением забастовок рабочих. 26 января 1887 г. т. е. всего только спустя полгода после издания закона 1886 г. министр вн. дел гр. Толстой писал министру финансов Вышнеградскому [1]): «С самого начала применения нового фабричного закона министерство вн. дел пришло к заключению, что деятельность фабричной инспекции и по изложенному ... [illegible]

[1]) Архив [illegible] департамента полиции [illegible]

...ечных правил найму, не может быть признано вполне удовлетворительным», и что причина сего кроется в двойственности положения инспекции, как органа министерства финансов, обязанного, однако, преследовать исключительно административно-полицейские цели». Гр. Толстой полагал, что подчинение инспекции министерству финансов оправдывалось лишь первоначально, поскольку законами 1 июня 1882 г. и 27 июля 1884 г. на нее возлагался надзор исключительно за работою и обучением малолетних. С изданием же закона 1886 г., рассуждал министр вн. дел, «фабричная инспекция получает значение специального полицейского учреждения, обязанного принимать меры к охранению порядка и спокойствия на фабриках и таким образом делать распоряжения в той отрасли управления, которая составляет предмет ведомства администрации». При таком положении дела принадлежность фабричной инспекции как иному, от общей полиции, ведомству, не сообразуясь с сущностью ее назначения, влечет за собою значительные затруднения и служит нередко препятствием к предупреждению тех вредных для государственного порядка проявлений в среде фабричного населения, устранение коих составляет, очевидно, главнейшую задачу названного учреждения». В частности, гр. Толстой указывал, что фабричная инспекция по незначительности штатов не в состоянии непрерывно следить за отношениями между фабрикантами и рабочими и должна, поэтому, прибегать к содействию полиции для подавления беспорядков, когда они уже стали фактом, как, с другой стороны, сознание, что наблюдение за порядком на фабриках принадлежит инспекции, неминуемо уменьшает энергию полиции. «Между тем получение обстоятельных донесений о состоянии умов на фабриках, наблюдение за появлением в среде фабричного населения неблагонадежных и подозрительных личностей, а также устранение причин тех незначительных сначала несогласий, которые влекут за собою серьезные последствия,—представляется непременным условием успеха в предупреждении волнений на фабриках и заводах, вообще, пагубно отражающихся в деле охранения государственного порядка и общественного спокойствия». Все это, по мнению гр. Толстого, может быть исправлено, если «ощущаемый на практике недостаток личного состава фабричной инспекции будет возмещен общностью действий как инспекции, так и полиции».

Отсюда следовал вывод: «Такое взаимное положение чинов инспекции и полиции вызывает необходимость объединения их действий и сосредоточения распоряжений по оным в одном ведомстве, на ответственности которого лежит охранение внутреннего порядка и спокойствия во всем государстве, почему министр внутр. дел полагает вполне целесообразным и настоятельно необходи-

чтобы фабричная инспекция состояла в ведении министерства по департаменту полиции. При соблюдении этого основного требования гр. Толстой готов был пойти на некоторые уступки: надзор за работой и обучением малолетних может быть предоставлен акцизному надзору, однако только в тех местах, где не имеется фабричная инспекция; отчеты свои инспекция доставляет министерству финансов. Всю эту реформу гр. Толстой предлагал осуществить в порядке высочайшего соизволения особым указом, мотивируя такой порядок тем, что самый закон о фабричной инспекции остается в силе.

Вышнеградский, еще не осведомленный в точности о настроениях фабрикантов и считаясь лишь с общей их оппозицией институту фабричной инспекции, отнесся к предложению министра вн. дел сперва сочувственно. Указывая в своем ответе (27 февраля 1887 г.), что по закону общий надзор за порядком на фабриках принадлежит губернскому начальству и осуществляется им как при содействии губернского по фабричным делам присутствия, так и фабричной инспекции, Вышнеградский писал: «Хотя при таком определительном указании в законе круга деятельности фабричной инспекции по надзору за заведениями фабричной промышленности не должно бы, повидимому, возникать каких-либо на практике недоразумений в точном разграничении обязанностей фабричной инспекции и полиции и взаимных их отношений, тем не менее, придавая существенно важное значение правильной постановке дела по установлению надзора правительственной власти за фабричными заведениями, а также принимая во внимание указания министра вн. дел на неудобства, происходящие от подчинения фабричной инспекции другому, чем полиция, ведомству, и на необходимость единства в действиях сих чинов, которое может быть достигнуто лишь путем объединения их в одном ведомстве, я не встречал бы, с своей стороны, препятствий к предположенной передаче фабричной инспекции в ведомство министерства вн. дел». Соглашаясь в основном, Вышнеградский ставил со своей стороны лишь следующие условия: 1) фабричная инспекция должна быть подчинена не департаменту полиции, а губернаторам; 2) назначение чинов фабричной инспекции должно производиться по соглашению с министром финансов и притом из лиц с высшим техническим образованием; 3) должность главного фабричного инспектора подлежит упразднению; 4) в губернские по фабричным делам присутствия должен быть введен представитель от министерства финансов; 5) фабричная инспекция должна доставлять министерству финансов все необходимые сведения. Реформу Вышнеградский предлагал провести в общем законодат-

тельном порядке в виду существенных изменений, предположенных в порядке фабричного надзора.

Когда затем министр вн. дел не согласился с условиями, поставленными Вышнеградским, последний пошел на уступки. Сообщая о ходатайствах московского отделения Общества для содействия русской торговле и промышленности и московского отделения Совета торговли и мануфактур о пересмотре закона 3 июня 1886 г., Вышнеградский писал министру вн. дел (2 мая 1887 г.): «Таким образом, изданные 3 июня 1886 года правила подлежат пересмотру в связи с замечаниями упомянутых выше совещательных по части торговли и мануфактур учреждений, причем неизбежно представится необходимость войти в ближайшее обсуждение постановлений, определяющих круг обязанностей чинов фабричной инспекции, а также самой организации этого учреждения». Вышнеградский предлагал, поэтому, чтобы вопросы эти были обсуждены совместно обоими министрами и затем внесены в государственный совет в связи с представлением окончательных предположений о работе малолетних, подростков и женщин, в виду истечения трехлетнего срока, на который, в виде опыта, был издан закон 3 июня 1885 года о ночной работе женщин и подростков. На этот раз министр вн. дел согласился с Вышнеградским, и 12 ноября 1887 г. была образована комиссия под председательством Плеве, для пересмотра закона 3 июня 1886 года.

Дав свое согласие на переход фабричной инспекции в ведение министерства вн. дел, Вышнеградский не учел, однако, в полноте настроений фабрикантов. В 1887 году на нижегородской ярмарке произошла встреча нового министра финансов со «всероссийским купечеством», и Вышнеградский получил возможность более точно информироваться о пожеланиях фабрикантов. В записке, поданной министру, фабриканты, между прочим, писали: «Русские промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патриархальное прошлое русских производств, смеют думать, что они заслуживают у власти большего доверия, чем то, которое им оказано введением стесняющего как их, так и рабочих, нового фабричного закона, отдающего часто целые предприятия на милость лица, в фабричном деле совершенно некомпетентного и не имеющего ничего общего ни с интересами государства, ни с нуждами купечества. Ярмарочное купечество и производители не имеют ничего против вмешательства государства во взаимные отношения фабрикантов и рабочих; они готовы приветствовать закон, хорошо регулирующий эти отношения, и [illegible], стремящихся водворить мир, тишину и любовь в фабричной среде. Но оно полагает, что существующий

закон весьма мало приближается к этому идеалу, а его исполнители явно уклоняются в сторону, тенденциозно преследуя совершенно непонятные цели и только внося раздор и разлад в фабричную жизнь». Однако, [illegible] же высказывалась и тревожная мысль: «Было бы крайне прискорбно, если бы слух о предполагаемой передаче инспекции в другое ведомство оказался имеющим какое-либо основание» [2]).

Таким образом, положение становилось более ясным, и общая оппозиция фабрикантов фабричной инспекции получила более определенные очертания. Вообще говоря, фабриканты, оказывается, ничего не говорят против фабричного надзора. Но кто же должен быть надзор лиц, не имеющих ничего общего с интересами государства и фабрикантов. Фабричная инспекция, очевидно, не имеет ничего общего с интересами фабрикантов. А министерство вн. дел или департамент полиции? Вот тут фабрикантам и приходилось выбирать, и они решили, что министерство финансов им ближе, чем департамент полиции, и потому пусть фабричная инспекция, разумеется усовершенствованная, остается в ведении министерства финансов, в особенности, когда им руководит Вышнеградский, сам близкий к их среде. Мысль о передаче фабричной инспекции в ведение министерства вн. дел представлялась «крайне прискорбной».

Вышнеградский не остался глух к речам фабрикантов, и как только комиссия Плеве пришла к заключению о передаче инспекции в ведение министерства вн. дел, Вышнеградский круто повернул назад. Отметив в своем письме (18 марта 1888 г.) к министру вн. дел, что раньше он лишь в принципе не встречал препятствий к передаче фабричной инспекции в министерство вн. дел (хотя на самом деле, как мы видели, дело обстояло совсем не так), а между тем многие из влиятельнейших представителей мануфактурной промышленности указали на необходимость оставить фабричную инспекцию в ведомстве министерства финансов, купечество же Нижегородской ярмарки выступило с коллективным ходатайством, чтобы фабричная инспекция не была передаваема в другое ведомство, Вышнеградский заявил, что считает нужным вновь рассмотреть поставленный вопрос.

Как видим, Вышнеградский не скрывает тех влияний, которые заставили его столь радикально изменить свое мнение. Раньше он ссылался на закон 1886 г., предоставлявший общий надзор за порядком на фабриках губернскому начальству, и, не взирая на это, соглашался со всеми доводами [illegible]. Теперь [illegible],

[2]) Московские Ведомости, 1887 г., № [illegible].

закона 3 июня 1886 г., он возражал против передачи фабричной инспекции в ведомство министерства внутренних дел и утверждает, что при руководстве губернатора деятельность и полиции и фабричной инспекции может быть направлена к одной цели — соблюдению должного порядка и благоустройства на фабриках».

Такие перемены фронта происходили под прямым воздействием фабрикантов, о чем Вышнеградский свидетельствует в своем письме: «Не могу не признать заслуживающими особенного внимания, — говорит он, — указанные выше ходатайства и заявления промышленного сословия, которое, не успев еще вполне освоиться с новыми порядками, созданными узаконением 3 июня 1886 г., естественно страшится всякого нового в сем узаконении изменения, а тем более столь существенного, как передача фабричной инспекции в другое ведомство, могущее послужить поводом к новым в настоящем деле усложнениям, которые в особенности при настоящих обстоятельствах были бы весьма нежелательными». Признавая, поэтому, возбуждение вопроса о фабричной инспекции «несвоевременным и неудобным», Вышнеградский, однако, соглашался, что в Петербургской, Московской и Владимирской губерниях чинов фабричной инспекции «в виду близкого соприкосновения вновь возложенных на них обязанностей с кругом деятельности общей полиции, правильнее было бы поставить в непосредственное распоряжение губернского начальства».

Этим возражением Вышнеградского вопрос о коренном преобразовании фабричной инспекции был погребен. В те времена вопрос этот не получил еще той остроты, которую он получил впоследствии с ростом рабочего движения, и одной оппозиции министерства финансов было достаточно, чтобы умерить рвение министерства внутренних дел. Но такому исходу благоприятствовало и другое обстоятельство: на очереди стоял общий пересмотр закона 3 июня 1886 г. в некоторых существенных его чертах, на чем солидарно сходились и оба министерства, и фабриканты.

Замечание Вышнеградского, что фабриканты естественно страшатся всякого изменения в законе 3 июня 1886 года, нужно понимать весьма условно. Фабриканты страшились только таких изменений, которые посягали на их интересы, и, напротив, они сами добивались изменений в законе в их пользу.

Мы уже упоминали, что московские фабриканты возбудили ходатайство о пересмотре закона 3 июня 1886 года. Записка от имени Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле была подана в министерство финансов 10 марта 1887 года и, как и соображения Московского отделе-

ния Совета торговли и мануфактур, была поддержана московским купечеством на нижегородской ярмарке 1887 года[1]).

«С самого начала применения нового фабричного закона, — говорится в записке Московского отделения общества для содействия русской промышленности и торговле, — возникли между фабрикантами и инспекцией разногласия и пререкания, которые обострялись все более и более, не могли принести пользы взаимным отношениям хозяев и рабочих и вообще на ходе фабричного дела. Полемические статьи в газетах, официальные жалобы на фабричную инспекцию вследствие ее излишней требовательности, совершенно не согласной с законом, не приносили никакой пользы рабочим, в защиту которых как будто выступила фабричная инспекция, не только стесняющей и фабрикантов, и рабочих, и затрудняющей самое производство, породило или какой-то борьбы между инспекцией, как бы защитницей рабочих, и хозяевами фабрик, как бы эксплуататорами в самом крайнем смысле этого слова... Воззрения инспекции на взаимные отношения между фабрикантами и рабочими построены на [illegible] противоположности интересов сторон. Отсюда объясняется и толкование инспекцией нового фабричного закона, как орудия, направленного преимущественно к урегулированию этой противоположности. Такой взгляд и такое толкование нового фабричного закона неверно как в теоретическом, так и в практическом отношениях». По мнению фабрикантов, между трудом и капиталом никакой противоположности интересов нет. Рабочий — представитель материального труда, фабрикант — представитель умственного труда и капитала: «Союз этих двух видов труда мог произойти не иначе, как на основании сходства интересов, ибо если бы последние были несходны, то не явилось бы основания к союзу». И поэтому «московское отделение, напротив, видит в сотрудничестве хозяев и рабочих на фабрике союз, основанный на сходстве (курсив подлинника) интересов и различии (курсив подлинника) способностей, дополняющих одно другое, следовательно, и толкование нового фабричного закона должно отправляться, по его мнению, из этой исходной точки зрения».

К каким же практическим заключениям приводила эта простая до гениальности философия Морозова и Крестовникова, стоявших во главе комиссии, которая составляла записку? Нужно ли пояснять, что не «сходство интересов», а «различие способностей» было положено в основу притязаний фабрикантов, которые направляли свои удары против всех. Более чем скром-

[1]) Записка эта имеется при названном деле департамента полиции. [illegible] подробные [illegible] извлечения приведены Шараповым в [illegible] „Русское Дело" (1887 [illegible] 3) и позже [illegible] статья [illegible] в „Русском [illegible]", 1889 г. № 4.

ных постановлений закона 3 июня 1886 года, дозволявших некоторый предел безграничной эксплуатации рабочих[1].

Фабриканты оспаривали почти целиком все права, предоставленные фабричной инспекции по надзору за взаимными отношениями рабочих и предпринимателей. Требование, чтобы расценки рабочих плат представлялись на утверждение фабричных инспекторов, совершенно разрушало, по словам фабрикантов, «начало добровольного соглашения» и делало утвержденную инспекцией плату принудительною, но при этом рабочий оставался свободным и мог на эту плату не соглашаться. Затем, [illegible] вопрос, относится ли определение сроков выдачи заработной платы к правилам внутреннего распорядка, утверждаемым инспекцией, фабриканты ответили на него отрицательно. Иначе говоря, фабриканты требовали, чтобы, в отмену закона 3 июня 1886 года, было восстановлено старое право предпринимателей произвольно назначать расценки и устанавливать сроки выдачи платы по своему усмотрению. Фабриканты далее находили, что предусмотренные законом штрафы с рабочих не должны исключать ответственности рабочего за порчу товара, за недостаток материала против выданного количества, за порчу орудий и машин и т. д., т. е. возмещения рабочим причиненного им убытка хозяину по добровольному соглашению сторон на условиях, оговоренных в расчетной книжке, или по суду. По закону 3 июня 1886 года договор найма мог быть расторгнут заводоуправлением, между прочим, вследствие неявки рабочего на работу без уважительных причин более 3 дней сразу—фабриканты же требовали, чтобы право расторжения договора было предоставлено им также при неявке рабочего на работу более 6 дней в месяц, без уважительной причины, или при отлучке рабочего более 2-х недель, хотя бы и по уважительной причине. По закону 3 июня 1886 года список товаров, продаваемых из фабричных лавок, утверждался фабричной инспекцией, расценки выставлялись на видном месте; фабриканты же отвергли право инспекции утверждать список продаваемых товаров.

Не делая никаких конкретных предложений о преобразовании фабричной инспекции, фабриканты направили свой удар против губернских по фабричным делам присутствий, добиваясь усиления в них своего влияния. Закон предусматривал участие в присутствии городского головы и председателя земской управы—фабриканты предлагали заменить их выборными от местных фабрикантов лицами, имеющими связь с фабричным делом, хотя бы эти лица и не состояли в званиях гласных. Кроме того в состав присутствия должны были войти члены по выбору биржевого комитета, а в местах, где последнего нет, по приглашению губернатора из местных фабрикантов, утвержденные министерством финансов. В от-

[illegible] что фабриканты получат большинство [illegible] [illegible]ами в присутствиях по фабричным делам. Не довольствуясь, однако, этим и стремясь закрепить в присутствиях свое влияние, фабриканты требовали, чтобы в тех случаях, когда в присутствии возникает спор между фабрикантом и инспектором, голос последнего не считался, и заодно, чтобы делопроизводство присутствия было изъято из рук старшего фабричного инспектора.

Таково было мнение Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле. Московское отделение Совета торговли и мануфактур требовало также, чтобы составляемые присутствием проекты обязательных постановлений препровождались для заключения в совещательные учреждения (т. е. в отделения Совета и конторы торговли и мануфактур), с тем, чтобы при рассмотрении в присутствии дел о жалобах фабрикантов [illegible] или их представители допускались для личных объяснений.

Наконец, фабриканты добивались уменьшения предусмотренных по закону наказаний и замены ареста денежным штрафом.

Достаточно приведенных примеров, чтобы судить, к чему вели притязания фабрикантов. Дело шло о возвращении назад, к порядкам, какие существовали до издания закона 3 июня 1886 г., о восстановлении полностью кабальных условий существования рабочего, о возвращении фабрикантам всей предоставленной им бесконтрольной власти и даже об усилении ее, поскольку предусмотрительно предполагалось радикальное изменение состава присутствий по фабричным делам с отдачей их в руки капитала.

Комиссия Плеве, после того, как по протесту Вышнеградского [illegible] вопрос о передаче фабричной инспекции в ведение министерства вн. дел, не спешила с выработкой проекта, так что последний поступил в Государственный совет лишь в 1893 году[1]. Самая разработка проекта свелась к тому, что комиссия охотно принимала пожелания фабрикантов, лишь частично не поддержанные министерством финансов, и [illegible] [illegible], выходившие [illegible] [illegible] [illegible] фабриканты[2].

Так, комиссия предложила, чтобы при найме на срок выплата заработной платы рабочим производилась не реже одного раза в месяц, а министерство финансов присоединилось к мнению московских фабрикантов, что в этих случаях плата выдается по окончании работы, если договором не предусмотрен срок более ранний. Комиссия отклонила [illegible] фабрикантов об

[1]) Журнал [illegible] Совета [illegible], 1893 г., № [illegible]. [illegible] [illegible] фабрикантов [illegible]

[2]) Архив [illegible] [illegible]

сменении налагаемого на них наказания, и удержала в их числе уничтожение в определенных случаях права осужденного управлять предприятием навсегда. Но министерство финансов, сохранив денежные штрафы, допускало, согласно мнению фабрикантов, лишение права управлять предприятием на срок не свыше двух лет. Комиссия отвергла предложение фабрикантов о передаче проектов обязательных постановлений, издаваемых присутствием по фабричным делам, на предварительное рассмотрение совещательным учреждениям; министерство же финансов предлагало, чтобы в таких случаях приглашались в присутствия, независимо от его членов, специалисты из предпринимателей с совещательными голосами по выбору совещательных учреждений. Комиссия отклонила ходатайство фабрикантов, чтобы паспорта рабочих хранились в фабричной конторе и в том случае, если рабочий живет на частной квартире, а министерство финансов поддержало это пожелание фабрикантов. Сверх того, исправляя проект комиссии Плеве, министерство финансов внесло в него прочие пожелания фабрикантов. Так, министерство финансов находило нужным приравнять к самовольному уходу рабочего отказ его от работы без предупреждения хозяина за две недели (при найме на срок неопределенный), решило в положительном смысле право фабрикантов штрафовать рабочих за нарушение правил внутреннего распорядка, высказалось за удовлетворение ходатайства иваново-вознесенского комитета торговли и мануфактур о включении его представителя в состав владимирского по фабричным делам присутствия.

В конце концов, проект, выработанный по соглашению министерства вн. дел и министерства финансов и без существенных изменений принятый государственным советом, вносил следующие главнейшие изменения в закон 3 июня 1886 года[1]: 1) фабричная администрация получила право обменивать просроченный паспорт рабочего на новый без согласия с рабочим, благодаря чему рабочий попадал в большую зависимость от фабриканта; 2) к числу долгов, в погашение которых запрещалось делать вычеты с рабочего, отнесены взятые рабочим вперед деньги, погашение которых приравнено к платежам по исполнительным листам—этим облегчался путь к хронической задолженности рабочего хозяину; 3) раньше рабочий мог требовать расторжения договора в случае смерти одного из членов его семьи, все равно какого — теперь это право было ограничено смертью мужа или жены или члена семьи, доставлявшего рабочему средства к существованию; 4) раньше несовершеннолетние могли работать по одной расчетной книжке только с родителями, теперь также с род-

[1] Собр. Узак. 189[illegible] зак. т. XIII, 9767.

-ствениками, на попечении которых они находились; 5) при найме на срок исполнения какой-либо работы (за исключением поштучной) плата могла выдаваться по окончании работы, если договор не предусматривал иных сроков; 6) право рабочего требовать расторжения договора по суду при невыдаче ему в срок платы ограничено тем случаем, когда плата не получена им не по его воле, при чем срок иска о расторжении договора сокращен с трех до одного месяца; 7) прекращение договора найма в случае приостановки предприятия поставлено в зависимость от условия, чтобы такая приостановка продолжалась более семи дней; 8) фабричная администрация получила право расторжения договора не только при неявке рабочего на работу более трех дней сряду, как было раньше, но и при неявке его в сложности более шести дней в месяц без уважительных причин и более двух недель сряду по уважительным причинам; 9) паспорта рабочих, живущих на частных квартирах, должны храниться в фабричной конторе; 10) штраф за прогул увеличен — фабричная администрация получила право в общей сложности в течение месяца штрафовать рабочих в сумме шестидневного заработка рабочего (против трехдневного, как было раньше); 11) фабриканты получили право сверх штрафа за неисправную работу взыскивать с рабочего по суду вознаграждение за нанесенный убыток; 12) отказ рабочего от работы без предупреждения за две недели при найме на срок неопределенный приравнен к самовольному уходу с предусмотренным наказанием арестом не свыше месяца; 13) наказание фабричной администрации в особых случаях (когда действия ее вызвали волнения рабочих) лишением прав заведывать фабрикой навсегда уменьшено таким лишением до двух лет; 14) денежный штраф, налагаемый на заведующего фабрикой за нарушение правил о выдаче рабочим расчетных книжек, уменьшен постановлением, что исчисляется этот штраф для каждого нарушения особо по числу рабочих не снабженных книжками или имеющих неправильно веденные книжки, и в общей сложности не должен превышать 500 руб.; 15) в составе владимирского по фабричным делам присутствия члены от города и земства заменены членами местного комитета торговли и мануфактур.

Единственное новшество, имевшее в виду интересы рабочих, касалось фабричных лавок: новый закон предоставил фабричной инспекции право утверждать расценки товаров, продаваемых из лавок.

Фабриканты добились не всего, но очень многого. В предвкушении успеха от пересмотра закона 3 июня 1886 года «Московские Ведомости» выражали надежду, что фабриканты будут освобождены от стеснений, наложенных на них «под влиянием идоло-

поклонничества перед Западом» и что новый закон, который должен быть издан, прозвучит, «как знамение времени, как «mot d'ordre» местным исполнителям закона», т. е. фабричной инспекции [7]), а в другой раз реакционная газета, близко принимавшая к сердцу интересы фабрикантов, требовала полного упразднения всякого фабричного надзора: «Грозного четвертого сословия,—писали «Моск. Ведомости»,—этого пугала современной западноевропейской жизни, у нас, благодаря богу, не существует. Потому у нас, по нашему убеждению, и нет надобности в каком-либо вспомогательном органе для специального проведения в жизнь постановлений фабричного законодательства. Наши хозяева и рабочие живут, в общем, мирно друг с другом, сами разрешая возникающие недоразумения: вводить в эти естественные и простые отношения какой-либо посторонний элемент является излишним, ибо он может только порвать эту очень дорогую для нас связь и искусственно создать то, чего у нас не было — социальное движение в среде рабочих» [8]).

Так далеко, однако, как хотелось фабрикантам и «Московским Ведомостям», дело не дошло. Фабричная инспекция не была упразднена, но фабриканты получили, пожалуй, более существенное — ряд отступлений от закона 3 июня 1886 года, открывавших простор для закабаления рабочих.

Пересмотр закона 3 июня 1886 года составляет любопытную страницу в истории не только нашего рабочего законодательства, но и классовой борьбы. Обыкновенно принято думать, что стачечное движение первой половины 80-х годов и, в особенности, морозовская стачка закончились в последнем счете победой и заставили правительство пойти на уступки изданием закона 3 июня 1886 г. Как видим, это верно только отчасти. Закон 3 июня 1886 г. был издан под непосредственным давлением рабочих волнений, но не только содержание, но и длительность его отразила на себе судьбу рабочего движения. Давления рабочих масс оказалось достаточно ровно настолько, чтобы заставить власть с чрезвычайной быстротой издать закон и устранить вопиющие безобразия фабричных порядков [9])—и только. Оно не было достаточно сильно даже для того, чтобы удержать скромные завоевания рабочих.

Наступившая с воцарением Александра III беспросветная реакция затормозила дальнейший рост рабочего движения, вообще замедленный промышленным кризисом восьмидесятых го-

---

[7]) „Моск. Вед." 1893 г., № 93.

[8]) „Моск. Вед." 1893 г., № 210. Более подробно „Моск. Вед." развили свой взгляд на пересмотр закона 1886 г., совпадающий с желанием фабрикантов, в ряде статей 1893 г. (№ 78, 85, 93, 2 6, 2 3, 210).

[9]) См. вторую часть моих „Очерков по истории рабочего класса в России".

лев. Бурная вспышка борьбы рабочих, особенно остро сказывающаяся в морозовской стачке, спала и поле оставалось расчищенным для капитала. Укрепившаяся реакция могла попытаться испробовать свои силы и в области рабочего законодательства, чтобы исправить «малодушие», проявленное под давлением морозовских волнений: в эти мрачные годы впервые поднимается вопрос о передаче фабричной инспекции в министерство вн. дел, об органическом слиянии ее с департаментом полиции — вопрос, который остается острым и для последующего времени. С другой стороны, более смело переходит в наступление капитал, который раньше противился уступкам. Записки, ходатайства, ярмарочные манифестации, агитация в печати — приводят к желанным результатам: закон 3 июня 1886 г. подвергается пересмотру, «исправляется» в духе пожеланий фабрикантов и в направлении закрепления кабальных условий существования рабочих. За поражение в деле морозовской стачки капитал компенсировал себя пересмотром закона 3 июня 1886 г., который обозначал попытку ликвидировать рабочее законодательство с перспективой дальнейшего упрощения фабричного надзора — попытку, которая, после временной победы, не удалась по причинам, от капитала независившим: к тому времени рабочее движение стало впервые развертываться в массовое, и думать уже приходилось о новых «уступках».

М. Балабанов.

Движения на Путиловском заводе («Красный Путиловец») в 1901—17 г.г.

(По данным б. департамента полиции[1]).

Первомайские рабочие демонстрации в Петербурге в 1901 г.[2] приняли настолько грандиозные размеры, что правительственные сферы были сильно встревожены. В демонстрациях принимали участие и путиловские рабочие. Спустя несколько дней обуховские рабочие забастовали в знак протеста против арестов и расчетов товарищей, участвовавших в демонстрации. Столкновения обуховцев с полицией и войсками (знаменитая „Обуховская оборона") и дальнейшие события на Обуховском заводе повлияли революционизирующим образом на рабочие массы Петербурга.

По агентурным сведениям, брожение возникло также среди рабочих Путиловского завода, особенно в паровозо-механической мастерской. В связи с этим было арестовано около тридцати рабочих, „наиболее вредно влиявших на своих товарищей". Через некоторое время (в августе того же года) на Путиловском заводе началось брожение на почве недовольства новыми правилами распределения рабочего времени, которым был введен более строгий контроль за своевременным приходом рабочих на завод. Являвшихся рабочих отмечали в мастерских, а не в проходной конторе, как это делалось раньше. Между тем некоторые мастерские были расположены на значительном расстоянии от проходной конторы, а потому для того, чтобы не опоздать, рабочие должны были являться на завод раньше или рисковали подвергнуться штрафу, который после введения новых правил принял „всеобщий характер". Особенно были недовольны старшие рабочие и мастера, на которых была возложена обязанность контролировать явку рабочих, а

---

[1]) Дело № 61 (до 1906 г. включительно—дело № 4), по 4-му делопроизводству Особого отдела департамента полиции (о рабочем движении в Петербурге).

Дела за 1904 и 1916 г.г. увезены в Москву, а потому эти годы нами не использованы.

Значительная часть материала за 1905 г. опубликована в „Красной Летописи" (1922 г., № 1) и за 1914-15 г.г. — в журнале „Пролетарская Революция" (1923 г., № 1).

Даты в настоящем очерке повсюду показаны по старому стилю.

По истории Путиловского завода—см. юбилейное издание: „К столетию Путиловского завода (1801—1901)". С.-Петербург, 1902 г.

[2]) Движения на Путиловском заводе происходили и раньше, но в материалах Охранного отделения сведений о них мы не нашли.

потому они должны были значительно раньше являться на завод. Насколько эти правила были обременительны, видно из того, что директор департамента полиции просил градоначальника указать администрации на их стеснительность и на желательность их отмены.

В следующем году брожение возобновилось в виду массовых увольнений рабочих (за первое полугодие 1902 г. до тысячи человек), которые были вызваны уменьшением заказов и сокращением производства.

Следует отметить, что вплоть до 1905 г. стачечное движение среди петербургских металлистов затихло [3]). Но подпольная революционная работа не прекращалась. По сведениям охранного отделения (1903 г.), „главнейшие усилия революционеров были направлены в среду рабочих Обуховского и Путиловского заводов, *где контингент рабочих является наиболее развитым и подготовленным к восприятию противоправительственных учений*“ [4]). И действительно, в событиях 1905 и дальнейших годов большую роль играли рабочие Путиловского завода.

Неудачная война с Японией обнаружила, что царизм является колоссом на глиняных ногах. Революционное брожение в массах искало выхода. Достаточно было искры, чтобы воспламенить возбужденных рабочих. Такой искрой послужило увольнение на Путиловском заводе в декабре 1904 г. двух рабочих [5]).

По сведениям агентов охранного отделения, события происходили в таком порядке.

Среди рабочих Путиловского завода распространился слух об увольнении, по представлению мастера вагонной мастерской Тетявкина, четырех рабочих за принадлежность к гапоновскому „Собранию русских фабрично-заводских рабочих“. Этот слух побудил общество созвать экстренное собрание, о чем особенно хлопотали рабочие вагонной мастерской и „преимущественно известный департаменту полиции“ рабочий Александр Ребрантов. На собрании решено было требовать увольнения Тетявкина и обратного приема уволенных рабочих. Решено было послать депутацию к градоначальнику, фабричному инспектору и к директору завода, и созвать новое собрание для обсуждения результатов, достигнутых депутациями. 30 декабря на заводе было вывешено об'явление директора завода, в котором указывалось, что на самом деле уволен лишь один рабочий — Сергунин — за нерадивую работу; рабочий Субботин сам перестал посещать завод после того, как ему было предложено представить записку от доктора в удостоверение законности пропуска одного рабочего дня; рабочий Уколов предназначался к увольнению, но после того, как он дал письменное обещание, что у него прогулов больше не будет, он был оставлен на заводе; рабочий Федоров продолжает работать на заводе и к увольнению не предназначался. В заключение директор в своем об'явлении указывал, что

3) Ф. Семенов-Булкин, Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. („Архив истории труда в России“, кн. 9, стр. 97).
4) Курсив наш.
5) С. Н. Прокопович, К рабочему вопросу. 1905 г., стр. 161—162 и газета „Русь“ за 1905 г., № 3.

общество фабрично-заводских рабочих не имеет никакого права вмешиваться во внутреннюю жизнь завода, и потому он не признает депутации от этого общества.

Собрание происходило под председательством рабочего Владимира Иноземцева, который сделал разбор по пунктам об'явления директора завода. Иноземцев указал, что рабочий Сергунин, уволенный „за неумелую работу", работает на заводе 15 лет и одно время, когда на заводе работа шла в две смены, назначался за мастера. Субботин, уволенный „за прогул", пропустил только один день и то по болезни, для лечения которой он обращался даже к заводскому врачу, который прописал ему лекарство. Когда же Субботин пришел на другой день к доктору за запиской, то доктор, кем-то, очевидно, предупрежденный, записки ему не дал, а сказал: „Ты вот грубишь мастеру, а потом являешься за записками". С рабочего Уколова подписка, что у него не будет прогулов, взята незаконно, так как такой подписки никто дать не может, потому что прогулы бывают всегда по независящим от рабочего обстоятельствам.

После этого было сделано сообщение о депутации, отправленной к фабричному инспектору. Последний ответил, что весь этот инцидент раздут рабочими, которые часто заявляют разные вздорные претензии из-за того, что мастер „назовет кого-либо дураком", и тому подобных пустяков.

Собрание решило поддержать товарищей и с 3 января 1905 г. об'явить на заводе забастовку.

Агенты охранного отделения задержали выходивших из квартиры студента университета Баранчика, рабочих Путиловского завода А. Ф. Тананина (он же Максимов) и И. Т. Воронина; у последнего были найдены прокламации „К рабочим Путиловского завода" с подписью: „Спб. группа центрального комитета" соц.-демократической партии. В прокламации указывалось, что „Общество фабрично-заводских рабочих" основано агентами правительства для того, чтобы отвлечь рабочих от действительной борьбы за свои интересы. Если „Общество" и решилось на забастовку, то под давлением рабочих масс и с пред'явлением ничтожных требований. Прокламация предлагала выставление более серьезных требований (увольнение рабочих не иначе, как по решению смешанной комиссии из рабочих и администрации; повышение расценок; 8-часовой рабочий день и т. д.).

В назначенное время забастовали все рабочие Путиловского завода. Вызванный для переговоров директор завода отказался удовлетворить их требования. После этого рабочие перешли в помещение собрания фабрично-заводских рабочих. Здесь священник Гапон огласил проект требований к администрации завода. Рабочие решили твердо держаться первоначально пред'явленных ими требований, хотя бы забастовка затянулась на неопределенное время. Проекту требований, выработанных Гапоном, рабочие сочувствовали.

Требования рабочих были пред'явлены в следующей редакции:

„Рабочие Путиловского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно и не прибегая к уловкам

и обещаниям, которые потом не выполняются, и к содействию полиции. Для выяснения исхода забастовки должно состояться совещание между выборными самими рабочими, депутацией и представителями акционерного общества Путиловского завода. При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода. Членам депутации должны быть обеспечены личная неприкосновенность и безопасность; их отнюдь нельзя увольнять от работ. Общее решение должно считаться обязательным и быть вывешенным по всем мастерским завода за подписью администрации и старшего фабричного инспектора. Никто не должен потерпеть от забастовки. Время, когда работы не производились вследствие забастовки, не должно считаться прогульным, и администрация обязуется уплатить за него по средней расценке рабочей платы первого рабочего дня. Расценка новых изделий после испытаний должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерских и затем считаться обязательной. Что же касается старых расценок на изделия, то они должны быть пересмотрены на том же основании. При заводе должна быть учреждена постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих. Увольнение рабочих не должно совершаться иначе, как по постановлениям этой комиссии".

Вслед затем рабочие пред'явили дополнительные требования: уволить мастера Тетявкина и принять обратно рабочих Сергунина и Субботина; 8-часовой рабочий день; расценка новых изделий, после испытания, должна устанавливаться мастерами по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской; пересмотр старых расценок на тех же основаниях; учреждение постоянной комиссии из выборных от рабочих для разбора, совместно с администрацией, претензий отдельных рабочих; увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии; нормальная плата для чернорабочего мужчины не должна быть ниже рубля, а женщины—не ниже 70 коп. в день [1]; отмена сверхурочных работ; в случае их необходимости, оплачивать сверхурочные часы в полуторном размере; за брак, независящий от рабочего, завод уплачивает сполна; устройство ясель для детей работниц; медицинский персонал должен быть более внимательным к рабочим, особенно к увечным; улучшение санитарных условий в мастерских, особенно в кузнечной; никто не должен потерпеть от забастовки; уплата за забастовочные дни по средней расценке заработной платы.

По мнению рабочих, расценка работ по добровольному соглашению с выборными рабочими может повести только к обоюдной выгоде: работа будет распределяться равномерно между всеми рабочими, не будет [illegible]любленных мастерами лиц, получающих много работы по повышенной цене, не будет и сидящих без работы [2]). Сверх того, рабочие указывали [illegible] на не-

[1]) Тогда чернорабочим платили: мужчинам—70 коп., а женщинам [illegible] коп. в день.
[2]) С. П[illegible]ч, Цитир. сочинение, стр. 164.

невежливое обращение медицинского персонала с больными, на невнимательное отношение к болезням рабочих, на третирование больных, как пьяных, что бывает весьма нередко [8].

На другой день (4 января) директор завода, вступив в переговоры с депутатами от рабочих, явившимися к нему со священником Гапоном во главе, отказал в увольнении мастера Тетявкина и в повышении заработной платы, сказав, что повысить теперь заработную плату значило бы пустить акционеров общества Путиловских заводов по миру, каковая фраза вызвала общий смех.

Настроение рабочих было спокойное, но твердое. Полицейские заперли в одной из мастерских явившихся туда рабочих. Для того, чтобы это не повторилось, рабочие решили (5 января) обойти все мастерские. Кроме того, была отправлена депутация к правлению общества заводов в составе Творогова, Андрианова, Рожкова, Макарова и Приклонского. Правление согласилось на главные требования рабочих, а именно: увеличение заработной платы, совместное обсуждение рабочими и мастерами расценок, учреждение комиссии для разбора претензий, установление даровой медицинской помощи, увольнение мастера Тетявкина и обратный прием уволенных рабочих. Но рабочие этим не удовлетворились и продолжали забастовку.

По примеру путиловцев забастовали рабочие большинства петербургских фабрик и заводов. Это выступление рабочих масс привело к расстрелам в достопамятное 9 января 1905 г. На другой день после „кровавого воскресенья“ забастовочное движение даже расширилось, охватив новые предприятия, но потом оно начало утихать. Наконец, возобновились работы также на Путиловском заводе.

Наступило временное затишье. Последовавшие при этом правительственные репрессии повлияли угнетающим образом на настроение петербургских рабочих [9]). Но такое состояние очень скоро прошло. „Нужда и нажим капитала озлобляли рабочих, а попытка реакции с депутацией рабочих к царю окончательно отрезвили петербургский пролетариат от полицейской веры в начальство... Рабочие постепенно оправляются от своего угнетенного состояния духа, и то там, то здесь снова начинают вспыхивать забастовки. К концу января разновременно бастовали почти все крупнейшие заводы Петербурга“ [10]). Рабочие явочным порядком осуществляли свободу сходок и самочинно вводили 8-часовой рабочий день. В ответ на это фабриканты приглашали войска и закрывали заводы.

В конце января 1905 г. произошла новая забастовка на Путиловском заводе [11]). 27 января работали только 8 часов (на нескольких заводах рабочие самовольно установили такой рабочий день), а об'явление, в котором начальство требовало 10 часов работы и грозило закрыть завод.

8) Там же, стр. 104

9) В. Невский, Выборы в комиссию сенатора Шидловского („Архив истории труда в России“, кн. 3, стр. 80).

10) Там же, стр. 81.

11) Там же, стр. 81—82.

было сорвано. Требования рабочих, изложенные ими самими, были формулированы следующим образом. „Рабочие Путиловского завода просят, чтобы администрация завода пошла навстречу просьбам рабочих и не прибегала бы к уловкам разным, как например: я завтра вывешу об'явление, или с'езжу в главное правление, или к полиции и воинской части, а мы, рабочие, все ждем и терпим обманы администрации". Далее идут следующие требования: установление депутации, с равным представительством от рабочих и акционеров завода; установление 8-часового рабочего дня и минимума поденной платы: чернорабочим -мужчинам 1 руб. и женщинам — 75 коп.; расценки на новые работы должны быть определены совместно мастером и рабочими депутатами; повышение расценок на старые работы, отмена штрафов за прогулы и опоздание; увольнения рабочих могут быть произведены с согласия комиссии, в состав которой входят представители администрации и рабочих; вежливое обращение со стороны медицинского персонала и возложение на него обязанности приезжать, без особой за это платы, на квартиру рабочего.

Согласно агентурным сведениям, первыми забастовали рабочие пушечной мастерской (25 января 1905 г.). На другой день к забастовке примкнули другие мастерские. С целью успокоить рабочих, директор завода вывесил (27 января) об'явление, в котором обещалось: введение рабочего представительства; обратный прием уволенных рабочих; распространение на вновь принимаемых рабочих выдачи пособий на случай болезни; выдача всем рабочим единовременных пособий (в размере 4 руб. холостым и 6 руб. семейным); увеличение поденной платы чернорабочим до 80—90 коп., в зависимости от продолжительности службы на заводе и т. д.

Требования же рабочих об установлении 8-часового рабочего дня, об участии их представителей в решении вопроса об увольнении рабочих и установлении расценок были отклонены, т. к. „уменьшение рабочего дня повлекло бы за собою значительное удорожание изделий, а исполнение остальных пунктов лишило бы завод той административной и хозяйственной самостоятельности, без которой не может существовать ни одно коммерческое учреждение".

В первые дни забастовка была (по агентурным сведениям) частичная и даже временно прекратилась (28 января). Но она в тот же день возобновилась, приняв общий характер.

„Рабочие прекратили работы по инициативе механической мастерской; затем несколько сот рабочих явились на химический завод Тентелева, а также на фабрику Бушта и остановили работы". „Была сделана также попытка остановить фабрику механического производства обуви, но войска не допустили к этому. В 12 часов, когда рабочие этой фабрики вышли на обед, стоявшая тут же толпа путиловцев встретила их криком „ура". Путиловский завод был временно (с 29 по 31 января) закрыт, но забастовка продолжалась и в первых числах февраля.

Выбранные рабочими депутаты пред'явили директору завода следующие требования: неприкосновенность рабочих депутатов; отвод помещения

для собраний рабочих депутатов; 8-часовой рабочий день; уплата за забастовочное время по средней заработной плате; отмена штрафов за прогул; увеличение медицинского персонала и вежливое обращение с рабочими с их стороны, равно как и внимательное отношение к больным, приходящим в лечебницу; обязательное и бесплатное оказание первой помощи на дому; отпуск лекарств по частным рецептам; устройство родильного приюта; допущение рабочих представителей в комиссию по вознаграждению за увечья; периодическое посещение мастерских медицинским персоналом; внушить заводскому доктору переменить обращение с больными; платить чернорабочим—мужчинам 1 р. в день и женщинам—70 к. в день; вежливое обращение со стороны мастеров и прочих лиц заводской администрации; ходатайствовать об освобождении арестованных депутатов, выбранных раньше; установление пособий за выслугу лет; устройство эмеритальной кассы для рабочих; улучшение мастерских в санитарном отношении; отмена сверхурочных работ, за исключением ремонтных, но за двойную плату; своевременная подача материала по цехам; расширение школы и бесплатное обучение детей рабочих.

Заводоуправление согласилось на следующие уступки: неприкосновенность рабочих депутатов; отвод особого помещения для их собраний; уплата рабочим за дни закрытия завода (с 29 по 31 января); ассигнование специальной суммы для распределения среди наиболее нуждающихся и участие выборных от рабочих в распределении этих пособий; предоставление каждому рабочему права пропустить в месяц один день (не считаемый прогулом); увеличение медицинского персонала и возложение на них обязанности внимательного и вежливого обращения с рабочими; установление обязательной медицинской помощи на дому за небольшую плату (25 коп. фельдшеру и 50 коп. доктору); устройство родильного приюта на 15 кроватей; допущение рабочих представителей, с совещательным голосом, в комиссию по выдаче пособий за увечья; бесплатное обучение в заводской школе и т. д.

Рабочие остались недовольны этими уступками. В связи с выборами в комиссию Шидловского они вновь забастовали 11 февраля [12]. Но угроза расчета побудила рабочих прекратить на другой день забастовку [13]. Однако, брожение не улеглось.

После похорон одного из рабочих (1 апреля), погибших при падении крана, толпа рабочих, возвращаясь с кладбища, стала петь революционные песни. Настроение рабочих завода, по агентурным сведениям, было сильно приподнято и ожидалось, что на утро они на работу не станут. Действительно, работы на заводе в тот день не производились. Для предупреждения новой остановки работ, остальные убитые были вывезены из покойницкой ночью и погребены рано утром до прихода рабочих. Когда же последние в ожидании похорон, не приступили к работам (3 апреля), администрация распорядилась о закрытии завода на неопределенное время и о расчете

12) Е. Н-в [illegible], в „Архиве истории труда в России“, кн. 3, стр. 87.
13) По агентурным данным, 21 февраля работы на заводе не производились.

всех рабочих. Впрочем, вскоре завод был снова открыт и работы возобновились.

Однако, спокойствие было непродолжительно. Увольнение кузнецов (180 человек) привело к новой забастовке (20 июня), в которой участвовали все рабочие завода.

В Петербурге в ту пору бастовали многие предприятия в виде протеста против войны на Дальнем Востоке.

На территорию Путиловского завода ночью (на 7 июля) проникла толпа „неизвестных лиц, с намерением напасть на расположенных в здании завода казаков“. Но сторожа завода разбудили казаков; нападающие дали несколько выстрелов и скрылись. По сведениям охранного отделения, это были рабочие Путиловского завода.

В октябре на территории завода произошло новое столкновение, когда два „неизвестных агитатора“ обратились к выходящим из мастерских рабочим „с речью преступного характера“, после чего рабочие, руководимые агитаторами, вышли на улицу с пением революционных песен. В последовавших затем всеобщих политических забастовках путиловцы принимали активное участие.

После роспуска первой государственной думы (в июле 1906 г.) усиливается правительственная реакция, под защитой которой предприниматели ведут решительную борьбу против рабочих. Фабриканты и заводчики прибегали к локаутам, пользуясь которыми они добивались ухудшения условий труда и наказания рабочих за участие в забастовках.

По сведениям „Новой Газеты“ [14]), на Путиловском заводе увольняли только сознательных и революционно-настроенных рабочих. Это происходило по следующим образом.

Решено было произвести медицинское освидетельствование всех рабочих, с тем, разумеется, чтобы свидетельствуемый рабочий оказался „по мере надобности“ физически негодным для работы. Рабочие протестовали против подобного „освидетельствования благонадежности“, как они говорили.

Несколько дней спустя в той же газете появилось сообщение о том, что между предназначенными к расчету рабочими и администрацией отношения все более и более обостряются. Шла усиленная агитация в пользу того, чтобы не брать расчета, потому что администрация завода, мотивировавшая массовый расчет недостатком работ и заказов, желала произвести среди рабочих новую фильтровку: из увольняемых большинство были сознательные, а в металлургическом отделе, где преобладали черносотенные элементы, администрация никого не расчитывала, позволяя работать по очереди, по два дня в неделю.

На собрании путиловских рабочих, созванном в декабре 1906 г. [15]), обсуждались вопросы о тактике рабочих в случае дальнейших расчетов, о

[14]) „Новая Газета“ от 3 и 10 июля 1906 г. (по вырезкам, хранящимся в департаменте полиции).

[15]) „Новая Газета“ от 29 декабря 1906 г. (по вырезкам [illegible] департамента полиции).

поддержке безработных, об увеличении расценок (которые были тогда понижены), о борьбе с черносотенцами и о выборах во вторую государственную думу.

После продолжительных прений решено было противодействовать всеми мерами массовым расчетам, сделать в пользу безработных отчисления из заработной платы, добиваться восстановления прежних расценок, вести активную борьбу против черной сотни и участвовать в выборах в государственную думу, голосуя за наиболее прогрессивных выборщиков, непосредственно знакомых рабочим.

Массовые расчеты продолжались и в следующем году. На этой почве произошел конфликт (23 января) в ново-механической мастерской, когда сборщики машин отказались от сверхурочных работ, требуя предоставления их безработным товарищам. Администрация не хотела уступить и грозила расчетом. Рабочие демонстративно ушли с работ, решив обратиться через выборных в совет безработных Нарвского района [16]. Но массовые расчеты продолжались и в 1908 г. [17], а заработная плата была уменьшена на 50% (1909 г.).

Торжество реакции и кризис в промышленности ослабили путиловских рабочих.

Но новый под'ем рабочего движения, обнаружившийся в 1911 г., оказал свое влияние и на рабочих Путиловского завода. Причиною забастовки явились новые правила о контроле явки на работы (январь 1912 г.). По новым правилам контролировалось появление рабочего не только в проходной конторе, но и в мастерской. Между тем, работы должны были начинаться в 6 час. 30 мин. утра, а после обеденного перерыва — в 1 час 30 мин. дня; благодаря недостаточному надзору работа на самом деле начиналась утром около 7 часов, а днем—около 2 часов. Таким образом, усиленный контроль приводил к удлинению рабочего дня.

Новые правила требовали для дневной смены 10-часовой работы в механических отделах и 10½-часового дня на непрерывных работах. Правда, установлением льготного времени перед началом работ (от 20 до 50 минут) рабочий день несколько сокращался, но рабочие теряли много времени на ходьбу от места жительства на завод и обратно, а также на передвижение от проходной конторы к мастерским, разбросанным на обширной территории завода.

Предстоявшее введение новых правил вызвало сильное брожение среди рабочих, которое усилилось еще благодаря тому, что в огнеупорных мастерских число свободных дней было сокращено с четырех до двух в месяц. Рабочие обсуждали необходимость пред'явления требований об отмене новых правил, об установлении 9-часового рабочего дня и упразднении пропусков, т. е. документов, удостоверяющих личность рабочих. Решено было об'явить забастовку.

[16]) „Современная Речь“ за 25 января 1907 г. (по вырезкам департамента полиции).
[17]) „Русь“ за 4 марта 1908 г. (по вырезкам).

Было выпущено воззвание: „Товарищи! Администрация, опираясь на силу полицейского правительства, издает новые правила, новые притеснения. Стремясь увеличить наш и без того долгий и тяжелый день, она вводит вторые номера и новые штрафы, как будто недостаточно работаем мы у станков на обогащение капиталистов. Мы должны дружно протестовать против этого насилия, иначе администрация, не встретив отпора на первых же шагах, будет создавать все новые и новые притеснения, рассчитывая и в будущем на ту же покорность. Утром 6 февраля не вставайте на работу. Требуйте фабричного инспектора. Требуйте отмены новых правил".

По сведениям охранного отделения, вопрос о забастовке на Путиловском заводе обсуждался в правлении профессионального общества рабочих по обработке металлов, в состав которого входило до 350 путиловцев. Правление союза предложило руководителям забастовки вести таковую совместно с правлением. В нарвском отделении профессионального общества рабочих по обработке металлов в агитации за забастовку принимал участие член государственной думы Кузнецов, выступавший там под псевдонимом Глухова. По тем же сведениям (от 3 февраля) на заводе обнаружилось уже проявление саботажа: так, в кузнечной мастерской был уничтожен вновь установленный электрический звонок, предназначавшийся для подачи штрафного сигнала.

На неразрешенном собрании рабочих Путиловского завода в помещении Нарвского отделения профессионального союза рабочих-металлистов, созванном для обсуждения вопроса о проведении забастовки, было арестовано 14 рабочих. Общая забастовка рабочих Путиловского завода началась 6 февраля. Бастующие вели себя спокойно. Администрация согласилась удовлетворить требования об уничтожении контроля при входе в мастерские и упразднении пропускных билетов, и на другой день работы возобновились. В том же году путиловские рабочие принимали участие в политических забастовках (по поводу расстрела рабочих на ленских золотых промыслах, в виде протеста против кассирования выборов от рабочих в государственную думу и т. д.).

Кроме того, в 1912 г. происходили частичные забастовки в отдельных мастерских на экономической почве. Рост стачечного движения об'ясняется также промышленным под'емом. Благодаря новым заказам морского ведомства, число рабочих было увеличено с 9 до 11 тысяч человек. Но новые рабочие принимались по пониженным расценкам (в некоторых мастерских — на 40% меньше против расценок, существовавших в 1904—5 г.г.). „Указанные распоряжения администрации—гласит документ охранного отделения—вызывают среди рабочих недовольство и брожение. Недовольство это увеличивается якобы недоброкачественностью и дороговизною продуктов в заводской потребительской лавке и деятельностью начальника конторы по делам рабочих и служащих завода".

Из частичных забастовок отметим следующие. Сорок рабочих железопрокатной мастерской, в которой работало 400 человек, приостановили

работу (24 апреля), потребовав прибавки к каждому станку по 4 новых рабочих. Мастер ответил, что нанять новых рабочих они могут только от себя, так как получают поштучную плату. Забастовка продолжалась всего 15 минут. Двенадцать слесарей вагонного отделения забастовали (25 апреля) из-за понижения расценок на 20%. В результате переговоров с администрацией, рабочие согласились на понижение расценок на 12%. (Стачка продолжалась 4 часа).—Рабочие паровозо-механической (3?? чел.) и ново-механической (548 чел.) бастовали в течение нескольких часов (6 августа) требуя увольнения одного рабочего, непопулярного в рабочей среде и изобличенного в краже. Требование было удовлетворено.—Новая забастовка (7 августа) 150 катален, работавших на подрядчика, возникла на почве недовольства поденной платой в 2 рубля, которую они хотели повысить до 2 р. 50 к. Подрядчик отказался удовлетворить их требования и бастующие принуждены были вернуться к работам (11 августа) на старых условиях.—93 рабочих вагонного отдела бросили работы (5 ноября), из-за понижения расценок на 15%. По мнению охранного отделения, действительным мотивом этой стачки было не понижение расценок, а желание перейти на завод Первийайнен, который „расширяя свое дело, переманивает рабочих Путиловского завода". Бастующие были расчитаны.—Сверловщики (43 чел.) котельной мастерской бастовали (7 ноября) из-за низкой поденной платы: при работе на открытом воздухе они получали 80 коп. Рабочие потерпели поражение, причем часть из них была расчитана.—9 января 1913 г. прекратили работу до обеда свыше 3½ тыс. чел. и после обеда—свыше 7 тыс. чел. Были задержаны двое рабочих: крестьянин Ковенской губернии Франц Сафронас, перебегавший по мастерским с призывом к забастовке, и крестьянин Псковской губернии Иван Никифоров, начавший первый гасить печь в кузнице с целью прекращения работ. А на другой день забастовали все 12 тысяч рабочих, пред'явив требование об увольнении хожалого, задержавшего Сафронаса и Никифорова. По донесению агента охранного отделения, „главной причиной забастовки послужили заметки в газете „Правда", будто бы хожалый при задержании Сафронаса избил его отобранным от него же зубилом и что при этом, яко бы присутствовал фабричный надзиратель, между тем как в действительности при составлении протокола Сафронас о побоях не заявлял". Забастовавшие рабочие вышли из завода с пением революционной песни, но толпа была разогнана полицией, причем было задержано 10 человек. Администрация завода вывесила об'явление, что рабочие, неявившиеся на работу 15 января, будут уволены. Среди рабочих распространялись прокламации Нарвского районного комитета социал-демократической партии. По агентурным сведениям, большинство рабочих было недовольно забастовкой из опасения закрытия завода на продолжительное время, между тем заработок на заводе достиг 53 руб. в месяц на человека, а в пушечной мастерской даже 83 руб., причем наиболее способные рабочие пушечной мастерской вырабатывали от 4 до 7 руб. в день. В виду этого среди рабочих выросло озлобление против старшего хожалого, давшего повод для беспорядков на заводе.

Опасаясь, что забастовка Путиловского завода будет поддержана рабочими крупных металлических заводов того же района, охранное отделение арестовало свыше 30 рабочих, наиболее замеченных в агитации за забастовку. После этого (17 января) забастовка прекратилась.

Кроме общих политических забастовок, — по поводу годовщины ленских событий, в день 1 мая [18]), — в 1913 г. неоднократно происходили частичные стачки на экономической почве.

Против низких расценок, при которых заработок не превышал 75 коп. в день, забастовали (10 апреля) 200 молотобойцев в кузнечной мастерской. Они принуждены были, однако, вернуться к работам (2 мая), не добившись успеха. По тем же мотивам бастовали (24 апреля) 156 маляров в вагонной мастерской [19]). Бастующие были уволены и их работы переданы подрядчику.—Затем (3 мая) об'явили стачку 180 кочегаров испытательной станции, пред'явив экономические и правовые требования. —Удачно закончилась стачка (7 мая) 60 рабочих на постройке верфи Путиловского завода, добившихся увеличения платы до 35 руб. в месяц. — Около семидесяти чернорабочих, работавших на подрядчика, потребовали повышения поденной платы (с 1 р. 15 к. до 1 р. 30 к.) и окончания работ накануне праздников наравне с рабочими Путиловского завода, но они были рассчитаны.— Сто сборщиков стале-прокатной мастерской бастовали (4 июня) всего 2 часа и возобновили работы, когда получили обещание рассмотреть вопрос об увеличении поденной платы, которую они получали в размере от 1 р. 10 к. до 1 р. 50 к. —Сто четыре рабочих медницкой мастерской бастовали (10 и 11 июня), требуя увеличения заработной платы (получали от 1 до $1^1/_2$ руб. в день). — Тридцать угольщиков, работавших на подрядчика, об'явили стачку (11 июля), требуя уменьшения предельного числа тачек, которые они обязаны были ежедневно выгружать (с 45 до 43).— Одновременно бастовали 31 наметчик котельной мастерской, требуя увеличения платы в два раза: взрослые рабочие получали 80 коп. в день, подростки —40 коп.; работающие сдельно зарабатывали в $1^1/_2$ раза больше. Несколько позже (6 июля) в той же мастерской забастовали 69 сборщиков, пред'явив требование об увеличении в два раза получаемой ими цеховой платы (85 коп. в день). Следует также отметить забастовку (17 июля) 43 чернорабочих в ново-мартеновской мастерской. Они требовали увеличения поденной платы до 1 р. 20 к. —1 р. 40 к. (вместо 95 к.—1 р. 10 к.), так как плавильная печь давала, вследствие порчи, меньшее количество плавок. Требование было отклонено и бастующим выдан расчет. Кроме того в 1913 г. бастовали 30 нагревальщиков корабельной мастерской, 72 мальчика котельной мастерской, 150 рабочих Путиловской верфи, рабочие железнодорожного цеха (25 чел.) и механической мастерской.

---

[18]) 1 июля 1913 г. в знак протеста по поводу репрессий печати бастовало около 3 тыс. рабочих.

[19]) По агентурным сведениям, в вагонном отделе бастовало (в июле) около пятисот рабочих (маляров, плотников, столяров и слесарей).

В 1914 г. забастовочное движение на заводе продолжает усиливаться вплоть до начала войны. Забастовка в память 9 января 1905 г. прошла дружно. Организованно проходила также забастовка по поводу массовых отравлений работниц на „Треугольнике" (19 марта). Бастовали как рабочие Путиловского завода, так и рабочие Путиловской верфи.

Несколько ранее (13 марта) на заводе происходила частичная забастовка, которая была об'явлена в целях поддержки запроса социал-демократической фракции государственной думы о мерах ликвидации ленских событий. Забастовка была об'явлена петербургским комитетом социал-демократической партии. Бастовали башенная (506 чел.), лафетная (250 чел.) и часть турбинной (52 чел.) мастерских. „Стачечный азарт" (как выражались противники активных выступлений рабочих) охватил ряд фабрик и заводов. В виду этого, по постановлению общества фабрикантов и заводчиков С.-Петербургского района, 26 больших фабрик и заводов были закрыты на некоторое время, и таким образом до 60 тысяч рабочих остались без занятий. В числе закрытых заводов был также Путиловский (с верфью), но вскоре (26 марта) он был вновь открыт.

В знак протеста против исключения левых думских фракций на 15 заседаний бастовали (25 апреля) свыше четырех тысяч рабочих. 1[?] мая большинство путиловских рабочих (свыше 14 тысяч человек) бастовали в знак протеста против суда над обуховскими рабочими, привлеченными за забастовку.

Особенно бурный характер приняла забастовка-протест по поводу репрессий против бакинских рабочих. К этой забастовке (3 июля) примкнули почти все путиловские рабочие, а также многие другие предприятия. Вот как описываются события этого дня в полицейской „Ведомости о происшествиях по городу С.-Петербургу": „3 июля, в 6-м часу дня, на Путиловском заводе, с целью выразить сочувствие бакинским рабочим, прекратили работы рабочие турбинной мастерской в числе 240 человек и вышли во двор завода, где к ним присоединились рабочие башенной и механической мастерских в числе 940 человек, после чего рабочие эти разошлись по заводу, уговаривая остальных рабочих прекратить работы. В 6 час. вечера, по нормальном окончании работ, подавляющее большинство рабочих в числе до 10.000 человек разошлись спокойно по домам, толпа же в числе около 1000 человек остановилась во дворе завода и запела революционную песню. Нарядом полиции демонстранты были рассеяны и из них задержаны 62 человека, причем во время задержания рабочие бросали камнями в чинов полиции, причинив одному городовому легкий ушиб кисти левой руки". Но в действительности, полицейские, стреляя в рабочих, ранили несколько человек. В знак протеста против действий полиции, в Петербурге происходили (4 июля) массовые рабочие демонстрации и беспорядки. Забастовка на заводе продолжалась (5 июля), несмотря на попытки штрейкбрехеров сорвать ее. При столкновении с последними получили ушибы от брошенных камней трое рабочих. По распоряжению администрации завод был закрыт (до 17 июля).

Из экономических забастовок можем отметить следующие. Первыми бастовали (2 января) 723 рабочих Мартеновской мастерской, вследствие отказа администрации завода удовлетворить их просьбу об оставлении прежнего размера платы в 1 руб. 32 коп., пониженной до 1 руб. в день, и не сокращать числа рабочих при печах (число их было уменьшено с 7—9 чел. до 6—7 чел. на каждую печь). Требования рабочих не были удовлетворены и бастующим был об'явлен расчет. — 3 февраля забастовали 40 рабочих электрического цеха на судостроительной верфи, пред'явившие требования об увеличении заработной платы получающим не свыше 1½ руб. на 50%, получающим больше 1½ руб., но не свыше 2½ руб. — на 30%, и получающим свыше 2½ руб. — на 20%. Кроме того бастующие требовали увольнения одного из старших монтеров. Через два дня забастовали по тем же мотивам рабочие оборудовочной мастерской (210 чел.). Требования рабочих были администрацией верфи отклонены, и им был назначен расчет. — С 6 по 8 февраля бастовали 540 рабочих малой судостроительной мастерской и 682 рабочих строительного цеха. Администрация обещала рассмотреть их требования, после чего работы возобновились. — 16 апреля забастовали 270 рабочих пароводо-котельной мастерской, пред'явив требование об уравнении заработной платы до 1½ р., хотя одни и получали по 1½ руб., другие же лишь по 1¼ руб. Требование было отклонено и мастерская была закрыта.

Озлобление рабочих масс против капиталистов достигло к тому времени таких размеров, что достаточно было малейшего повода для того, чтобы вызвать забастовки. Так, напр., забастовали свыше 10 тысяч человек (9 апреля), недовольные тем, что по распоряжению администрации работы в четвертый день пасхи должны были окончиться в 6 час. вечера, тогда как в предыдущие годы работы в этот день заканчивались в 2 часа дня, без перерыва на обед (работали только в горячих мастерских и в производствах, требующих непрерывности). Забастовка прекратилась на другой день, но рабочие, самовольно прекратившие работу в 2 часа дня, были оштрафованы в размере половины цехового оклада, но не свыше одного рубля с человека. Эта мера вызвала сильное возбуждение среди рабочих. Две тысячи молотобойцев в кузнечной мастерской бросили работу (11 апреля), требуя уравнения поденной платы в 1½ руб. (им платили неодинаково, от 1 до 1½ руб.). К молотобойцам примкнули „по связи работ" 300 кузнецов и 37 учеников. Столяры вагонной мастерской (77 чел.) забастовали (25 апреля), потребовав повышения поденной платы до 5 руб. в день. Рабочие были уволены, но, несмотря на старания администрации, никто не хотел поступить на места бастующих.

Изменение рабочего времени вызвало забастовку (9 июня) рабочих верфи (свыше 3 тысяч человек). В знак солидарности к рабочим верфи бросили работы часть мастеровых (350 чел.) лафетно-снарядной мастерской. Одновременно бастовали рабочие судостроительной (612 чел.), малой судостроительной (718 чел.), оборудовочной (147 чел.) и медницкой (100 ч.) мастерских. — С целью протеста против грубого обращения мастера с од-

ним рабочим, прекратили (19 июня) работы около 1500 рабочих загонной мастерской. После обеденного перерыва из солидарности прекратили работы до тысячи рабочих некоторых других мастерских. В тот же день забастовали из-за неудовлетворения экономических требований около шести сот молотобойцев и кузнецов.

После об'явления войны забастовочное движение прекратилось. Рабочие завода были признаны военнообязанными, работающими на нужды обороны. Забастовки и даже попытки к ним карались „законами военного времени". Но уже через два месяца на заводе наметилось брожение, что видно из следующего агентурного донесения: „В сентябре при выдаче жалованья инженерам, мастерам, конторщикам и т. п., каковых состоит на заводе около 1.500 чел., выяснилось, что жалованье большинству из них уменьшено с 1 мая" „и в значительном размере". „Такое ничем необ'яснимое, притом без предварительного по закону предупреждения, вызвало сильное брожение среди всех служащих завода. Вследствие неожиданной сбавки жалованья они не только не получили обычной ежемесячной премии, но даже остались в долгу у завода. Уменьшение жалованья было произведено директором завода по соглашению с членами правления, хотя уважительной причины для такой сбавки нет, так как завод в настоящее время вполне обеспечен солидными заказами. Принимая во внимание, что мастерские завода завалены срочными заказами для военного ведомства, служащие предполагают, что сбавка жалованья сделана не без умысла, а с целью вызвать волнения и забастовки на заводе". „По предположению рабочих, действительные хозяева и распорядители завода—немцы—означенной мерой намереваются вызвать брожение среди рабочих и тем приостановить своевременное исполнение срочных заказов военного и морского ведомств... Служащие завода повели сильную агитацию среди рабочих", причем „большинство рабочих проявило склонность к устройству забастовки, но пока удерживается умеренной частью рабочих", к которой примыкали „рабочие-запасные, не призванные на военную службу, в виду необходимости оставления их на заводе для выполнения срочных работ... Инженеры и старшие мастера намеревались подать градоначальнику коллективную жалобу, но удержались от подачи таковой, имея в виду, что жалобу эту могут счесть за какую-либо стачку и привлекут их к ответственности по законам военного времени. После об'явления о сбавке жалованья, мастера стали относиться к своим обязанностям крайне халатно и не проявляют должной энергии в деле исполнения срочных заказов... Среди крайне возбужденных служащих и рабочих завода идут упорные разговоры что если допущенное дирекцией завода злоупотребление не будет расследовано чинами правительственной власти, то беспорядки и забастовка на заводе возникнут в самом непродолжительном времени".

На запрос министра внутренних дел департамент полиции сообщил, что по об'яснению директора завода нет предположений о каком-либо уменьшении размера заработков рабочих.

Затянувшаяся война, ухудшение условий труда (проведенное под лозунгом „защиты отечества"), дороговизна и правительственные репрессии вызывают в 1915 г. усиление стачечной борьбы.

Уже в начале года замечается стачечное движение, напр., забастовка 225 рабочих турбинной мастерской Путиловской верфи—в память 9 января. Характерен следующий случай. Вызванный в контору завода для об'яснения разметчик пушечной мастерской Харитонов (6 мая) „держал себя настолько вызывающе по отношению к инженеру Моргенштерну", что последний в запальчивости ударил рабочего по лицу; последний в свою очередь ударил инженера. Узнав о происшедшем, рабочие пушечной мастерской прекратили работы, пред'явив требование об удалении инженера. Администрация завода уволила и инженера и рабочего.—Вскоре забастовали 90 каменщиков строительного цеха, пред'явившие требование об увеличении дневной заработной платы до 2 руб. (с 1 р. 60 к. -1 р. 80 к.). Бастующим был об'явлен расчет. Списки бастующих рабочих были затребованы охранным отделением с целью привлечь зачинщиков к ответственности.

В виде протеста против событий в Костроме и Иваново-Вознесенске [1]), в Петрограде бастовали (август 1915 г.) многие предприятия. 19 августа рабочие Путиловского завода, не приступая к работам, стали группироваться на дворе: они об'явили, что не начнут работать, пока не будут удовлетворены следующие требования: 1) освободить от высылки пять членов государственной думы; 2) продлить деятельность государственной думы; 3) удалить германских и австрийских подданных, перешедших в российское подданство; 4) вызванных из внутренних городов России полицейских чинов заменить инвалидами и лицами, неспособными к отбыванию воинской повинности; 5) установить свободу печати; 6) ввести всеобщее избирательное право до 18-летнего возраста включительно; 7) отозвать казаков, охраняющих завод. Под угрозою наказания „по законам военного времени", рабочие после обеда приступили к работам.—24 августа бросили работу рабочие пушечной мастерской (1300 чел.), пред'явив требование об увеличении заработной платы на 15%. После обещания директора ходатайствовать об удовлетворении требования работы возобновились. —Через несколько дней 250 рабочих лафетно-сборочной мастерской прекратили работы в виде протеста против произведенных накануне арестов рабочих Путиловского завода. Администрации удалось, однако, склонить рабочих к возобновлению работ.—Затем забастовали рабочие ново-снарядной мастерской, потребовавшие увеличения (от 8 до 15%) и пересмотра расценок. Вечером рабочие дневной смены нескольких мастерских (около 2 тыс. чел.) устроили на дворе летучую сходку, на которой произносились политические речи и решено было об'явить трехдневную забастовку. 2 сентября состоялась новая сходка, на которой были вынесены резолюции: 1) требовать о возвращении из ссылки пяти членов государственной думы; 2) выразить протест против предполагаемого роспуска думы, 3) против ареста рабочих

[1]) Расстрел рабочих, выступивших с лозунгом против войны.

Путиловского завода, 4) требовать ответственного министерства; 5) выразить протест против непризыва на военную службу полиции; 6) удаление казаков и 7) повышение заработной платы (на 15%). После собрания рабочие устроили демонстрацию с пением революционных песен. В тот день бастовал весь завод. Поводом, по агентурным сведениям, послужил слух, что арестованы делегаты, докладывавшие посетившим завод членам госуд. думы о своих нуждах. По тем же сведениям забастовкою руководила революционно-настроенная группа лиц. В действительности же были арестованы члены петроградского комитета социал-демократической партии, члены путиловской партийной организации и многие из служащих больничных касс [1]). Стачка должна была кончиться на третий день. Но к этому времени вышел приказ командующего военным округом, угрожавший бастующим каторгою и военно-полевым судом. Дабы показать, что рабочие прекращают стачки не по приказу генерала, а по собственной воле, рабочие бастовали лишний (третий) день.

Непродолжительная стачка произошла в конце года (21 ноября) среди слесарей (325 чел.) башенной мастерской, причем бастующие не выдвинули никаких требований.

В январе 1917 г. рабочие пушечной мастерской (около 3.500 чел.) пред'явили требование об увольнении помощника начальника мастерской, а 24 января прекратила работы котельная мастерская (3000 чел.), требуя увеличения заработной платы. Директор обещал ответить через несколько дней. Тогда работы возобновились.

Макс Гордон.

---

1) „Пролетарская Революция" за 1923 г., № 1, стр. 61—62.

Принудительное переселение бобылецких крестьян [1].

I.

17 ноября 1810 года на имя херсонского военного губернатора дюка де-Ришелье последовало высочайшее повеление о переселение в Новороссийский край из „принадлежавших прежде бывшей польской короне мест" двух тысяч семей казенных крестьян.

Повеление это об'яснялось необходимостью освободить земли для возникавших тогда по мысли Александра I и под руководством и управлением военного министра графа Аракчеева военных поселений, приобревших впоследствии столь громкую и печальную известность.

Первое по времени военное поселение было предположено устроить для запасного батальона Елецкого мушкетерского полка в Климовичском повете (уезде), Могилевской губернии, на землях проживавших в Бобылецком старостве, в фольварках Бобыличи и Загустинском, а также и на хуторах Заселье, Задиброты и Жуковке, белорусских крестьян, которых и решено было выселить в Новороссию. Таким образом, переселение этих крестьян было затеяно, помимо их воли, по почину правительства, и в частности военного министерства, которое и взяло на себя доставление их в Елисаветград, где они должны были поступить в ведение гражданского начальства.

Для обсуждения условий водворения белоруссов на новых местах и составления сметы предстоящих расходов был образован особый комитет, в составе: Аракчеева, министра вн. дел Козодавлева и госуд. секретаря Сперанского. В заседания комитета был приглашен также и находившийся тогда в Петербурге херсонский воен. губернатор, дюк де-Ришелье. Комитет этот, сообразуясь с местными ценами, решил ассигновать на водворение и устройство поселенцев по 300 р. на семью, считая по 100 руб. на постройку дома, столько же на приобретение для каждой семьи пары волов, телеги, плуга и бороны и еще 100 р. „кормовых денег" на первое время, из расчета по две четверти ржи на человека при семье — в среднем в пять душ. Для начала было решено ограничиться переселением лишь 1000 се-

1) Архив м-ва вн. дел, дело д-та Гос. хозяйства и публичн. зданий: „о переселении из Белоруссии бобылецких крестьян в Новороссийский край" в пяти частях. Нач. в 1811 г., окон. в 1827 году. Часть 1-я, № 943 (по кн. архива № 124), на 201 листах.

мей, на коих, согласно приведенному расчету, и было ассигновано 300.000 р., причем в счет этой суммы в начале 1811 года было переведено в распоряжение херсонского губернатора 100.000 рублей. Самое переселение было предположено начать в марте 1812 года и к этому сроку герцог Ришелье обязался приготовить для переселенцев подходящие земли и выстроить необходимые им дома.

О постановлении комитета было сообщено секретно могилевскому губернатору, с тем, чтобы он доставил требуемые правилами 3 июня 1805 г. [2]) сведения о материальном положении переселенцев, собрав эти сведения негласно, дабы крестьяне не распродали преждевременно своего имущества.

На необходимость сохранить все дела в строжайшем секрете указывал и Сперанский, находивший возможным об'явить крестьянам об их переселении лишь за месяц до начала самого переселения. Однако, могилевские крестьяне узнали о предположенном их переселении значительно ранее могилевского губернатора. По крайней мере последний еще до получения упомянутого уведомления был осведомлен климовицким заседателем о происходившем среди бобылецких крестьян брожении в связи с распространившимися в их среде слухами о предстоявшем выселении их в какие-то новые, неизвестные им края. Крестьяне совсем не желали этого переселения, были довольны своими землями и, как доносил климовицкий заседатель, предполагали даже не подчиниться этому распоряжению и оказать сопротивление.

Нежелание бобылецких крестьян переселяться было понятно. Они были довольно зажиточны, имели в своей губернии около 14 тысяч десятин хорошей и хлебородной земли, т. е. в среднем, при 2033 ревизских душах, почти по семи десятин на душу. В том числе у них было около восьми тысяч десятин пашни, две слишком тысячи десятин покосов, столько же дровяного леса и около тысячи десятин хорошего строевого леса. Остальная земля была под постройками, огородами, выгонами и проч.

Ежегодно в старостве засевалось 1453 четверти ржи и 2978—ярового. Ко времени их переселения, в четырех запасных сельских магазинах оказалось: 1517 четвертей ржи, 40 четвертей ячменя, 1844 овса, 1022—гречихи и 249—конопли. Так же благополучно обстояло у них и с лошадьми и со скотом: лошадей было 1393 и коров—1214, т. е. в среднем, примерно, по две лошади и по две коровы на семью (семей в старостве числилось 667); был и мелкий скот: овец—2618, свиней—1039 и коз—240.

Возникшее среди бобылецких крестьян брожение вскоре прекратилось: власти приняли меры к опровержению ходивших между ними слухов.

Между тем в Петербурге вырабатывалась подробная инструкция для некоего генерал-лейтенанта Орлова, которому Аракчеев поручил доставление бобылецких крестьян в Елисаветград. Согласно этой инструкции, все

[2]) Высоч. утвержд. 3 июня 1805 г. доклад министра вн. дел „о переселении казенных крестьян из Смоленской губ. в полуденный край“ напечатан (№ 21779-а) на стр. 41—54 общ. прилож. к томам полн. Собр. Зак. См. т. XI в конце (1825 г.). История составления этих правил, а также и их содержание приведены в моей статье: „К истории крестьянского переселенческого движения“ („Архив истории труда в России“, кн. 10-я, стр. 146—154).

издержки по принудительному переселению крестьян должны были быть приняты на счет казны. Всем тем из крестьян, у кого не было собственных лошадей, предполагалось предоставить казенные подводы, причем фураж для лошадей, как нанятых за счет казны, так и собственных, переселенцев, должен был быть заготовлен также на казенный счет.

По поводу подвод для безлошадных переселенцев генерал Орлов возбуждал вопрос о предоставлении ему права требовать от обывателей поставку этих подвод за установленные в законе прогоны. Однако, Орлову было раз'яснено, что в виду незначительности казенных прогонов, не окупающих и трети действительной стоимости содержания в пути лошади и при ней человека,—такая повинность для обывателей явится „родом налога“, а известно, мол, „с какими неудобствами и злоупотреблениями сопряжены вообще налоги“, особенно отяготительные в данном случае, когда они будут взиматься в малолюдном крае, по которому пойдут переселенцы. Подводы придется наряжать издалека, и, как подводчики, так и переселенцы, потеряют много времени: первые—на доставку подвод, а вторые—на их ожидание. Поэтому надо было всемерно стараться обойтись без обязательного наряда обывательских подвод, предлагая лучше заплатить более зажиточным из переселенцев, хотя бы, по 5 р. с человека за доставку на своих лошадях своих безлошадных спутников. Однако, дальнейшее показало, что Орлов был предусмотрительнее министерства. Состоятельные крестьяне, жалея своих лошадей, отказались везти на них своих бедных односельчан, и правительству, в виду непомерно высоких цен, которые запрашивали вольнонаемные извозчики, пришлось путем особо изданного по этому поводу высочайшего повеления [1]) установить обязательные наряды обывательских подвод, впрочем за двойные прогоны, для доставления бобылецких белоруссов в Елисаветград.

Далее, в инструкции указывалось на обязательную выдачу всем переселенцам на продовольствие по 15 р. на каждую душу мужского пола „считая, что из этой суммы будет достаточно на продовольствие и женского пола“. Помимо этих денег, каждую партию переселенцев предлагалось снабдить от 50 до 100 руб. на непредвиденные расходы, как, например, на случай заболевания в пути. Заболевших предлагалось оставлять в ближайших населенных пунктах на попечение местного начальства.

Переселенцев надлежало отправлять мелкими партиями, не более 40—50 семейств в каждой, и притом с промежутками от 5 до 6 дней между партиями, и к тому же не по одному пути, а разными дорогами, дабы не образовать где-либо затора. Дневные переходы устанавливались от 25 до 40 верст. Каждую партию должна была сопровождать „для защиты и сбережения“ военная команда при унтер-офицере.

Александр I внес в эту инструкцию некоторые дополнения: 1) заболевших в пути оставлять не одних, а вместе с их семьями; 2) во главе имеющих сопровождать переселенцев воинских команд поставить не унтер-

[1]) От 29 февраля 1812 г.

офицеров, а офицеров, которые не должны меняться в пути, а сопровождать переселенцев до самого Елисаветграда; 3) общее наблюдение за порядком в пути во всех партиях возложить на одного „самого надежного и честного“ штаб или обер-офицера, который „в виде как бы инспектора“ должен раз'езжать во все время перехода по всем путям от одной партии к другой [1]).

Последовало еще высочайшее повеление, чтобы переселенцы оставили хранившийся в их сельских магазинах яровой хлеб для посева своим преемникам-солдатам Елецкого полка; озимой же хлеб им разрешалось либо взять с собой, либо продать тем же елецким солдатам с тем, чтобы по устройстве запасных магазинов на новых местах они внесли в них то же количество хлеба.

Переселение бобылецких крестьян началось в марте 1812 года и, по рассказам самих переселенцев, их выезду с родины предшествовали следующие обстоятельства. В конце декабря 1811 года их слободы были неожиданно для них окружены войсками, причем им было запрещено выезжать из своих деревень, а равно и что-либо продавать из своего имущества. 7 января 1812 года в хутор Заселье, куда были вызваны представители и других хуторов и фольварков Бобылецкого староства, прибыл генерал Орлов, который и сб'явил крестьянам высочайший указ о переселении их в Новороссию и предложил им в двухнедельный срок распродать то принадлежавшее им движимое имущество, которого они не могут взять с собой. При этом им были указаны и обязательные покупатели в лице солдат Елецкого полка: продавать что-либо другим лицам было воспрещено. По словам крестьян, приведенным в одной из многочисленных их жалоб по этому делу, „сия неожиданная для нас ведомость пронзила сердца наши, мы поверглись к стопам сего генерала и возрыдали велегласно“, прося об оставлении их на родине. Генерал утешал их благами, которые их ожидают на новых местах, где для них, по его уверениям, отведены плодородные земли, обильные и пашнями, и пастбищами, и где уже выстроены хорошие каменные дома. Оставляемый им для преемников яровой хлеб и земледельческие орудия, которые им было запрещено продавать, будут им возмещены натурой по прибытии их на новые места. В подтверждение своих слов генерал ссылался на высочайшие повеления, „заверяя нас именем его императ. величества, что все сие сбудется“.

Крестьянам не оставалось ничего иного, как приступить к распродаже своего имущества, которое, в виду краткости срока, а равно и ограниченного количества покупателей, к тому же заранее намеченных, они и распродали за бесценок: коров, овец и прочее свое имущество они продали едва ли за треть их действительной стоимости, многое же, что не успели продать или чего солдаты не захотели покупать, пришлось оставить тем же солдатам бесплатно. Между прочим, в числе своих убытков они считали оставленные ими в запасных магазинах: около двух тысяч

[1]) Ср. любопытное дело М. В. Д. „О [illegible] при бобылецких переселенцах“ № 5420, архив № 137.

четвертей овса по 7 р. за четверть, свыше тысячи четвертей гречихи по 12 р. за четверть и 40 четвертей ячменя по 7 р. за четверть. Сверх того остался в земле их озимый посев в количестве 1453 четвертей ржи; считая каждую четверть по 12 руб.; стоимость этого посева равнялась 17.436 р., а двойная—даже при слабом урожае около 35.000 рублей. Хранившиеся в тех же магазинах яровой хлеб и коноплю они продали елецким солдатам за 11.600 рублей, которые, однако, затем по прибытии их в Елисаветград, были от них отобраны херсонскими властями, но истрачены, впрочем, на их же надобности.

В марте 1812 года тронулись из Заселья первые партии переселенцев. Шли они в Елисаветград: на г. г. Стародуб, Батурин, Конотоп, Ромны, Миргород, Кременец и Александрию (Херсонской губ.)—всего 808 верст, которые они и прошли в 36 дней: вторые на Спиридонову Буду, Нежин, Прилуки и Лубны (Полтавской губ.)—818 верст в 40 дней, и третьи на Чернигов, Козелец, Бровары, Васильков, Корсунь, Шполу и Новомиргород (Херсонской губ.) - 760 верст в 34 дня.

Переселение бобылецких крестьян закончилось к 12 октября, причем по сведениям Орлова, всего было переселено 4386 человек (2249 мужч. и 2137 женщин), а по данным херсонской администрации, в Елисаветград прибыло 4428 душ обоего пола (2265 мужч. и 2163 женщ.), составлявших 685 семей. Разница в цифровых данных об'ясняется, повидимому, либо неточностями в чьей-либо статистике, либо случайно приставшими в пути какими-либо беглыми. В пути умерло 79 человек и родилось 72.

С собой переселенцы привели 982 лошади и 679 подвод. Но этих подвод для всех переселенцев оказалось недостаточно и по дороге пришлось принанять 354 обывательских подводы. Обошлось это путешествие казне, согласно отчету Орлова, в 76.000 р.: в том числе на продовольствие людям, считая по 15 р. на душу, около 34.000 р., и почти столько же на фураж лошадям, по 83 коп. в сутки на лошадь; остальные 8 тысяч рублей были истрачены на прогоны за обывательские подводы, на под'ем следовавшему с переселенцами униатскому священнику, на прогоны сопровождавшим переселенцев должностным лицам и на разные непредвиденные надобности.

Путешествие бобылецких крестьян прошло, повидимому, благополучно. По крайней мере состоявший над переселенцами „в роде инспектора" Елецкого полка майор Тишин донес Орлову, что „кроме благодарности и признательности от переселенцев воинским частям никаких жалоб и претензий не об'явлено", а Орлов, представляя рапорт Тишина Аракчееву, отзывался о действиях сего офицера с большой похвалой. С своей стороны и Аракчеев, сообщая министру внутр. дел в мае 1812 года об окончании переселения „по военной части", присовокуплял, что переселенцы сданы гражданскому начальству „в таком состоянии, что нашему военному званию делает честь".

II. [1]

Радужное настроение переселенцев, о котором Орлов писал Аракчееву, продолжалось недолго, и, наоборот, с переходом их в ведение гражданского начальства Херсонской губернии весьма быстро и притом существенно изменилось. Уже в июле 1812 года помощник главного судьи Новороссийской опекунской конторы Розенкампф, в главное заведывание которого поступили бобылецкие крестьяне, доносил Ришелье, что в переселенцах замечено „крайнее уныние", происходящее как от недовольства их невольным переселением, так и оттого, что на отведенных им в пределах Херсонского уезда землях они не нашли тех готовых жилищ, которые им были обещаны. Наиболее же их угнетало отсутствие „текучей" воды. В местах их водворения не оказалось совсем рек или ручьев, и воду приходилось брать либо дождевую, задерживаемую плотинами в балках (оврагах), либо из колодцев, которых, однако, почти не было, и к вырытию которых, равно как и к постройке домов, приступили лишь после их прибытия. Распорядившись срочно увеличить количество колодцев и вообще принять все меры „к прекращению между переселенцами скорби о прежнем их жительстве и привязать их к новому всякими ласками", Ришелье, донеся об этом министру внутр. дел, присовокупил, что его наиболее устрашает „отчаяние белорусских крестьян и скорбь их о прежнем своем жительстве, доводящая многих из них до болезни и даже до смерти".

Однако, министерство иначе посмотрело на причины скорби переселенцев, найдя, что таковая объясняется не столько их тоской по родине, сколько плохим устройством их на новых местах, а наиболее „от неосмотрительного для них выбора земель". Находя вместе с тем, что губернатор,—с ноября 1810 г., когда он получил повеление о переселении к нему бобылецких крестьян, и по апрель 1812 г., когда они фактически к нему прибыли, имел достаточно времени выбрать для них подходящие земли, выстроить дома и приготовить колодцы, министерство полагало желательным, „в виду обременения дюка де-Ришелье военными занятиями", командировать ему в помощь для занятия именно этого рода делами состоявших при министерстве инспекторов по хозяйственной части, колл. сов. Лифанова и надв. сов. Лошкарева, коим и поручить окончательное водворение и устройство переселенцев. В этом смысле и состоялось высочайшее повеление.

С своей стороны, Ришелье находил, что выводы министерства о плохом устройстве поселенцев и о малой пригодности отведенных им земель грешат некоторою преувеличенностью. Их земельные участки одни из лучших в этой местности; все соседи завидуют отведенным новым поселенцам землям и прежние их владельцы грустят об их утере. Земли эти находятся

[1] Часть 2-я дела М. В. Д. „О переселении из Белоруссии бобыл. крестьян в Новороссийский край", № 2364, арх. № 146, на 202 листах.

между портовыми городами Херсоном и Николаевым, и путем поселения на них крестьян предпологалось, между прочим, установить „коммерческое“ сообщение между этими городами и вместе с тем дать переселенцам возможность, помимо хлебопашества, заниматься и извозом [4]. Что же касается безводья, то это общее свойство Новороссийских степей, но которое, однако, нисколько не отражается на благосостоянии поселившихся на них,—колонисты сами вырыли себе колодцы и устроили в балках плотины. Замедление в возведении построек произошло частью по недостатку денег, а главным образом потому, что закупленный лес не представлялось возможным до весны доставить на места в виду свирепствовавшей в этом году на всем юге чумы. Та же чума, а равно и жестокая зима 1812 года и были, конечно, главными причинами некоторого неустройства переселенцев,—но наибольшая вина в неустройстве лежала, по мнению губернатора, на самих переселенцах. „Народ сей—по его словам—настолько празднолюбив, недоверчив и своенравен“, что́ ничто не может убедить их в ошибочности их решения. Решив предвзято, что отведенные им земли для них неудобны, они отказались от их засева, не взяв предложенных им семян, а равно и земледельческих орудий и волов, и предпочитают пьянствовать и кормиться подаянием в надежде, что правительство пока будет продолжать выдавать им ссуды на пропитание, а затем отведет им новые участки.

К иным выводам пришли посетившие переселенцев летом 1812 года названные выше петербургские чиновники. Мрачными красками рисует их положение в своих многочисленных донесениях в Петербург колл. сег. Лифанов [5].

Прежде всего он сообщил ранее в Петербурге неизвестные потрясающие сведения о постигшей переселенцев смертности. Из прибывших в Елисавстрад в апреле 1812 года 4428 человек умерло в течение года 1085, т. е. почти одна четвертая часть; в некоторых семействах из семи человек остался в живых один, из восьми—двое, а некоторые семьи вымерли полностью, причем из донесений Лифанова не видно, чтобы эта смертность была последствием эпидемии. Из оставшихся в живых трех слишком тысяч человек более двух тысяч больных, дряхлых и малолетних к труду не способных.

Лишь одна треть поселенцев жила в образованных для них поселках: Снегиревке и Заселье. В двух других (Малеевке и Явкине) никто не поселен в виду того, что там не было для них домов и колодцев. Таким образом, две слишком тысячи человек ютились на квартирах у старожилов, в соседних казенных селениях: Александровском и Архангельском. Несмотря на мало удовлетворительные условия жизни этих постояльцев у чужих людей, относившихся к ним к тому же весьма недружелюбно, им

[4] По этому поводу министерство не без основания возражало, что поселение оказалось не на тракте между гор. Херсоном и Николаевым, а в 70—100 верстах в стороне от этого тракта, что́ конечно, мало благоприятствовало поддержанию ими „коммерческого“ сообщения между городами.

[5] Часть III того же дела М. В. Д.: „О переселении бобылецких крестьян № 3703 арх. № 157, 1813—15 г.г. (лист 396).

все-таки жилось, повидимому, лучше, чем тем, которые были поселены в собственных домах, в новых поселках. По крайней мере смертность между первыми была значительно менее, чем между вторыми.

Жизнь в Снегиревке и в Заселье была весьма тяжелая. Большинство строений из земляных кирпичей не имели фундаментов, и построенные на косогорье, при большик ветрах, частых в степи, шатались. По замечанию одного из крестьян, там хорошо было строить ветряные мельницы, а не жилые дома. Всех домов предполагалось выстроить 685. В действительности же к зиме 1813 г. во всех четырех поселках было 359, и то большинство далеко не в оконченном виде. По словам Лифанова, поселенцы, „оставленные в лютую зиму 1812 года без всякого призрения и помощи, не имея топлива, в полуразвалившихся хатах, при жестоких морозах и вьюгах, претерпевая холод и голод, теснились в нескольких избах, кои покрепче были, обдирали в прочих домах камыш с крыш на топку, а также и лес, приготовленный для будущих построек, употребляя часть этого леса на делание гробов многим умершим". Но наступил момент, когда все это было уничтожено и никакого топлива уже не оказалось. Скот и лошади, для которых не имелось хлевов и конюшен, забирались в недостроенные постройки и разрушали еще более эти постройки, кормились камышем с крыш, не имея другого корма. От голода и холода пало около половины приведенных переселенцами лошадей. В воде ощущался большой недостаток.

На отведенных переселенцам участках было весьма немного и к тому же не важных покосов. Лучшие сенокосные места были уже ранее разобраны прежними поселенцами. Покосы находились иногда в дальнем расстоянии от поселков, иногда в сорока верстах.

Что касается продовольствия переселенцев, то кормовые деньги в размере двух рублей в месяц на человека им выдавали лишь до декабря 1812 года. В дальнейшем они вынуждены были на прокормление себя продавать своих лошадей, телеги и даже одежду. Вообще, по словам Лифанова, бобылецкие крестьяне были в такой нищете, что „толпами в лохмотьях скитались по соседним селеньям для испрошения себе подаяния", причем им уже никто ничего не подавал, так как они надоели всем своим нищенством. Выслушанные многочисленные жалобы Лифанов срезюмировал в своем донесении министру в следующей тираде, вложенной им в уста жалобщиков: „Бедствия, нас окружающие, обезоруживают наши руки, истощают силы, печаль в сердцах наших водворилась, бедность над нами торжествует, остались нам только слезы единою отрадою и утешением".

В столь жалком положении могилевские белоруссы оказались, несмотря на израсходованные на их водворение денежные суммы, значительно превосходившие сметные предположения. До лета 1813 года херсонская администрация израсходовала на водворение и устройство бобылецких крестьян 277 тысяч рублей, из коих две трети были истрачены на постройку домов, двух кузниц, конной мельницы и трех бань, на колодцы и плотины. Все дома строились одинаковых размеров, длиною

около 5 сажень, шириною в 2 и вышиной в одну сажень, большинство из нежженного кирпича; иные из сплетенного между деревянными связями камыша, и снаружи, и внутри обмазанного мягкой глиной; были также каменные, из битого камня.

Стоимость построек значительно превысила ассигнованные суммы, так как большинство работ было произведено, вопреки упомянутым правилам 1805 года, не самими переселенцами [5]), а подрядными, вольнонаемными рабочими: из 90.000 рублей, уплоченных рабочим за строительные работы, лишь около 13 тыс. заработали переселенцы, получавшие в летние месяцы по 1 р. 15 к. в день, а в сентябре и октябре по 1 рублю. Впрочем, херсонская администрация об'ясняла повышение стоимости работ вздорожанием строительных материалов и недостатком рабочих рук, вызывавшимся происходившей войной и свирепствовавшей на юге моровой язвой. Бобылецкие же крестьяне, по свидетельству властей, не желали работать, а когда соглашались, то запрашивали за свой труд еще дороже, чем рабочие со стороны.

Около ста тысяч было израсходовано на продовольствие переселенцев (40 т.), фураж для лошадей (4 т.), на приобретение 193 пар волов, 62 плугов и столько же борон, 878 четвертей семян, на вилы, косы, серпы, грабли, брусья и сани (40 т.), на 43 ведра уксуса, 30 фунтов меду и 46 четвертей ржаной муки для кваса — на лечение больных.

III.

Ознакомившись с донесениями своих чиновников, министерство нашло между прочим, что „главное начальство новороссийского края, быв снабжено всеми потребными суммами к надлежащему устройству бобылецких крестьян, не имело ни в чем успеха, и „люди, претерпев всевозможные бедствия, доселе не водворены надлежащим образом“, и это произошло потому, что местные чиновники употребили во зло доверие Херсонского губернатора. В виду сего и было решено учредить под высшим наблюдением того же губернатора следственную комиссию, чтобы, с одной стороны, расследовать все дело, а с другой—устроить бобылецких крестьян, обсудив вопрос, не надлежит ли их или часть их переселить на другие места, в виду малой пригодности отведенных им участков. При этом Александр потребовал, чтобы окончательное устройство крестьян, а также, в случае надобности, выбор новых участков для них были „первым и неотложным занятием сей комиссии“.

Сверх того, во внимание к бедственному положению бобылецких крестьян, переселенных не по доброй воле, их освободили от рекрутской повинности впредь „до совершенного исправления расстроенного их положе-

[5]) Согласно правил 1805 года для сооружения построек надлежало высылать вперед холостых из переселяющихся крестьян.

ния". Такой льготы в правилах 1805 года не было указано, и другим переселенцам она не предоставлялась.

Назначение следственной комиссии обидело Ришелье. Ссылаясь на то, что он уже два года назад просил об освобождении его от переселенческих дел в предвидении, что он будет „терпеть лишь одни неудовольствия", он возобновил эту свою просьбу. Впрочем, он вскоре покинул Одессу и дело устройства бобылецких крестьян, на каковое он употребил и собственные средства, осталось временно в ведении следственной комиссии.

Следственная комиссия [1]) нашла, что поселенцы уже свыклись со своим новым местом жительства, в виду чего и не имеет смысла их куда-либо опять переселять, но „дабы их еще более привязать к сим местам и для вознаграждения их за выгоды земель прежнего их жительства" комиссия предложила дать им вместо 15 десятин, положенных по правилам 1805 года, двойное количество, т. е. 30 десятин душевого надела, а если по количеству земли в натуре окажется более 30 десятин на душу, то и „излишек оставить им". На цифре 30 десятин комиссия остановилась „по примеру Забугского края", между Бугом и Днестром, где „в виду неудобства земель" была установлена для поселенцев именно эта душевая норма.

Комиссия представила также смету расходов на окончательное водворение бобылецких крестьян, в сумме 225 слишком тысяч рублей (150 тысяч на достройку и ремонт уже возведенных домов и на постройку 208 новых, 60 тысяч на покупку волов, земледельческих орудий и семян на яровой посев 1815 года и проч.). Дома комиссия предположила строить типа мазанок, причем стоимость каждой мазанки вычислила от 420 до 440 р., а каменного дома до 560 р., т. е. дороже, чем стоили уже построенные.

К этому времени положение переселенцев стало, по словам Лифанова, улучшаться. Значительно уменьшилась смертность и начала увеличиваться рождаемость. Летом 1813 года всех бобылецких переселенцев числилось в Херсонском уезде—3343 человека, а к декабрю 1814 года их стало—3459. Увеличилось и количество браков. Бо̀льшая половина переселенцев, а именно 1893 человека (372 семьи), жили в новых поселках, в пригодных для жилья домах. Прочие 1566 (302 семьи) оставались на квартирах у старожилов, преимущественно в казенном селении Александровском. Завелся у переселенцев кое-какой сельско-хозяйственный инвентарь.

Лифанов рисовал идиллически прекрасную жизнь переселенцев. Но посетивший в конце 1815 года бобылецкие колонии херсонский вице-губернатор Калагеоргий вынес противоположное впечатление. Прежде всего оказалось, что строительный сезон 1815 года был пропущен и не было выстроено ни одного нового дома, несмотря на ассигнованные правительством на это средства. Не были даже отремонтированы или достроены ранее

[1]) Часть 4-ая того же дела „О переселении бобылецких крестьян" № 329, архив № 159. 1815—1827 г.г. на 764 листах.

выстроенные дома. На многих из них, в которых жили люди, не оказалось крыш, и „легко можно вообразить,—писал Калагеоргий,—в каком несчастном положении находятся эти люди". В других сгнили все деревянные части, осыпались потолки. Камыша для топлива не было заготовлено и поселенцы мерзли. Попрежнему плохо обстояло дело с водой. Крестьяне часами простаивали у колодца в очереди. В прудах воды было очень мало, да и та зимой замерзала. Весьма неудачно, совершенно случайно были составлены „поселенческие семьи". Поселенцы с „чувствительным огорчением" жаловались, что они соединены в семьи „к сущему стеснению и раздору", так как часто в одной семье оказывались люди, совершенно посторонние друг другу, и, наоборот, близкие родственники были раз'единены. Вообще состав семей был излишне большой: до 12—15 человек были принуждены жить в одной небольшой избе. Земли не были размежеваны и поэтому происходили насильственные захваты лучших пастбищ и покосов.

В результате Лифанов был устранен и бобылецкие переселенцы получили новое начальство в лице местного помещика Овсянико-Куликовского, человека, по общим отзывам, весьма сведущего в сельском хозяйстве и к тому же известного своей честностью.

Куликовский энергично принялся за порученное ему дело, и через два года, в конце 1817 года, донес министерству о водворении всех переселенцев в новых селениях, где для них были выстроены 609 домов.

К началу 1818 года в Херсонском уезде числилось всего 3471 бобылецких крестьян (1788 муж. и 1683 женщ.), распределенных на 609 семей, т. е. в среднем от 5 до 6 человек на семью. Земли им было отведено 50.610 десятин, по 30 десятин на ревизскую душу. Во всех четырех селениях было выкопано всего 15 колодцев и выстроено 5 ветряных мельниц, из коих 4 на собственный счет переселенцев. Живой инвентарь их состоял из 1775 волов, 235 лошадей, 1294 штуки рогатого скота и 344 овец. Было для них приобретено 649 „воловьих возов", 185 плугов и 206 борон. В 1817 году было ими посеяно озимого и ярового хлеба всего 2061 четверть, и оказалось накошенным 31.117 копен сена. Общественный капитал выражался в сумме 3.039 р. 60 к.

Несмотря на это, бобылецкие крестьяне продолжали быть недовольны и осаждали начальство, как местное, так и петербургское, своими жалобами и просьбами о переселении. Некоторые из них, а именно 45 семей из поселенных в Малеевке, где особенно остро ощущался недостаток в воде, самовольно выселились оттуда и образовали на левом берегу р. Ингульца небольшой поселок в 45 дворов, названный ими „Староселье". Новые херсонские власти, как и при дюке Ришелье, об'ясняли недовольство крестьян их „строптивостью и непокорством, в виду чего им против их воли приходится делать добро", и губернатор граф де Ланжерон просил даже Аракчеева довести до сведения государя об их „упорстве". Однако, крестьяне сами подали Александру, в бытность его в 1818 году в Новороссийском крае, жалобу, которую государь поручил расследовать состоявшему при нем генералу Стаалю.

Последний, посетив колонии, пришел к заключению, что жалобы переселенцев сильно преувеличены. Отведенные им земли в бо́льшей своей части пригодны и для пашни, и для покосов. Дома много лучше, чем во многих других колониях, даже немецких. Хуже несколько обстояло дело с водой, но во всяком случае острого недостатка в воде не было, и жалобы белоруссов объяснялись, главным образом, тем, что на родине они привыкли к речной воде, в степи же такой воды нет. Вообще сказывается непривычка и неприспособленность переселенцев к новым условиям жизни, а „когда привыкнут, то и жалобы прекратятся“, если правительство не будет их легкомысленно удовлетворить. Переселенцы просили о дополнительном наделении их землей, о расселении на хутора и о выдаче ссуд на введение садоводства, пчеловодства и овцеводства,—но Стааль отнесся ко всем этим просьбам отрицательно на том основании, что земли у них и без того много. Но некоторые другие просьбы были признаны заслуживающими уважения: увеличить количество колодцев и плотин в прудах, закончить размежевание земель и продлить льготы от податей и повинностей до 1826 года, а также ускорить уплату крестьянам взятых херсонской администрацией у них заимообразно 11.600 рублей. По поводу этой суммы крестьяне неоднократно возбуждали ходатайство, пока, наконец, Александр не приказал заплатить им из сумм кабинета его величества, причем Аракчеев, сообщивший об этом министру внутренних дел, просил наблюсти, чтобы эти деньги „непременно дошли в руки всем и каждому“, для чего предлагал их раздать при священнике и выборных от поселенцев. Однако, деньги были розданы лишь полтора года спустя.

Стааль предложил назначить к переселенцам особого смотрителя, которому предоставить „для обуздания сего народа действовать не суровыми мерами, без предания суду; напротив сего, смотритель должен защищать их от всяких притеснений людей частных и за всякое упущение и за несправедливое наказание крестьян подвергаться отрешению от должности“.

Казна отпустила еще средства на устройство трех мельниц и двух колодцев, после чего (1820 г.) было признано, что этим ассигнованием оканчиваются все обязательства казны по отношению к бобылецким крестьянам, причем Александр, вопреки мнению комитета министров, признал возможным предоставить им податные льготы до 1826 года и, несмотря на передачу их на общем основании в ведение гражданского начальства, поручить их особому попечению военного губернатора, коему было вменено в обязанность ежегодно представлять донесения об их положении на высочайшее имя.

IV.

Сдано было „в гражданское ведомство“ 3729 человек (1920 мужч. и 1809 женщин). К этому моменту [10]) во всех пяти селениях имелось 688

10) Часть 5-ая того же дела: „О переселении бобылецких крестьян“ № 590, арх. № 167 1821—1823 г., на 334 листах.

домов (в том числе 109 каменных), из которых 6[illegible] были выстроены на казенный счет, две каменных церкви, дом для духовенства, 5 школ, 16 колодцев (в том числе [illegible] с каменными трубами) и одна ветряная мельница — в Снегиревке. Имущества у переселенцев было 2280 волов, в том числе 1027 приобретенных казной, 1253 коровы, 1722 прочего рогатого скота, 340 лошадей, значительное количество овец и свиней. Сельско-хозяйственный инвентарь выражался в 312 плугах (167 казен.), 421 боронах (167 казен.), 968 воловьих возах (607 казен.) и 48 лошадиных повозках.

Казалось бы, что со „сдачей" бобылецких крестьян „в гражданское ведомство" должны бы закончиться все их злоключения, тем более, что приведенные выше цифры могли давать надежду на дальнейшее их благополучное существование. Однако, так не вышло. Судьба была к ним немилостива и злоключениям их суждено было еще продолжаться. Произошло следующее. После прожитого ими благополучно 1821 года, когда, по словам официальных отчетов, они „в земледелии и скотоводстве сравнялись с прочими новоселами Новороссийского края", на них в течение следующих четырех лет обрушился ряд стихийных бедствий: сначала засуха и неурожаи, а затем [illegible] нашествие саранчи. Посетивший их в 1826 году новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов донес, что хозяйственное положение бобылецких белоруссов под влиянием упомянутых бедствий сильно пошатнулось и что они вновь просят о переселении их на новые места, ссылаясь снова, главным образом, на недостаток воды. Воронцов признавал это ходатайство заслуживающим уважения лишь в отношении поселка Засолья, положение которого при пересыхавшей летом балке „Белозерка" и единственном колодце на 200 дворов было тяжелое. Крестьяне молили о переселении их хотя бы на собственный счет, лишь с освобождением их от податей еще на три года. Воронцов нашел для них и подходящие места — облюбованном ими самими на правом берегу Ингульца и в названном выше поселке „Староселье", где имелся избыток земли в сравнении с числом проживавших там крестьян, а именно — 3300 десятин на 3[illegible]0 человек (в том числе 142 муж.) Имея же в виду, что этой земли будет недостаточно для 1070 засельских крестьян, Воронцов предложил присоединить 17.000 десятин от соседних казенных селений: Новодмитровки, Александровки и Архангельского, и тогда поселенцы Засолья (546 муж. пола) и Староселья (142 м. п.) могли быть полностью удовлетворены полагающимся им 30-ти десятинным душевым наделом.

Предположения эти были одобрены в Петербурге, и поселенцам с. Засолья было разрешено переселиться в Староселье с освобождением их еще на три года от податей и повинностей. Это разрешение последовало в 1827 году, и таким образом лишь через 15 лет часть бобылецких белоруссов получила возможность, наконец, оставить неприглянувшиеся им земли.

В деле о бобылецких переселенцах все время как бы боролись между собой две противоположных точки зрения на причины их злоключений. Одни видели их в неприспособленности белоруссов к новым условиям жизни и

безводной степи, а также и в „строптивости и непокорстве“ их характера, не мирившегося с принудительным их переселением из родного Полесья, богатого лесом и водой; другие винили в их бедствиях нераспорядительность и даже злоупотребления местных властей, не озаботившихся своевременным и надлежащим устройством их на новых местах, а также и недостаточно осмотрительно выбравших для них земли. Конечно, могилевским полещукам трудно было привыкнуть к знойным новороссийским степям и они, очевидно, сильно тосковали по своим, обильным всякою рыбой, „текучим“ рекам. Но, разумеется, не в одной тоске и не в одном „упорстве“ белоруссов было дело. Роковую в их судьбе роль сыграло отсутствие на новых местах и обитаемых жилищ, и годной для питья воды. И земли для бобылецких крестьян были выбраны не особенно удачно. В этом убеждает не только то, что даже в 1826 году, когда переселенцы уже достигли известной степени благополучия, граф Воронцов все-таки нашел нужным переселить третью их часть на другие участки, но и то, что еще в 1817 году, т. е. через шесть лет после их поселения, они, несмотря на наделение их 30-ти десятинным душевым наделом и освобождение от всяких податей и повинностей, в том числе и от рекрутской, не могли достичь той степени благосостояния, которою они пользовались в 1810 году на своей родине. Об этом красноречиво говорят цифры: в 1810 году в бобылецком старостве, при 14 тысячах десятин всей принадлежавшей крестьянам земли, ими было посеяно озимых и яровых хлебов всего 4431 четверть. В 1817 году, в Херсонском уезде, владея 50 тысячами десятин, они посеяли вдвое меньше—всего 2061 четверть. Увеличилось немного у них количество рогатого скота, но зато значительно убавилось количество лошадей (235 вместо 1393), замененных выданными им от казны волами. Вместе с тем значительно убавилось количество мелкого скота: вместо бывших ранее 2618 овец оказалось всего 344, а свиней и коз в ведомости за 1817 год совсем не показано. Немногим улучшилось положение их еще через четыре года, в 1821 году, когда, сдавая их губернскому начальству, в сдаточных ведомостях было показано, что у них коров—1253, лошадей—340, овец—578 и свиней—1482. Посеяно озимых на 1821 год было всего лишь 883 четверти и 1 четверик ржи и 37 четвертей и 6 четвериков пшеницы (о яровом посеве сведений не имеется). Таким образом приходится, повидимому, признать, что бобылецкие крестьяне, даже и те, которые пережили все ужасы первого года их поселения, несмотря на все перенесенные ими бедствия, от этого переселения ничего не выиграли.

Не лишено, может быть, интереса также отметить, что и их преемники на землях Бобылецкого староства, солдаты Елецкого мушкетерского полка, также ничего не выиграли от полученного ими от белоруссов богатого наследства в виде обильных хлебных запасов в сельских магазинах, земледельческих орудий и заготовленных на пашнях посевов. Все это не пошло им на пользу. С открытием в 1812 году военных действий, Елецкий полк вошел в состав действующей армии и вынужден был покинуть только

[illegible] заведенное для него [illegible] поселение". Когда же [illegible] остатки этого полка были водворены на прежнем месте, то [illegible], что все постройки и оставленное в них имущество расхищено [illegible] жителями.

Таким образом, вся эта затея, имевшая в основе мысль [illegible] и елецких солдат, и бобылецких крестьян, оказалась [illegible] сторон весьма печальной. Пострадала на всем этом и казна. [illegible] переселение и водворение бобылецких крестьян в [illegible] свыше пол-миллиона рублей.

Н. Петров[illegible]

На постройке и эксплуатации железных дорог.

(40—90 г.г. 19 века).

[illegible] рабочих [illegible] Продовольствование. — Расчеты подрядчиков [illegible] рабочих. — Рабочие и служащие по эксплуатации жел. дор. [illegible] Штаты. — Заработная плата железнодорожников [illegible] условия работы. — Движение за организацию [illegible]

I.

[illegible] железнодорожного строительства в 40-х и 50-х [illegible] в ближайшие десятилетия (с 1870 по 1881 г.) проложено было рельсового пути 20.283 в. [illegible] рабочих — рабочих на постройке железных дорог [illegible] сооружении дорог.

[illegible]
[illegible] на [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] труд, [illegible]
[illegible]

[illegible] Некрасов, [illegible] железной дороги.

Постройка дорог производилась через подрядчиков, на обязанности [illegible] рабочей силы. Они [illegible] приказчиков, которые и нанимали на местах рабочих, [illegible] с ними контракты и выдавали задаточные деньги. [illegible] в [illegible] Витебской, Виленской, [illegible] Московской, Новгородской, [illegible] и Тверской губерниях, — наибольшая категория рабочих на [illegible] была из этих губерний. В числе нанятых [illegible] и дворовые.

Наемка у нас [illegible] противу прошлого года дороже, но народ [illegible] от 13 рублей даже до 18 рублей».

[illegible] один из подрядчиков [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Хомечкова [illegible] 1847 году [illegible]

В контракте, заключенном [illegible] помещиком [illegible] [illegible] на [illegible]-Динабургскую ж. д., находились следующие условия:

а) Рабочие-землекопы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] до 1 ноября с [illegible] на каждого 45 рублей серебром [illegible] [illegible] [illegible] от подрядчика; б) платеж контрагентам [illegible] производится в следующие сроки: при заключении контракта [illegible] 8 рублей на каждого рабочего, при отправке рабочих 7 рублей, 15 июня 15 рублей, 1 [illegible] [illegible] 5 рублей. С 1-го июля определено ежемесячно выдавать рабочим на руки по рублю, а последние 5 рублей выдаются 1-го ноября [illegible] [illegible] лицу помещика; в) работы производятся безурочно; г) рабочие [illegible] продовольствуются в пути до места работы и [illegible] обратно [illegible] [illegible] подрядчика [illegible].

В контракте, заключенном отставным полковником [illegible] подрядчиком [illegible] штабе-капитаном Полуковым и Шепадаловым о поставке [illegible] рабочих в количестве 1000—2000 к 1 мая 1850 г. [illegible] по [illegible] железной дороги от Владимира до Нижнего-Новгорода, имеются следующие [illegible] [illegible]:

а) Снабжать рабочих хорошей и здоровой пищей; б) снабжать [illegible] [illegible] приличною времени года одеждою, обувью, банею и квартирами [illegible] [illegible]; в) пользовать больных и погребать умерших [illegible] [illegible] чтобы все рабочие были с законными видами. Словом, чтобы рабочие были обеспечены нами во всех отношениях, не доводя [illegible] до [illegible] [illegible] жалобы [illegible].

Заработная плата была незначительна. Так, при постройке С.-Петербургско-Московской жел. дороги землекопы получали 35 к. [illegible] [illegible] [illegible] плотники [illegible] 60 к., пильщики [illegible] 40 к., каменщики — 70 к.

Снабжение рабочих инструментами производилось по следующим нормам:

а) Для земляных работ по одной [illegible] и одной лопате [illegible] на каждого рабочего. В твердых грунтах по одному [illegible] на [illegible] рабочего. Катальные доски распределялись по следующей [illegible] [illegible] на каждого рабочего по одной доске [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] число досок по длине пути отвозки [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Дело № 675 [illegible] [illegible] рабочих [illegible] [illegible] [illegible] больших [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] Дело № 17. „[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] г.

[illegible] Дело [illegible] „По [illegible] рабочих на [illegible] [illegible] [illegible] Моск. ж. д. [illegible] 1859 г.

[illegible] Интересные данные [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ния земли по одной лопатке на каждого рабочего. в) Для ломки плит — по одному лому и по одной кирке на каждого рабочего, а молоты, кувалды и железные клинья, согласно действительной надобности, по степени твердости плитняков. г) Для подноски плит — по одним носилкам на двух рабочих [5]).

Остро стоял на работах вопрос о продовольствовании рабочих. Последнее производилось за счет подрядчиков и вызывало частые волнения вследствие недостатка продовольствия.

Так (1847 г.), полицейское управление С.-Петербургско-Московской ж. д. просило главное управление путей сообщения, чтобы при каждой выдаче денег подрядчикам взять подписку, что эти деньги будут употреблены на заготовление провизии, хоть бы на один месяц, от недостатка которой «могут произойти гораздо важнейшие беспорядки».

Причина же недостатка продовольствия и несвоевременного расчета с рабочими объясняется тем, что подрядчики «за весьма многие произведенные уже работы не получают полного расчета и платежей, по Южной Дирекции в продолжение 4 лет и по Северной Дирекции в продолжение 2 лет».

О количестве продовольствия свидетельствует следующая таблица, относящаяся к 1847 году [6]), по подряду Шарвина и К° в Северной Дирекции (см. стр. 167).

Другим больным вопросом были расчеты с подрядчиками, которые вызывали волнения и оставление работ рабочими. «В сколь можно кратчайшем времени прекратить вышеизложенные беспорядки» пишет в июле 1846 года подрядчикам производитель работ Сев. Дирекции, получив известие, что в виду затяжки в расчетах рабочие на постройке [illegible] чрез р. Волхов оставляют работы: 15 июля 11 каменотесов, 16-го июля 40.

При осмотре работ начальнику Сев. Дирекции летом 1846 года также приходилось сталкиваться с невыдачей содержания рабочим. В своем донесении главноуправляющему путей сообщений он пишет: «Большая часть рабочих готовилась оставить работы за неполучением следуемой платы». Чтобы удержать рабочих, пришлось уплатить из экстраординарных сумм, находившихся в распоряжении Сев. Дирекции [7]).

В 1847 году повторяется то же явление. Полицейское управление С.-Петербургско-Московской ж. дороги доносит, что есть рабочие, которые не получают вознаграждения, а это ставит в затруднительное положение начальника полицейского управления относительно мер, которые предстоит принять для устранения «беспорядков, могущих произойти от неудовлетворения рабочих».

[5]) Дело № 1143 „О производимых работах в Сев. Дирекции по подряду [illegible] купца Кузьмина и К°, расчеты с ними за 1847 г." [illegible]
[6]) Дело № 1143.
[7]) Дело № 675.

	II уч. на 7 мая Кол.	Вес.	III участок на 7 мая	IV уч. на 6 мая Кол.	Вес.	V уч. на 5 мая Кол.	Вес.	VI уч. на 4 мая Кол.	Вес.	Итого Кол.	Вес.
	четв.	пуд.		четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.
Муки ржаной	72		Поставка продовольствия отдана ямщику, который по мере надобности развозит по линии. Запасов на лин. не имеется.	7[illegible]		2151	—	12[illegible]	—	415[illegible]	
Крупы гречневой	54			573	—	627	—	352		1[illegible]6	
Масла постного		20			1[illegible]4	—	136	—	75[illegible]	—	[illegible]
Солонины		50			436		1304		15[illegible]	—	[illegible]
Число рабочих находящихся на участку	1547		1[illegible]80	[illegible]210		5744		70[illegible]		[illegible]	
Время на которое дост. продовольств.	Число дн.		Число дней.	Число дн.		Число дн.		Число дней.		[illegible] средн.	
Муки	9			27		[illegible]		[illegible]		[illegible]	
Крупы	12			56		24		17		[illegible]	
Солонины	2			[illegible]		[illegible]		[illegible]		[illegible]	
Постного масла	[illegible]			29		[illegible]		42		[illegible]	

Об отношении подрядчиков к рабочим гласит заявление помещика Могилевской губернии (август 1860 г.), сдавшего своих крестьян подрядчику Лукевичу. Он пишет: «6-го сего августа прибыли отданные мной на Рижско-Динабургскую жел. дорогу люди, истощалые и почти нагие, объявив при том, что их отправили с работ без всякой основательной причины, а только за опрос уплаты денег по контракту, что на [illegible] платежа по рублю сер. произведено не было и на продовольствие в обратный путь ничего не отпущено»[1]).

А вот и другой пример. В 1861 году работы по постройке [illegible] по С.-Петербургско-Варшавской ж. дороге были сданы помещику [illegible]. Последний нанял артель рабочих. Контракта заключено не было и запись работ и выданных денег делалась в расчетных книжках. «По простодушию, свойственному людям нашего класса в отношении к вельможе, мы согласились

[1]) Дело № [illegible].

[illegible] рабочие в своем прошении на имя главноуправляющего. Когда же [illegible] было получить окончательный расчет и рабочие отправились за ним к Могло..., то он спросил расчетную книжку, под видом [illegible] денег, и когда она ему была подана, положив таковую к себе на стол, приказал притти за деньгами на другой день, а сам, между тем, в тот же день выехал из города» 9).

Несправедливость подрядчиков настолько была явная, что даже правительственные чиновники с возмущением пишут об этом. Так, инспектор Моск.-Нижегор. жел. дороги Казначеев (1860) сообщает: «Поставщики и рабочие жалуются, что конторы подрядческие расчитывают неправильно количество работ, качество их и цены с совершенным произволом, часто явно и прямо против контрактных условий, обыкновенно не выдают окончательной платы и расчета своего, хотя не полного, если поставщики и рабочие не хотят под таким расчетом расписаться в удовлетворении дальнейших претензий, надеясь, что крайность поставщика и рабочего, наконец, поставит их в необходимость принять какие-нибудь деньги, нередко при этом менее расчета самой конторы, после разорительной и продолжительной проволочки, исключительно тягостной для крестьян, издалека пришедших, часто не признают некоторых своих рабочих и лишают их всякого расчета и платы». Далее указывалось, что нередко «задним числом записывают выдачи денег с ценами ниже контрактных и количество работ неверным». Не помогают и жалобы на действия подрядчиков — «инженеры иностранные не вникают в жалобы и нередко жалобы утрачиваются и во всяком случае они долго проживают без всякого удовлетворения и ответа». Отношение Казначеева к иностранцам отрицательно «пристрастное доверие к иностранцам (администрации и инженерам), а тем более к таким, коих происхождение и прошедшее нам совершенно неизвестны, побуждают некоторых из них, не понимающих дела, к смелому и полному деспотизму с забвением прав личности и собственности». По словам Казначеева, такая хищническая эксплуатация рабочих со стороны подрядчиков влечет за собою «разорение значительной массы живой силы народа, самое естественное следствие этого разорения — недоверчивость рабочих на будущее время, т. е. затруднение их найма, возвышение задельной платы».

В другой раз Казначеев настоятельно просит прислать жандармского штаб-офицера для разбора всех жалоб и выяснения создавшегося положения, так как «толпы старшин и рядчиков через которых подрядчики нанимали рабочих .... [illegible] ноября не получают ни расчета, ни денег».

Просьба была исполнена, и на место, в Москву, где находилась главная контора работ линии Нижегородской жел. дороги, командирован жандармский подполковник 10).

Положение рабочих, не получающих расчета, обманываемых в расчетах [illegible] на каждом шагу, было ужасное. «В ожидании от [illegible]

9) Дело № [illegible]
10) Дело № [illegible]

подрядчиках денег по имеющимся документам в большей половине [illegible] требовать удовлетворения и малейшей задержания, [illegible] рабочие на постройке С.-Петерб.-Варшавской ж. д. [illegible] встретились с неоплатными крайнейшими лишениями средств к дальнейшему содержанию себя, а семейства [illegible] прибытия на работу с заработанными деньгами, дошли до крайне бедственного положения, продав на пропитание и уплату государственных повинностей последнее имущество.

Выход был один — задерживать выплату подрядчикам денег, пока не рассчитаются с рабочими. Так и делалось [11]).

Находясь в таких условиях, рабочие нередко переходили от [illegible] к оставлению работ и побегам, а затем к выражению массового протеста, принимавшего также внушительные размеры [12]).

Примером такого массового протеста является волнение на [illegible] жел. дор. в [illegible] году. Тульский губернатор так описывает его в своем донесении главноуправляющему путей сообщений:

«[illegible] рабочие, крестьяне Смоленской и Тверской губернии, с железной дороги, с участка на 10-й версте к югу от Тулы, явились ко мне в числе 200 человек, а вслед затем за ними прибыл офицер той дистанции с донесением о самовольном оставлении работ. Едва я вышел к ним и спросил, зачем они пришли ко мне толпою, как услышал страшный крик всей толпы. Тогда я приказал бывшему тут полицейскому солдату арестовать кричавшего больше, но его не выдали и толпа отвечала криком неповиновения. Вследствие чего я призвал полицейскую команду и словесно сделал увещание рабочим повиноваться закону и быть покорными власти и приказал арестовать выбранного ими старосту и того крестьянина, который кричал более других. Обступив вокруг этих лиц, крестьяне не дали [illegible] команде и продолжали кричать: «не дадим, берите всех». При таком [illegible] и дерзком сопротивлении рабочих моей и полицейской власти я вынужден был предложить губернскому воинскому начальнику привести воинскую команду. По прибытии последней я снова увещал крестьян исполнить мое приказание, указывая им на окружавших их [illegible] и давая им уразуметь, что дальнейшее упорство невозможно, и чтобы требуемые мною люди вышли ко мне. Масса рабочих, сильно сплотившись, отвечали мне общим криком, что [illegible] не даст и чтобы брали всех. После этого я [illegible] губернскому воинскому начальнику взять старосту и главных зачинщиков, кои по некотором сопротивлении взяты и арестованы».

О том же сообщил и начальник работ: рабочие пришли [illegible] притеснения подрядчика, когда же губернатор приказал арестовать [illegible], они вернулись на место работ, но работать отказались [illegible]

[11]) Дело № 2: «О жалобах рабочих на [illegible]».

[12]) Ср. также Д. Корнеев, [illegible] № 5, стр. [illegible]), где приведен ряд случаев волнений [illegible] стр. [illegible] и 12.

требления поверенных его (т. е. подрядчика) при найме рабочих и дурное обращение с ними на работах прикащика Кацина».

Несмотря на то, что рабочим были обещаны льготы, они не согласились стать на работу и были отпущены [18]).

II.

При формировании штатов на Николаевской жел. дороге администрации дороге было предложено брать военно-рабочих нижних чинов. В 1851 году было составлено 11 рот по 250 человек каждая, из которых формировался так называемый «станционный состав» и «дорожный состав».

Условия жизни этих частей были чисто казарменные. Существовала строгая военная дисциплина. Питались они из общего котла, жили в казармах и получали казенное обмундирование.

Но затем, с развитием движения, на службу начали брать и вольнонаемных. Увеличению числа вольнонаемных способствовало также увольнение воинских чинов в отставку и в гарнизонные батальоны внутренней стражи. Вскоре администрация дороги узнала, что вольнонаемные во много раз превышают нижних чинов своей производительностью, а поэтому предложила главному управлению путей сообщений и публичных зданий «принимая в соображение, что вольнонаемные люди могут исполнять служебные обязанности по дороге в большем размере, чем нижние чины, в виду возможного сокращения расходов, изменить станционный и дорожный состав». Таким образом, в 60-х годах мы уже видим, что повсюду вольнонаемные рабочие и служащие вытесняют нижних чинов железнодорожников. О том, какие виды службы, какие штаты и оклады жалования существовали в это время, можно видеть из следующей сводки по Николаевской жел. дор.

Наименование должностей.	Штат по всей жел. дор.	Годовой оклад. Руб.	Наименование должностей.	Штат по всей жел. дор.	Годовой оклад. Руб.
„Станционный состав".			Сторожей.		
			При хранении багажа	[illegible]	[illegible]
Вахтеров. Ст[illegible]	[illegible]	240	Для [illegible]	[illegible]	[illegible]
Вахтеров. Мл[illegible]	27	[illegible]			
Весовщиков	35	180	Рабочих.		
Писарей и нарядчиков на ст. I и II класса	[illegible]	180	Для очистки стрел. и крестовин. Летом	[illegible]	[illegible]
Носильщиков багажа	54	120	Для очистки стрел. и крестовин. Зимой	60	[illegible]

[18]) Дело № 56 „О [illegible] произведенных рабочими Южной жел. дор. [illegible]".

Наименование должностей		Штат по всей дороге	Годовое содерж. Руб.	Наименование должностей.		Штат по всей дороге	Годовое содерж. Руб.
				Дорожный состав.			
				Сторожей			
Для нагрузки дров на тендера.	Ле[illegible]	215	60	Поворотных		618	1[illegible]
	З[illegible]	246	54	На переездах	Мужчин.	129	[illegible]
Для паровозных зданий.		155	120		Женщин.	1[illegible]	[illegible]
Для вагонных сараев . .		22	96	Для по[illegible]		[illegible]7	[illegible]
Для выкатки вагонов руками с вагон. дворов.		35	108	Для карау[illegible] дров . .		[illegible]8	[illegible]
Для пассаж. зал, звонков, галлерей и платформ.		160	120	Для [illegible] зданий и [illegible]		[illegible]	[illegible]
Для водогрейных зданий.		14	96	Для хранения [illegible] инструментов . . .		30	[illegible]
Ламповщиков и учеников		42	12[illegible]	Писарей . .	Ст[illegible]	[illegible]	[illegible]
Газовщиков		4	180		Мл[illegible]	15	[illegible]
Исполнителей на зимнее время		51	54	Кладовщиков.	Ст[illegible]	[illegible]	[illegible]
					Мл[illegible]	[illegible]	[illegible]

Таковы были штаты станционный и дорожный, т. е. службы дви[illegible] и службы пути. В последней мы не встречаем ремонтных рабочи[illegible] [illegible] как все работы, связанные с ремонтом пути, производились подрядным [illegible] собом. Нет и рабочих тяговых устройств, так как ремонт подвижного [illegible] става также производился подрядным способом и в штат [illegible] паровозные и кондукторские бригады. Стрелочные сторожа, [illegible] которых была передвижение стрелок и крестовин, работали на [illegible] дневную и ночную. В обязанность рабочих по нагрузке дров на тендер (дровокладов) входило подвезти дрова на вагонетке или тележке [illegible] к водогрейному зданию, причем расстояние [illegible] в среднем [illegible] 40 сажен. Дрова укладывались у водогрейного здания [illegible] нагружались на тендер. Нормы укладки [illegible] время были: 1000 [illegible] саж. укладываются 1113 рабочими, в зимнее — 1076 рабочими. [illegible] 4 дровокладам полагалось уложить 0,35 куб. саж. Что касается [illegible] паровозных зданий, то в их обязанность входило поворачивание [illegible] впуска паровозов в стойла депо, и выпуска оттуда. Поворачивание [illegible] происходило 44 раза в сутки. Для поворачивания круга полагалось [illegible] рабочих и 30 минут времени, считая и установку на [illegible] паровоза). Так как в этой работе принимали участие и кочегары, [illegible] рабочих было сокращено до [illegible]. Средняя продолжительность работы [illegible] была 11 часов. На них же возлагалась также очистка [illegible] [illegible], обтирка паровозов и топка печей в депо с [illegible] дров.

[illegible] Дело № 89 „О [illegible] Николаевской жел. дор. [illegible] вольнонаемными" 1864 г.

О заработной плате других категорий железнодорожников приблизительно в то же время мы имеем данные с С.-Петерб.-Варшавской жел. дороги за 1863 год.

Наименование должностей.	Годовое жалов.	Наименование должностей.	Годовое жалов.
		Пом. нач. [illegible]	[illegible]
Эксплуатация.		Машинисты	от 480 до 360 р. } [illegible] премии [illegible]
[illegible]	от 1200 до 480 р.	Кочегары	„ 240 „ 180 „
Пом. нач. ст.	„ 720 „ 480 „	Рабочие	„ 180 „ 144 „
[illegible]	„ 480 „ 288 „		
Мастера	„ 720 „ 480 „	Путь.	
[illegible] рабочие . . .	„ 288 „ 72 „	Нач. дистанции . . .	1000 р.
		Пом. нач. дист. . . .	[illegible]
Подвижной состав.		Дор. мастер	4[illegible] р. (высш. класс)
Нач. тракции	3600 р.	Старш. надсмотр. . .	240 р.
[illegible] . . .	от 1600 р. до 1500 р.	Сторожа [illegible] мастеров.	144 „

Что касается подвижного состава, то, согласно вышесказанного, содержание его в полной исправности передавалось подрядчику, который обязан весь подвижной состав и машины поддерживать постоянно в таком исправном состоянии, чтобы они могли исполнять свое назначение с полною безопасностью и машины были способны производить полное свое [illegible] действие. Наем мастеровых, смотрителей, рабочих и пр. производился подрядчиком и они состояли на его содержании. Машинисты, кочегары и помощники машинистов находились на содержании управления, за исключением тех случаев, когда паровозы находились в мастерских для ремонта. В этих случаях подрядчик принимал на свое иждивение паровозные бригады и употреблял их по своему усмотрению, возвращая за это время часть жалованья дороге.

Жалованье месячное мастеровым было следующее: по цехам [illegible] [illegible], кузнечному, машинному, столярному и модельному мастеру — 35 р., подмастерью — 20 р. и мастеру моложе 18 лет — 13 р.

Подрядчик обязывался освобождать от работ без всякого вычета мастеров, состоящих на обязательной службе, в особых случаях, как то: рождения, свадьбы, крестин, похорон и внезапных опасных болезней [illegible] [illegible] [1].

Выше мы указывали, что некоторые категории путевых рабочих находились в ведении подрядчиков, которые брали на себя ремонт пути. [illegible] было положение этой категории железнодорожников?

[1] Д-ло № [illegible] „О вызове желающих принять на себя содержание [illegible] подвижного состава“ с [illegible] 1862 г. по [illegible] 1866 года.

Исчерпывающим ответом на этот вопрос может служить [illegible] шефа корпуса жандармов кн. Долгорукова мин. путей сообщения от 3 марта 1866 года. Московский генерал-губернатор [illegible], что московские больницы гражданского ведомства [illegible] в значительном числе, со всех примыкающих к Москве железных дорог, больные черно-рабочие, преимущественно тифозные, что больные эти доставляются большею частью на излечение в период полного развития болезни, с [illegible] в совершенно истощенном виде и в крайне [illegible] бедне. Поэтому были запрошены начальники полицейских команд, которые, согласно положения от 27 июля 1861 года об этих командах, возложено было иметь сведения во время постройки дорог [illegible] надзор за работами и рабочими, о числе рабочих, об условиях их найма, о мерах принимаемых для их продовольствия и т. д. [illegible], что полицейские управления могли дать сведения только о тех рабочих, которые принадлежат к числу состоящих в штате служащих при железных дорогах, как то мастеровых, путевых и башенных сторожах, стрелочниках, кочегарах и пр.; что касается чернорабочих, исполняющих на линии плотничные, каменотесные и земляные работы, то полицейские управления отстранили себя от этого [illegible], что содержание, одежда, размещение этих чернорабочих, [illegible] медицинской помощи и пр. зависит от подрядчиков. [illegible] управления железных дорог, ни инженерное начальство, [illegible] производством работ подрядчиками на линии, [illegible] только иметь надзор в гигиеническом отношении [illegible] ими рабочими, несмотря на то, что численный состав [illegible] на линии почти постоянно превышает число [illegible]. [illegible] людей, составляющих артели рабочих при железных дорогах [illegible] всякого попечения и призрения со стороны правительственных [illegible] том единственном основании, что они [illegible] благосостоянии подрядчиков, которые [illegible]. [illegible] как эти последние нередко принадлежат к людям [illegible] почти всегда мало интересующимся положением [illegible] рабочих, то можно представить себе безотрадное состояние этих людей.

В результате полицейским управлениям железных дорог был поручен надзор в гигиеническом отношении и [illegible] рабочими, которые [illegible] состояли у подрядчиков [19].

III.

Движение за организацию пенсионных и [illegible] среди железнодорожников относится к концу 50-х годов, но только в начале 60-х годов движение это принимает более широкие размеры и заставляет главное управление путей сообщений обратить на него внимание.

[19]) Дело № 37. „О наблюдении за артелями рабочих на жел. дор. в гигиеническом отношении“. Ср. [illegible] Медико-санитарные условия [illegible] постройке Петербургско-Московской жел. дороги „[illegible] труда“, [illegible]).

Пионерами в деле [illegible]рганизации касс были машинисты. В январе [illegible] года машинистами Спб.-Варшавской жел. дор. было подано следую[illegible] прошение главноуправляющему путей сообщения: «Так как служба [illegible] одна из самых трудных и самых ответственных служб, в скоро[illegible] [illegible] изнуряющих здоровье и сопряженных с постоянною жизненною [illegible]ностью; получаемое нами содержание лишает нас возможности нако[illegible] капитал и тем обеспечить жизнь наших семейств по смерти нашей. [illegible] мысль об участи наших вдов и сирот нас не мало беспокоит. Озабо[illegible] этой мыслью, мы неоднократно обращались к нашему начальству [illegible] просьбой о принятии мер к устранению этого столь важного недостатка [illegible] пенсионного и вспомогательного капитала. Слишком четыре [illegible] тому назад, нам было официально сообщено, что совет управления [illegible] комиссии, под председательством его превосходительства члена [illegible] Колесова, составление положения для пенсионного и вспомогатель[illegible] капитала. Но так как до 1862 года ничего не последовало, то мы [illegible] за общею нашей подписью обратились в главное правление совета [illegible], но и до сих пор ничего не последовало, и, как кажется, дело [illegible] [illegible] забвению. В этом последнем прошении мы указали на возмож[illegible] [illegible] основания фондом пенсионного и вспомогательного капи[illegible] накопившиеся из взысканных с нас, машинистов, в течение суще[illegible] железной дороги, денежных штрафов значительную сумму, так [illegible] эти деньги по справедливости суть наша собственность и поэтому [illegible] быть употреблены в пользу нашего класса, и предложили, для [illegible] фонда, удерживать с наших окладов по 2[illegible] или даже более, при[illegible] впредь все штрафные деньги имеют быть обращаемы в этот же ка[illegible]. В течение 1864 года приключилось несколько несчастных случаев, [illegible] которых некоторые из наших товарищей или получили значительные [illegible], от которых сделались неспособными к дальнейшей службе, [illegible] даже поплатились жизнью и оставили необеспеченные семейства. [illegible] выдает этим несчастным или их семействам единовременные [illegible], которые дозволяют им существовать лишь самое ко[illegible] время, так что мы, в большей части случаев вынуждены помогать [illegible] по мере возможности». Прошение заканчивается просьбой побудить [illegible] общество российских железных дорог возможно скорее организо[illegible] пенсионную и вспомогательную кассу».

Прошение это оказало свое действие, и в 1865 году был выработан [illegible] о пенсионной и вспомогательной кассе для служащих общества. [illegible] докладе министру путей сообщений общество российских железных до[illegible] [illegible], что служба при железных дорогах одна из труднейших и для [illegible] агентов сопряжена с опасностью не только для здоровья, но и для [illegible]; она требует опытности и в высшей степени точности в исполне[illegible] обязанностей, а потому нужны особые поощрения для удержания та[illegible] агентов на службе, и важную роль в этом отношении может сыграть [illegible] касса, которая «представляя агенту в будущем обеспечение [illegible], тем самым заставляет его оставаться на службе сколько можно до-

[illegible] безраздельно посвящать ей все свое время и все свои силы», а вспомогательная касса «поддержит это благоприятное действие кассы пенсионной». Проекты заключались в следующем.

Капитал пенсионной кассы составлялся: удержание 4% из жалованья рабочих и служащих; взносы из дохода от эксплуатации равные 3% [illegible] жалования (что составит 60.000 р. в год); наращение процентов на капитал. Капитал вспомогательной кассы составлялся: из удержания 1% из жалования всех служащих; ежегодного взноса в размере 10.000 р. из доходов эксплуатации; денежных штрафов, налагаемых на агентов; удержания [illegible] за один месяц при повышении оклада содержания; удержания [illegible] наградных денег; добровольных вкладов и наращения процентов на капитал кассы.

Вопрос об организации касс поступил на рассмотрение министра финансов, статс-секретаря Рейтера, который сообщил, что составление капитала касс из эксплуатационных расходов недопустимо, так как в этом случае правительство принуждено будет увеличить свои расходы по дарованию гарантии, между тем как в конечном результате учреждение обеих касс принесет пользу исключительно только главному обществу российских железных дорог [1]). В связи с этим вопрос об организации пенсионных и вспомогательных касс отпал и в 60-х годах были организованы самими служащими из собственных средств только ссудо-сберегательные кассы. В 186[illegible] году кассу создают рабочие и служащие Московского паровозного депо, [illegible] ними рабочие Ковровских мастерских Моск.-Нижегородской жел. дороги. В 1867 году возникает такая же касса на Московской товарной станции Нижегор. ж. д. и в центральном управлении той же дороги. В 186[illegible] году создают кассу и рабочие Владимирского паровозного депо.

В 1871 году Совет управления общества российских дорог, а также [illegible] управления обществ Орловско-Витебской, Ряжско-Моршанской, [illegible] [illegible], Курско-Киевской, Харьково-Николаевской и Грязе-Царицынской железных дорог представляют в министерство путей сообщений проекты положений о пенсионных и вспомогательных кассах для чин. служащих в этих обществах. После изменения некоторых параграфов, проекты эти поступили в комитет министров, а оттуда переданы были в департамент железных дорог для дальнейшей разработки. Затем начались мытарства. Проекты эти передавались из департамента железных дорог в департамент общих дел, и только в августе 1873 года начинается серьезная разработка их и сведение их к общему нормальному пенсионному уставу. В 1874 году вопрос [illegible] был поднят, но уже на съезде представителей железных дорог. Правление Волго-Донецкой железной дороги внесло предложение об учреждении общего эмеритального капитала для рабочих и служащих в Обществах русских железных дорог. Вопрос этот вызвал [illegible] прения и съезд избрал комиссию, которой и поручил выработать проект нормального положения о пенсионной или эмеритальной кассе и представить его на рассмотрение

[1]) Дело № 12 „О [illegible]

[illegible] в конце 1875 года. На этом съезде вопрос об организации [illegible] и [illegible] был разрешен в положительном смысле [1].

IV.

В конце 60 годов, в связи с увеличивающимся строительством железных дорог, все сильнее и сильнее начинает давать себя чувствовать, с одной стороны, низкая квалификация паровозных машинистов, с другой стороны — недостаточное их количество.

В 1868 году общая длина сети железных дорог достигала 6.750 верст. Машинистов было — 1.300. Строились и вскоре должны были быть открыты еще 4.200 верст рельсового пути. Ежегодно требовалось увеличивать число машинистов на 460 человек. Взять же их было неоткуда. Крупная промышленность не была настолько развита, чтобы из нее возможно было [illegible] нужное количество квалифицированных слесарей. [illegible] надежды на получение машинистов из-за границы. Замена [illegible] машинистов также была затруднительна, т. к. некоторые [illegible] дороги в целях экономии не держали помощников машинистов и [illegible] допускали обслуживание паровозов машинистом и кочегаром. [illegible] встал вопрос о квалификации. «Большая часть несчастных случаев происходит по невнимательности и неточному исполнению обязанностей машинистов. Кроме этого бывают и часто повторяются столкновения и [illegible] наезжание одного поезда на другой, что при [illegible] машинистов и при незначительности скорости этих поездов не ведет к [illegible] последствиям», читаем мы в одном из проектов, составленном по вопросу о повышении квалификации машинистов. Управление Царицынской жел. дороги утверждало, что расходы по ремонту и покупке паровозов увеличиваются от 10 до 50%, «если они вверены недостаточно опытным машинистам. Хороший машинист, знающий каждую отдельную часть паровоза, никогда не опустит малейшего повреждения или сам [illegible] [illegible] передаст в мастерскую».

Вследствие наличия этих двух грозных призраков — недостатка машинистов и низкой их квалификации — управления дорог начинают искать способы борьбы.

С недостатком машинистов борьба сводилась к переманиванию. Так, на открытой жел.-дор. линии между Киевом и Балтой, о-во [illegible] [illegible] машинистов с Одесско-Балтийской жел. дороги, дав им большие оклады. Вследствие этого обществу Одесско-Балтийской жел. дор. пришлось повысить оклады машинистам.

Что касается квалификации, то здесь борьба выражается в создании института инструкторов и в устройстве технических школ. Их пионером в этом

[1] Дело № 86 „О [illegible] положения [illegible] ссудо-сберегательных касс [illegible] железных дорогах".

[illegible] рог), устроивший при мастерских Елецкой жел. дороги школу механиков. Поднят был вопрос о постройке технической школы и правлением [illegible] Волго-Донской жел. дороги. «Нередко приходится,—пишет правление,—до[во]льствоваться наймом таких людей, которые не нашли себе места ни на Волге ни на ближайших заводах... Правление общества в большом [за]труднении в приискании людей, годных на все те должности, в которы[х] требуется хотя бы только первоначальное образование, даже просто гра[м]отность. Почти никогда, например, не приходится замещать из мест[ного] населения машинистов, приказчиков, телеграфистов, кондукторов и [т. п.] [Для] привлечения же людей со стороны необходимо повышать оклады».

В связи с этим в 1869 году при министерстве путей сообщения был[а] создана «комиссия по образованию при управлении железных дорог маши[нистов]». [illegible] признанием необходимости на широкую ногу поста[в]ить техническое образование, комиссией был выработан ряд мер на у[ве]личение кадра машинистов в ближайшее время. Решено было организова[ть] [illegible] аппарат при управлениях железных дорог, на который во[з]лагается обучение и надзор за машинистами. В целях возбуждения [често]любия и соревнования, машинисты разбивались на три класса в [з]ависимо[с]ти от степени квалификации, что было также связано с разными окла[]дами жалования. Признано было необходимым организовать пенсионные [к]ассы, ввести систему разного рода премий, а также обратить внимание [на] теплоту и удобство одежды. Комиссия нашал также необходимым вклю[]чать в концессии требование иметь на дорогах технически образованны[х] [illegible] постройки обеспечивать себя половинным [illegible] [illegible] машинистов, образовывать пенсион[]н[ые] [illegible]

[Одно]временно предложено было вступить в сношения с министрами внутренних дел и финансов по вопросу [illegible] водов. Последняя мера была немедленно проведена в жизнь департаментом жел[езных] дор[ог].

[illegible] [Д]обрынин

Несвободное состояние крестьян и один из признаков его—юридическое и фактическое прекращение перехода в 16—17 ст. *).

I.

В оброке и в барщине, обычно не ограниченной никакими пределами, выражается уже зависимость крестьян от вотчинников и помещиков. Но к этому присоединяются и другие моменты. Иммунитетными грамотами, как мы видели в другом месте [1]), уже в XIV и XV ст.ст. крестьяне как духовных, так и светских вотчин освобождались от суда наместников и волостелей и от исполнения приговора ими и их тиунами. Но тем самым право суда и расправы передавалось вотчиннику, он судил, ему же вверялось исполнение приговора, последнее даже при «смесном» суде, т. е. когда тяжущиеся принадлежали к различным сословиям и когда судили совместно вотчинник и волостель. Устанавливалась, таким образом, сильная власть вотчинника над сидевшими на его земле крестьянами. И такие несудимые грамоты выдаются попрежнему не только в XVI, но и в XVII ст. [2]). Мы находим такого рода привилегии монастырям, относящиеся к 60 и 70 годам XVII в., несмотря на обнаруживающееся в этом столетии стремление сократить права духовных учреждений и на существование постановления о невыдаче дальнейших иммунитетных грамот монастырям.

От жалованных льготных грамот ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами [3]). Следовательно, и в податном отношении создавалась зависимость крестьян от вотчинника, ответственность перед последним, возможность для него воздействовать на крестьян принудительными мерами, для побуждения их к уплате податей: «монастырь старался без поноровки собрать с крестьян государевы подати, чтобы самому не пришлось платить их из своей казны» [4]). Ибо «юридически

---

*) Печатая в настоящей книге две статьи, посвященные вопросу о происхождении крепостного права (см. выше: С. Тхоржевский, Поместье и крестьянская крепость), Редакция исходила из того соображения, что этот давно назревший вопрос стоит на очереди в истории труда в России и что авторы подходят к теме с разных сторон, и вместе с тем высказывают различные взгляды по некоторым пунктам.

1) См. „Архив истории труда в России“, кн. 10.

2) См., напр., Сборн. грам. Колл. Экон., I. 1922. №№ 453-а, [illegible]05, 522-а, 529-а и др.

3) Дьяконов, Очерки истор. сельск. насел., 356.

4) Доброклонский, Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. стр. 85. Ср. Платонов. Русск. ист. изд, 7, 196.

...ванными суб'ектами обложения являются не отдельные тяглецы, записанные в писцовых книгах... а землевладельцы-помещики, вотчинники, монастыри и церкви. Правительство интересуется тяглецами только во время описаний и дозоров; в промежутке между ними землевладелец платит по одному и тому же окладу сошного письма и его дело оброчить крестьян и входить с ними в те или иные сделки»[1].

Наконец, уже в XVI в. крестьяне рассматриваются, как составная часть имения и подлежат разделу так же, как и участки земли. «Помещики XVI в. — как указывает Д. Я. Самоквасов — не имели права передавать своих крестьян другим владельцам посредством купчих, духовных, даных, отступных, закладных, но имели право делить и менять своих крестьян вместе с поместной землею по полюбовным соглашениям, с разрешения правительства»[2]. Так, например, в Росписной книге 1571 г. говорится, что губной староста росписал «Петру да Сергию Олександровым детем Чертова по ехь челобитнымь... поместье в Никольском погосте Н...ерском», причем «ис Сергиева поместья Чертова брату его Петру Чертову... на Петрове жеребью крестьян (перечисляются имена крестьян)... и всего Сергиева поместья за братом за его Петром... сельцо да две деревни... а людей в них 8 человек... И всего Петрова поместья за братом его за Сергием... сельцо да 4 деревни, а людей в них 12»[3]. В 1584 г. по царскому приказу произведен был, на основании челобитных Григорья Кренева и Григорья Бобкова, раздел с другими помещиками «живущего и пустого и дворы и во дворех крестьяне и бобыли делити». И «поделили дворы и крестьяне и бобыли... Досталося Григорью Неелову Игнатко Павлов, а Офанасью Неелову Арефа Васильев, а Юрью Пушкину Ипатка Иванов... а Посnику Неелову досталось пол двора, а в нем крестьянин Неудачка Петров... А Григорью Креневу да Григорью Бобкову досталося в той же Белой пол двора с Неудачкою на одном дворе... а в нем крестьянин Шестачко Андреев, бобыли Истомка» и т. д.[4]

В опубликованных С. В. Веселовским арзамасских поместных актах за 1578—1618 годы мы находим большое количество отделов, отводов и отказов — наделения землею, во многих случаях путем выделения частей из других поместьев, раздела отцовских поместий, выделов вдовам и т. д., причем разделяются земля и крестьянские дворы, последние, как и угодья, по пашне: «а дворы крестьянские живущие и пустые велено розделити ровно по четвертям», «а дворов и во дворех людей и сена и лесу и всяких угодий по пашне». При такого рода операциях с крестьянами вовсе не считаются. Ими наделяют того или другого помещика, независимо от их желания; мало того, их дворы сносятся и переносятся на другие поместья, их заставляют, следовательно, покидать насиженные места и переходить на другие, или же их выселяют из собственного двора и переводят на другой двор. В 1578 г. приказчик или выборный голова «Василью Григорьеву, сыну Мерлину, отделил по государьской грамоте и по наказу в той же деревне Тоторшове дворов и крестиян от Кужендей за врагом (оврагом), который враг впал в Леметь в речку, а во дворех крестиян (следуют имена)... Да на мордовской стороне за врагом досталось крестиян (перечисляются)... и те ему дворы крестиянские сносить с мордовские стороны на свою сторону. А на Васильеве стороне стоят 4 дворы мордовские, и им свои дворы сносити на свою сторону»[5]. В грамоте

---

1) Веселовский, Сошное письмо. I. 1915. Стр. ...
2) Архивн. Матер., изд. Самоквасовым, II, ч. I, стр. ...
3) Там же II, ч. 2, № 30, стр. 127 сл.
4) Там же II, ч. 2 № 60, стр. 5 9.
5) Арзамасские поместные акты, изд. Веселовским. ...

[illegible] были дворы крестьянские Васильевы [illegible] Васильева, и те дворы стали в мере на [illegible] Ивану Дмитрееву сыну Болтину в его земле до реки до Теши [illegible] с Иваном с Михайловым сыном, и те дворы снести Василью [illegible] Ивану Дмитреева сына Болтина, и то место [illegible] под Ивановы дворы [illegible]. В другом случае (1585 г.) «по [illegible] Федоровского поместья... отделил в поместье... жене Макарова Офи[illegible], в том числе ей передан «двор крестьянской Якушков Осеева [illegible] того двора дан Федоровской жене Дарье в пустой двор».

На ряду с официальными действиями, распоряжающимися по своему [illegible] крестьян и снабжающими ими [illegible] других помещиков, мы находим и частные акты того же рода, свидетельствующие о том, как далеко простиралась власть помещиков [illegible] уже во второй половине XVI ст. Так, слуга Троице-Сергиева монастыря обязуется отдать треть вотчины некоему Шипилову, [illegible] крестьян отдати... с женами и с детми и со всеми их животы [illegible]. К [illegible] относится запись о взятии у Троице-Сергиева монастыря сельца [illegible] с крестьяны, шесть крестьянинов на оброк» [illegible] крестьян принимают и форму мировых, причем крестьяне [illegible] как видно, напр., из мировой записи старца [illegible] с Пятым Григорьевым 1598 г. по поводу иска о [illegible] крестьян. «И яз старец Гурей в тех крестьянех [illegible] по судному списку, с Пятым помирился полюбовно [illegible] крестьян (таких-то)... с женами и с детьми и со всем [illegible]... а Пятому Григорьеву поступился крестьян» (таких-то).

Наконец, уже в 158[illegible] г. помещики не только переводят к себе во двор [illegible] на волю: крестьянин Логинко с женой [illegible] 10 лет, показывают на обыске волостные люди (в 1600 г.),— [illegible] дочь Марфина девка, [illegible] его дочь Семейка Калитин [illegible] себе во двор до немецкие войны» [illegible]. [illegible] тот же помещик «вывез за собя же в нашу [illegible] деревню в [illegible], и [illegible] за Семейкою [illegible] отпустил на волю из деревни [illegible] к себе в двор со всем животом, и [illegible].

[illegible] еще и по Соборному Уложению [illegible] заключать всякого рода сделки [illegible] торговать, нанимать [illegible] дает возможность оторвать от земли [illegible] в другие, сводить их [illegible] существовавшие уже ранее [illegible] несвободи[illegible] второй половине и к концу [illegible] практика такого рода [illegible] случае, уже в [illegible] XVI ст. [illegible] именовались [illegible] прибавлени[illegible]

[illegible]

[illegible] в тех деревнях живут, Филдону [illegible] (помещики) слушали [illegible] его, пахали и доход ему [illegible] платили» [illegible], которые [illegible] пустошей [illegible], по [illegible] пашню на них пахали и доходы им всякие [illegible] по [illegible] уложенью» (1552 г.)[1]. Такое обращение [illegible] в тех деревнях живут, находим уже в середине XVI ст. [illegible] грамоте 155[illegible] г.: «пожаловал государь тех Нечаевских [illegible] брата его Бориска Третьякова ж сына Коведина, и вы б Борису [illegible] и слушали его во всем, и доходы бы есте ему денежной и хлебной и мелкой доход давали, потому ж как есте давали брату его Нечаю»[2]. Что же касается помещиков, то на них возлагалась лишь обязанность поместья не опустошити и дворов не разволочити, эксплоатируя крестьян, не доводить их до полного разорения.

Собственно говоря, этим вопрос о крестьянской несвободе [illegible] исчерпан, факт может считаться для XVI ст. установленным, и сам [illegible] разумеется, не как результат каких-либо законодательных актов, а как последствие целого ряда экономических условий того времени, создававших и усиливавших власть помещика над крестьянами. Оставалось бы только проследить, какие изменения во взаимоотношениях между [illegible] произошли в дальнейшем, в особенности во второй половине XVII ст. Однако, наша историография интересуется не столько вопросом о том, как и когда создалась зависимость крестьян, сколько вопросом о [illegible] и условиях прекращения крестьянского перехода. Между тем, проблема крепостного права отнюдь не исчерпывается этим. Прежде всего самое слово крепость обозначало в те времена сделки, устанавливающие право владения крестьянами. Приведенные выше вводные, отдельные, [illegible] водные и иные грамоты подойдут именно под понятие крепостей, ибо в них определяется принадлежность тех или других крестьян каждому из сонаследников, лицам, которым отведены или между которыми поделены земли. Но и вообще, когда мы говорим о крепостном состоянии крестьян в различные эпохи истории, мы вовсе не имеем в виду одного лишь момента, в виде лишающего крестьян возможности покидать помещика, уходить от него. Нас интересует не меньше общее правовое положение крестьянина, оброки и повинности, судебная и административная власть помещика, право отчуждения крестьян и т. д. И точно также отмена крепостного права имела в виду не только дать возможность крестьянам переселяться в другие места, но прежде всего исходила из того, что крестьяне останутся на прежней земле, но только в качестве лично свободных и собственников этой земли, она лишала помещиков права распоряжения ими и эксплуатации их.

Совершенно независимо от лишения права выхода получалась потеря крестьянами свободы, как результат власти вотчинника в судебной и податной области, ничего общего не имеющей с прикреплением к вотчине. Да и распоряжение личностью крестьян в смысле раздела их, уступки, отчуждения без земли, идет параллельно с прекращением крестьянского перехода, а не вытекает из него. Скорее все эти условия, в частности факт наделения помещика крестьянами, приобретение им последних путем мены, раздела, уступки, в связи с обязанностью слушать помещика, пахать на него и платить все, «чем он изоброчит», создавали и прикрепление

[1] См. Архивн. Мат., т. I, ч. 2, стр. 1—165 [illegible] ные грамоты. Т. II, ч. [illegible] стр. 19[illegible] [illegible]. 122[illegible].
[2] Там же, т. I, ч. 2, стр. [illegible].

ние крестьян к земле, невозможность ухода от помещика, которому они были отведены или уступлены. Если самый вопрос о прикреплении приобретал у нас столь существенное значение, то это об'ясняется не столько тем значением, какое оно имело в смысле создания несвободного положения крестьян, сколько тем, что эти явления имели место в XVI ст. в эпоху запустения земель в центре и в Новгородской области, в эпоху усиленного передвижения народных масс, в эпоху борьбы помещиков за крестьян, наконец, в эпоху роста служилого, поместного землевладения.

II.

И в Германии и в Австрии Erbuntertänigkeit выражалась не только в Schollenpflichtigkeit (прикрепление к земле), из которой вытекало право возвратить ушедшего из имения без разрешения крестьянина, но и в ряде других моментов. Таковы: обязанность повиновения землевладельцу, обязанность детей крестьян служить на дворе вотчинника, как и вообще обязанность всех живущих поденным трудом крестьян предлагать свою рабочую силу в первую очередь вотчиннику, необходимость согласия последнего на вступление в брак, а равно на занятие иными промыслами, кроме сельско-хозяйственных, наконец, наличность денежных и натуральных оброков и барщинной повинности. Ко всему этому присоединялась судебная власть вотчинника, впрочем, ограниченная известными пределами (тяжелые преступления были из'яты из его юрисдикции).

Что касается Англии и Франции, то там прикрепление к земле рано потеряло свое значение. Английские вилланы уже в XIII—XIV ст. не были настолько связаны с землею, чтобы не могли ее покинуть; напротив, им давалась возможность по желанию свободно оставить землю, вернуть ее лорду и уйти, куда им угодно. А раз виллан уходил за пределы мэнора, то он оказывался вне сферы хозяйственной эксплоатации лорда. Вернуть же ушедшего виллана представлялось делом почти невозможным, ибо доказать свои права на него являлось для лорда слишком трудной задачей. После Черной смерти 1348 г. участились случаи, когда лорды отдавали приказания арестовать и доставить в мэнор живущих за его пределами вилланов, против чего они прежде обыкновенно не возражали. Желая обеспечить землевладельцев необходимыми им рабочими руками, английское законодательство половины XIV ст. обязывает вилланов наниматься на работу, причем, однако, лишь предоставляет лорду преимущественное перед другими право удерживать у себя на службе своих вилланов, если они ему нужны; однако, он может удерживать лишь такое количество их, какое ему необходимо, остальных же обязан отпустить к другим нанимателям; так что интересы последних стоят на первом плане, и от воли лорда нисколько не зависит отпустить ли своих вилланов или нет.

Во Франции в XIII—XIV ст. сервы сплошь и рядом переходят на другие земли или уходят в города. В виду того, что рабочих рук не хватало, сеньоры стали вступать во взаимные соглашения о непринятии чужих сервов или, во всяком случае, о том, чтобы не удерживать их у себя. Они требуют у самих сервов присяги в том, что последние не будут уходить из сеньории. Однако, подвижность населения в эту эпоху достигает значительных размеров. Помимо нелегального ухода, бегства, мы находим и вполне законный способ отказа со стороны серва. Сервам предоставляется право покидать сеньорию с обязательством, однако, предупредить об этом сеньора или его приказчика и с отказом от своей земли, которая признается свободной и переходит к сеньору. Напротив, движимость они со-

храняют либо полностью, либо, по крайней мере, в размере двух третей. Однако, сервы этим не довольствуются, настаивая на том, чтобы и земля оставалась за ними, и в различных графствах им удавалось добиться того, что не только они сохраняют свою движимость целиком, но и имеют право продать свою землю и дом сервам того же домэна или оставить их за собою и посадить на землю других крестьян для обработки ее. В некоторых случаях серву предоставлено право, в случае возвращения, получить обратно свою землю или сохранить ее, даже уходя из сеньории, но под условием несения тягла (талии).

Такую же эпоху усиленного передвижения населения представляет собою у нас период XVI—XVII ст., когда население покидало насиженные места в Новгородской области и в центральных уездах и направлялось на север, на восток и на юг в «дикое поле», заселяло новые окраины (украинные) местности, когда возникали многочисленные новые города, села, деревни и починки. Конечно, население и раньше не сидело на месте, и жалованные грамоты свидетельствуют о том, что в вотчинах каждый раз появлялись новые крестьяне «из-за рубежа», «из иных княжений». Переселялись и из княжеской отчины, «из великого княжения»; последнее, однако, не разрешалось. Из «моих волостей, ни из моих сел великие княгини—писалось в тарханных грамотах — перезывать людей не дозволяется».

Однако, этим дело не ограничивалось. Мы находим запрещение перезывать «тутошних людей волостных или становых», «тяглых, письменных и вытных людей». Эти оговорки делаются постоянно в льготных грамотах, ибо льготы, даваемые в особенности монастырям, отнимали из других вотчин крестьян, предпочитавших селиться за монастырем на льготных условиях. Имеются в XV ст. и полные запрещения выхода. «И яз князь велики тех крестьян из Присек и из деревень не велел не выпущати ни к кому» (1455—1462 г.г.) [1]. «А которые люди живут в их селех и нынече, и яз князь великий тех людей не велел пущати прочь» (1460 г.). И даже «велел есмь те люди вывести опять назад» [2].

Весьма рано появляется и другое ограничение крестьянского перехода—установление определенного срока крестьянского отказа. Мы уже видели, что псковская Судная грамота 1397—1467 г.г. допускает прекращение договора между землевладельцем и изорником лишь один раз в году—в Филиппово заговенье (14 ноября) [3]. Но подобные же постановления содержатся и в грамотах 1450—1471 г.г. великих и удельных князей на имя как должностных лиц, так и монастырей. О том, чтобы крестьяне (серебренники) не принимались «межень лета и всегды», а только в Юрьев день, говорится в грамотах Белозерского князя Михаила Андреевича и великого князя Василия Васильевича Федору Константиновичу, Белозерским наместникам, боярам, детям боярским, «околичником и поселским... ко всем без оменки» и Кирилло-Белозерскому монастырю. «Ино ты монастырьских людей серебренников от Юрьева дни до Юрьева дни не принимал, а принимал бы еси серебренники о Юрьеве дни о осеннем». «Велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни»—эти три недели и являются, следовательно, единственно допускаемым временем крестьянского перехода, тогда, как переход в другое время, в частности на Рождество или в Петров день, возбраняется. «Отказываете людей монастырьских серебренников, и половников. и рядовых людей... а отказываете не о Юрьеве дни, иных о Рождестве

---

[1]) Акты Ист. I, № 59.
[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 64. Акты Юрид. быта I, № 87.
[3]) См. „Арх. ист. труда в России“, кн. X.

[illegible] о Петрове дни [illegible] о Юрьеве дни, а после Юрьева дни отказа нет» [1].

Игумен Троице-Сергиева монастыря бьет челом великому князю Ивану III по поводу того, что «из их сел из монастырских из Шухобальских, вышли крестьяне сей зимы о Сборе», т. е. в великий пост. В виду такого несвоевременного выхода, великий князь дает им пристава, «велел есми их вывести: и где пристав мой их ни наедет в моих селех или в слободах, или в боярских селех и в слободках и пристав мой тех крестьян монастырских опять выведет в их села в Шухобальские, да посадит их по старым местом, где кто жил, до Юрьева дни до осеннего» [2]. Возможно, что Троицкий монастырь жалуется великому князю в силу того, что и ему была выдана такая же грамота, как приведенная выше, относящаяся к Кирилло-Белозерскому монастырю, или как сохранившаяся еще одна грамота Ферапонтову монастырю, и в силу этого он требует возвращения обратно при помощи пристава удалившихся в другие сроки крестьян. А может быть, такой грамоты у Троице-Сергиева монастыря не имелось; и он, в силу установившейся уже практики, которая видна из приведенных грамот, выданных другим монастырям, как и обращенным к должностным лицам, считает себя в праве придерживаться того же правила: «а кто откажет до Юрьева дни или после Юрьева дни, и тот отказ не в отказ» (1462—71 г.г.) [3].

Последнее предположение, повидимому, подтверждается тем, что уже Судебник 1497 г. устанавливает единый срок выхода в качестве общей меры. «А христианам отказыватися из волости, из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего» [4]. И это постановление повторяется в Судебнике 1550 г. [5]). Есть основания предполагать, что оно вошло фактически в жизнь задолго до закрепления его в первом Судебнике и в XV веке во всяком случае действовало. Этим мы не хотим вовсе сказать, что переходы, действительно, ограничивались одним сроком в течение года, а имеем в виду лишь подчеркнуть тот факт, что власти уже задолго до внесения этого правила в Судебник исходили из него и старались применить его на практике, считали свободный переход чем-то недопустимым и нецелесообразным и всячески ограничивали его, поскольку—как мы видели выше—не запрещали вовсе. Но из этого еще не следует, что население фактически подчинялось всем этим стеснениям, что оно не покидало вотчинников, несмотря на запрещение, не выходило и в другие сроки, кроме установленных, как это видно из приведенных грамот, где говорится о выходах в Петров день, на Рождество и в иное время. Однако, борьба с уходом крестьян велась и позже, и едва ли и в XVII ст. можно говорить о полном прикреплении крестьян. Переселения отнюдь не остановились, напротив, «бои», «грабежи», сопровождавшие «свозы» крестьян, происходили и впоследствии.

Во всяком случае после всего приведенного вряд ли можно согласиться с установившимся в русской науке положением, резко разграничивающим две эпохи в истории крестьян—период свободного перехода крестьян и период прикрепления их. О такой первоначальной свободе крестьянского передвижения говорят все авторы, начиная от Чичерина и Беляева и вплоть до Сергеевича и Дьяконова [6]. Против этого выступил лишь

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 48.
[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 31.
[3]) Дополн. Акты Ист. I, № 195.
[4]) Судебник 1497 г., ст. 57.
[5]) Судебник 1550 г., ст. 88.
[6]) Чичерин. Опыты 174 [illegible] Владимирский-Буданов Хрест. II, 102. Прим. 91. Сергеевич [illegible] Дьяконов [illegible]

[illegible]моквасов, хотя [illegible] уже [illegible] ...ки, что грамоты [illegible] в [illegible] землю каких бы то ни было тяглых людей» [1], достаточно будет [illegible]статировать тот факт, что [illegible] свобода передвижения [illegible] древней Руси не существовало.

Но фактически в [illegible] пределах крестьянин [illegible] такие моменты вызывали невозможность для него покинуть землю. Из истории западно-европейского серважа, как и в особенности из закрепощения (glebae adscriptio) римских колонов можно усмотреть, что два момента имели преобладающее значение: с одной стороны,—давность, факт продолжительного пребывания крестьян на данной территории, а с другой стороны—связанность с землевладельцем в силу получения у него семян, инвентаря на обработку земли или пользования ссудой, почему крестьянин [illegible] в состоянии расчитаться с ним, покинуть землю. Отсюда получается фактическое прикрепление к земле, связанность с ней, и эти фактические условия легко превращаются в юридические, дают законодателю [illegible] запрещать уход крестьянам при наличности этих обстоятельств.

И у нас можно наблюдать явления и того и другого рода. Прикрепление в силу давности выражается на Руси в институте старожильства. Он встречался уже в Псковской судной грамоте: «А старому изорнику [illegible] весть на государя» [2]). В грамотах уже начала XV ст. неоднократно упоминается о старожильцах, которые отличаются от пришлых людей: «И кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей и тутошних старожильцев и тем людям не надобе моа дань... на три годы, а кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей...: и тем людем пришлым не надобе моа дань» (1410—1417 г.г.) [3]). В другом случае также противополагаются «тутошним старожильцам» люди пришлые (1423 г.); первым даются податные льготы на три года, вторым, правда, не бессрочные, как в только что цитированной грамоте, но все же на более продолжительный срок—на десять лет [4]); в третьем случае (1425 г.) льгота для старожильцев устанавливается на пять лет, для вновь перезванных людей—на пятнадцать лет [5]). Таким образом, переселение новых крестьян поощряется более значительными льготами, по сравнению с теми, которыми пользуются застарелые, уже давно живущие на данной земле крестьяне, которых привлекать особыми выгодами к рубке леса и поднятию нови не приходится. В одной грамоте 1410—17 г.г. даже говорится: «тем людем пришлым не надобе моа дань на десять лет... а уживут десять лет и они потянут [с] старожилцы по силе» [6]). Старожильцы здесь не пользуются никакими льготами, новоприходцам они даются также лишь в течение десяти лет, по истечении которых они уже как бы становятся старожильцами. Из этого как будто напрашивается вывод, что десятилетний срок давности достаточен для превращения крестьянина в старожильца. Но такое решение было бы слишком поспешным [7]). Едва ли можно себе представить для того времени наличность какого-либо одного определенного срока, с которо[illegible]

[1]) Самоквасов, Архив [illegible], ч. I, [illegible]
[2]) Псковск. Судн. Грам., ст. 75.
[3]) Акты Арх. Эксп. I, № 18.
[4]) Там же. I, № 21.
[5]) Там же. I, № 23.
[6]) Акты Арх. Эксп. I, № 17. [illegible] впрочем, [illegible] ...льцы и новики поставлены в разные условия. [illegible] ...[л]ым не надобе моя дань... на десять лет[illegible] иногда [illegible] другие в [illegible] мере [illegible] ...бождены от всяких даней, податей и [illegible] ...Юр. быта I. № 31, II). Но [illegible]
[7]) Дьяконов, Сельск. нас. [illegible]

начиналось старожильство. Это было весьма растяжимое понятие, вроде понятия старожильцев-послухов, фигурировавших в качестве свидетелей в поземельных процессах, которые с иконой шли от сосны к дубу виловатому, а от дуба через поженку болотом и указывали границы земельных участков [1]). Выставляя таких послухов, стороны старались доказать преимущество своих перед свидетелями противной стороны тем, что первые помнят местные условия за большее число лет назад, чем вторые. Одни старожильцы заявляют, что им известны границы за 40 лет, а другие стараются их побить тем, что знают, кому принадлежала земля за 60 лет. «Есть у нас старожильцы еще старее тех». Но и те и другие являются старожильцами; для ношения этого звания никакого определенного минимума лет не установлено.

Но в источниках встречаются и старожильцы, которые именуются пришлыми—получается, казалось бы, внутреннее противоречие. Речь идет, повидимому, о таких крестьянах, которые уже раньше сидели на данной земле в течение известного времени и затем ушли и теперь возвращаются обратно. Их, следовательно, нельзя смешивать с новоприходцами, которые впервые перезваны в эту вотчину. Так, напр., в грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю 1418 г. читаем: «а кто будет старожильцев моих людей из тих деревень разошлися, а придут опять на свои места, ино что давали мой оброк в дань 10 алтын, ино им ненадобе тот оброк на два года; а уйдут два года, и они дадут по старому тот же оброк, вешнюю дань 10 алтын, а осенью дань 10 же» [2]). В другом случае: «кого к себе призовут людей жити на те земли старожилцов, которые будут и преж того на них живали, ино им на десять лет ненадобе, и кого к себе призовут людей жити на те пустоши из иных княженей... и тем людям ненадобе моя дань на пятнадцать лет» [3]). Такие старожильцы, которые «переж сево живали на тех землях, а придут к ним опять на свое места», «разошлись жити по иным местом, а придут... опять жити на свои места» или «в дворы под монастыри», встречаются и в других источниках [4]). Особенно же любопытна следующая грамота Троице-Сергиеву монастырю 1447 г.: «которые люди у них в тех селцех и в деревнях нынеча живут старожилцы, или кого к собе в то селцо и в деревни призовут жити людей старожилцев, которые преж сего тута живали, или призовут кого к собе людей из иных княженей, а не из моей вотчины великого княжения, ино тутошним их людем старожилцев, которые нынеча у них живут, и тем их людем ненадобе моя дань на пять лет, а пришлым людям старожилцом, а тем не надобе моя дань на семь лет, а призваным людем из ыных княжений и тем не надобе моя дань на 10 лет» [5]). Здесь различаются уже три группы—«тутошние» старожильцы, которые и в данный момент («нынеча») сидят на земле монастыря, «пришлые» старожильцы, которые «преж сего тута живали», но ушли и теперь возвращаются обратно, и вновь призванные, пришлые люди. Наиболее велика льгота для последних, меньше для прежних старожильцев и еще меньше для ныне сидящих на земле монастыря старожильцев.

В чем же выражается роль старожильства в прикреплении крестьян? В. И. Сергеевич называет «обычный институт старожильства» «удивитель-

[1]) См. Горчаков. О земельн. влад. всеросс. митрополит. и т. д. Прил. Акты Федотова-Чеховского. Сборник Лихачева, 222. Дьяконов, Ист. сельск. нас. 17 сл.

[2]) Акты Ист. I, № 25.

[3]) Акты Арх., Эксп. I, № 51.

[4]) Акты Юрид. быта I, № 31. XIX. Горчаков, Прил. 15. Сборн. акт. Лихачева 163. Акты Арх. Эксп. I, № 39. Дьяконов. 19 сл.

[5]) Акты, относ. к ист. тягл. нас. II, № 1.

ным», «суть которого никому неизвестна» и советует лишь признать, что «мы не имеем ни малейшего понятия» о нем [1]), а Н. Н. Дебольский утверждает, что старина сама по себе никакого значения иметь не могла и могла играть роль лишь как ссылка на уже существующее крепостное состояние [2]). Другие авторы, напротив, придают существенное значение институту старожильчества. Ф. И. Леонтович и М. К. Любавский остановились на этом явлении в применении его к литовско-русскому праву, причем первый находит, что старожильцы возникли из крестьян-серебреников, получавших ссуду и «под влиянием долговой зависимости они незаметно подчинялись действию давности» [3]) Напротив, М. К. Любавский полагает, что «крестьяне, прочно усевшись в известном участке или получившие его по наследству, не должны были покидать его, потому что с уходом их могла прекратиться и служба с этого участка. Такое укрепление.., не производилось однако, особенно на первых порах резкой перемены в положении крестьян и потому легко должно было утвердиться de jure» [4]). Решительно выдвигает роль старожильства в процессе прикрепления крестьян М. Ф. Владимирский-Буданов, притом уже применительно к Московскому государству. «Прикрепление—говорит он—возникает лишь в силу давности или старожильства крестьян на землях известного владельца». «Крестьянин, не могший фактически воспользоваться правом перехода долгое время, становился исстаринным и терял это право навсегда» [5]). Это положение подробно развито М. А. Дьяконовым, который указал на то обстоятельство, что в первую очередь «право перехода стало ограничиваться для старожильцев—чем для других разрядов крестьян» [6]) [7]).

Действительно, уже в грамоте 1455—62 г.г. читаем: «которогоє их крестьянина из села и из деревень кто к собе откажот, а их старожилца, и яз князь велики, тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому» [8]). И в XVI веке одно из первых указаний на полное запрещение крестьянского выхода относится к «старым тяглецам», к тем дворам, которые ставлены «истари», «стали у них лет с сорок», или касается «старых рыболовей», которых велено «ссыскав ввозити в свободу в Рыболовскую»; крестьянин именуется «истари троетцкой». Требуя ушедших крестьян обратно, вотчинники ссылаются на то, что они «их Николские вотчины искони вечные» [9]). Возникает спор из-за того, кому принадлежат крестьяне. Одна сторона ссылается на то, что «те крестьяне села Давыдкова старожилцы». Другая утверждает, что «те крестьяне в монастырских селех и в деревнях старожилцы, и за монастырь достались те села и деревни с теми крестьяны». Спор этот, однако, характерен тем, что он «предполагает согласное мнение борющихся сторон, что старожильцев вывозить нельзя, а вышедших можно вернуть на старые места», не считаясь со сроками, установленными в Судебниках [10]).

В подтверждение этого ссылаются не на крестьянские порядные и не на правила о крестьянском выходе, а на писцовые книги, в которых кре-

[1]) Сергеевич, Древн.-рус. право III, 457 сл.
[2]) Дебольский, Гражд. дееспособн. 163 сл. См. также Одынец. К ... прикрепления влад. крестьян (Журн. Мин. Юст. 1906. I. 108).
[3]) Леонтович Крестьяне юго-западной России, 21.
[4]) Любавский, Областн. земское и местное управл. Литовско-русск. гос., 379 ...
[5]) Владимирский-Буданов, Обзор, 154.
[6]) Дьяконов, Очерки по ист. сельск. насел. 22.
[7]) На этой точке зрения стоят и другие авторы. См. Лаппо-Данилевский ... Разыск. по истор. прикр. владельч. крестья, 1900, стр. 60. Милюков, „Крестьяне" Энц. Слов.
[8]) Акты истор. I, № 59.
[9]) Акты, относ. к ист. тягл. насел. II, №№ 23, 27, 29.
[10]) Дьяконов. 25.

[illegible] записать за вотчинником. Такие [illegible] крестьяне считаются старожильцами и правом выхода [illegible]. Появляется понятие «старины» крестьян по писцовым книгам. [illegible] остается вне сомнения. Указ 1607 г. официально подтвердил [illegible] писцовых книг: «которые крестьяне от сего числа перед [illegible] в книгах 101 году (1592 г.) положены, и тем быть [illegible] писаны» [1].

Другой вопрос — на какой почве совершилось это закрепощение крестьян, чем обусловливалась неподвижность этой группы крестьян, которая превратила их в старожильцев и тем окончательно закрепила [illegible] с которой они уже ранее фактически срослись. По мнению Н. В. Михайлова, старожильцы являются наиболее счастливыми в хозяйственном отношении, «домовитыми хлебопашцами». Получив хороший участок, да еще вдобавок льготу от всяких пошлин и даней, эти крестьяне сумели при своей трудоспособности и усидчивости «обстроиться и обжиться» на своих «насиженных гнездах» и, естественно, не имели охоты бросать это с таким трудом приобретенное хозяйственное благополучие и слова идти навстречу неизвестному будущему. Довольны были ими и землевладельцы, имевшие основание ими дорожить [2].

Однако, в источниках мы не находим никаких данных относительно того, что «хорошая жизнь была причиной застарения». Мало того, из приведенных выше случаев видно, что имелись и «пришлые» старожильцы, которые «разошлись жити по иным местам» и возвращаются обратно, следовательно, и им не чужда известная склонность к странствованию. Они покинули временно насиженные места и только по зову землевладельца приходят к нему опять «жити на свои места». Возможно, конечно, что благоприятные условия заставляли крестьянина оставаться на насиженном месте. Но можно себе представить и иного рода случаи, когда, напротив, тяжелое материальное положение, невозможность расчитаться с землевладельцем, наконец, присущая человеку инертность, привязанность к месту, где жили, быть может, отцы и деды, приводила к тому, что они оставались годами сидеть на одном и том же участке. Возможно, что это была наиболее неподвижная часть населения, проявлявшая менее всего инициативы и желания искать счастия на стороне, довольствовавшаяся тем положением, нередко весьма печальным, с которым она уже успела свыкнуться. Такие инертные массы мы находим во все эпохи. И в стремлении обеспечить служилых людей рабочей силой правительство легче всего могло закрепить именно их, ибо с их стороны менее всего приходилось опасаться противодействия, тем более, что такой образ действия соответствовал и представлениям самого населения, в глазах которого старина, пошлина, давность являлась достаточным оправданием притязаний со стороны землевладельцев. Крестьянская старина становилась одним из оснований прикрепления, «как бытовое явление, отливавшееся в формы обычного права». Как мы видели, постепенно создавалось согласное мнение, что старожильцев выводить нельзя, сложилось определенное правосознание, конечно, в течение продолжительного времени, и с ним признало себя солидарным и правительство, не может игнорировать его, вынуждено признать правильными притязания вотчинников на своих старожильцев. Иначе

[1] Там же, 23 гл.

[2] Михайлов, Институт старожильства [illegible] (Журн. Мин. Нар. Пр. 1912, I, 88—89). См. [illegible] Происхождение [illegible] («Т[illegible]», 1910, VI); Новооткрытые документы [illegible].

[illegible] правительство [illegible] с [illegible] населения [illegible].

[illegible] прикрепившим крестьян к месту и со[illegible] свободы передвижения, являлась и [illegible] сделанные на обзаведение. Значе[illegible] было выяснено В. О. Ключевским, и в настоящее время може[illegible]. В Псковской судной грамоте упоми[illegible] покруте (ссуде), причем она играет весьма су[illegible] роль в крестьянской жизни; предусматриваются разного род[illegible] случаи взыскания с изорника, если он убежит за рубеж, если он умрет, если не окажется наследников, и т. д. В XV ст. находим частые упомина[illegible] «серебре», на которое идет рост, или же крестьяне [illegible] доделывати на то серебро». В упомянутых уже выше [illegible] допускающих выход только в Юрьев день, речь идет именно о серебрениках. «Велел есми им серебреников отпускати за [illegible] до Юрьева дни» и «они бы дело доделывали на то серебро» ([illegible] Юрьевы дни от серебреника отказа нет, а коли се[illegible] и отказ [illegible]. «Отказывают деи у них мона[illegible] людей и серебреников до Юрьева дня» (1471 г.) [4]. Не менее [illegible] о серебрениках в духовных завещаниях. [illegible] Ивана [illegible] Салтыка 1483 г. читаем: «А что в моем сел[illegible] Волосове в Спасском, да и в деревнях, да и то серебро отдаду [illegible] возьмут с того села 60 рублев, да то се[illegible] [5]. В другой духовной Патрикеева 1498 г. гово[illegible] ключников моего серебра на руках, и [illegible] серебро из людей выбрав, да отдадут моей жене и [illegible] детям [6]. Иногда в духовном завещании часть долга прощается [illegible] после смерти жертвует половину дол[illegible] монастырю, а от остальной половины осво[illegible] в том селе и в деревенке серебра на людех, [illegible] Великой Троице, а другая половина [illegible] [7]. Жена Василия II, Софья Витовтовна, в своей [illegible] серебра велела своим крестьянам [illegible] со следующей оговоркой: «кто будет [illegible] половину от того [illegible] серебра запла[illegible] великий князь [illegible] отдати все издел[illegible] в животе, а [illegible] все серебро, и на том сын мой великий [illegible] [8]. Бывали случаи и прощения [illegible] для спасения души: [illegible] в людех, и прик[illegible]

[1] [illegible] 1912, [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

[4] [illegible]

[5] [illegible]

[6] [illegible]

[7] Там же [illegible]

[8] Там же [illegible]

жники тех денег из людей не емлют, а кабалы издерут» [1]). Или же прощали не самый долг («истое»), а только рост. «А что моих хлебных кабал за детми боярскими и за городскими людьми за углицкими и за волостными людьми на моих поместных крестьянех и на моих вотчинных крестьянех в Ростове, и имать было мне на треть четвертая, и прикащики б мои на от хлеб наспу не имали» [2]). Должники освобождены только от «наспа», от процентов на осуженный хлеб, а процент этот не мал: «на треть четвертая», т. е. 33%. Только смерть землевладельца могла снять с крестьянина это тяжелое бремя.

Как велика была задолженность крестьян, можно усмотреть из вотчинной книги Кирилло-Белозерского монастыря, составленной во второй половине XVI в. Из нее видно, что крестьяне, имевшие свои семена, пахали 464 выти, тогда как бравшие их у монастыря 1.075 вытей, так что 70% снятой у монастыря пашни находилось в пользовании людей, без помощи вотчинника не имевших чем засять свои участки [3]). Стоглавый собор в половине XVI ст. уже исходит из того, что без ссуды крестьянам владычные и монастырские села запустеют, и только требует, чтобы при этом роста не взималось; «отныне по священным правилом святителем и всем монастырем деньги давати по своим селам своим хрестьяном без росту и хлеб без наспу того для, чтобы за ними християне жили и села бы их были не пусты» [4]). И другие данные свидетельствуют о том, что крестьянин не в силах был приняться за собственное хозяйство. «Если порядчик приносил «своего живота полтора рубли денег да кафтан серой», то это можно признать сравнительно благоприятным условием для заведения крестьянского хозяйства. Другой приносил с собой «только шапку да кафтан», третий своего живота не принес ничего. А были и такие, которые характеризовали свое имущественное положение простодушными, но выразительными словами: пришли де они «душою да телом» [5]). При таких условиях они, естественно, не могли обойтись без ссуды со стороны землевладельца. Последняя и выдавалась «на лошади и на коровы, и на дворовое строение, и на всякую мелкую животину и на всякую дворовую спосуду» или «на лошади и на коровы и на всякую животину и на хлеб и на семена и на всякой крестьянский завод».

Между тем, покидая участок, крестьянин вынужден был не только вернуть долг с процентами, которые нормально считались равными 20% («как идет в людех на пять шестой»), хотя нередко были значительно выше, но сверх того по договору обязан был заплатить неустойку, да еще пожилое за пользование двором. В Судебнике 1497 г. оно установлено следующим образом: «а которой христианин поживет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три года поживет и он пойдет прочь, а платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит» [6]). Так что и пожилое, уплачиваемое по уходе крестьянина, составляло постоянно нарастающий долг.

Это огромное бремя, лежавшее на уходившем крестьянине и делавшее для него расчет с землевладельцем совершенно немыслимым, приводило к тому, что «крестьянское право выхода замирает само собою без всякой законодательной отмены его, прямой или косвенной». «Еще не

---

1) Рождественский, Служил. землевлад. 85.
2) Там же.
3) Ключевский, Опыты и исслед., 228.
4) Стоглав, Изд. Казанск. Духовн. Акад. 345.
5) Дьяконов, Очерки обществ. и гос. строя, 346.
6) Судебник 1497 г., ст. 57. То же в Судебн. 1550 г., ст. 88.

встречая в законодательстве ни малейших следов крепостного состояния крестьян --говорит В. О. Ключевский можно почувствовать, что судьба крестьянской вольности уже решена помимо государственного законодательного учреждения, которому оставалось в надлежащее время оформить и регистрировать это решение, повелительно продиктованное историческим законом» [1]).

Единственный возможный для крестьянина в большинстве случаев способ покинуть землевладельца был уже не переход, а перевоз, притом нередко насильственный не только по отношению к помещику, но и, поскольку дело касалось воли самого крестьянина, с которым совершенно не считались лишнее доказательство его несвободы.

Хотя в этом случае он менял только господина, «мертвая петля долговой зависимости не исчезала», долг переходил лишь на нового землевладельца, уплатившего и ссуду, и неустойку и пожилое предыдущему. Это предусматривается уже в грамоте Иоанна III на Белоозеро по поводу отказа крестьян (около 1462 г.): «которой христианин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырское да тех христианина вывезите вон» [2]).

Борьба землевладельцев за крестьян вылилась в форму перевоза или вывоза их: «кого к себе перезовут или кого окупив посадят». В писцовой книге Тверских земель князя Симеона Бекбулатовича 1580 г. на каждом шагу читаем: «двор пуст—вывезли за тверского владыку... сего году в великой пост... изба завалилась»; «деревня Тимошкино пусто, а хором в ней пять изб... а жили в ней: 2 человека вывезли за Кузму за Воеводина, да 3 человека вывезли за Ивана Заборовского сего году в великой пост»; «деревня Баскакова пуста... крестьян вывезли: 1 челов. за Василия Заборовского, 4 чел. за Угрима за Погонина, 2 чел. за Филимона за Козлова, 2 чел. за Звягу за Рожнова, всех сего году в великой пост». Таких примеров можно было бы привести множество. Как мы видим, деревни пустеют от того, что другие землевладельцы увозят крестьян, причем делают это вовсе не в установленный срок на Юрьев день, а на великий пост [3]). По подсчетам И. И. Лаппо и М. А. Дьяконова, в этой писцовой книге указано 305 случаев, когда крестьяне покидают землю, что составляет 14% населения (на 2.217 человек), причем 188 человек или свыше 60% всего числа случаев вывезено иногда «без отказу и беспошлинно»; только 53 чел. или 18% вышли сами законно («вышли по отказу»), а кроме того 32 выбежали, т. е. ушли незаконно (с указанием за кого) и 27 сбегли или сошли безвестно [4]). Бегство являлось последним исходом, но оно угрожало должнику тяжкими последствиями. Он отдавался кредитору «головой на продажу», т. е. в холопство,а по второму Судебнику «головою до искупа, т. е. до отработки долга». Действительно, в источниках встречаются случаи такого рода: «тот Ермачка до искупа отдан головою».

III.

В источниках XVI в. строго различается выход «с отказом» от вывода «побегом», т. е. способ законный и незаконный. «С трех обеж,—читаем в «обыске» и «отписке» 1571 г.,—крестьяне вышли за детей бояр

[1]) Ключевский, Опыты и исслед., 229, 231.
[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 73.
[3]) Писцов. кн. XVI в. I Отд. 2. 305—07.
[4]) Писцов. кн. II, стр. 291 сл. Дьяконов, 22.—Лаппо. Тверской уезд в XVI в. 47. 204. Прил. Б.

[illegible] Михалка... вышли... о сроке о Юрь[illegible] [illegible] Григорьеву прика[illegible] [illegible] да Баско [illegible] ...вышли... сее ж осени, о сроке, [illegible] да Кондратко Сорокин з братом жили на [illegible] [illegible] Скобельщина сее осени, о сроке [illegible] [illegible] прикащику платили или не платили [illegible] обратно: «выходили вон за детей бо[illegible] [illegible] и подьячий Петр Григорьев, как видно из «отписк[illegible] [illegible] по наказу и по обыску... и за тех детей боярских тех выхоть[illegible] крестьян вывел опять назад в Юрьевския деревни [illegible] дворы, с жена[illegible] [illegible].

Однако [illegible] вывоз крестьян далеко не всегда совершался законно: [illegible] дети боярские [illegible] того Юрьевского поместья... из деревень [illegible] за собя в свои поместные деревни вывез, и о кою пору, и о сро[illegible] [illegible] с отказом ли или без отказу, после сроку [illegible] Юрьеви дни [illegible] подьячий хотел одного крестьянина вывезти [illegible] несколько крестьян «с ыными со [illegible] и у целовальников выбили [illegible] до масново заговилна сил[illegible] [illegible] И в других случаях находим такие наси[illegible] [illegible] крестьян его поместья вывез за себя Федор [illegible] [illegible], господине, Иванька Панова, да [illegible] [illegible] вывез за собя в сельцо в Велье, а Иваньк[illegible] [illegible] князь Михаило [illegible] Григорьева Жюка отдал князю Петру, а князь Петр, госп[illegible] [illegible] вывез 93-м году (1585 г.) посл[illegible] [illegible] в субботу; и явка, господине, [illegible] его в поместье не пустил и рожь его пожал князь Михайл[illegible] [illegible].

Из приведенной выше Тверской писцовой книги также видно, [illegible] «без отказа и беспошлинно», вывози[illegible] [illegible] нарушая интересы землевладельца. Вообще, опустение [illegible] крестьяне, должно было рано вы[illegible] [illegible] со стороны лишившихся их землевладельцев, и [illegible] те льготы, которы[illegible] [illegible] были снабжены такие особо привилегированн[illegible] [illegible] Троице-Сергиев монастырь, в смысле возможности, [illegible] [illegible] кто к себе откажет, не «выпущати [illegible] [illegible] решительную меру правительство, повидимому, [illegible] [illegible] попрежнему [illegible] [illegible] Только [illegible] XVI ст[illegible] [illegible] появляется [illegible] [illegible] выход крестьян [illegible] [illegible] которые встречались [illegible] [illegible] детей боярских [illegible] [illegible]

[illegible]

перед того безоброчно и беспошлинно» [1]). Вторая грамота последовала в ответ на жалобу Никольского-Корельского монастыря по поводу «выбежавших» крестьян его «без отказу» (притом не «около Юрьева дня», а один «в Филиппов пост», а другой «в великий пост»), хотя «те деи крестьяне их Николские вотчины искони вечные», и определяет: «вы б про тех крестьян сыскали всякими сыски накрепко... что те крестьяне на перед того Корелским монастырем живали ли и в нынешнем 100 году из за Николского монастыря без отпуску выбежали ли»; в последнем случае их снова вернуть в старые их деревни и дворы». «Да и вперед бы есть—добавляет грамота—из Николские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные в деревни не волозили, тем их Николские вотчины не пустошили» [2]).

Уже из этих двух грамот видно было, что речь идет о временном запрещении крестьянского выхода и в связи с этим о возвращении крестьян обратно, если, конечно, не последовало согласия («отпуска») со стороны землевладельца, и уход не имел места в Юрьев день. При этом речь идет о старожильцах, которых возвращают на «старинные» их места, которые монастыря «искони вечные». Любопытно, конечно, что старожильство, значение которого в прикреплении крестьян, как мы видели, весьма велико, здесь снова выдвигается на первый план. Но получается впечатление, что заповедные лета вообще применяются лишь к старожильцам [3]).

Однако, после опубликования Д. Я. Самоквасовым новых документов в 1909 г., вывод получился несколько иной. Из напечатанных в «Архивном Материале» обысков о крестьянах, вышедших или вывезенных в «заповедные годы», относящихся к различным погостам Деревской пятины (1583—1589 г.г.), видно, что в эти годы запрещен выход и вывоз не только старожильцев, но и крестьян других категорий [4]). Губные старосты «спрашивают и обыскивают: из-князя Богдана княж Иванова сына Кропоткина крестьяне его в заповедные годы за детей боярских вышли ли и будет вышли, и в котором году кто именем вышел, и из которые деревни и за кого, который крестьянин вышел». На это обыскные люди сказали: «а все, господине, те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни; а у тех детей боярских, которые в сем обыску писаны, живут в пустых деревнях, а не на тяглых землях». И в других случаях предлагается вопрос: «в заповедныя годы вывез ли, и сколь давно, и в котором году?» И ответ: «Слух, государь, наш то, что ти крестьяне... нынеча живут в селцы на Велье... а не ведаем кто их возил и в которых годех» [5]). «Иза Ивана иза Непицина, з деревни с Крутца Васка да Грешка Гаврилова дети, в заповедниии годи, 90-м году (1582 г.), збежали и ныне живут... в Никольском монастыри» [6]). Или: «слух, господине, наш есть: в 92-м году, да в 93 году, да в 94 году, да в 95 году... а вси тии крестьяне вышли в заповедные годы» [7]).

1) Побойнин, Торопецкая старина. 1902. Прил. I (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1902. II.

2) Рус. Ист. Биб. XIV. № 72.

3) По поводу этих грамот см. Адрианов, К вопр. о прикрепл. крестьян. Журн. Мин. Нар. Пр. 1895. № 1. Дьяконов, „Заповедн. лета и старина" (Сборн. стат., посвящ. Владимирскому-Буданову). Михайлов, Новооткрытые докум. и „Заповед. лета". Журн. Мин. Нар. Пр. 1911. II. Одинец, К ист. прикрепл. владел. крест. Журн. Мин. Юст. 1908. I. 132 сл.

4) Дьяконов, Заповедные и выходные лета. 1915 (Отд. оттиск из Извес. Петр. Полит. Инст. т. XXIV) I сл.

5) Архивн. Матер. II, ч. 2 № 20. Стр. 453.

6) Там же, № 16, стр. 450.

7) Дьяконов, Заповедные и выходные лета. 10 .1, 19

Таким образом, заповедными признаются уже 80-ые годы XVI ст., именно 1581—1587 г.г. Это правило применяется и позже, в 1592 г., в отношении упомянутого выше Корельского монастыря. «Значит, это правило — говорит М. А. Дьяконов — не было общим законом, если для применения его требуется особое распоряжение; общим законом остается правило Судебника о Юрьеве дне еще в 1592 году... Как некогда по челобитьям заинтересованных вотчинников вводился частными мерами Юрьев день, так и теперь в интересах господ-землевладельцев по их ходатайствам и теми же частными мерами стали вводиться заповедные лета». «В результате заключает он — крестьянский выход и правила о нем Судебника так и умерли без законодательной их отмены». Иными словами, никакого указа о прикреплении крестьян никогда не было. Мало того, подчеркивает тот же автор в другом месте — применение правила о заповедных летах имело следствием лишь срочную приостановку в данном месте постановлений Судебника о крестьянском отказе, и ничего больше»[1]. Во всяком случае дело себе надо представить так, что путем отдельных частных и местных запрещений на почве определенных экономических условий, как результат постепенно сложившегося обычая, создалось прикрепление крестьян. Правительство поощряло его, исходя как из необходимости снабжения служилых людей рабочей силой, при отсутствии которой земли их пустели, так и из соображений фискальных — тягла. Запустение огромного количества земель именно во второй пол. XVI ст., переход их из «живущего» в «пусто» должно было отразиться на государственных доходах, ибо запустение было не только фактическое, но и прежде всего фискальное, привело к уменьшению посошных окладов, к измельчанию сошного письма, даже к переходу к новым формам обложения. Вопросы тягла, стоявшие у правительства на первом плане, не могли не вызвать мер по удержанию крестьян на помещичьих землях. «К концу XVI века среди споров, драк и насилий — говорит В. О. Ключевский — ежегодно повторявшихся в ноябре и наполнявших суды кляузными тяжбами, повидимому, восторжествовал тот взгляд, что владельческих крестьян нельзя вывозить без согласия их владельцев»[2].

IV.

В 1597 г. явился знаменательный указ: «Которые крестьяне из-за бояр и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских и из-за всяких людей, из поместий, и из вотчин, и из патриарховых, и из митрополичьих, и из владычних, и из монастырьских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком, из-за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских сел прикащиком и служком давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детми и со всеми животы возити назад, где кто жил»[3].

Что означает этот указ? Историк XVIII в. В. Н. Татищев, нашедший впервые царский Судебник 1550 г., в котором крестьянам было предоставлено право отказываться один раз в году, в Юрьев день, и затем

[1]) Дьяконов, Поместье и крестьянская крепость, 1918. Оттиск из сборн. стат., посвящ. А. С. Посникову (не вышел)

[2]) Ключевский, Опыты. 236.

[3]) Акты Ист. I, № 221. I.

увидавший в дополнениях к Судебнику этот указ 1597 г., трактующий о выдаче крестьян, выбежавших за 5 лет, решил, что, очевидно, за этот полувековой промежуток произошла какая-то перемена в судьбе крестьян, и полагал, что она заключалась в издании в 1592 г., т. е. за пять лет до выхода указа, закона о прикреплении крестьян к земле, текст которого, однако, не сохранился [1]). Этим об'ясняется то обстоятельство, что беглыми признавались крестьяне, покинувшие землю за пять лет до появления этого указа, т. е. в течение всего промежутка, протекшего после выхода закона о прикреплении их; отсюда и самое появление понятий «беглого крестьянина», которого ранее, при свободе перехода, быть не могло.

Высказанный Татищевым взгляд признал правильным Карамзин, а за ним последовали и другие историки. «Мы знаем—говорит Карамзин—что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу,—свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу... в 1592 или 1593 году закон уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село» [2]). «В 1592 г.—читаем у Костомарова — должно было последовать относительно крестьян важное распоряжение, сделавшееся виной указа 1597 г. и вслед за ним прочих указов, ему подобных» [3]). Как указывает С. Ф. Платонов, обстоятельства того времени (вопрос об отмене крепостного состояния) поставили на очередь вопрос о том, можно ли считать прикрепление крестьян актом государственным или же, напротив, созданным общественными условиями, причем необходимо было доказывать именно первое: раз правительство отдало землю и закрепостило в свое время крестьян, то оно же имеет право на том же основании и освободить крестьян с землею, тогда как если это произошло в то время независимо от участия правительства, то представлялось гораздо труднее обосновать вмешательство его с целью нарушения вековых имущественных прав дворянства [4]). Поддерживая мысль о государственном характере крестьянской крепости, историки настаивали на существовании недошедшего до нас закона о крестьянском переходе.

Однако, относительно времени издания этого закона они несколько расходились. Так, Чичерин утверждал, что в 1590 или 1592 г. последовало прикрепление крестьян, но во всяком случае в 1584 г. они еще пользовались полным правом перехода [5]). «Когда именно, в котором году состоялась эта новая мера—говорит Беляев—совершенно изменившая жизнь русских крестьян,—мы не знаем; ибо первоначальный указ о прикреплении до нас не сохранился или пока еще не отыскан. Равным образом неизвестно и то, в какой форме первоначально была введена эта новая мера, способствовавшая впоследствии грустному развитию рабства в России». Но и он полагает, что «прикрепление последовало не раньше 1590 г.: ибо в одной уставной грамоте этого года признается еще вольный переход крестьян на прежних основаниях» [6]).

В самом деле, говорить о том, что указ, запретивший переход крестьян и об'являвший их беглыми, последовал именно в 1592 (или 1593) г., нельзя было уже потому, что во второй части приведенного выше указа

1) Судебник государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, изд. 2-ое. 1786. Стр. 221.

2) Ист. Гос. Росс. X. 120—349.

3) Костомаров, Должно ли считать Бориса основателем крепостного права? Архив истор. и практ. свед. Калачова. 1859. № 2.

4) Платонов, О времени и мерах прикрепл. крестьян. („Архив ист. труда в России". Кн. 3. 1922).

5) Чичерин, Опыты. 223.

6) Беляев, Крестьяне на Руси. 1860. Стр. 105.

1597 г. прибавлено: «а которые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и болше, а те помещики и вотчинники, за кого они выбежали», царю «не бивали челом», и царь указал: «на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати и назад их, где кто жил, не вывозити». Следовательно, речь идет о беглых крестьянах, которые бежали в 1587—1591 г.; если исходить из того, что понятие беглого может иметь место лишь при наличности прикрепления—как это делали историки—то приходится признать, что последнее должно было произойти не позже 1587 года.

Несмотря на это, в исторической науке установилось положение, что не только такой указ существовал, но что он относится именно к 1592 г., и это мнение вошло во все учебники истории. Поговорку «вот тебе, бабушка, и Юрьев день» приводили в качестве лишнего подкрепления устами народной мудрости факта отмены свободы перехода.

Новейшие авторы, правда, уже считаются со второй частью указа 1597 г. и вообще признают, что этот указ не позволяет еще никаких выводов делать относительно времени прикрепления, но все же многие попрежнему не сомневаются в том, что такой указ об отмене Юрьева дня был издан, но только не сохранился. Они лишь расходятся и теперь относительно того, когда мог последовать такой законодательный акт. Так, В. И. Сергеевич полагает, что его надо относить к 1584—85 г.г., т. е. к самому началу царствования Федора Иоанновича [1]); Н. Н. Дебольский утверждает, что прикрепление произошло между 1589 и 1595 г., ибо Судебник Федора Иоанновича еще не знает беглых, а в 1595 г. мы имеем первое дело о беглом крестьянине [2]), причем указ 1597 г., по его мнению, есть завершение ряда судебных и административных мероприятий, установивших крепостное право; Д. М. Одинец связывает эту меру с соборным приговором 1584 г., который отменил тарханные грамоты, в целях поднятия благосостояния воинства; но одним из наиболее действительных средств в этом направлении являлось укрепление за ним необходимого количества рабочих рук. При этом и Одинец ссылается на то, что эпитет беглый встречается уже в 1584 году [3]).

Между тем упоминание о беглых вообще решительно ничего не доказывает и ни в какой степени с прикреплением не связано; беглыми именовались попросту те крестьяне, которые вышли без отказу, не в срок и беспошлинно (без уплаты пожилого), т. е. с нарушением правил, установленных Судебником. Уже в судном деле 1554—57 г.г. читаем: «выбежал вон без отказу и беспошлинно в Петрово говенье», а в писцовых книгах Тверского уезда 1580 г. встречаем целый ряд случаев: «сбег безвестно», «выбежал» [4]). Так что указ 1597 г. в этом отношении не создает ничего нового.

В чем же смысл его? Это об'яснил еще Сперанский. «Истинный смысл сего указа—утверждал он—состоял в том, чтобы возвратить беглых, т. е. тех, кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок или не разделавшись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком... Иски о сем возврате были бессрочные или сорокалетние. Легко себе представить, сколь они были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек

[1]) Сергеевич, Юрид. древн. I, 243 сл.
[2]) Дебольский, 147, 152.
[3]) Одинец, К ист. прикрепл. влад. крест. Журн. Мин. Юст. 1908, I, 138 сл.
[4]) Дьяконов, Сельск. насел. 28. Писц. кн. Моск. гос. т. I., ч. 2, см. выше.

все иски, возникшие за пять лет перед тем, и дал ход тем только из них, кои были не старее сего срока. К постановлению сего срока принято было то основанием, что в 1593 г. учреждены были переписные книги»[1].

Таким образом, дело об'ясняется весьма просто: все нововведение, создаваемое указом, сводится к определению исковой давности, срока, в течение которого можно незаконно ушедшего крестьянина «требовать» обратно, к установлению «урочных» лет,—притом на почве права перехода, предусматриваемого Судебниками. Принятый же в 1597 г. пятилетний срок давности обусловливается не каким-либо последовавшим за 5 лет до того указом, а тем фактом, что в 1593 г. крестьяне были внесены в писцовые книги и, следовательно, представлялось возможным исходить из известного твердого базиса относительно принадлежности их той или другой вотчине или поместью.

Еще Погодин в 1858 г. не считал возможным из указа 1597 г. делать вывод о существовании акта прикрепления крестьян и высказывал предположение, что последнего никогда не было, а крепостное состояние сложилось под влиянием обстоятельств, как результат жизненного процесса[2]). Это мнение, в то время не имевшее успеха, вновь было высказано лишь в 1884 г. Энгельманом, который, однако, формулировал его несколько иначе, утверждая, что исковая давность, установленная в 1597 г., имела основанием писцовые книги, причем крестьянин, записанный за помещиком в писцовой книге, тем самым признавался ему крепким. На точку зрения Погодина стали и Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, и к ним примкнул целый ряд других исследователей[3]). При различных отклонениях в частностях, общим положением стало то, что никакой законодательной отмены права крестьянского выхода не было, а прикрепление создалось на почве определенных экономических и социальных условий, как результат ряда мер, принимаемых в течение свыше столетия вплоть до Соборного Уложения 1649 г. С. Ф. Платонов, правда, исходя из упомянутых выше запрещений выхода в «заповедные лета», полагает, что имелась такая общая «государева заповедь», не допускавшая вывоза и выхода крестьян в определенные годы. Он ссылается на челобитную рязанского землевладельца Шиловского 1584 г., что дьяк Шерефединов «крестьян насильством... возит, мимо отца твоего, а нашего государя уложения» и усматривает в «уложении» упоминание о тех же «заповедных летах», полагая, что существовало какое-то «уложение» Грозного, запрещавшее впредь вывозить крестьян в течение заповедных лет «до нашего указу» и предписывавшее возвращать тех тяглецов, которые «с посаду разошлись в заповедные лета». «Как Татищев и его продолжатели искали закон об общем прикреплении крестьян к земле — говорит С. Ф. Платонов — так мы теперь должны искать государеву заповедь о невыходе и невывозе крестьян в урочные заповедные годы»[4].

Однако, в цитируемой им челобитной рязанского землевладельца[5]) о заповедных летах не упоминается, и совпадает ли встречающееся там

1) Сперанский, Историч. обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян. Арх. ист. и практ. свед. Калачова, 1854, № 2.

2) Погодин, Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права. Истор.-критич. отрывки. Т. II. Арх. истор. и практ. свед. Калачова, 1859, № 2.

3) См. Рожков, Русс. ист. IV, ч. 1. Стр. 98. Милюков, „Крестьяне“. Энц. Слов. Филиппов, 469 сл. Любавский, Лекц. по древн. русск. ист. 1915. Стр. 274 сл. Готье, Очерк истор. землевл. 75 сл. Огановский, II, 157. Лаппо-Данилевский, Очерк образ. главн. разр. 62 сл.

4) Платонов, Борис Годунов, 1921. Стр. 76. О [illegible] крестьян. (Арх. ист. труда в России, 1922, III, стр. 22).

5) Сборн. акт. Лихачева, 249.

«уложение» с заповедными летами, неизвестно [1]). Быть может, под «уложением» понимается Судебник, правила которого были нарушены при вывозе крестьян. Во всяком случае, и надежда найти такую «государеву заповедь» может оказаться столь же тщетной, как поиски закона об общем прикреплении, так как правила о заповедных летах не имели общегосударственного характера, и применялись специальными распоряжениями в отдельных местностях.

Во всяком случае, исходную точку в прикреплении составляют несомненно эти заповедные годы, которые рассматривались в качестве временной меры, но приобрели, повидимому, постоянный характер. Как указывает С. Ф. Платонов, указ 1597 г., дозволяя «давать суд» и «по суду и по сыску возить беглых крестьян назад, где кто жил», только в том случае, если они «выбежали за пять лет», тем самым не только не усиливал прикрепления, а, напротив, смягчал применение меры, установившей заповедные лета. «Нарушивший заповедь и убежавший в неуказные лета крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени его ухода истекло пятилетие». Так же он смотрит и на указы царя Бориса 1601 и 1602 г.г. — и они являются ограничением тех же заповедных лет [2]).

Этими указами царь Борис в тот самый срок, в ноябре, когда совершались обычно выводы и выходы, «во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход». Однако, крестьян не дозволено возить ни в дворцовые или черные волости, ни в вотчины и поместья духовенства, бояр, больших дворян или приказных людей. Разрешение дается только мелким землевладельцам дворянам, которые служат по выборам, детям боярским, городовым, иноземцам, в особенности же мелким служилым людям — ключникам и подключникам, конюхам, охотникам, псарям, кречетникам, сокольникам и т. д. Но им дозволено «возити крестьян» только «промеж себя», и притом одному человеку из-за одного же человека, крестьянина одного или двух, а трех или четырех одному из-за одного никому не возити. Правило это не распространено на Московский уезд («а в Московском уезде всем людем промеж себя, да из иных городов в Московской уезд потому же крестьян не отказывати и не возити») [3]). Заповедные лета, следовательно, смягчены в интересах самых мелких служилых людей, которые имеют мало земли и поэтому нуждаются лишь в незначительном количестве крестьян, так что им достаточно у кого-либо другого, имеющего больше, чем ему нужно, взять 1—2 крестьян, и тем самым они обеспечены рабочей силой. Напротив, сильные вотчинники, бояре и монастыри не могут у них отнимать крестьян, ибо для последних заповедные лета действуют в полной мере. Но в то же время это означало и большое ограничение для крестьян, ибо крестьяне всех крупных землевладельцев и в эти годы были лишены права выхода.

Впрочем, о выходе здесь вообще речи нет, имеется в виду лишь вывоз — «отказывати и возити крестьян». Крестьянский выход, в сущности, уже давно почти прекратился — мы видели, что уже в Тверской писцовой книге 1580 г. он составлял исключение, крестьянин является лишь об'ектом действий различных вотчинников; им распоряжаются, как вещью, его вывозят вместе с имуществом. Мерами государства регулируется только эта деятельность землевладельцев, а вовсе не прекратившийся мало-помалу крестьянский выход: последний и не нормировался правительством

[1]) См. Гейман, Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян. Русск. Истор. Журн. 1922, № 8. Стр. 291 сл. Ср. Платонов, Лекц., 7 изд. 201 сл.

[2]) Платонов, Борис Годунов. 77.

[3]) Акты Арх. Эксп. II, № 20.

В том же указе Бориса Годунова о вывозе крестьян служилыми людьми «промеж себя», повторенном в следующем 1602 г., прибавлено: «а из за которых людей учнут крестьян отказывати, и тех люди крестьян из за себя выпускали со всеми их животы, безо всякие зацепки и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было и сильно б дети боярские крестьян за собою не держали и продаж им никоторых не делали; а кто учнет крестьян грабити и из за себя не выпускати, и тем от него царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии быти в великой опале» [1].

Это об'явление, которое велено было в Великом Новгороде «вычитати всем людем вслух и бирючу велети кликати по всем торгом не по один день», вводит нас в самую гущу жизненных условий того времени напоминает о тех страстях, которые разыгрывались в борьбе из-за крестьян: без «боев и грабежей» редко обходился вывоз крестьян. В самом деле, если процесс развития вел к постепенному фактическому прикреплению крестьян к земле, то, с другой стороны, было бы ошибочно полагать, что такова была общая судьба крестьянского населения, что последнее обнаруживает неподвижность и усидчивость, не покидает насиженных мест, сидит за своим «государем» землевладельцем. Нет, это относится лишь к одной группе крестьян, на ряду с которой существовала другая, отличавшаяся весьма значительной подвижностью, легко бросавшая дом и двор, не взирая на те препятствия, которые ставили и Судебники и землевладельцы, и искавшая счастья на стороне. Откуда, в противном случае, мог бы взяться тот обильный человеческий материал, который давал пищу колонизации новых областей во второй половине XVI и в первые десятилетия XVII ст., откуда и те массы, которые были приведены в движение в эпоху Смутного времени? Последняя ведь вообще всколыхнула население, сбросила его с места, и не скоро после официального прекращения Смуты и восстановления порядка это бурлившее море пришло в успокоение, и население вновь расселось по местам. При этом естественно крестьяне в весьма многих случаях покидали своих господ и оказывались после успокоения, найдя себе новую пристань, уже за совершенно иными землевладельцами, во многих случаях оставшись там, где их кормили в голодные годы, и где они нашли себе приют во время литовского и казацкого разорения.

V.

Яркую картину вызванных Смутой перемен рисует царская грамота Волоколамскому монастырю, последовавшая непосредственно за избранием нового царя (в 1614 г.) и желавшая вернуть монастырю его старых крестьян, разбежавшихся во время Смуты. Монастырь жалуется на разорение от литовских людей, которые его «голодом выстояли» и вотчину «всее выжгли без остатка и крестьян и их жон и детей высекли». Поскольку те крестьяне «от литовских и от немецких людей и от русских воров остались, и те деи крестьяне разбрелися розно за бояр, и за дворян и за детей боярских». Далее перечисляются те землевладельцы, которые «розвезли за себя крестьян», и указывается, где они живут за ними «во крестьянех». Опасаясь, как бы эти крестьяне не вернулись обратно в монастырские вотчины, некоторые землевладельцы стараются закрепить их за собой и «промают» на них «порук с записми, что им впред жити за ними во крестьянех, а за монастырь не выходить», а один из них «держит ныне у себя

[1] Акты Арх. Эксп. II, № 2..

крестьянина их Карпика скована». К такому насилию прибегали землевладельцы, воспользовавшиеся Смутой для получения новых крестьян. Грамота приказывает вернуть их «во старых их жеребьях во крестьянех», попрежнему, предварительно, однако, велев «сыскати всякими людми накрепко: старинные ли те Иосифовы вотчины крестяне» [1]).

Из другого акта, боярского приговора 1606 г., мы видим, как крестьяне в голодные 1602 и 1603 г.г. в большом количестве «бегали с животы в дальние места из за Московских городов на Украйны, а с Украйны в Московские городы, или из города в город верст за двести и за триста и болши». Они «пошли от старых своих помещиков с животы и ростеряв животы, пришли к иным помещиком в бедности». Теперь прежний землевладелец требует их обратно. Но получает в ответ: «не умел (он) крестьянина своего кормити в те голодные годы, а ныне его не пытай». «Тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил» [2]).

Однако, движение крестьян по лицу земли Русской совершалось в широких размерах и до Смутного времени, когда население спускалось вниз, к югу, когда одни области пустели, другие впервые заселялись. Уже тогда должна была происходить ожесточенная борьба из-за крестьян, из-за сохранения своих и приобретения чужих; всякий землевладелец препятствовал выходу первых, не признавал свободу вывоза, а в то же время старался «сильно» вывезти крестьян из других имений. Так, уже из грамоты Грозного новгородским дьякам 1555 г. оказывается, что «дети боярские Ржевские, и Псковские, и Лутцкие, и из иных присудов, вывозят за собя во крестьяне жити... крестьян из Ржевских из черных деревень», причем делают это, не считаясь ни с какими правилами — «не по сроку, по вся дни, беспошлинно». А в то же время они сами у себя никаких отказов не признают. «Когда приедут к ним отказщики, с отказом», притом «в срок», т. е. в Юрьев день, а не в любое время, как они сами делают, «и те деи дети боярские тех отказщиков бьют и в железо куют а крестьян деи из за себя не выпущают, да поимав деи их мучат и грабят и в железо куют». Поскольку же они не прибегают к насилию, они требуют от вывозимых крестьян пожилого в таком огромном размере («емлют не по Судебнику, рублев по пяти и по десяти»), что в результате «отказати (де) им крестьянина из за тех детей боярских немочно» [3]).

Такого рода случаи не были исключением. Когда один землевладелец из Шелонской пятины послал своих людей в Тверской уезд, то владелец их отказ принял и пошлины пожилые взял, но крестьян не выпустил и «держит их за собою сильно». В другом случае также помещик принял отказ и пошлины взял, а после «животы их пограбил» [4]).

В результате чинились «великие крамолы, обеды и насилия немощным от сильных». К таким «сильным» принадлежал Троице-Сергиев монастырь, добившийся разрешения своих крестьян, «которые выбежав из Троецких вотчин живут за бояры и за околничими и за дворяны и за детми боярскими и за всякими людми, по 122 год (1614 г.), за девять лет, вывозить по сыску назад в Троецкие вотчины». Повидимому, в предшествующие годы из вотчин Троицкого монастыря бежало много крестьян, и он теперь возвращал их себе обратно, всех, кто выбежал в течение целых 9 лет. «Сыщики во все городы для того посланы». Мало того, «к воеводам и к приказным людем» были отправлены царские грамоты и велено «сыскивать» и «Троецких вотчин крестьян свозити», притом уже за 11 лет. Но землев-

[1]) Акты Арх. Эксп. III, № 41.
[2]) Акты Арх. Эксп. II, № [illegible].
[3]) Доп. Акт. Ист. I, № [illegible]
[4]) [illegible]

ный монастырь и этим сроком не ограничивался. «Дворяне и дети боярские многие (нам) били челом, что возят в Троицкие вотчины их старинных крестьян, которые жили за ними лет двадцать и болши» [1].

Но и впоследствии передвижение крестьян отходы не прекращается, несмотря на установление штрафа для землевладельца, у которого беглые окажутся («не принимай чужого»), и не взирая на постановление, согласно которому, если «побежит жонка или вдова или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того мужика, который женится на чужой женке, отдати тому, чья жонка» [2]. Так, оказывается, что «посадские люди и уездные крестьяне, с женами и с детми выбежав, живут ныне в Перми на посаде и в Пермском уезде и на то (де) смотря и последние посадские люди и уездные крестьяне (из Вятского уезда) бежат врозь» [3]. Иноземцы жалуются на то, что из-за бегства крестьян их поместья пустеют «и им бы государевы службы не отстать» [4]. При вывозе крестьян попрежнему происходят «всякие ссоры и бои», учиняются «разпри и насильны и многим разорения и убийства смертные». В 1642 г. возбуждено было большое дело о возвращении беглых крестьян Заонежских погостов, причем велено было «сыскивать допряма, кто сколько лет за кем жил, чтоб неповадно было вперед государевых крестьян за собой приманивать и за собой держать» [5]. В 1648 г. в Соли Камской в вотчинах Строгановых и других лиц и на землях Вознесенского и Пыскорского монастырей обнаружено было 143 беглых крестьянских семьи, а «людей в них из их братьи и детей и племянников» 414 человек [6].

В памяти земского приказа 1642 г. упоминается о таких случаях, когда «кто у кого насилством крестьян вывез, а про то сыщется подлинно», или: «которые люди к кому приезжали и людей и крестьян вывезли за себя или в тое время от кого учинится смертное убийство и грабеж или иное какое дурно». Наконец, бывало и так, что кто-либо заявлял о своих прежних крестьянах, что их вывезли, «а про то сыщется, что те крестьяне не вывозные, беглые: и тот истец лишен крестьянина своего и крестьянских животов и своего иску» по следующей причине: «ищи правдою и не называй беглого крестьянина вывозным» [7].

Из челобитья дворян и детей боярских всех городов 1646 г. мы узнаем об обидах, которые им чинятся сильными людьми. «Бегают из-за них старинные их люди и крестьяне в государевы дворцовые и в черные волости и села, и в боярские поместья и вотчины, и в патриаршии и в митрополичьи... и в Троицкие и иных разных монастырей. И те многие помещики и вотчинники и монастыри тем их беглым людем и крестьянам на пустых местех слободы строят, а их поместья и вотчины от того становятся пусты». Этими беглыми крестьянами заселяются, следовательно, новые местности, колонизуются еще не занятые пространства. Поселившись затем в новом месте и надеясь на «сильных людей», их бывшие крестьяне остальных крестьян «подговаривают и домы их (помещиков) пожигают и разоряют всяким разорением».

Эти крупные землевладельцы действуют «насилством» и завладевают таким путем не только их, челобитчиков, крестьянами, но даже нередко и их «поместными и вотчинными землями и всякими угодьи».

1) Акты Истор. III, № 50. Акты Арх. Эксп. III, № 60.
2) Судебник, изд. Татищева, 240 ст.
3) Акты истор. III, № 100.
4) Акты Моск. Госуд., изд. Поповым, II, № 100.
5) Дьяконов, Ист. сельск. нас., 60.
6) Дьяконов, Ист. сельск. нас., 61—62.
7) Акты Истор. III, № 92, XXXII.

Примером такого образа действий сильных людей может послужить колонизаторская деятельность одного из самых крупных землевладельцев первой половины XVII ст., боярина И. Н. Романова. Устройство им новых слобод на юге, в Елецком уезде, сопровождалось такими приемами и способами, которые приводили к разорению чуть ли не всех остальных землевладельцев уезда. Из поданной последними челобитной 1628 г. видно, что новые слободы основывались не только на диком поле, на свободных землях, но и на таких, которые были уже заняты другими, на чужих поместьях и вотчинах монастырей, детей боярских, поместных атаманов. Но и заселялись новые слободы чужими крестьянами. Образовывались шайки человек в 30, 40 и более, налетали на намеченное поместье, грабили и жгли и уводили крестьян вместе с их семьями и «животы». «Приезжают, государи, из с тое его вотчины села Романова Городища и из деревень в елетцкой уезд люди его и крестьяня человек по сороку и по петидесят и больши в наши поместицы днем и ночью, нас холопей ваших бьют и грабят, жон и дочерей позорят, и из денег, а из платья пытают, и из за нас, холопей ваших, и из за монастырей крестьян и бобылей вывозят насильством» [1]).

Впрочем, на ряду с этим переселение крестьян на земли боярина Романова совершалось и мирным путем, посредством отказа, так что вполне это право и теперь еще не было отменено и в известных случаях практиковалось. Так, крестьяне Свиридовы ему, Свириду, отказали, заявив: «прожить де за тобою не мочна» и вышли за боярина Романова. Это обусловливалось тем, что слишком близко подошли новые слободы боярина, верстах в двух, что приводило к тому, что его люди «села и деревни жгут, и хлебъ в гумнах стоячей зажигают, и по полем хлеб проезжаючи, насильством жнут, а лошади и коровы по полем и по деревням отнимают насильством же... и жен от живых мужей отдают в его боярской вотчине замуж за иных мужей... а воеводы... против их мудрости молчат, никакова наказанья над ними учинить не смеют... и поимав на воровстве, и оне в тюрьму посадить не смеют». Но не только крестьяне, в виду этого, вынуждены были переходить за боярина, за которым жить было безопасно, но так же поступали и дети боярские, которые либо «от разоренья и насильства пошли розно», либо «пошли жить в его боярскую вотчину» и в свою очередь начинали грабить и разорять других помещиков.

Социальные условия, таким образом, слагались к выгоде сильных людей, мелкий же служилый люд во всяком случае страдал. Меры, принимаемые правительством в виде возврата беглых крестьян и недопущения вывоза без согласия землевладельца, ему мало помогали — крупные вотчинники все же вывозили крестьян и принимали беглых.

Как мы видели, указом 1597 г. предоставлено было возвращать обратно лишь крестьян, бежавших за 5 лет до того, и эта пятилетняя исковая давность сохранялась и впоследствии. Однако, как можно усмотреть из приведенной выше грамоты 1614 г., Троице-Сергиев монастырь добился для себя расширения этих «урочных лет» или «указных лет» до 9, а затем (правда, лишь временно в течение одного года) и до 11 лет, так что его шансы в борьбе за крестьян, и без того гораздо большие, чем у большинства других землевладельцев, еще более усилились [2]). Он мог «сыскивать» своих крестьян, которые за 9 (11) лет ушли, и сводить их из других земель, тогда как захваченных им другие могли требовать лишь в течение 5 лет, если они вообще могли иметь надежду получить их обратно у всесильного, снабженного особыми податными и иными льготами монастыря.

[1]) Сташевский, К истории колонизации Юга, 1913. Стр. 4[illegible].
[2]) Акты истор. III, № 53.

Однако, служилые люди добивались, по крайней мере, формального равенства с Троицким монастырем, но лишь спустя 20 слишком лет, в 1637 г., они были сравнены. Впрочем, и теперь еще далеко не все, а лишь служилые люди украинных и замосковских городов. В это время посланы были в эти города грамоты о выборе «лутчих и в уме нескудных людей» из дворян и детей боярских «для государева и земскова дела». Повидимому, в связи с этим созывом земского собора в Москве и находятся их совместные действия относительно распространения на них права сыскивать крестьян в течение 9 лет [1]). Их коллективное челобитье увенчалось успехом. Урочные годы были продлены для них до 9, в 1639 г. это правило было распространено и на иноземцев [2]). Однако, общим для всех оно стало лишь в 1642 г., когда служилыми людьми «всех городов» подано было новое, приведенное выше, челобитье царю Михаилу Федоровичу, в котором они жаловались, что сильные люди собирают на свои земли беглых крестьян, берут на них ссудные записи и, пользуясь урочными годами, закрепляют их за собой. Указом 1642 г. урочные годы были установлены для всех на 10 лет.

Казалось бы, служилые люди достигли своей цели. Однако, они этим не довольствовались. Уже в 1642 г. они добивались большего — полной отмены урочных лет, т. е. возможности отыскивать своих крестьян в любое время: «велел бы им государь тех их беглых крестьян и бобылей отдавать по местным их и по вотчинным дачам и по писцовым книгам и по выписям, кто кому чем крепок».

Спустя 4 года, когда вступил на престол в 1645 г. Алексей Михайлович, дворяне и дети боярские всех городов, которые «были на его государеве службе на Туле», вновь били челом царю, указывая на свои великие бедствия: «от служеб обедняли и одолжали великими долги и конми опали, а поместья их и вотчины опустели и домы их оскудели и разорены без остатку от войны и от силных людей».

По поводу образа действия последних мы получаем теперь новые сведения — главная причина всех зол заключается в урочных годах, ибо крестьяне их «выходят из за них» за сильных людей, а урочные годы для отыскания их не превышают 10 лет; между тем «они де по вся годы бывают на государевых службах, и в те урочные годы про тех своих беглых крестьян проведати не могут». «Сильные» же люди, пользуясь этим, поступают следующим образом. В течение этих лет они крестьян их «развозят по далным своим вотчинам, и как де тем их беглым крестьяном урочные лета пройдут, и они тех их беглых крестьян привозят в вотчины свои, которые с ними смежно, да и досталных людей их и крестьян их из за них вывозят в свои и вотчины и поместья и тех их беглых крестьян называют своими старинными крестьяны; а иных де крестьян их беглые их крестьяне, живучи за силными людми, пишут в писцовые книги и в ссудные записи заочно, дружа тем, за кем они живут, бегая от них». Таким образом оказывается, что 10-летний срок для них, служилых людей, в силу их службы, недостаточен, а «сильным людям» это дает возможность сначала укрывать беглых крестьян в своих отдаленных вотчинах, а затем, когда давность прошла и им обратного требования нечего опасаться, при помощи этих беглых сманивать и остальных крестьян. Служилые люди расчитывали, что с отменой давности, при возможности в любое время отыскивать беглых крестьян, их положение улучшится. Поэтому они опять просят «урочные лета отставить» и при определении

---

[1]) Рождественский, Из истории отмены „урочных лет" для сыска беглых крестьян (в Моск. Госуд. Сборн. стат., посвящ. Ключевскому, 155—56).

[2]) Акты Арх. Эксп. IV, № 14. Акты Моск. Гос. II, № 160.

принадлежности крестьян тому или другому землевладельцу руководствоваться — как они и ранее добивались — писцовыми книгами [1]).

Это требование было осуществлено Соборным Уложением 1649 г. «Будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях... и тех крестьян и бобылей по сыску отдавати по писцовым книгам, которые книги писцы в Поместной приказ отдали после Псковского пожару прошлого 134 г... А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет» [2]). Однако, отмена урочных лет оказалась на практике неосуществимой: невозможно было допустить бессрочно и бесконечно отыскиванье беглых крестьян. Это значило бы вернуться к тому состоянию, которое господствовало в конце XVI ст. и которое вызвало пресловутый указ 1597 г., установивший пятилетнюю давность.

Но отыскивание беглых крестьян продолжалось попрежнему и притом в широких размерах, ибо уход их (или «бегство») составлял явление обычное.

Насколько значительно были переселения крестьян еще и в середине XVII ст., можно усмотреть на примере книги отдаточной «беглым людем и крестьяном» города Алатора, в которой за один только 1664 г. записано 177 дел о сыске и возвращении беглых, причем во многих случаях речь идет о побеге целых семей в 4—6—8 человек. А к этому присоединяется за тот же год и опять-таки в одном только Алаторе 77 записей «мировым челобитьям» относительно беглых: в этих случаях дело оканчивалось полюбовным соглашением между прежним и новым владельцем, и челобитчик отказывался от возбужденного им иска, прося «челобитье их и мир записать» [3]).

И. Кулишер.

[1]) Акты Ар . Экс . [illegible]
[2]) Соборн. Улож. Гл. X[illegible] [illegible]
[3]) Архивн. Мат. [illegible] Прил [illegible]

Очерк развития рабочей потребительской кооперации.

При крепостном праве снабжение промышленных рабочих и служащих производилось обычно из тех магазинов, которые устраивались управлениями фабрик и заводов. На горных промыслах выдача хлебного продовольствия натурою рабочим и их семьям была обязательной; но и в тех отраслях, где таковой обязанности не существовало, устройство продовольственных лавок владельцами практиковалось в широких размерах. Получение натурою более или менее значительной части продуктов первой необходимости, естественно, ослабляло импульс к созданию тех или иных организаций, покоящихся на принципе самодеятельности. С другой стороны, попытки, предпринимавшиеся в некоторых случаях мастеровыми в этом направлении, встречали на своем пути существенные препятствия, коренившиеся в общих условиях того времени. Так, напр., когда на Алтайских заводах отпуск провианта производился за деньги по пониженным ценам, тогда рабочие пользовались правом выбирать из своей среды особых лиц для закупки муки и других припасов. Выбрав закупщиков, рабочие давали им инструкцию о цене, количестве и качестве продуктов; деньги же на покупку выдавались от заводской конторы, которая потом вычитала стоимость закупленных припасов из жалованья. Точно также при заключении контрактов с маркитантами заводское начальство призывало на торги мастеров и подмастерьев, как представителей интересов рабочих. Они торговались с маркитантами о цене на мясо, о времени открытия лавок и проч. и, с своей стороны, давали обязательство не покупать мяса у других продавцов. Но с 1786 г. выборные уполномоченные для закупок были упразднены, а затем перестали также призывать мастеров и подмастерьев на торги. В связи с этим усилились различные злоупотребления. Недовольные этим рабочие требовали возвращения к прежним порядкам, но добиться ничего не могли. Так, в 1797 г. в Салаирском руднике одна смена бергайеров единогласно пред'явила различные жалобы на маркитантов и на то, что „главная команда“ утвердила высокие цены на мясо, не спросив рабочих. Разобрав это дело, Салаирская горная контора нашла, что зачинщиков следовало бы, согласно Морскому регламенту, повесить, но в конце концов удовольствовалась тем, что велела их „бить

жестоко прутьями". Подобное же дело возникло в 1810 г.—виновные были подвергнуты наказанию „тростьми".

Только с падением крепостного режима и отменой натуральных форм продовольствования рабочих стала постепенно складываться обстановка, благоприятствующая потребительской кооперации, которая на Западе в это время под влиянием ободряющего примера „Рочдельского общества справедливых пионеров" пользовалась уже широкой известностью. И, действительно, она появляется у нас в середине шестидесятых годов в виде так назыв. городских всесословных и специальных фабрично-заводских или железнодорожных потребительных обществ. Устав первого общества был утвержден в 1865 г.: это было „первое Рижское потребительное общество". В том же году утверждены уставы Ревельского общества и общества „Бережливость" в Петербурге. В следующем году возникли такие общества в Дерпте, Митаве, Пернове, Харькове, Нарве, Пскове и Курске, в 1867—69 г.г. в Либаве, Киеве, Чернигове, Таганроге, Варшаве, Николаеве и др. городах.

Как видим, первые зачатки появлялись наиболее часто в Прибалтийских городах с большим процентом немецкого населения, в чем сказывалось влияние соседней Германии. Устав Рижского общества был составлен по образцу Штутгартского, и инициаторы его предполагали даже пригласить в Ригу „отца" немецкого кооперативного движения Шульце-Делича для прочтения лекции о кооперации. По этому же типу организованы были и прочие немецкие общества, а затем уже их пример стал находить себе подражателей и в городах внутренней России. Учредителями обществ являлись деятели городского и земского самоуправления и представители интеллигенции, а членами состояли служащие разного рода, представители свободных профессий и уже на последнем месте—рабочие. Начавшись в значительной мере сверху, движение это долгое время не могло наладиться и окрепнуть. Вызывая при своем возникновении самые радужные надежды, эти общества быстро утрачивали интерес со стороны местного населения и нередко гибли после мимолетного существования[1]),

Иное наблюдается в тех обществах, которые возникли в рабочей среде: здесь не было, с одной стороны, восторженных ожиданий и увлечений, но не было также быстрого охлаждения и апатии—с другой.

Первый опыт устройства потребительного общества принадлежит Кыновскому заводу на Урале. В 1864 г. среди служащих возникла мысль о совместной выписке чая из Нижнего, а затем, когда этот опыт оказался удачным, стали производить закупку и других товаров. На первых порах никакой продажи не было, и полученный товар просто делился между теми, кто участвовал в коллективной подписке. Только в 1867 г. устраивается общественная лавка, но все еще без устава. Продажная цена была с надбавкой в 10%, которая шла на покрытие расходов и на образование запасного капитала. Для заведывания лавкой избирался распорядитель,

[1]) Сборник материалов об артелях в России. Вып. III (1875 г.).

который торговал в свободное время, от 2 до 5 часов, получая за это вознаграждение в размере 1% с вырученной суммы. В следующем году руководители дела получили от владельца завода Строганова ссуду в размере 6000 р., благодаря которой оборот лавки повысился (в 1869 г. до 15,380 р.). Из чистой прибыли 50% отчислялось в неприкосновенный капитал и 50% делились пропорционально между членами сообразно числу так назыв. ответственных паев, на которые разделен был запасный капитал, и сумме закупок из лавки,—каковые суммы считались как бы членскими взносами, не подлежащими выдаче до 1881 г., что дало возможность по прошествии десяти лет уплатить долг заводу. В 1870 г. лавка превратилась в общество с утвержденным уставом, — сначала было 49 членов. Оборот в первый операционный год достиг 24 тыс. р., а чистая прибыль— более трех тысяч руб. В 1874 г., сверх платы за ответственный пай, введена была вступная плата в 10 р., которая затем повысилась до 25 р. с вновь поступающих. Это замедляло приток новых членов, и только к началу девяностых годов число их достигло нескольких сотен. Но во всяком случае устойчивость организации и успешность ее деятельности служила ободряющим примером для других начинаний подобного рода.

В 1871 г. рабочие и мастеровые Александровского механического завода в Петербурге собрали 3.000 р. и открыли кооператив „Общая Польза". Одновременно возникает потребительское общество Невского механического завода, получившее при основании ссуду от заводоуправления в размере 20.000 р. на пятнадцать лет. В 1872 г. появляется первое потребительное общество железнодорожных служащих в Бологом на Николаевской дороге. Вслед за тем возникает целый ряд подобных организаций при различного рода промышленных предприятиях, и к 1890 г. их было уже 96.

Это движение особенно усилилось после издания закона 3 июня 1886 г., затруднившего деятельность продовольственных лавок прежнего типа: их существование обусловливалось теперь согласием фабричного инспектора, которому принадлежало также право утверждать список предметов, продаваемых в лавке, и устанавливать таксу на них. Голод 1891 г. и последовавший затем подъем цен дал новый толчок к развитию потребительской кооперации. Если с 1865 по 1891 г. было утверждено всего 277 потребительных обществ, то с 1892 по 1905 г. их возникло уже 1530; таким образом, в среднем на один год приходится в первом периоде 10 а во втором—109 обществ. Преобладающее число их относится к типу городских всесословных кооперативов. Но значительно выросло также количество фабрично-заводских и железнодорожных обществ: в первом периоде их возникло 96, а во втором уже 245. Некоторые из них успели достигнуть значительных размеров, но почти все они сохранили черты зависимости и замкнутости. Так, напр., в обществе при Никольской мануфактуре С. Морозова правление и ревизионная комиссия до 1905 г. состояли „из одних только служащих, преимущественно директоров и служащих высшего ранга". Пайщики - рабочие, зависевшие от директоров и

служащих на фабрике, боялись критиковать их деятельность, уменьшать их жалованье. Случалось, что пайщики-рабочие не являлись на собрания, когда предполагалось забаллотировать лицо, стоявшее над ними. Общество было замкнутым и членами его могли быть только рабочие и служащие мануфактуры; однако, и последние не обнаруживали к нему большого тяготения: в первые годы из 7000 человек записалось около 5%. Во время рабочих волнений в 1885 г. лавка общества подверглась даже попытке разгрома со стороны толпы.

На юге России известен ряд случаев, когда заводоуправления субсидировали общества потребителей довольно крупными суммами на несколько лет и без процентов (напр., Дружковскому о-ву до 40.000 руб.). Но зато в правлении обществ участвовали представители завода. Все руднично-заводские потребительные общества носили замкнутый характер, с определенным контингентом лиц (служащие и рабочие предприятия), и за немногими исключениями управлялись лицами из администрации. Нередко слышались заявления, что потребительное общество — это одна форма, в сущности же это не что иное, как заводский лабаз. Забор членов в этих обществах не превышает 1/3 всего забора. Кредит пользовался широким распространением. „Денег у себя рабочий почти не видит. Там, где кредит неограничен, долги за отдельными лицами достигают внушительных цифр 200—500 руб.“.

В отчете о потребительских обществах в Пермской губ. также сообщается, что отличительными чертами их являются замкнутость (членами общества могут быть лишь рабочие и служащие завода или заводского округа) и зависимость от заводоуправлений. Общества получали даровые помещения в заводских зданиях, ссуды под оборотный капитал, займы перед Нижегородской ярмаркой (напр., Алапаевское заводоуправление дает обществу на эту цель 20 тысяч руб.). Наконец, заводоуправление гарантировало кредит служащих и рабочих завода в обществе, принудительно удерживая из заработка тех и других следуемое обществу в уплату за забранный товар. Последнее обстоятельство породило чудовищное распространение перекупки и барышничества, выработало небрежное отношение общества к делу, закабаленный кредитом потребитель берет, что дадут, и по цене, какую назначут; наконец, здесь же нужно искать об'яснение нередко наблюдаемому враждебному отношению рабочих к обществам, выраженному в злобной кличке „грабиловка“. По своему уставу старые уральские общества тоже далеко не демократичны; пай в большинстве случаев очень высок (20—25 р.), предусматривается право общего собрания прекратить свободный доступ в общество новых членов, женщины нередко лишались участия в делах общества, не было ограничено число паев и т. д. [1]).

[1]) А. Меркулов, Исторический очерк потребительской кооперации в России (1915 г.). М. Хейсин. Кооперативное движение среди рабочих Петербурга „Вестник Кооперации“, № 1 за 1911 г. М. Балабанов. История рабочей кооперации в России (1923 г.).

Независимых же и открытых рабочих кооперативов было очень не много, и все они были мелки и незначительны. 1905-ый год, всколыхнувший сверху до низу всю русскую жизнь, открывает собою третий период в истории кооперативного движения. С одной стороны, обнаруживается стремление к ослаблению или устранению духа зависимости среди фабрично-заводских потребительных обществ. Эта борьба выражалась в разных формах. В одном месте изменяется устав общества, и оно из замкнутого превращается в открытое для всех, с расширением прав управляющих органов. В другом месте борьба начинается с обновления правления и замены членов его, которые были ставленниками заводской администрации, выборными рабочими. В третьем — ведут борьбу против продажи в кредит и ордерной системы, организуют культурно-просветительную работу и т. д. Так, напр., потребительное общество при Брянском заводе в течение первых 15 лет своего существования было зависимой организацией, пока не народилась среди рабочих группа, взявшая на себя задачу демократизировать его. Усилиями этой группы устав общества был дополнен параграфом, разрешающим культурно-просветительную работу, организована смешанная комиссия для разрешения конфликтов со служащими. В Юзовском обществе, находившемся первоначально всецело в руках администрации завода, правление затем, после „жестокой борьбы", перешло в руки рабочих и т. д.

На ряду с борьбой за раскрепощение зависимых обществ шло зарождение независимой рабочей кооперации. Первая попытка в этом направлении была сделана в Петербурге, причем инициатива ее исходила из рабочей среды. „Как то случилось мне — рассказывает основатель этого общества рабочий Ронецкий — столкнуться на военной службе с одним рядовым, который до службы несколько лет пробыл в Бельгии. Так вот этот бельгиец... по целым часам, бывало, рассказывал нам про жизнь бельгийских рабочих, про их народные дома, потребительские лавки, пекарни, про клубы, про те порядки, которые рабочие сами установили для себя, и про то, как эти порядки помогли рабочим улучшить их жизнь, воспитывать по человечески своих детей, да и вдобавок откладывать копейку на черный день. Много еще хорошего рассказывал бельгиец про жизнь своих земляков. Так вот, говаривал он, что значит кооперация и какую силу она имеет. Рассказывал он и про то, как надо устраивать эту самую кооперацию и какие порядки завести в ней, чтобы наладилась и привлекла бы к себе все новых и новых товарищей... Судьба меня бросила на завод Артур Коппеля, здесь я пообжился, огляделся и с тех пор день и ночь все распинаюсь за нашу матушку — кооперацию. Дело шло очень туго. Целых два месяца бились над составлением устава, с каждой пункте его... три раза хлопотали и все не разрешали, пока, наконец, не надоумили подать нормальный устав. После долгих мытарств наконец разрешили устав".

Так возник 21 июня 1906 г. первый независимый рабочий кооператив, основанный рабочими фабрики Глебова, Гинипа и А. Коппеля. Рабочие

собрали немного более 1000 р., открыли хлебопекарню и лавку, на которой красовалась вывеска: „Потребительская лавка от рабочих". В уставе общества содержались некоторые отступления от нормального,—так, напр., не допускалось выдачи дивиденда на пай, а выдача на заборный рубль ограничивалась 10%. Вместе с тем подчеркивалось, что в члены общества не должен поступать „никто, кроме рабочего класса". В этом сказывалось желание отделить себя от зависимых фабричных обществ, где руководящую роль играли служащие и даже представители администрации. Но это же ограничение закрывало доступ в общество интеллигентным силам другого рода, которые могли бы быть полезными своей инициативой, связями и организаторскими способностями. Может быть, именно вследствие этого первый опыт оказался неудачным, и общество за Московской заставой скоро распалось.

Более успешным оказалось и во всяком случае гораздо большую известность получило общество под названием „Трудовой Союз", возникшее одновременно с первым. Мысль об основании его зародилась еще в 1905 г. среди той группы рабочих, которые были недовольны крайним увлечением политикой, господствовавшим среди руководителей начинающегося профессионального движения, и считали необходимым создание крепких организаций на экономической почве. Эта группа, ведшая агитацию в данном направлении среди рабочих Александровского завода, вошла в сношения с В. Поссе и другими лицами, принадлежавшими к синдикалистскому направлению и издававшими журнал „Трудовой Союз". Устав общества с тем же наименованием был утвержден 21 июня 1906 г., и в августе состоялось учредительное собрание, на котором присутствовало 29 человек, в большинстве рабочие Александровского, Семянниковского и Обуховского заводов. В октябре была открыта первая лавка, приобретена при содействии учредителя о-ва Ермолаева механическая хлебопекарня, и число членов достигло 200. К концу года открылись еще две лавки, число членов выросло до 500. Все это были рабочие одного района— за Невской заставой. С начала 1907 г., после стачки приказчиков и булочников, началось резкое повышение цен на хлеб, и это обстоятельство усилило интерес и сочувствие рабочих к „Трудовому Союзу", выпускавшему дешевый и доброкачественный хлеб собственного производства. На многих заводах и фабриках стали устраиваться собрания, на которых избирались выборные для вступления в Союз и организации отделений его. Рабочие Балтийского судостроительного завода внесли сразу шесть тысяч рублей, полученные ими авансом от заводской администрации. За Васильевским Островом последовали другие районы, и число членов стало быстро увеличиваться. Организация „Трудового Союза" была построена на демократических началах. Пай равнялся 10 руб., которые можно было вносить по частям или погашать из прибылей, вступительный взнос—10 к.; каждый член, внесший вступную плату, пользуется решающим голосом. Кроме правления и ревизионной комиссии Устав предусматривал организацию Совета, в который каждые 100 членов посылали одного пред-

...ителя. Районные лавки общества пользовались автономией. Прибыль по постановлению Совета распределялась следующим образом: 1% на ... —отчисление на вознаграждение служащих и выборных лиц, работающих бесплатно, а из оставшейся суммы—25% на образование фонда для выдачи безвозмездно предметов первой необходимости безработным и больным членам общества и 40% на расширение собственного производства.

К концу 1907 года кооператив насчитывал около 9.000 членов, имел 19 отделений; паевой капитал его достигал 75 тыс. рублей, а оборот — около 1 миллиона рубл. „Трудовой Союз“ встретил горячее сочувствие в рабочих кругах на окраинах столицы, поддерживаемое ... начинавшим обращать на себя внимание вздорожанием жизни; наплыв членов разрастался в стихийное движение и отделения открывались одно за другим, не считаясь с материальными средствами общества и его финансовой прочностью. Эта стихийность и погубила его, и к началу 1908 г. „Трудсоюз“ перестал фактически существовать, выделив из себя ряд районных лавок, а в 1910 году был закрыт министерством внутренних дел.

Эта неудача на ряд лет отбила охоту к повторению ... в этом направлении, и только с осени 1915 года начинается оживление в сторону объединения. Центром притяжения мелких рабочих кооперативов, в большом количестве разбросанных по всему городу, стало одно из наиболее крупных независимых рабочих потребительских обществ — „Торгово-Промышленный Служащий“, принявшее затем название „Вперед“. ... 1917 г. оно имело уже 25.000 членов и 17 отделений; через ... количество членов выросло до 50.000 человек, а число отделений—до 4... Кроме того, в мае 1916 года в Петрограде возник Союз Рабочих Потребительных Обществ и к 1 июля 1917 года в него входило уже ... кооперативов с 149.398 членами.

В Москве еще в 1907 г. при основании Общ. „Солидарность“ инициаторами его намечено было „создать единый рабочий кооператив с многочисленными отделениями в районах города“, но деятельность этого общества не получила настолько широкого развития, чтобы оно могло стать центром для слияния, а затем события военного времени отодвинули дальнейшую разработку этого вопроса. Но рост цен на предметы первой необходимости и расстройство рынка вновь выдвинули его на очередь, ... маленькие общества были бессильны вести борьбу со спекуляцией и ... хищничеством. В сентябре 1915 года в Москве возникает всероссийское ... „Кооперация“, которое поставило себе задачей осуществить идеи Центрального Кооператива. К 1-му января 1917 года оно имело уже 16 отделений и 62 тыс. членов с паевым капиталом в 685 тыс. рублей. В ... 1917 года кроме того возник Центральный Рабочий Кооператив, деятельность которого сразу же приняла очень крупные размеры: на ... 1918 года в нем насчитывалось уже 12.7.. членов при 18 магазинах. По количеству членов это было самое крупное потребительское общество во всем мире. Деятельность его была направлена, главным образом ...

окраины города, где рабочие многих фабрик записывались в него почти [illegible] ликом. К 1 ноября 1918 года число магазинов выросло до 55, оборот [illegible] за девять месяцев составил 37 миллионов рублей. Кроме магазинов [illegible] фабриках и заводах, существовало еще 302 раздаточных пункта, в которых за указанный период было продано товаров на 26 милл. рублей. В М[illegible] действовало еще Союзное Товарищество, в которое входило к 1 [illegible] 191[illegible] года 90 обществ с 167 тыс. членов.

Тенденция к об'единению нашла себе выражение и в [illegible] Центральные кооперативы стали возникать один за другим в Харь[illegible] Киеве, Екатеринбурге, Нижнем-Новгороде, Саратове, Самаре, Твери, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Николаеве, Екатеринославе, Перми, [illegible] Туле, Рязани, Иркутске и многих других городах.

Из местных союзных об'единений старейшим является Кинешем[illegible] союз. Он возник в 1914 году, причем при основании в него входило 1[illegible] [illegible]ских и 5 фабричных потребительных обществ. На 1 января 19[illegible] г. [illegible] насчитывалось уже 49 кооперативов, в 1916 году -93, 191[illegible] [illegible] 1918 г. 426 (рабочих кооперативов 40, смешанных с преобладанием [illegible] бочих 70, сельских -301, городских 15).

Общие размеры рабочей кооперации в точности неизвестны. [illegible] российскому в Москве „Союзу Потребительных Обществ" принадлежало [illegible] рабочих кооперативов:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Независимых	39	4[illegible]	50	[illegible]	[illegible]
Зависимых	117	140	150	17[illegible]	28[illegible]

Средний оборот „независимого" общества увеличился с 6[illegible] [illegible] в 1909—1913 г.г. до 937 тысяч рублей в 1917 году, т. е. в 15 раз, [illegible] фабрично-заводского только с 243 тыс. до 690 т. рублей или в [illegible] Среднее число членов для независимых кооперативов поднялось с [illegible] 1910—1914 г.г. до 2.353 в 1918 г., а для фабрично-заводских зависим[illegible] с 674 до 1,110.

Общее количество членов, входящих в рабочую кооперацию, [illegible] [illegible]лялось к 1918 г. приблизительно в 1 миллион человек, причем за[illegible] мые общества при фабриках и заводах все более и более превращал[illegible] открытые кооперативы.

Новые веяния коснулись также и железнодорожных обществ. В [illegible] 1918 г. состоялся третий продовольственный железнодорожный с'езд, [illegible] было постановлено передать все продовольственное дело из рук про[illegible] вольственных комитетов в руки кооперации. Тогда же был решен вопрос об образовании Всероссийского железнодорожного Союза Потребитель[illegible] Обществ, который бы об'единял все отдельные железнодорожные Об[illegible] и работал в контакте с Всероссийским Центральным Союзом Потреби[illegible] тельных Обществ. На этом же с'езде был выработан примерный устав железнодорожного Потребительного Общества. По вопросу о том, в какую форму должно вылиться об'единение железнодорожных кооперативов, [illegible]

должны ли организоваться Союзы отдельных железнодорожных Обществ или Центральные) многолавочные организации, была принята следующая резолюция: Рекомендуется, чтобы железнодорожное общество потребителей в своей деятельности охватывало весь район данной дороги с правлением в том или ином административном центре, с отделениями на главных станциях и лавками-лавками, обслуживающими промежуточные станции (многолавочная система). В тех случаях, когда на дороге существует несколько обществ, и когда их немедленное слияние в одно многолавочное общество не представляется возможным, допускается, как исключение, их об'единение в Союз дороги. Такие союзы должны ставить своей целью путем расширения района существующих на дороге обществ, чтобы их деятельность была распространена на всю линию дороги и чтобы Союз в конечном счете преобразовался в многолавочный кооператив по примерному уставу железнодорожных потребительных обществ.

Выделение рабочей потребительской кооперации из общесословной намечалось еще до войны, но окончательно оформилось оно на первом с'езде рабочей кооперации, который состоялся в августе 1917 года. По вопросу о формах строительства с'езд принял резолюцию, рекомендующую „всем рабочим кооперативам централизовать свои силы путем слияния отдельных кооперативов или путем союзной организации, при превращении таковой, в конце концов, в крупные городские кооперативы".

Как уже отмечалось выше, местные общества в той или иной форме были связаны с центром потребительской кооперации в Москве, который играл выдающуюся роль в деле укрепления общего движения. О создании потребительского союза, по образцу Английского „общества оптовых закупок" в Манчестере, наши кооперативные деятели мечтали еще в семидесятых годах, но долгое время эти мечты не находили себе благоприятной почвы для осуществления.

В 1896 году, во время Всероссийской выставки, в Нижнем-Новгороде состоялся торгово-промышленный с'езд, на котором, по инициативе Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства, образовалась кооперативно-кустарная секция. Секция об'единила немногочисленных кооператоров, главным образом представителей потребительных обществ, приехавших со всех концов России в Нижний на выставку и на ярмарку за покупкой товаров. Петербургское отделение Московского Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах внесло на рассмотрение кооперативной секции с'езда „Проект положения о союзах кооперативных товариществ", который и был принят секцией. После этого, осенью того же 1896 г. в Москве началась организационная работа по выработке устава и об'единению потребительных обществ в союз. Организаторами было разослано приглашение московским и ближайшим к Москве обществам собраться на совещание и обсудить, „в какой форме общества могли бы быть полезны друг другу". Совещание состоялось и приняло „Положение о московском союзе потребительных обществ", которое было подписано представителями 18-ти об-

требительных обществ, из коих находились: 4 — в Москве, 1 — в Московской губ.; 1 — в г. Твери; 1 — в гор. Владимире, 1 — во Владимирской губ.; 1 — в Нижегородской губ.; 1 — в Тамбовской губ.; 4 — в Пермской губ.; 1 — в г. Одессе; 1 — в гор. Уфе; 1 — в гор. Красноярске и 1 — в г. Асхабаде. Таким образом, по составу своих учредителей Московский союз являлся как бы *Всероссийским* союзом: в числе учредителей были представители 10-ти губерний, и в том числе из Сибири и Закавказья.

По социальному составу эти учредители Московского союза распределялись так: 3 офицерских экономических общества, 1 — железнодорожное (Моск.-Каз. ж. д.) и 14 городских и рабочих. Ни одного сельского общества в составе учредителей не было. В то же время во всей России было около 300 потребительских обществ.

Первые годы Московский союз медленно развивал свою работу. Потребительные общества слабо поддерживали свой новый кооперативный центр. Тогда еще не было кооперативной пропаганды, которая царским правительством приравнивалась к революционной пропаганде. До 1907 г. союз выполнял только комиссионную работу и служил простым посредником между потребительными обществами и крупными московскими торговыми фирмами. Только в 1907 году союз организовал собственный склад товаров.

Состав членов союза, его паевой капитал и торговые обороты с 1899 г. до 1917 г. рисуются в следующих цифрах:

Годы	Число членов: Потреб. общ.	Союзов	Паев. капит. в рублях	Торговые обороты в рублях
1899	[illegible]		[illegible]	[illegible]
1900	[illegible]		[illegible]	1.4322
1901	[illegible]		1800	.09402
1902	[illegible]	—	[illegible]	..9657
1903	[illegible]		11700	2.0440
1904	141		[illegible]	347304
1905	130		[illegible]	40470.
1906	166		19102	290759
1907	231		[illegible]	..997.
1908	251		16500	722541
1909	[illegible]	—	[illegible]	1174556
1910	[illegible]		[illegible]	1652417
1911	[illegible]		91144	[illegible]
1912	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1913	[illegible]	[illegible]	213491	[illegible]
1914	[illegible]	[illegible]	[illegible]	10715550
1915	[illegible]	[illegible]		1392717.
1916	[illegible]	131		[illegible]
1917	[illegible]	[illegible]		[illegible]

Таков был ход развития потребительской кооперации до революции 1917 года.

К. Пажитнов

Кочевые инородцы на работе

в Поволжье и Зауралье в начале 19 века.

Среди различных видов труда, применявшегося на промыслах и фабриках Поволжья и Зауралья, далеко не последнее место занимал в начале 19 века и труд кочевых инородцев — калмыков и [illegible]. Конечно, не везде одинаковыми были те условия, которые заставляли кочевника степняка менять приволье родных степей на незавидное положение наемного работника. Все же число рабочих из этой среды было довольно значительным, достигая, например, в Астраханском крае [illegible] ежегодно. Это были исключительно калмыки, встречавшиеся [illegible] на рыбных промыслах Енотаевска, Красного Яра и Астрахани, [illegible] из местных озер, так и на табачных плантациях Сарептской и [illegible] иных немецких колоний и даже в самой Сарепте на табачной фабрике, где в числе прочих были приставляемы [illegible] фабричным работам"[1]. И хотя к последнему [illegible] настолько привыкли, что хозяева табачных плантаций [illegible] работников как будто „вовсе и не употребляли", все же главным местом приложения их труда оставались южные прикаспийские „рыбные [illegible] при истоках Волги в камышах, на местах низменных, [illegible]"[2]), и сосредоточивалась наиболее разорившаяся и обедневшая часть калмыцкого народа.

Тяжелые экономические и социальные условия быта калмыков, [illegible] не только злоупотреблениями русской [illegible] и безграничной эксплуатацией его собственными [illegible] в лице, с одной стороны, владельцев и правителей [illegible] улусов, зайсангами, а, с другой — чрезвычайностью многочисленного [illegible] духовенства, были причиной того, что [illegible] часть всего народа [illegible] более 3.000 человек, оказалась к началу 19 в. совершенно [illegible] своей обычной хозяйственной [illegible] скота, [illegible] состояния калмыка, образовалась в жалкое [illegible] „байгуш[illegible]" [illegible] снискивавших себе скудное пропитание наймом в работы, либо [illegible] милостыни и даже воровством и грабежами. При этом, [illegible] судить по ведомости о бедных и разоренных калмыках, [illegible] поручению астраханского военного губернатора в 1804 году [illegible] наибольшее оскудение коснулось следующих улусов: Малодербетовского, [illegible]

[1]) Дела учреждений [illegible] государственных [illegible] департамента государственных имуществ (Лит. [illegible] Архива [illegible] (Секция Центрархива в Петрограде). Дело № 2114, [illegible] (не сбор[illegible])

[2]) Там же, л. 265 [illegible] „Мочаги [illegible] до Кизляра.

[3]) Там же, дело № 2200, [illegible]

уровского. Торгоутовского, Эркетеневского и Большедербетовского. Не случайно, что здесь не упомянут совсем Хошоутовский улус, владельцем которого был небезызвестный в свое время полковник Сербеджан Тюменев, участник войны 1812 года, заметно выделявшийся между другими нойонами своей хозяйственностью и добропорядочностью. Это именно в его владениях делались тогда первые опыты перехода к оседлой жизни и занятиям сельско-хозяйственной культурой, равным образом предпринимались некоторые меры и к ограничению влияния и утеснения в народе со стороны зайсангов и духовенства.

Эти положительные черты, до известной степени уравновешивавшие основные, ставшие уже тогда ненормальными, условия быта калмыцкого народа, совершенно, однако, отсутствовали в большинстве улусов, почему впадавшие в нужду калмыки неизбежно покидали родные степи и прикочевывали, хотя бы и временно, к русским городам и селениям. А на юге, на мочагах, в районе такого крупного коммерческого центра, каким тогда была Астрахань с ее купеческими рыбными промыслами—„ватагами", рано или поздно они должны были прочно обосноваться. В начале 19 века уже насчитывалось до трех тысяч кибиток „мочажных калмыков", расположившихся в неприступных местах по берегам Каспийского моря.

Промышлявшие здесь „то наймом на рыбных ватагах, то ловлею украдкою рыбы, которую в пищу единственно употребляют, иногда же и кражею скота, на которую выходят временно или проведают, что в близости пасутся стада" [1]), эти калмыки не могли не обратить на себя особого внимания правительства, которое в конце 20-х годов озаботилось определить к ним „особого частного пристава с грамотным толмачем и потребною командою казаков, снабдив его лодкою о 4-х веслах для разъездов по мочагам и разливам", и обеспечив их „сугубыми против прочих выгодами по уважению трудности и опасности должности сей между народом одичалом" [2]).

Но дошедшие до последней крайности и вынужденные к поддержанию своего существования наемным трудом, калмыки, однако, никогда из этого не делали своего постоянного заработка, вовсе не превращаясь, таким образом, в действительных наемных рабочих. И если в Астрахани того времени они и слыли за лучших работников, которые „верны, безответны, работают и неутомимы", то от этих же лет мы имеем известия, что хотя „калмык вообще труда не боится, но не имеет и терпения достаточного к занятиям постоянным; заработав некоторое, часто самое незначительное количество денег, он оставляет работу, скоро промотает на вине и в карты все, что заработал, и возвращается безропотно и с тою же беспечностью к новым трудам" [3]).

Такие бедняки, была действительно безответны и они легко делались объектом самой беспощадной эксплуатации со стороны русских рыбопромышленников; по крайней мере известно, что последние, пользуясь их безвыходным положением, заранее ссужали их задатками и тем естественно заставляли их нередко работать за самую невыгодную плату. Правда, и калмыки иногда обманывали хозяев: беря задатки у многих промышленников, они приходили работать, конечно, только к одному из них или вовсе скрывались в свои кочевья [4]).

На это обстоятельство было обращено внимание (в конце 1825 г.). Комиссия калмыцких дел запросила у „благонадежных" рыбопромышленни-

[1]) Там же, дело № 2114, л. 263 (на оборот.
[2]) Дело № 2112, л. 29; № 2114, л. 265 (на обороте).
[3]) Дело № 2114, л. 264 (на обор.) . 265
[4]) Дело № 2114, л. 54 .

его мнения, какие меры признает они успешнейшими к прекращению неустоек. Главному же приставу было поручено снестись с владельцами и правителями улусов, калмыки коих ежегодно нанимаются на рыбные промыслы, с тем, чтоб по выслушании отзывов обеих сторон решить вопрос.

Комиссия, как видим, забыла что сколько-нибудь справедливое разграничение интересов работодателей и их наемных рабочих невозможно без выслушания мнения и этих последних.

А отсюда понятно, почему в выработанных Комиссией правилах о найме калмыков в рыбные промыслы [8]) по существу защищались лишь выгоды предпринимателей. До мельчайших подробностей были предусмотрены всевозможные случаи уклонения нанимающихся от выполнения своих обязательств, обеспечивавшихся теперь самым действительным образом, тогда как охрана собственности и личности работников-кочевников совсем почти ничем не гарантировалась; ведь нельзя же, конечно, признать за таковое обеспечение сентенцию, что работодатели „не должны лично сами ни в каких случаях управляться, кольми же паче удерживать им принадлежащее". В сущности, блюдут интересы не только нанимающихся, но в большей еще степени выгоды и самих рыбопромышленников те пункты, которые требуют, чтобы впредь никто не нанимал калмыков и не ссужал их деньгами иначе, как на основании новых правил, и чтобы в будущем все сделки подобного рода производимы были не иначе, как в присутствии местных частных приставов или главного пристава, „что всегда удобоисполнительно", ибо сделки большею частью делаются в Астрахани или на находящемся „при оном калмыцком базаре, на котором обязан иметь безотлучное всегда пребывание один из калмыцких приставов, со внушением их взаимных обязательств, дабы никто не мог требовать непринадлежащего [9]).

Зато правила, имевшие в виду предпринимателей и направленные, по всей видимости, к устранению на их пути всех неблагоприятных обстоятельств, разработаны самым тщательным образом. Были разграничены двоякого рода контракты: индивидуальные и коллективные, заключаемые уже с целым товариществом работников-кочевников. И в том и в другом случае требуются от нанимающихся „письменные одобрения" их благонадежности „в том, что им можно вверять в задаток денег до 50 руб. на каждое лицо" и т. д., каковые они должны были получать: владельческие от владельцев, а казенные от правителей, всякий от своего улуса. Подобные одобрения могли быть индивидуальными или же выдаваться сразу „многим в совокупности лицам". В последнем случае не ограничивались уже одной только ответственностью поручавшихся туземных управителей, но старались еще связать круговою порукою и самих работников. При известных обстоятельствах удостоверения могли выдаваться и не самими владельцами и правителями, а их бодокчеями, уполномоченными на это специальными письменными доверенностями на срок, однако, не более, как на один год, — с тем, чтобы „каждого нанимающегося калмыка помещали поименно" [10]).

Правила эти были представлены на благоусмотрение сенатора Энгеля, прибывшего в Астрахань по высочайшему повелению „изыскать на месте способы к справедливому удовлетворению жалоб калмык и к отклонению на будущее время случаев, возродивших неустройства" [11]), и от него уже должны были получить дальнейшее движение.

[8]) Дело № 2114, л. 55–56, 142.
[9]) Дело № 2114, л. 162–3.
[10]) Дело № 2114, л. 162.
[11]) Там же, л. 241.

С[illegible] этого времени был в большом ходу наемный инородческий т[illegible] и в другом районе соприкосновения русских оседлых поселений с бес[illegible]койным кочевым миром, причем в данной местности, обнимавшей собой всю оренбургскую линию, обстоятельства, вызывавшие его к жизни, были, однако, не совсем похожими на таковые же, отмеченные нами для Астраханского края. Здесь эта категория наемных рабочих была представлена выходцами из Малой или Младшей казак-киргизской Орды, где вовсе не было безграничной эксплуатации народных масс их владельцами, но [illegible] обеднению народа содействовали иные причины, связанные отчасти с [illegible]щими малоблагоприятными природными условиями, но в еще большей степени—с постоянными внутренними политическими смутами, упорным [illegible]ерничеством отдельных ее султанов, нередко поощряемых русской властью, близоруко направлявшей свою политику на этой степной окраине. К началу 19 в., в правление хана Айчувака (1795—1805 г.г.), общее состояние орды оказалось весьма плачевным. Многие стали наниматься [illegible] работы у линейных жителей, а иные продавали собственных детей и [illegible] себя в подлинное рабство за несколько четвертей хлеба [17]). Неудивительно, что Пограничная комиссия, основанная в 1799 году, с первых же своих шагов столкнулась с этими явлениями и была вынуждена так или иначе урегулировать взаимоотношения между казак-киргизскими [illegible] и русскими прилинейными поселенцами.

Остановимся на тех мероприятиях, которые проводила комиссия [illegible] вместе с оренбургским военным губернатором для устранения затруднений, связанных со все более усиливавшимся наплывом на Оренбургскую линию казак-киргизских работников.

Нанимавшиеся далеко не представляли вполне надежного и [illegible] элемента, которого нечего было бы остерегаться.[illegible] [illegible] почему еще в 1799 году Пограничная комиссия, [illegible] навстречу жителям города Оренбурга и Оренбургской линии с прилегающими к ней селениями, в их настоятельной нужде в наемных рабочих, разрешала им брать последних, но не иначе, как обязав предварительно [illegible] [illegible] них подпиской ответствовать за поведение нанимаемого им работника. Оренбургское же главное начальство, в лице военного губернатора [illegible] [illegible]ского, вынуждено было в 1811 году запретить [illegible] переходить русскую границу. Но это не было, конечно, решением наболевшего вопроса. Многие из линейных жителей, имея нужду в работниках, [illegible] держать у себя без [illegible] киргизов, тайно [illegible] линию [18]).

Обеспокоенная этим, Пограничная комиссия [illegible] 1811 году настаивать на частичном хотя бы [illegible] [illegible]-киргизов через линию: разрешить переход [illegible] казак-киргизам мужчинам, которые [illegible] работниках, и установить для этой цели особые срочные билеты [illegible] тем, чтобы хозяин ответствовал за поведение нанимаемого киргиза [illegible] окончании срока представил бы его в Комиссию для высылки [illegible].

Эти предположения не были, однако, одобрены военным губернатором Оренбургского края, который постарался еще более сузить [illegible] пускавшихся на будущее время к переходу на внутреннюю сторону, [illegible] [illegible] при этом все встречи и сделки с казак-киргизами только на [illegible] [illegible], где последние могли поступать в работы к местным хозяевам. [illegible]

[17]) Ср. Л. Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства (СПБ. [illegible] [illegible], Область Сибирских киргизов (СПБ. 1865 г.) [illegible] [illegible] [illegible] Тургайская область. Исторический очерк (Оренбург. 19[illegible]).

[18]) Дело № 2114, л. 375—4.

чем были введены урочные билеты, за каковые наниматели уплачивали денежный сбор. Эти условия найма должны были немедленно быть приняты на всем протяжении как Оренбургской, так и Уральской линии.

Наконец, чтобы устранить последние препятствия при наймах кочевых работников, было разрешено казак-киргизам, нанимающимся в работы [illegible] линии, „переходить (за линию) с кибитками и с семействами их", [illegible] однако, „чтобы все состоящие в семействе, как мужеского, так и женского пола, кроме детей менее 12-ти летнего возраста, имели билеты с платежем установленных пошлин, и чтобы кибитки их находились при самых селениях, в коих жительствуют хозяева работников" [14].

Это было, кажется, единственным правилом, в котором хоть немного были приняты во внимание интересы степняков-кочевников. В остальном кочевники оказывались в полном распоряжении своих хозяев, а власти наблюдали только свою цель, когда устанавливали пошлинные и штрафные сборы. Весь доход от этих денежных операций повелено было присоединять к капиталу, предназначенному на „заведение [в] г. Оренбурге Азиатского Неплюевского Училища", имевшего целью „просвещать и образовывать умы" местных инородцев, от природы способных и неустрашимых, но [illegible] еще нравственно „необработанных и грубых" [15].

Изложенные правила, как мы видим, столь же мало были направлены к ограждению личности и собственности работника-кочевника, как [illegible] же, предполагавшиеся к применению в Астраханском крае, [illegible] тем не [illegible] [illegible] они все же были предпочтены последним как сенатором Энгелем, так и Комитетом по делам Калмыцкого народа, вынесшими [illegible] чые решения по данному вопросу. Признавая [illegible] воспользоваться для южного Поволжья правилами, [illegible] Комиссией калмыцких дел, они считали, однако, более целесообразными и практичными оренбургские установления, каковые и предполагали [illegible] ближайшее время для их согласования с местными особенностями на [illegible] посредственное рассмотрение и соображение таможни [illegible] калмыцкого управления. Комитет аргументировал так[illegible] [illegible] сылкой, между прочим, на то, что в результате [illegible] [illegible] „нанимающим в случае [illegible] нанимаемых [illegible] приносить жалоб местному начальству" [illegible].

Рас новые правила всю тяжесть ответственности [illegible] работников, а также фактический надзор [illegible] на себя обязательств, перелагали на [illegible] [illegible] ли был ожидать чего-нибудь хорошего.

А. Чулошников

[illegible] Дело [illegible]

[illegible] Там же [illegible] Витевский [illegible] Неплюев и Оренбургский [illegible] прежнем его составе до 175[illegible] года, т. [illegible] Казань. 1897 [illegible]

[illegible] Су[illegible] — [illegible] суд. Ср. „О[illegible] [illegible] Очерк истории [illegible]

Росси[illegible].

[illegible] Дело [illegible]

Отхожие промыслы крестьян

по официальным данным 90-х годов 19-го века.

Оставляя свою местность и привычные условия жизни, люди, шедшие „в отход“, по выражению одного исследователя, „представляли собою невольную жертву, как бы искупление исторически сложившейся неравномерности населения по лицу земли русской“, но в то же время „эти экономические скитания православной Руси“ делали для государства дело огромной важности, внося равномерность и правильное распределение рабочей силы и давая применение труда людям, оказавшимся „лишними“, благодаря избытку населения в той или другой местности.

В дореформенное время передвижение рабочих в отхожие промыслы, на временные сторонние заработки, было в самом ничтожном размере. Правительство [illegible] зорко следило за тем, чтобы „нигде принимаемы и содержимы не были беспаспортные люди“, и поэтому чинило препятствие к свободному передвижению крестьянского населения, находившегося в то же время в зависимости от помещиков, неохотно дававших разрешение своим крестьянам на отлучки, во избежание перехода их к другим лицам или совершенного оставления своих прежних [illegible].

Первою допускалась льгота, чтобы облегчить передвижение трудовых [illegible]. Так в 1818 году Главным управлением путей сообщения была издана инструкция для всех тех, „кои по внутренним рекам и водам судовой промысел отправляют“. В силу этой инструкции рабочие люди, отправлявшиеся на отхожие промыслы по внутренним рекам и водам, хотя и обязаны были иметь плакатные паспорты, но для свободы судоходства и устранения всякого рода стеснений судоходным чиновникам запрещалось останавливать суда и осматривать паспорты и задерживать людей. Когда же в 1829 году III-е отделение собственной его величества канцелярии возбудило вопрос, не следует ли поставить в обязанность судоходной [illegible] в Рыбинске свидетельствовать паспорты, „так как бурлаков и других людей на судах приходит более 50 тысяч, то в столь огромной массе народа могут скрываться многие беглые и другие подозрительные люди“, Главному управлению путей сообщения все же удалось отстоять точку зрения приведенной выше инструкции. Оно отметило, что если явится основательное опасение, что на том или другом судне находятся подозрительные люди, то можно будет сделать осмотр паспор-

[illegible] "[illegible] бы задержка рабочих [illegible], потому что они не редко [illegible] дневным пропитанием"[1].

Любопытен и следующий эпизод. В июле 1830 года министр финансов [illegible] до сведения министра внутренних дел, что земская полиция Владимирской губернии не дозволяет крестьянам отлучаться от места жительства своего даже на [illegible] 30 верст, без плакатных паспортов, благодаря чему "фабриканты в Шуйском и других уездах терпят крайнее стеснение и нуждаются в работниках". Не [illegible] препятствий к разрешению крестьянам казенного ведомства отлучаться на работы на недальние расстояния без паспортов, владимирский губернатор затруднялся сделать подобное распоряжение "относительно помещичьих крестьян и [illegible] людей в предупреждение влачения крепостными людьми лицам, на то права не имеющим". В результате этой переписки было сделано распоряжение об [illegible] обязанности крестьянам брать для отлучек на недальние расстояния [illegible] паспорта, а ограничиваться письменными видами, выдаваемыми от [illegible] начальств, от помещиков или их приказчиков и старост[2].

Вообще же передвижение рабочих затруднялось. В частности, [illegible] менного вида влекло за собою очень тяжелые последствия. В 1830 году [illegible] слали в Сибирь, как бродяги, работавшие на отхожих промыслах [illegible] бернии крестьяне Ян и Николай Шиманские не имевшие [illegible]. Благодаря, однако, расследованию, подтвердившему правильность показаний Шиманских о месте приписки, они, по указу сената, были возвращены из Сибири согласно резолюции Николая I, приказавшего "возвратить их на счет виновных"[3].

Но когда пало крепостное право, когда юг, богатый [illegible] стали прорезать железные дороги, когда явился [illegible], который [illegible] цены, небывалой до того времени, а на юге хозяева принялись [illegible] [illegible] запашку и засев степи, что вызвало потребность в огромном количестве рабочих рук, которых край сам по себе [illegible], тогда началось передвижение рабочих из мест, густо населенных, в места, обильные хлебом, но [illegible] рабочими [illegible].

По степени населенности и относительной потребности в рабочих [illegible] [illegible] все 50 губерний Европейской России могут быть разделены [illegible] группы.

По данным девяностых годов, в двадцати одной губернии центральной [illegible] [illegible] полосы избыток населения определялся в семь миллионов душ обоего пола при 3½ милл. взрослых рабочих. В восьми губерниях второй группы (Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Область войска Донского, [illegible], Самарская и Оренбургская) недостаток населения, по расчету удобной земли, простирался до 13 милл. душ обоего пола, при 6½ милл. рабочих. [illegible]

[1] Бывший архив министерства внутренних дел, департамент полиции [illegible], 1829 г., № 371.

[2] На основании 5 пункта высоч. указа в декабре 1827 г. Архив департамента полиции исполнит., дело № 224 (1830 г.).

[3] Деп. полиции исполнит., дело № 437 (1830 г.).

[illegible] 1½ миллиона рабочих недостаточно [illegible] для обработки надельной земли, [illegible] уже 5 десятин удобной земли. Наконец, в остальных 21 губерниях (Архангельская, Астраханская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Вятская, Костромская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Симбирская, Смоленская, Тверская, Тамбовская, Эстляндская и Ярославская) при недостатке населения относительно площади удобной земли в 11 милл. душ обоего пола, при 5½ милл. рабочих, оставалось еще, вследствие [illegible] развития земледелия [illegible] местностях, свободных 1½ милл. человек.

Плодородная черноземная полоса первой группы уделяла [illegible] в одинаковой степени. [illegible] населения заставлял крестьянина оставлять родные места и искать в отхожих промыслах средств для удовлетворения других, [illegible] продовольствия, потребностей, как то: для оплаты всех повинностей и [illegible] и проч. Характеристику этих промыслов [illegible] один крестьянин, обратившийся с челобитной к министру внутренних дел по поводу невыдачи ему паспорта: "Откуда [illegible] бедный безземельный народ [illegible] платы (за паспорт) [illegible], как [illegible] места в другие страны, откуда бы работы [illegible] службой [illegible] деньги достать" [1]). Земледельческие рабочие центральных губерний России массами направлялись в южную и юго-восточную черноземную полосу: в Новороссию, в Донскую область, в Заволжье, в Предкавказье. Это массовое движение совершалось "огулом", "на авось" и, как не имевшее правильной организации, подвергалось многим превратностям и лишениям.

Рабочие стремились скорее попасть [illegible] на юг [illegible] черноземной полосы губерний [illegible], однако климатические условия для зерновых хлебов [illegible] урожайные годы [illegible] сменяются неурожайными. Жгучий восточный ветер или жара в [illegible] уничтожали [illegible] надежды на урожай, и тогда [illegible] масса пришлых рабочих [illegible] не находила [illegible] за никакую плату [illegible]. Бесцельно бродили по степям, оборванные и голодные, рабочие [illegible] железных дорогах и [illegible] по этапу [illegible]. Но и дома такой рабочий не находил заработка, а с наступлением [illegible] [illegible] на улицу, [illegible] пути, а так как [illegible] в южных губерниях нередко повторялся несколько лет сряду, то [illegible] нужда постигала рабочего [illegible]. [illegible] Плата [illegible] рабочего нередко доходила до 3, 4 и даже до 5 рублей в день. Однако, не многие из пришлых рабочих уносили заработанные деньги домой. В большинстве случаев тут же на месте они пропивали их. Один из хозяев Бахмутского уезда [illegible]: "У меня 75 душ срочных рабочих. Получив при расчете 1-го октября 1892 года 1973 рубля, они [illegible] на покупку вина, [illegible]

[1]) Архив [illegible] дело № 427 (1892 г.).

[illegible] насильно забривали в [illegible] и нанимались на [illegible], [illegible] даже белье и сапоги, [illegible] были мучениками в [illegible]".

Является вопрос, каков был состав отхожих рабочих? [illegible] на летние заработки в 1890 году в Херсонскую [illegible] Таврическую [illegible], оказалось, при [illegible] их:

	Мужч.	%	Женщ.	%	Всего	%
до 15 лет	22	2,3	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
от 15 до 20 лет	256	[illegible]	215	71,1	47[illegible]	[illegible]
" 20 " 60	614	64,[illegible]	4[illegible]	14	[illegible]53	[illegible]

Из другой группы:

Мужчин.		%	Женщин.		%
холостых	1161	47	девиц	3[illegible]	7[illegible]
женатых	1051	4[illegible]	замужних	[illegible]	[illegible]
вдовцов	[illegible]	2	вдов	[illegible]	[illegible]

Итак, преобладали люди молодого и сильного возраста [illegible] дома.

По отдельным губерниям рабочие направлялись (1891 г.) [illegible] в таком количестве (в тысячах): из Киевской [illegible]; Полтавской [illegible] Подольской—116; Черниговской—172; Орловской—109; Курской [illegible]; [illegible]ской—111; Харьковской—130; Воронежской—111.

Чтобы добыть денег на дорогу, "выправить" паспорт, чтобы [illegible] семью на время отлучки, приходилось закладывать [illegible] земля уступалась за долги. Вообще получение паспорта [illegible] затруднениями. Оно зависело от выполнения разных [illegible] в отношении общества, от чего зачастую [illegible] на заработки и возобновить срок паспорта. [illegible] года положение дела существенно изменилось. Получение [illegible] книжек обусловливалось исправностью крестьянина в отбывании [illegible]. Паспорта же на год, шесть месяцев и три месяца [illegible] [illegible] крестьянах [illegible] возобновления паспорта [illegible] уплаты всех недоимок до 1 января [illegible] [illegible] о возобновлении паспорта [5]. Многие, [illegible] один месяц за гривенник, а потом проживали в месте заработка [illegible] 1890 году казанское губернское земское собрание, [illegible] урожая хлебов по многим местностям губернии, возбудило вопрос [illegible] крестьянам, отправляющимся на отхожие промыслы, права [illegible] бесплатных паспортов, ссылаясь уже на бывшие в 1878 и 1884 годах [illegible] случаи. Министерство финансов согласилось [illegible] паспорта на срок не [illegible] 1 января 189[illegible] года, [illegible] 1 марта и до 1 сентября того же года [6].

[5] Арх. [illegible] дел. [illegible]
[6] Тоже, [illegible] № 51. [illegible]

Встречались и случайные препятствия к разрешению на отлучку в [illegible] промыслы. Так, циркуляром медицинского департамента в июне 1893 года, в видах предупреждения распространения холеры, предписывалось выдавать разрешения [illegible] с осмотрительно[7].

Бывали также препятствия, вытекавшие из бытовых условий жизни. [illegible] эти крестьянин жаловался губернскому начальству на отца, не высылавшего ему паспорта и требовавшего сына домой; последний не соглашался возвратиться, ссылаясь на то, что "оставшись без работы, он на родине должен будет [illegible] из милости отца"[8].

Денежные запасы на дорогу колебались от 20—30 копеек до 20 и более рублей. В 1894 году были опрошены 910 рабочих, шедших из Харькова в Таврию, о сумме денег, взятых каждым из них. Оказалось, что с 5 рублями и менее двинулось в путь 260 человек, больше 5 и до 7 рублей 230 человек, от 7 и до 10 — 306 человек, до 15 рублей — 90 человек, до 20 рублей — 20 человек и выше 20 рублей — 10 человек[9].

О том, какими сведениями руководствовались крестьяне, отправляясь [illegible], мы узнаем из сообщения волостного писаря Самарской губернии [illegible] экономическому обществу: "В селе Андросове заслышали, что в Новоузенском уезде Самарской губернии или в Уральской области хлеба [illegible] и жнитва будет в высокой цене. Молва об этом (как потом оказалось, [illegible]) распространилась быстро. Каждый ждет, не дождется, когда им отправиться в обетованную землю. Вдруг заслышали, что Степан Баринов собирается идти [illegible] ехать на жнитво. Наутро уже все готовы. Собралась толпа: один провожает [illegible] со слезою; другой с [illegible] и набралась андросовцев артель человек [illegible] всего [illegible]. Выслушали родительский совет и тронулись в путь в степь широкую [illegible] улыбками провожаемые".

Передвижение рабочих на отхожие промыслы шло стихийно, неорганизованно. Чтобы упорядочить это движение, властями принимались кое-какие меры, но по своей разрозненности и бессистемности они не приносили желательных результатов[10].

В 1888 году министр финансов, в целях организации движения сельских рабочих на заработки, указал министру внутренних дел на бедствия, претерпеваемые часто партиями рабочих, ежегодно отправляющихся на летние земледельческие заработки из центральных губерний в степные губернии: рабочие в большинстве случаев выбирают направление пути на удачу, не зная, где они найдут работу и по какой цене, а вместе с тем нередко скопляются в большом числе в местностях, где они не нужны, в то время, как в других местностях ощущается чрезвычайный недостаток рабочих рук. В 1892 году [illegible] губернатор в [illegible]

[7]) Зем. отдел, 3 делопр., № 20, 1893 года.

[8]) Тоже, 4 делопр., № 71, 1900 года.

[9]) Записи, составленные тарифным отделом [illegible] съезда представителей [illegible] железных дорог.

[10]) В 1868 году Елизаветградское уездное земское собрание взяло на себя посредничество по найму рабочих, оповестив о том местных землевладельцев и прося их доставить сведения, сколько кому требуется рабочих, но только два владельца выразили желание нанять рабочих через посредство земства, да и то не [illegible], как предполагало земство.

[illegible] 1894 г. [illegible]

[illegible]

[illegible] 25—30 [illegible] При [illegible]

[illegible] "[illegible]" [illegible]

[illegible] Херсонской и Таврической губерний [illegible] Херсон [illegible] Елисаветград [illegible] Таврической губернии [illegible] Каховке [illegible] 1894 [illegible] 500—800 [illegible]

[illegible] Березанского [illegible] Так, [illegible] до 5000 [illegible] до 2000 [illegible] Михаила Николаевича до 1000 [illegible]

При [illegible] рабочие [illegible]

[illegible]: [illegible] женщины и мужчины в возрасте [illegible] 20 лет или старше, [illegible]. Полурабочие делились на две категории: собственно полурабочие — от 12 [illegible] 16 лет и полурабочие "большей силы" — от 16 до 20 лет [illegible] все работы за исключением косьбы. К полурабочим относились [illegible] подростки "малой помощи" — от 5—14 лет, исполнявшие обязанность [illegible] у [illegible], подпасков.

[illegible] срокам найма рабочие разделялись на годовых, сроковых, [illegible] и поденных. [illegible] годовыми рабочими, обыкновенно, заключалось письменное [illegible] их [illegible]. Указывалось даже число [illegible] дней. Годовых рабочих бывало не более 20—25 процентов общего [illegible]. Кроме платы они получали "[illegible]", в виде харчей, и помещение. Большая часть рабочих ([illegible] 50 процентов) нанималась на срок: летний — с марта [illegible], [illegible] — с октября-ноября по май—апрель. Самый распространенный [illegible] работы от Троицы до Покрова.

При [illegible] рабочих [illegible] обыкновенно [illegible] "[illegible]". Заработная плата колебалась в зависимости [illegible]. [illegible], что экономия, нанимая рабочих [illegible] была увеличивать плату, [illegible]. Размер заработной платы зависел еще от качества работы [illegible] рабочих из Киевской губ. ([illegible]), Курской, [illegible].

[illegible] 12½ до 15 часов. [illegible]

[illegible] 60 р.; [illegible] 54 р.; [illegible] и Херсонская — 55 р.; [illegible] 46 р.; Полтавская — 45 р. [illegible] губерний, [illegible]. [illegible] 38 р. В [illegible] 90 [illegible] 100 рублей за [illegible] 50 и более рублей.

[illegible] во время уборки хлебов: Таврическая [illegible] 120 [illegible] 107 [illegible] 46 [illegible] 36 [illegible] 48 [illegible] так в Таврической [illegible]

[illegible] во всех случаях (почти без колебаний) высокого уровня. На юге же и [illegible] востоке заработная плата, в особенности при краткосрочном найме [illegible] месячные и т. п.) или при найме на издельные работы, колебалась в [illegible] от урожая и от степени наплыва рабочих, иногда прямо в баснословных [illegible], доходя до 3, 4 и 5 рублей в день.

[illegible] наибольшим колебаниям подвергалась поденная плата во время уборки хлеба, [illegible] можно видеть из нижеследующей схемы:

[illegible] плата рабочему во время жатвы в среднем за пятилетие 1883-87 г.г.

Губернии	Средняя по губерниям: низшая	высшая		Разница между ними	
	к.	р.	к.	р.	к.
[illegible]ская	77	1	2[illegible]	—	[illegible]
Х[illegible]ская	[illegible]	1	50		[illegible]
Е[illegible]ринославская	[illegible]	1	70	1	1[illegible]
Таврическая	6[illegible]	1	42	—	7[illegible]
[illegible]ская область	[illegible]	1	4[illegible]	—	[illegible]

[illegible] рабочей поре рабочие нанимались [illegible] на [illegible] хозяина. Размер месячной провизии (месячины), [illegible] однообразен, особенно для Екатеринославской, Херсонской [illegible] губерний, где она состояла из $1\frac{1}{2}$ — 2 пуд. ржаной муки, [illegible] муки (иногда отчасти и [illegible]), 20 ф. пшена или крупы, 2 — [illegible] ф. [illegible] сала и 5 ф. соли, [illegible] около 1 [illegible] [illegible]. Провизия не принималась в расчет платы, [illegible] часто рабочие [illegible] себе [illegible] и даже [illegible] месячную провизию, [illegible] из заработной платы.

На понижение заработной платы [illegible] машинами [illegible]. В материалах [illegible] понижения заработной платы машины [illegible] время, когда не было машин, [illegible] в значительном количестве [illegible] детей от 13-летнего возраста [illegible] 50% общего числа рабочих [illegible] 75% [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]".

[illegible] передвижения рабочих в [illegible] найма [illegible] [illegible] условиях, при [illegible] [illegible] от [illegible] [illegible]. Рабочие, вышли [illegible] здоровыми [illegible] 10% [illegible] больными. [illegible] формами [illegible] [illegible], глазные болезни, болезни органов [illegible] [illegible]. В огромном количестве [illegible] [illegible], нередкие случаи [illegible], туберку[illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

В. Колпенский

[illegible] Н. [illegible], Вопрос о рабочих [illegible]. Ср. также: [illegible] № 10, 1895 г. (О [illegible]; [illegible] № 1, 1895 г. (О пересмотре закона о сельск. [illegible]; № 1, 1898 г.; [illegible] 1902 г. (О [illegible] паспортов — Сельскохоз. и [illegible] по материалам, [illegible] вып. 5 (1892 г., изд. департ[illegible] [illegible] промышл. [illegible] Пономарев, О передвижении сельских рабочи[illegible] [illegible] (1894). Т[illegible], Санитарный надзор за рабочими в Херсонской губер[illegible] (1896). Н. [illegible], [illegible] промыслы (1896); Нужды деревни [illegible] промысл. (т. [illegible], 1904). Ю. Гессен, Бурлаки [illegible] 19 века («[illegible] истории труда в России», кн. II). В. Колпенский, [illegible] истории труда в России», кн. III).

Двенадцать книг.

Сто с небольшим лет тому назад русские читатели «в-се, даже светские женщины», по выражению Пушкина, — бро-сились на «Историю Государства Российского» Карам-зина, в живописных образах старавшегося представить публике добродетельные и порочные фигуры венценосцев древней Руси и в самодержавии «палладиум России», а в носителях его — вер-шителей её исторических судеб. Несколько лет спустя после смерти Ка-рамзина талантливый публицист, воспитавшийся на трудах за-падно-европейских историков, Н. А. Полевой, взялся писать «Исто-рию Русского Народа». Автор был плохо подготовлен к своей задаче, не справился с нею, был не понят и осмеян. Но бы-ла брошена мысль о народе, как истинном творце истории.

Последователи Шеллинга и Гегеля, русские славянофилы, размышлявшие над ролью различных народов в истории, уже глубже задумывались над судьбами народа русского. Но историческая школа С. М. Соловьева, не более славянофилов це-нившая и понимавшая значение внутренней истории гражданского быта и социальных отношений, в русской жизни находила непод-вижные, застывшие формы народного уклада и творческую пре-обладающую роль государственного начала. Русская история сво-дилась к истории «Государства Российского». Освобождение кре-стьян, новые запросы общественной жизни, народническое дви-жение выдвигали и новые методы исторического исследования. И в блестящих лекциях и трудах творца нового периода русской исто-рической науки, В. О. Ключевского, история русского на-рода и прежде всего его экономический быт занимает почет-ное место. И около того же времени историк-народник В. И. Се-мевский ставит вопрос — «Не пора ли написать историю крестьян в России» и приступает к работе над этой историей. Развитие ка-питализма и рабочее движение возбуждают интерес к другой стороне русского народного хозяйства и к рабочему в нём классу. История русской фабрики становится предметом исследования по-койного экономиста М. И. Туган-Барановского.

Теперь уже нет сомнения, что предметом исторического исследования должна быть именно история н а р о д а, частью которой является история государства. А в истории народа преобладающее место занимает экономическая история. «Но есть в огромной области экономической истории вопрос, который выделяется своей колоссальной важностью из всех других. История производительных классов общества (и прежде всего, в их числе крестьян и рабочих)—вот на что все больше и все пристальнее направляется мысль ученых исследователей, и вот что ближе всего соприкасается в то же время с задачами практической политики»[1]). Разработка истории трудящихся классов есть таким образом важный элемент в общем изучении экономической истории. «Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России», приступая к работе над этой сравнительно узкой областью, в которой было так мало сделано, вполне отдавала себе отчет в громадности и кропотливости труда по собиранию архивных материалов из многочисленных русских хранилищ и ставила себе задачей, по словам Ю. И. Гессена, объединить, координировать частью индивидуальный, частью коллективный труд и направить его в конечном итоге к единой цели[2]). А этой целью была разработка истории труда.

Вот почему можно было в самом начале надеяться, что журнал „Архив истории труда в России»,—ныне переименованный в исторические сборники «Труд в России»,— если ему удастся просуществовать, даст ценные материалы для будущего историка русского народа.

Подводя итог своей работе за первый год существования Комиссия не считала «себя вполне удовлетворенною итогами своей годовой деятельности, усматривая в ней лишь», по выражению Гессена, «что в недалеком будущем сложатся более богатые плоды организованной коллективной работы»[3]). Но вот, истекло три года этой работы, срок в наших условиях не малый. И не лишним представляется подвести итог сделанному.

Придерживаясь, в некоторой мере, хронологического порядка начнем обзор с вопроса о крестьянах, чтобы затем перейти к ремесленникам и фабрично-заводским рабочим.

В серии статей, посвященных вопросу о крестьянстве, заслуживает внимания прежде всего дальнейшая разработка старого, давно поставленного и неоднократно пересматривавшегося вопроса о прикреплении крестьян и происхождении русского крепостного

[1]) „Архив истории труда в России", кн. 1. Ст. Е. В. Тарле „История труда и ее изучение", стр. 8.

[2]) Там же, стр. 4.

[3]) „Архив истории труда в России", кн. 3.

права. Статья А. Е. Преснякова «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения» намечала основные вопросы, подлежащие исследованию в этой области. Роль колонизации в истории древней и новой России, развитие крупного землевладения и его соперничество с вольным расселением народной массы, закрепощающая роль княжеской, а потом царской власти, наконец, земледельческая основа, как фундамент русской государственности в Российской империи 18 и 19 века — такова намечаемая А. Е. Пресняковым общая схема. Вопрос о прикреплении крестьян А. Е. Пресняков склонен считать и доныне еще открытым. И здесь он отмечает прежде всего начатый еще М. А. Дьяконовым пересмотр мнения Ключевского о задолженности крестьян как основе их личного закрепощения, и вопрос о правительственном запрещении крестьянского перехода, о так называемых «заповедных летах», повидимому, неоднократно еще в 16 веке [illegible] ственной и исторической мысли по вопросу о происхождении русэтот переход. Выяснив далее основные течения в русской обще- ской земельной общины, А. Е. Пресняков указывает, что [illegible] тидесятилетних споров, вывод обозревателя истории общины [illegible] последний «продолжает и теперь оставаться столь же спорным, как в самом начале», хотя все же в общем А. Е. Пресняков считает выясненным, что «образование общинного уравнительного землепользования явилось результатом подчинения [illegible] народной массы государственному строю, опиравшемуся на землевладельческие основания как служило-сословного строя, так и всего государственного властвования».

Эта статья А. Е. Преснякова, как и другая его же «Закрепощение в императорской России» (в кн. IV-й «Архива» [illegible] других), примыкает к основным работам названного историка (в частности к книге «Московское Царство») по [illegible] в них общей мысли, что основой строительства Московского государства и выросшей из него Российской империи «служило все возрастающее закрепощение трудовой народной массы» с [illegible] последствием этого закрепощения — «активной опекой государственной власти» над всеми сторонами народной жизни.

С. Ф. Платонов в статье «О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси» (кн. III) останавливается уже специально на истории этого вопроса и его состояния в науке [illegible] последнее время. Указав, что еще В. Н. Татищев [illegible] Н. М. Карамзин считали Бориса Годунова автором [illegible] указа 1592 года об отмене Юрьева дня, С. Ф. Платонов отмечает готовность К. С. Аксакова к отрицанию существования этого указа и безусловное его отрицание М. П. Погодиным, а за ним [illegible] ном и Владимирским-Будановым. В. О. Ключевский [illegible]

[illegible] о прикреплении крестьян [illegible] совершенно игнорирует мысль об указном происхождении крепостного права, от которой, его теория о долговой зависимости крестьян от землевладельцев, причем государству в этом процессе отводится роль посредника. В последнее время, до выхода книги С. Ф. Платонова, и печатающиеся проф. Самоквасовым документы о крестьянских переходах в заповедные годы, заставили его вновь вернуться к последнему термину. Общие выводы из этого С. Ф. Платонов формулирует следующим образом: «подробное разъяснение запрещения выхода и правовой [illegible]: оно не сделалось общим при Грозном, представляя собой меру временного характера, оно получило длительное применение и повело к тому, что, говоря словами Дьяконова, «крестьянский выход и правила о нем Судебника как-то умерли без законодательной их отмены». В целях дальнейших изысканий по вопросу о прикреплении крестьян С. Ф. Платонов намечает разыскание, «когда и в какой форме провело Московское правительство свое распоряжение о заповедных годах». Разыскание это исследователь должен связать с изображением громадной катастрофы, пережитой московским обществом во второй половине 16-го века, с массовым выселением трудового народа из Московского центра и с гибелью хозяйственной культуры в наиболее культурных областях страны.

Таким разысканием занялся в настоящей книге журнала С. И. Тхоржевский в статье: «Поместье и крестьянская крепость». Автор этой статьи, на основании документов, изданных проф. Самоквасовым, подвергает теорию Ключевского частичной проверке. Он прежде всего считает преувеличенным мнение В. О. Ключевского о неподвижности русского крестьянства 16 века, отмечает далее возникновение барщины независимо от какой-либо ссуды, не находит в документах о беглых крестьянах указаний на их задолженность и вообще констатирует, что право помещиков на крестьян возникало совершенно помимо задолженности и договорных отношений. По вопросу о заповедных летах С. И. Тхоржевский высказывает следующие соображения. Запрещение перехода в некоторых случаях в данной местности вызывалось потребностью удержать крестьян, поселенных [illegible] Московского государства в первые месяцы [illegible] запустевшей земли; этот широко практиковался не только мелких помещиков, но и [illegible] Целью первой отмеченной по документам С. И. Тхоржевским заповеди крестьянского выхода (1571 г.) было стремление сохранить государственный поместный фонд от запустения, и было это произведено в связи с опричниной [illegible]ского. Отсюда и из других аналогичных примеров автор

...лючает, что указы о заповедных летах [illegible] связаны с общим «ростом поместной системы». Таким образом к концу крестьянского переходного [illegible] двух [illegible] ...льный и дворянско-помещичий». Крупные же землевладельцы бояре, — повторяет С. И. Тхоржевский за старыми исследователями — не были заинтересованы в сохранении крестьянского выхода. Указывая далее развитие поместной системы, автор приходит к заключению, что говорить о прикреплении крестьян к личности помещика в 16—17 веке вообще не приходится. [illegible] земля без прикрепленных к ней рабочих рук теряла ценность [illegible] центр тяжести переходил с количества земли на количество дворов, [illegible] в конце концов повело к реформе в финансовом обложении — к введению так называемой подворной чети. Последующее развитие этой последней воспитало у помещиков убеждение в том, что службу они несут не с земли, а с крестьян, в чем с ними соглашается правительство — в целях установления количества крестьян, находящихся у каждого служилого человека, — и отменяет «урочные годы» сыска беглых крестьян.

Таковы новые соображения по одному из [illegible] вопросов русской истории в статье С. И. Тхоржевского.

Несколько иной подход к этой теме обнаружил И. М. Кулишер в печатаемой тут же статье «Несвободное состояние... крестьян в 16—17 в.в.». Он считает, что уже жалованные льготные грамоты создали ответственность землевладельцев за исправность крестьян в податном отношении. И акты свидетельствуют, что крестьяне уже в течение 16 века были «подданными» своих государей (как именовались землевладельцы). Помещики же были обязаны только не доводить крестьян до разорения. Этим решается вопрос о несвободном состоянии крестьян уже в 16 в. Историография интересуется вопросом о времени прекращения крестьянского перехода, но вопрос о крепостном праве этим не исчерпывается. Самое слово «крепость» тогда означало «документ, устанавливающий право владения крестьянами». Потеря свободы появляется совершенно независимо от права выхода. И в Западной Европе серв знал право «отказа». И у нас в 16 веке было частичное передвижение, но оно уже тогда было ограничено. [illegible] юридически свобода передвижения [illegible] существовало. Фактический переход ограничивался [illegible] и задолженностью крестьян. [illegible] С. И. Тхоржевского И. М. Кулишер считает распространенным заблуждением. «По вопросу о заповедных летах автор высказывается в пользу их временного и местного значения. Прикрепление к земле, по его мнению, создалось путем отдельных временных и местных запрещений [illegible] почве определенных экономических [illegible]

условии». И надежда найти когда-либо общую «государеву заповедь» «может оказаться столь же тщетной, как поиски закона об общем прикреплении, так как правила о заповедных летах не имели общегосударственного характера и применялись специальными распоряжениями в отдельных местностях».

Обращаясь к статьям «Архива истории труда», посвященным быту крепостных крестьян, нельзя не отметить прежде всего крупного интереса авторов к вопросу о колонизации и ее роли в истории страны и крестьянства в частности. В небольшой статье С. Ф. Платонова «Был ли первоначально русский север крестьянским?» (книга II) опровергается мнение, что заселение севера Европейской России было по существу колонизацией крестьянской, и что формы северного быта были с самого начала демократическими. В противовес этому мнению С. Ф. Платонов утверждает, что первоначальная колонизация севера была боярской, промысловой, капиталистической. Назначением первых русских поселков в Поморье «была поставка местных продуктов промысла и охоты на Новгородский рынок. Их инициаторами были хозяева этого рынка, новгородские бояре-капиталисты». Лишь с завоеванием Поморья Москвой крестьянское население освободилось от подчинения боярству, сделалось зависимым от государственной власти и получило примитивные формы общественной организации.

С. Тхоржевский в статье «Государственное землевладение на южной окраине Московского государства в 17 веке» (кн. 7) задался целью выяснить характер южной колонизации. По его мнению, колонизация эта была руководима государственной властью с целью обороны от татар, была таким образом колонизацией военного типа, вследствие чего отдавала весь край в ведение Разряда—«тогдашнего военного министерства». Здесь на землях было образовано, по примеру дворцовых земель, «государева десятинная пашня». Пашня эта была крайне незначительна по причине недостатка рабочих рук и покоилась на принудительном труде, лежавшем на служилых ратных людях. Государственное землевладение оказывалось малопродуктивным благодаря отрицательным свойствам тогдашней администрации, ее низкому моральному уровню. Государевы житницы основательно разворовывались и пустели. Лишь во второй половине 17 века правительство мало-по-малу переходит к снабжению землями местных служилых людей и ликвидации государевой десятинной пашни.

Нельзя не признать, что статья С. И. Тхоржевского, вскрывая свежую страницу истории землевладельческого быта южной окраины Московского государства, тем самым открывает возможность более всестороннего освещения роли этой окраины в смуте начала 17 века.

А. В. Пруссак в статье «Крестьяне Восточной Сибири в первую половину 17 века» подвергает изучению вопрос о колонизации и вызванных ею формах быта на этой окраине. Край этот, по мнению автора, заселялся по преимуществу переселенцами с Поморья, не служилыми людьми, как на юге Европейской России, а крестьянским миром. «Если в Европейской России главным обеспечением служилого класса была земля и на ней крестьянский труд, при чем правительство обращало на южной половине государства громадные площади населенной земли в обладание служилых людей, а крестьянские миры, находившиеся на этой земле, или вовсе разрушались, или целиком входили в сферу хозяйственного влияния частных лиц, в В. Сибири служилый класс не пользовался обязательным крестьянским трудом за свою службу, являлся лишь завоевателем края, настоящим же владетелем и закрепителем его являлся крестьянский мир». Мир был общиной, организованной правительством с фискальными целями, и был лишен характера уравнительности, а следовательно не существовали и обычаи переделов. Экономически община включала в себе разнообразные по имущественному положению слои, не все одинаково крепки земле.

Таковы статьи, освещающие вопрос о колонизации.

Из работ, посвященных быту крестьян крепостной эпохи, любопытна статья М. А. Островской «Землепользование новгородских дворцовых крестьян в 17 веке» (в 6—7 кн.). Автор рассматривает быт этот частью по аналогии с поморским, частью по неиспользованным еще материалам архива уделов, подтверждающим эту аналогию. Вопрос, наиболее интересующий М. А. Островскую,—происхождение земельной общины: она приходит к заключению, что и на новгородских дворцовых землях, как в Поморье, «практика переделов, связанная, очевидно, с земельной теснотой, относительно расчищенной пахотной земли делилась, по-видимому, под напором государева тягла».

Сравнительно мало освещен в «Архиве» быт крепостных крестьян 18 века. Здесь останавливает на себе внимание статья С. И. Архангельского «Крестьяне крепостной деревни [illegible] промышленного района во второй половине 18 века» (кн. 8) по данным вотчинных инструкций Румянцева, Шереметева, кн. Грузинского и др. Это—все инструкции промышленного и торгового района северной Великороссии, с [illegible] имений. Исходной точкой рассуждений автора является факт [illegible]ции помещичьего хозяйства в рассматриваемую эпоху, рост [illegible]ных цен и попыток вывоза хлеба заграницу. Для черноземной полосы, интересующей автора, центр тяжести лежит в вывозе хлеба и, следовательно, в интенсификации земледелия. Э[illegible]

[illegible] промыслов, а затем [illegible] этих промыслов. Вторым обстоятельством, отмечаемым автором, является [illegible] расслоение деревни, [illegible] Суворова. Среди крестьян выделяются [illegible] на ряду с [illegible] и деревенской беднотой. По мнению С. Н. Архангельского, [illegible] в расслоении деревни и отношение к этому расслоению [illegible] в статье С. Н. Архангельского. Не представляется [illegible] вопрос, было ли это расслоение [illegible] или пробуждение в помещиках других интересов к [illegible] фермерскому хозяйству, наблюдаемое к концу [illegible]. Кроме того, кажется, что автор напрасно старается [illegible] в русской исторической литературе, но далеко еще не доказанным и, как [illegible], на основании [illegible] настоящей книги «Архива»[1], [illegible] о невозможности [illegible] Россию экономически отсталой страной.

Ряд интересных материалов, сравнительно узкого характера, [illegible] крепостного хозяйства, [illegible] исследователями из архивов 19 века. Сюда относится, [illegible], статья Б. А. Романова «Из [illegible] хозяйственной жизни крепостной вотчины 19 века» [illegible] крестьян [illegible] помещиков [illegible] Вотчина [illegible], по словам Б. А. Романова, [illegible] обе формы крепостного хозяйства, оброчную и барщинную, [illegible] барщину [illegible]. Семья [illegible] принадлежала [illegible] более [illegible] дворян — [illegible] первой половины 19 столетия. [illegible] крупного помещика [illegible] по барщинным

[1] Ср. [illegible]

[illegible] Очень ценным [illegible] в конце статьи В. А. [illegible] [illegible], что [illegible] широкую картину [illegible] [illegible] к имению Бакаршинской и [illegible] [illegible], от несчастных эпизодов к обобщению.

[illegible] в настоящей книге статья Н. Петровича «Принудительное переселение бобыльских крестьян» является [illegible] исследований [illegible] [illegible] документов, относящихся к [illegible] Сперанскому. Из приведенных автором материалов видно, что Сперанский [illegible] Аракчеевым принимал участие в обсуждении вопроса о [illegible] в [illegible] белорусских крестьян Могилевской губернии на земли, которые было предположено устроить первое военное поселение. [illegible] было совершенно [illegible] самих крестьян, зажиточных и обеспеченных людей, и хранилось от них в секрете почти до самого момента. Как выясняет автор, переселение сказалось гибельно на благосостоянии крестьян. [illegible] поселение на их бывших землях просуществовало [illegible] недолго, так как поселенный там Еленский полк с [illegible] войны 1812 года попал в состав действующей армии, а все имущество поселения было расхищено [illegible]. Рассмотренный автором небольшой эпизод подводит к [illegible] очень большому вопросу. Мы до сих пор [illegible] военных поселений [illegible] «словорезы» [illegible] императора Александра I, будто бы [illegible] в 1815 году, связывать их историю с знаменитой «аракчеевщиной». Между тем участие в проведении первого опыта «либерального» Сперанского в 1810—12 г.г. должно заставить пересмотреть этот [illegible] происхождение военных поселений [illegible] намечавшиеся уже до 1812 года [illegible] политики.

Т. И. Шатилов в статье «Уничтожение половничества [illegible] столетии (в кн. 3) выясняет судьбы крестьян, [illegible] землей за половину урожая. По словам исследователя, половничество оказалось [illegible] устойчивой формой землепользования в Вологодской губернии, [illegible] века до 80-х годов 19 столетия». В истории законодательства [illegible] 19 века Т. И. Шатилов [illegible] три основных момента: издание положения о половниках 1827 года, первые стремления правительства к уничтожению половничества в 30-х и 40-х годах и ликвидация половничества в 70-х и 80-х годах.

Исследователь истории крестьян не пройдет мимо напечатанных А. И. [illegible] в 1 кн. «Архива» материалов из вотчинных [illegible] пятидесятых годов [illegible] губернатора

ряд сведений о положении крестьян к концу Крымской кампании (кн. 10).

История законодательства о крепостных крестьянах первой половины 19 века нашла свое отражение в некоторых исследованиях, связывающих это законодательство с определенными условиями. Таковы, напр., статьи В. В. Бирюковича. Первая из них «Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I» (кн. 1) прежде всего выясняет основные мотивы, руководившие инициатором этого указа, гр. С. П. Румянцевым, и вообще [illegible] течением в русской знати первых лет 19 века. Основной дух всего указа — отрицание принудительного начала в осуществлении крестьянской реформы, облегчение государством условий для развития частной инициативы в этом направлении. Вместе с тем указ был ослаблен вопросом о наделении освобождаемых крестьян землей. В. В. Бирюкович останавливается на прениях вокруг этого указа в государственном совете и затем переходит к практике применения указа. Здесь автор отмечает случаи нарушения указа при неоднократно имевшем место освобождении без земли. При отпуске [illegible] по духовным завещаниям [illegible] также обязательно не соблюдалось. Далее В. В. Бирюкович указывает, что в правительственных кругах была мысль о помощи [illegible] выкупающимся крестьянам. Мысль эта во многих случаях встретила [illegible] осуществление. Однако, очень [illegible] денежной помощи [illegible] отказывались из боязни правительства, что просьбы крестьян станут слишком многочисленны, а [illegible] не могла [illegible] злоупотреблениям помещиков, предъявлявших к крестьянам свои требования о непомерных уплатах. В результате указ не дал [illegible] результатов для крестьян. Вторая статья В. В. Бирюковича разбирает «устройство быта свободных хлебопашцев» (кн. 2). По мнению автора, указ стремился создать [illegible] аграрного [illegible] земельных собственников, свободных как в сфере хозяйственной деятельности, так и в сфере административно-хозяйственного управления [illegible] к государству [illegible] сельским состоянием». Но [illegible] по выражению В. В. Бирюковича, [illegible] кругов русского общества начала 19 века [illegible] государственного хозяйства, а [illegible] государственной власти в административно-хозяйственную жизнь свободных хлебопашцев [illegible] последних к [illegible] общественных и хозяйственных отношений». [illegible] повлекло за собой серьезные [illegible] в жизни свободных хлебопашцев.

Статья А. Н. Шебунина «К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли» (кн. 6—7 и 8) выясняет корни борьбы по этому вопросу в правящих кругах. Автор пришел к выводам, что еще в 18 веке торговля крестьянами без земли совершалась по преимуществу мелкими помещиками, что попытки запретить эту торговлю в начале 19 века об'яснялись интересами крупных землевладельцев к предпринимательскому хозяйству, а неудача этих попыток—колонизаторскими интересами южных помещиков и необходимостью считаться с мелким дворянством. Особенно крупная борьба вокруг этого вопроса произошла в 1820 году, когда был разработан проект, ясно стоявший на почве опытов рационального хозяйства, а против него стояли реакционная психология правящих сфер и «недостаток капиталов» у большинства помещиков. В дальнейшем падение цен на хлеб еще более усиливает консерватизм дворянской массы, защитники которой в правящих сферах неизменно противодействуют всякой попытке поднять этот вопрос. Законодательство крепостной эпохи так и не пошло дальше ограничения торговли крепостными душами, запрещения раздробления семейств при продаже и позволило покупать только [illegible] владеющим населенными землями.

Статьи, посвященные крестьянскому движению, носят [illegible] компилятивный характер, что, однако, не лишает ценности использованные авторами материалы.

Статья Елены Коц «Побеги помещичьих крестьян в Николаевскую эпоху» (кн. 5) рассказывает о побегах и попытках устроиться на новых местах—на Кавказской линии, в Кубанской и Бессарабии. Другая статья того же автора («К выяснению причин крестьянских волнений в Николаевскую эпоху»—кн. 8). На [illegible] материале подтверждает старые данные, что причиной волнений был экономический гнет и [illegible] крестьян [illegible] «на вольность».

Статья И. Ф. [illegible] «Предпосылки аграрных волнений 1902 г.» (кн. 9) посвящена аграрному движению 1902 г. [illegible] по делам архива 1-го департамента м-ва юстиции, извлечения из которых были опубликованы [illegible] в издании «Крестьянские движения 1902 г.». Автор статьи [illegible] непонимание администрацией истинных причин и значения движения, в котором она видела лишь [illegible] «злонамеренных лиц». Истинная причина [illegible] крестьян, их бедности и [illegible] зависимости от помещиков. В движении, как обстоятельно выясняет автор, было [illegible] руководителем [illegible] психология крестьян, их [illegible] к праву на землю, в [illegible] враждебной [illegible].

[illegible] к ним и их [illegible] и [illegible], [illegible] которого были [illegible] вступать.

Аграрное движение 1905 года отразилось в «Архиве» напечатанием С. В. Шебаловым в 6—7 книге сводки министра внутренних дел П. Н. Дурново, составленной по отчетам губернаторов.

Таковы главнейшие моменты в истории крестьянского труда, отраженные в статьях «Архива». Переходя к обзору сделанных сотрудниками журнала в изучении труда ремесленного и фабрично-заводского, необходимо остановиться в качестве переходной ступени на горнозаводских крестьянах. Ведь горная промышленность крепостной эпохи была целиком основана на принудительном труде.

Одним из наиболее жестоких явлений в этой области была широко распространенная горнозаводчиками обычная покупка деревень с последующим переселением купленных с ними крестьян на заводы. Эта практика рассмотрена в применении к некоторым случаям в статье Ю. И. Гессена «Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие» (в кн. 1). Случай, [illegible] автором, имел место в хозяйстве одного из известнейших горнозаводчиков начала 19 века А. И. Яковлева. Последний в 1811 году закупил у помещицы Щербининой, дочери кн. Е. Р. Дашковой, деревни в Новгородской и Вологодской губерниях, и затем вознамерился перевести их на свои Холуницкие заводы, находившиеся в Вятской губернии в расстоянии около [illegible] верст от купленных имений. Крестьяне противились такому распоряжению нового владельца сначала жалобами, а потом и массовым сопротивлением. Сопротивление было подавлено вооруженной силой. Другой случай, заинтересовавший Ю. И. Гессена, имел место также в хозяйстве Яковлева. Здесь также купленные им крестьяне не хотели переселяться. Автор приводит в примечании характерное письмо раздраженного владельца к управляющему, заподозренному в потворстве крестьянам. Коллежский асессор Яковлев, очевидно, читавший сентиментальные романы, перенял от них некоторые выражения, но сохранил всю первобытную непосредственность: он называет управляющего «извергом человечества» и заявляет, что не может быть к нему ближе, чтобы «руки мои на голове твоей не оставили ни одного волоса, а спину твою сделали мягче блохи». Ю. И. Гессен подробно рассказывает всю драму купленных Яковлевым крестьян.

В той же книге «Архива» А. В. Шебаловым напечатана выдержка из составленной около 1776 г. обер-секретарем сената В. И. Крашенинниковым записки по истории горного дела в России.

первостепенный исторический источник. Напечатаны главы: «О приписке и покупке к заводам крестьян»; «О обрабатывании крестьянам заводских работ, какие им за то зачеты положены и о происшедших от них непослушаниях» и «О бытии заводским крестьянам судом и расправою ведомым в горных правительствах», т. е. все главы записки, относящиеся к положению заводских крестьян.

Далее должны быть отмечены статьи известного исследователя истории русского рабочего класса К. А. Пажитнова, соответственно выясняющие положение горнозаводских рабочих крепостной эпохи. Первая из этих статей посвящена рабочему времени в горнозаводской промышленности (кн. 2). Статья выясняет, что первым законодательным вмешательством в этот вопрос был петровский регламент адмиралтейства 5 апреля 1722 года, установивший средний рабочий день для казенных заводов в 11½ час. Между тем на практике на Алтае, по мнению автора, рабочий день продолжался 13—13½ час. Далее К. А. Пажитнов отмечает урочное положение 1843 года, определившее среднюю продолжительность рабочего дня в 10½ час., что, повидимому, также не соблюдалось. Автора интересует и регламентация рабочего времени и практическое применение ее в области собственно горнозаводских работ, т. е. добычи руд, и вопрос о праздничном отдыхе и т. д. Вторая статья К. А. Пажитнова посвящена заработной плате в горнозаводской промышленности при крепостном праве. Автор устанавливает, что заработная плата в названной промышленности была сдельной и выдавалась частью деньгами, частью провиантом. Первая попытка законодательного урегулирования заработной платы относится еще ко времени Петра I—к 1724 году. Автор подробными цифровыми данными иллюстрирует движение заработной платы в 18 и первой половине 19 века, прибавляя к этому и данные по ценам на продукты. При сравнительном анализе положения рабочих заводов казенных и частных автор приходит к заключению, что только на некоторых крупных частных заводах рабочие получали большее вознаграждение, чем на казенных; в большинстве же случаев было как раз обратное. В следующей статье К. А. Пажитнов рассматривает «санитарные условия и обеспечение при потере трудоспособности» (кн. 4). Автор отмечает неблагоприятные в санитарном отношении условия горнозаводского производства и распространение заболеваний среди рабочих при отсутствии врачебной помощи. Регламент 1722 года предписывал иметь госпиталя при заводах, но согласно официальным данным начала 19 века госпитали существовали только при казенных заводах, и несмотря на категорическое требование нового Горного Положения, чтобы все заводчики озаботились учреждением госпи-

лей. это постановление во многих случаях оставалось на бумаге еще в 30-х и 40-х годах. Дело обеспечения элементов, ставших нетрудоспособными, находилось не в лучшем положении. Вплоть до конца 18 и начала 19 века престарелые и увечные рабочие никаких пенсий не получали. Только Горное Положение 1806 г. вменяет в обязанность казенным заводам иметь богадельни и платить пенсию проработавшим 25 лет в мастерских. На частные заводы эта обязанность не распространялась. В 1818 году Государственный совет высказался за необходимость установления ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Но практическое значение этого постановления было ничтожно. На казенных заводах пользовались богадельнями лишь немногие, а назначаемые пенсии зачастую не выплачивались. Наконец, последняя статья К. А. Пажитнова посвящена рабочей дисциплине (кн. 5). Дисциплина эта, по собранным автором данным, поддерживалась главным образом истязаниями, и только после Пугачевщины администрации казенных и частных заводов было воспрещено производить такие истязания над приписными к заводам крестьянами, предоставив это дело выборным от самих крестьян. Такие выборные, т. е. собственно самоуправление приписных крестьян, были рекомендованы еще в 1763 г., но только Пугачевщина побудила правительство сделать их обязательным органом, обладающим дисциплинарной властью.

Интересная статья Л. Айзенберга посвящена быту горнозаводских крестьян на частных заводах Оренбургской губернии накануне уничтожения крепостного права (кн. 3). Автора заинтересовали заводы, подвергшиеся правительственному обследованию вследствие крайних злоупотреблений заводчиков. По мнению расследовавшего эти злоупотребления губернатора, источником их было двоевластие, т. е. подчинение заводов одновременно губернатору и горному ведомству, причем последнее на деле имеет большую власть, которую оно употребляет исключительно в интересах владельцев.

Вторая статья того же автора изучает влияние крестьянской реформы 1861 года на быт тех же оренбургских горнозаводских крестьян (кн. 6—7). Уставные грамоты возложили на освобожденных крестьян обязанность платить помещику оброк, казне—подати, на разные общественные нужды широкие сборы. Но горнозаводское население жило главным образом заводским заработком, который стал сильно сокращаться частью вследствие кризиса горнозаводской промышленности, частью благодаря избытку рабочих рук. Вследствие этого объявление уставных грамот вызвало крестьянские волнения, изложению которых и посвящена большая часть статьи Л. Айзенберга.

Переходим к обзору статей, посвященных ремесленному и фабрично-заводскому труду. И в этой области «Архив истории труда» уделил свое внимание не только петербургскому периоду, который некоторые историки считают эпохой промышленного капитализма, но и древней Руси. Здесь останавливает на себе внимание попытка Вл. Юл. Гессена дать очерк истории ремесленного труда в древней Руси (кн. 1, 5 и 8) по первоисточникам. Автор начинает свой обзор с 10 века и находит, что уже тогда поощрялось не только то ремесленное производство, продукты которого пригодны для повседневных потребностей, но также и те виды ремесла, которые удовлетворяли эстетические требования населения, вернее его верхушек. Древоделы, металлисты, работники по золотым и серебряным изделиям, каменному, гончарному и ювелирному делу, шерстяному, суконному и полотняному производству за период с 10—15 в. в равной мере интересуют автора. Но вывод автора, что «в 10 веке в древней Руси совершился переход к ремесленному хозяйству», представляется несколько поспешным.

А. А. Введенский дал ряд очерков по истории труда на Руси 16—17 в.в., из которых наиболее ценными представляются очерки, посвященные ремесленникам хозяйства Строгановых, этой крупной торговой фирмы, которую уже несколько лет пристально изучает автор. Таков, напр., очерк «Строгановские иконники» (кн. 3). Различая среди ремесленников-иконописцев три категории (работников на вольный рынок, наемников монастырей и крупных вотчинников-бояр или гостей и ремесленников, служивших при государевом дворце в столице, т. е. по социальному положению — вольных людей, кабальных и казенных ремесленников), А. А. Введенский останавливается на отмеченной уже некоторыми исследователями русского иконного искусства Строгановской школе иконописи. Вопрос о действительном существовании такой школы А. А. Введенский, повидимому, считает нерешенным, но утверждает, что большая экономическая мощь Сольвычегодских вотчинников и торгово-промышленников позволила им обзавестись и иконописью — собственной иконной, а, быть может, и ювелирной мастерской, — мастерской, обслуживавшей религиозные потребности самих господ и населения их вотчин. Эта мастерская или создала, или способствовала созданию и определенной манеры в письме, в духе исконной краевой художественной традиции, в основе своей Новгородской. Другую статью А. А. Введенский посвящает «Служилым и работным людям у Строгановых в 16—17 в.в.» (печат. в наст. книге). Из них в этой статье автора интересуют две группы: работники, обслуживавшие господские дворы в Сольвычегодске, центре фирмы, и труженики соляварениых промыслов и других подобных предприятий в Сольвычегодском хозяйстве. И

словам автора, после смерти Аники Строганова, основателя фирмы, было три дома и двора его сыновей, стремившихся, однако, к единству действий, солидарности в выступлениях на рынке и в организации производства». Среди служащих дворов А. А. Введенский прежде всего выделяет «дворовую аристократию», «дьячков больших», фактически управляющих делами фирмы. Затем шли ключники и стряпчие. Весь этот верхний слой служащих был хорошо обставлен в материальном отношении, но не был огражден от хозяйского произвола и издевательства над личностью. В соляной промышленности—главной специальности Строгановых—А. А. Введенский отмечает «трубочных» мастеров («своеобразные горные инженеры»), поваров и подварков и чернорабочих. Кроме того, на промыслах проживали многие другие ремесленники, работавшие на названных работных людей. Это были принадлежавшие к составу Строгановской дворни сапожники, портные, рыболовы, мельники.

Печатаемая в настоящей книге статья Г. Новицкого «К истории промышленности и труда во второй половине 17 века» посвящена бумажной мельнице на р. Яузе. Отметив в начале факт развития бумажного производства в Московской Руси, автор затем прямо подходит к интересующему его вопросу и здесь прежде всего устанавливает, что бумажная мельница на Яузе возникла «по инициативе самого московского правительства, бюрократический аппарат которого требовал большого количества бумаги». Техническую же часть организации нового предприятия правительство поручило двум иноземным мастерам, командированным для этой цели с другой бумажной фабрики. Финансирование предприятия было передано казне, надзор за постройкой был поручен боярину А. С. Матвееву. Техника бумажного производства была вообще в те времена крайне примитивна, а в России и того хуже. На данной мельнице тряпье перерабатывалось в бумагу в ступах и бочках, а окончательная очистка бумаги производилась в камнях.

Производительность мельницы была небольшая. Работали на мельнице, кроме двух упомянутых мастеров-иноземцев, два ученика и 5 рабочих—«трепщиков». Ограничивался ли этими лицами штат фабрики—автор сказать не решается. Материальное положение не только рабочих, но и мастеров было не блестящим. В общем предприятие не оправдало возлагавшихся на него надежд. Бумага русского производства не могла конкурировать с иностранной. Автор и вообще находит, что практика московского меркантилизма была неудачной, и даже частные промышленные заведения при всех льготах, полученных от правительства, не выдержали иноземной конкуренции.

Отсюда естественно перейти к фабрике восемнадцатого века.

В 1-й книге журнала посвящена общей, так сказать, программная статья И. М. Кулишера «Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе». Как показывает самое название, статья подробно развивает и анализирует мнения, существующие в русской науке по вопросу о происхождении и характере русской дореформенной промышленности. Ознакомившись с этим обзором, читатель не может не вынести впечатления о полной невыясненности многих и многих основных вопросов. Спор двух главных течений по вопросу о происхождении русской фабрики—одного, представленного П. Н. Милюковым и утверждавшего, что экономически Россия в петровскую эпоху не была подготовлена к крупному производству, что государство, создавая ее, возвысило страну в ранг европейской державы ценой внутреннего истощения, и другого, вслед за М. И. Туган-Барановским, считавшего создателем русской промышленности крупный торговый капитал, уже до Петра подчинивший себе кустарные производства,—в сущности и сейчас не закончен. С другой стороны, как подчеркивает И. М. Кулишер, у нас нет еще данных для решения вопроса о степени распространенности крупного централизованного предприятия в 18 веке, так как и утверждение Туган-Барановского, что суконное, шелковое и др. производства при Петре были сосредоточены на фабриках и лишь впоследствии приняли кустарный характер, еще ничего нам не говорит, так как «мы не в состоянии установить, насколько работа совершалась действительно в помещении предпринимателя, а не на дому у кустарей». Другими словами, мы еще не знаем, что именно в России 18 века называлось фабрикой.

Некоторую попытку дать ответ на этот вопрос делает печатаемая в настоящем номере статья Ив. Полосина «Промышленная статистика и политика 18 века». Она во всяком случае намечает путь, по которому надо идти в исследовании этого вопроса; больше того, автор этой статьи уже вступил на этот путь и достиг существенных результатов. Ив. Полосин начинает с того, что отмечает разногласие исследователей в таком немаловажном вопросе, как количество фабрик, имевшихся в 1762 году. Оказывается, что и в других вопросах—вопрос о численности и составе рабочих, о заработной плате, о размерах и стоимости производства и т. п.—мы не имеем никаких достоверных статистических сведений. Поэтому автор призывает приступить заново к исследованию всех этих вопросов путем изучения фабрично-заводских переписей 18 века. Осветив в общих чертах вопрос о фабрично-заводской отчетности, автор делится с читателем результатами своих поисков этих

переписей в бывшем московском архиве министерства юстиции и в 1-м Тверском Актохранилище, где ему удалось найти три вязки дел Тверской провинциальной канцелярии с фабрично-заводскими ведомостями 60-х г.г. 18 века. По этим ведомостям Ив. Полесин написал описания трех производств ведомства Мануфактур-Коллегии по г. Твери: скипидарного Авр. Евреинова, кожевенного — Петра Святогорова и канатного его же. Кожевенная фабрика Святогорова оказывается состоящей из «каменной палатки» — склада, двух изб, двух амбаров, двух сараев и навеса для печей. Производила «фабрика» исключительно грубые и дешевые сорта кожи. Канатная фабрика той же фирмы была еще скромнее: она состояла из четырех деревянных амбаров и сарая. «Товар Святогорова расходился на местном рынке; канаты шли для волжского «барочного хода». Прибыль предприниматель определял в подозрительно скромных размерах: «не более рубля по 5 копеек». Крепостных рабочих при фабрике было двое, наемных при кожевенной — 8, при прядильной — 12, итого 22 человека, из них: «в мастерстве — 16, в простых работах — 6. Скипидарная фабрика Евреинова состояла из: поварни скипидарной, большого «анбара», двух больших котлов, амбара для скипидару, 30 тазов, 30 медных труб, 20 колпаков медных и 15 железных котлов, да на дворе стояла «изба для рабочих людей с сеньми, покой для прикащика и погреб с напогребицей». Рабочих было 12, из них 2 крепостных. Далее, останавливаясь на борьбе «указных» фабрикантов, т. е. получивших особые «указные дозволения» иметь предприятие, с «безуказными», автор приходит к заключению, что различие статистических сведений объясняется различием в технике фабр.-заводской статистики. Первоначально «безуказные» не вносились в ведомости, игнорировались, а впоследствии и они стали включаться и были обложены. Поэтому получалось впечатление, будто бы число «фабрик» возросло. Так в Твери в 1765 г. показана только одна канатная фабрика и ни одной прядильной, которых на деле было 9. А в 1783—4 г.г. в Твери показаны 1 канатная и 10 прядильных «фабрик», т. е. фактическая численность почти та же. Полесин делает вывод, что после применения его метода ко всем данным екатерининской фабрично-заводской статистики «придется ограничить столь категорически высказанное в литературе утверждение о колоссальном росте русской промышленности за 34 года царствования Екатерины». Можно с полным основанием предположить, что эта интересная статья вызовет и живой обмен мнений, и действительную проверку методов фабрично-заводской статистики, за которой «фабрика» 18 века не будет уже представляться загадочным сфинксом.

Истории промышленного пролетариата в 18 веке посвящены две статьи С. И. Архангельского. Из них первая—«Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района» (кн. 10). Выксунский район—центр крупной железоделательной промышленности 18 века, «своего рода «тяжелая индустрия» дворянско-крепостной России екатерининской эпохи». Разбирая состав рабочего населения этих заводов, принадлежавших Баташевым, Архангельский отмечает разные типы заводов. На Велетминском заводе работали крепостные оброчники, совершенно оторвавшиеся от земледелия; на Илевском напротив никакой дифференциации между деревенским и заводским бытом не было, на заводе крестьяне-землевладельцы отправляли свою барщину; заводы Сноведский и Выксунский занимают среднее место между этими двумя типами, здесь выделенные деревни рабочих не порывали, однако, с ней связи и состояли на барщине. И в дальнейшей истории заводов Баташевых автор наблюдает наличие тех же двух групп заводских рабочих: обезземеленной и сохранившей связь с землей, для которой заводская работа была лишь добавочным заработком. Но, по мнению автора, и первая группа до конца [illegible] территориальным, бытовым и экономическим прошлым сохранила близость к крестьянству.

Вторая статья С. И. Архангельского изучает «Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе» (ст. 5 настоящей книге). Село Павлово Нижегородской губ., Горбатовского уезда с 9 деревнями в 1200 дворов с 6604 душами в конце 18 века принадлежало гр. Шереметеву. В нем было 20 мыловаренных заводов, 30 кожевенных, 4 сальных, 322 слесарных. Несмотря на эти внушительные цифры, приходится несколько осудить поспешность автора, видящего в них доказательство того, что екатерининская Россия не была экономически отсталой страной. Ведь сам С. И. Архангельский отмечает, что павловское население развило энергичную промышленную деятельность, благодаря скудному обеспечению землей, и не опровергает мнения Шторха о к у с т а р н о м характере этой промышленности. Но на таком селе, как Павлово, автору удается проследить постепенный рост промышленного пролетариата. К концу 19 века «кустарь обращается в обыкновенного рабочего, прикрепленного к крупному предпринимателю, но работающего у себя на дому. Рядом с кустарем уже вырастала фабрика, обессилившая и переформировавшая кустаря».

Далее можно отметить статьи, посвященные отдельным фабрикам. Такова, напр., статья А. Н. Олюбиной «Рабочие на Тонкальской мануфактуре в 1771 году» (кн. 6—7). Автор интересовался тонкальской парусно-полотняной мануфактурой, принадле-

лежавшей в 1771 г. гр. Румянцеву. Отрывочные данные, имевшиеся в распоряжении автора, приводят его к заключению, что при мануфактуре не было сенокосов, рабочие были оторваны от земли и занимались фабричной работой, работой на мельницах, плетением корзин, ремеслами и огородами. Статья М. А. Островской об учениках на петербургской полотняной фабрике в 1797—1807 г.г. написана по материалам архива уделов. На фабрику высылались ученики из деревень губерний с развитым полотняным ремеслом. Автор приходит к заключению, что фабрика, собственно говоря, занималась больше обучением ремеслу и в силу этого, что не оправдала себя, как коммерческое предприятие; но она кое-кого обучила ремеслу и тем способствовала его дальнейшему развитию в сельских местностях.

К. Базилевич обратился к старейшим полотняным фабрикам (кн. 10). Он использовал материалы посольского приказа б. архива мин. ин. дел. Заводы, основанные в первые годы 18 века казной, потом переданные в руки частных компаний, работали скверно, а с 1715 года фактически остановились совсем. Причиной, по мнению автора, были недоразумения между мастерами-иноземцами и русскими купцами. М. Мурзанова пишет о Московско-Новгородской парусной фабрике (кн. 2). Богатая материалом статья известного исследователя старого Петербурга П. Столпянского дает очерк истории производств в С.-Петербурге в 18 и первой четверти 19 века (кн. 2). А. П. Шебунин в небольшой статейке разбирает судьбу рабочих из «шатающихся» людей на Шлиссельбургской ситцевой фабрике (кн. 1) М. М. Цвибак воспроизводит страницу из дневника гр. В. Г. Орлова о русских фабриках 1767 года (кн. 3). Интересная статья Т. И. Шатиловой выясняет положение «работных людей» из государственных крестьян по депутатским наказам екатерининской комиссии (кн. 8). Автор приходит к заключению, что процесс пролетаризации, происходивший среди государственных крестьян, не учитывался законодательством, искусственно объединявшим в сущности очень разнородные группы в одно сословие. К этому следовало бы добавить, что такова судьба в с я к о г о сословного законодательства, оно всегда отстает от экономического развития и в конце концов противоречит ему. То, что отмечено автором в применении к государственным крестьянам, можно сказать и о дворянстве и других сословных группах.

Таковы отрывочные материалы, использованные сотрудниками нашего журнала, в массе своей дающие ключи будущему исследователю русской фабрики и рабочего класса 18 века. Довольно много дают статьи о русской фабрике 19 и начала 20 века. Можно даже отметить, что чем ближе к эпохе революции, тем

статистические сведения. Оно и неудивительно. Исследования в этой области гораздо доступнее в наши дни для авторов, ею интересующихся, и не требуют тех поистине кропотливых изысканий, которые несомненно сопровождали отмеченную работу Ив. Нозеля.

С. В. Вознесенский уделяет внимание рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг первой половины 19 века (стр. 6—7). Рабочие этой экспедиции со времени ее учреждения в 1818 году до 1861 года распадались на вольнонаемных и обязанных. Число первых было невелико (его составляли все мастера, большей частью иностранцы, и часть подмастерьев), а по мере того, как экспедиция подготовляла свой кадр квалифицированных рабочих, вольнонаемных становилось все меньше. Обязанными были крестьяне бывшей царскосельской ассигнационной мельницы и екатерингофской бумажной фабрики, а затем рекруты и питомцы воспитательного дома. Даже накануне освобождения крестьян правление экспедиции не хотело расставаться с принудительным трудом.

Но, как сказано выше, особенно богатые материалы содержатся в статьях «Архива» о петербургских заводах начала 20 века. В первой книге журнала А. Л. Блек поместил справку о состоянии архивов Обуховского и Балтийского заводов. Во второй книге названному сотруднику принадлежит глубокосодержательная статья об «условиях труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 года». Под влиянием волнений на Балтийском заводе морское министерство затребовало от правления соображения по вопросу об увеличении платы рабочим и установлении 8 час. рабочего дня. Делопроизводитель правления завода, А. Н. Чиколев, по поручению последнего, произвел обследование положения рабочих на других крупных, по преимуществу механических, заводах, а затем он представил обширную записку, печатаемую А. Л. Блеком в извлечении. На взглядах автора записки, по справедливому замечанию А. Л. Блека, сказалась близость его к обществу фабрикантов и заводчиков. Чиколев считает требования рабочих продуктом социалистической агитации и, соглашаясь на некоторые уступки, в основном непримирим. Другая записка, печатаемая А. Л. Блеком, принадлежащая перу начальника завода ген.-майора Ратника, проникнута гораздо более об'ективным отношением к делу. Так, он считает, что нормальный рабочий день, в сущности, должен быть близок к 8-ми часовому. Увеличение заработной платы и улучшение быта рабочих Ратник считает совершенно необходимым. По его мнению, рабочие, оторванные от земли, — элемент беспокойный и порочный, но это же среда «наиболее способная, дающая из своей

греды большую часть толковых указателей, подмастерьев и даже мастеров, а потому заслуживает особого внимания к улучшению их быта не только материального, но и нравственного, как лучшей технической опоры производства». С другой стороны любопытно замечание Ратника, что действительное улучшение положения рабочих возможно только при условии принятия мер к подъему к р е с т ь я н с к о г о благосостояния, «чтобы уменьшить безземельный пролетариат, ищущий выхода для своего пропитания между прочим на фабриках и заводах». Тогда поднимется цена на рабочий труд, что «поведет к расширению оборудования заводов лучшими станками и более совершенными процессами». Положению рабочих Обуховского сталелитейного завода (ныне «Большевик») посвящена статья М. Гордона (кн. 9). Автор обстоятельно анализирует колебания заработной платы и нормы рабочего дня на заводе за период с конца 90-х годов прошлого столетия до нынешнего времени, останавливается на условиях найма, вопросе о пенсиях и пособиях, медицинской помощи, заводских квартирах и школе и вкратце останавливается на истории заводского старостата и забастовках.

Обстоятельная статья Ф. Семенова-Булкина об экономическом положении рабочих-металлистов до 1905 года (кн. 9) характеризует в начале это положение в эпоху господства крепостного права, когда, по словам автора, условия труда были необычайно тяжелы, обстановка, его окружавшая, крайне нездорова, и потому сам «труд не мог быть производительным». Однако, автор отмечает, что на крупных частных заводах, как то—Путиловском, Франко-Русском и др., где применялся вольнонаемный труд, заработная плата была выше, дисциплина мягче, но зато «рабочий день, благодаря сверхурочным работам, на практике был не только не меньше, а несомненно даже выше, чем на казенных заводах». Далее автор подробно останавливается на положении металлистов крупных петербургских заводов пореформенной эпохи[1]). Заканчивается статья изложением главнейших требований бастовавших рабочих в 1901 и в январе 1905 года.

В. Н. Катин-Ярцев в небольшой статье (кн. 9) знакомит читателя с положением рабочих на Охтенском пороховом заводе, основываясь главным образом на секретном издании главного артиллерийского управления «исторического описания» завода. Здесь, между прочим, любопытны сведения о военном поселении, существовавшем на заводе с 1816 года. Бегло остановившись на положении рабочих во второй половине 19 века, автор приводит подробную справку о заработной плате и других условиях труда в 1906—8 г.г. в главнейших мастерских завода.

---

[1]) В этой части статьи [illegible] на первоисточниках.

Небольшая заметка А. В. Шебалова (кн. 5) приводит интересные сведения из архива государственного совета о закрытии Нижнеисетского железоделательного завода в 1905—6 г.г. Казна хотела закрыть завод, в виду его убыточности. Рабочие завода просили об отдаче его им в аренду на артельных началах. Министр торговли и промышленности, считая такой оборот дела рискованным, предлагал рабочим войти в компанию с каким-либо состоятельным лицом. Как известно, рабочие взяли завод в свои руки.

Наконец, хронологически последней по интересующему нас вопросу работой является статья М. Солодниковой «Рабочие в свете статистики» —сводные данные о росте промышленного пролетариата за годы войны и революции преимущественно в Петрограде (кн. 9). Автор берет за основу цифровые данные промышленной переписи, затем вкратце останавливается на численности рабочих в период до 1914 года и переходит к вопросу о числе предприятий и занятых в них рабочих в период 1914—23 г.г.

Вопросам фабричного законодательства журнал уделил немного места. Но в настоящей книге как раз по этому вопросу помещена крайне содержательная статья М. Балабанова «Борьба фабрикантов против охраны труда». Автора интересует собственно кампания, ведшаяся фабрикантами против закона 3 июня 1886 г. о фабричной инспекции. Кампания была начата с двух сторон: со стороны московских фабрикантов и со стороны министерства внутренних дел, стремившегося к слиянию фабричной инспекции с полицейским ведомством. Министр финансов Вышнеградский готов был согласиться на это последнее требование, но на нижегородской ярмарке 1887 года ему пришлось ознакомиться с настроением фабрикантов, видевших в законе «отдачу всего дела предприятия на милость лица, в фабричном деле совершенно некомпетентного и не имеющего ничего общего ни с интересами государства, ни с нуждами купечества», выражение недоверия власти к промышленникам, но тем не менее не желавших передачи инспекции в другое ведомство. После этого Вышнеградский радикально изменил свое мнение и отказался идти навстречу требованию министра внутренних дел. Но фабриканты вступили в борьбу за пересмотр закона, утверждая, что закон исходит из ложной мысли о противоположности интересов рабочих и фабрикантов, тогда как интересы этих групп построены на тождестве интересов и «различии способностей». Пересмотр закона должен был идти в направлении сокращения прав фабричной инспекции. И фабриканты добились такого пересмотра, при котором если не все, то главные их пожелания были удовлетворены.

Рабочее движение нашло свое освещение в ряде статей [illegible] журнала.

Тут необходимо прежде всего отметить статьи К. А. Пажитнова о рабочем движении крепостной эпохи. Одна из них «Рабочие волнения в царствование Александра I» (кн. 5 и 9) содержит отрывочные сведения, извлеченные из архива департамента полиции исполнительной м-ва внутренних дел. Ряд таких же сведений, но уже из архива 3-го отделения и за период с 1824 — 18.. гг., К. А. Пажитнов дал в другой статье, «Волнения среди посессионно-заводских рабочих» (кн. 1 и 2). Среди публикуемого им материала обращает на себя попытка крепостного писца заводской конторы и учителя заводской школы Верхне-Исетского завода, принадлежавшего известному Яковлеву, Андрея Лоцманова образовать тайное общество. Лоцманов писал известному адмиралу Мордвинову, называя его «президентом тайного общества ревнителей свободы» и «магистром 1-х степеней». В этом деле интересен, во-первых, факт популярности оппозиционного адмирала в таких далеких от правящих сфер кругов, во-вторых, сам Лоцманов, любопытный представитель совершенно не изученной еще у нас крепостной интеллигенции. Небольшая статейка того же автора рассказывает о возмущении рабочих Ревдинского завода Демидовой на Урале в 1841 г. (кн. 6—7). Возмущение было формальным поводом слишком большой вычет из заработной платы за провиант, но действительною причиной была обремененность рабочих работами. Автор приводит постановление суда, приговорившего зачинщиков возмущения к каторжным работам, а участников его к отдаче на военную службу, в арестантские роты, ссылке на поселение или наказанию розгами.

Стачечному движению рабочих новейшего времени посвящен ряд статей. Ю. И. Гессен и Р. М. Кантор осветили историю первой крупной стачки фабричных рабочих, а именно стачки Невской бумагопрядильной фабрики в 1871 году (обе статьи в кн. 3). Первый из этих авторов использовал дела департамента полиции исполнительной, а второй архив 3-го отделения. Картина суровой расправы с мирным экономическим движением обеими статьями дана достаточно полная.

Статья Н. Сидорова (кн. 5) дает материалы по истории [illegible] стачек начала семидесятых годов. В той же книге Р. М. Кантор в коротенькой заметке охарактеризовал экономическое положение иваново-вознесенских рабочих в 1871 году по донесению жандармского капитана Тимофеева.

В небольшой, но обстоятельной статье, основанной на документах архива департамента полиции и печатном материале, Р. М. Кантор осветил историю морозовской стачки 1885 года

(кн. 2), сыгравшей видную роль в истории русского рабочего движения. Автор приводит текст требований рабочих и утверждает, что большинство этих требований были признаны законом 3 июня 1886 года. Тем не менее Александр III видел в стачке «дело анархистов», и министерство внутренних дел обычными средствами — массовыми арестами и высылками — подавило движение.

К истории стачек 1901 года относится напечатанный (кн. 1) в извлечениях доклад петербургского градоначальника Клейгельса министру внутренних дел. Стачечное движение 1903 года подвергнуто изучению в статьях И. Бендера. Первая из них трактует о златоустовской забастовке (кн. 1), кровавое усмирение которой послужило поводом к убийству уфимского губернатора Богдановича. Вторая бегло останавливается на стачках, имевших место на Кавказе и начавшихся всеобщей забастовкой в Баку (кн. 5). Третья останавливается на событиях в Киеве и Екатеринославе.

Январские дни 1905 года освещены в двух статьях. Первая принадлежит В. И. Невскому (кн. 3) и посвящена собственно выборам в комиссию Шидловского, но автор начинает с характеристики положения и настроений рабочих, капиталистов и общества после 9 января. Главное же место В. И. Невский уделяет ожесточенной борьбе большевиков и меньшевиков вокруг вопроса о выборах в комиссию Шидловского и агитационному значению этой борьбы. Вторая статья написана А. Львовичем и изучает волнения рабочих морских заводов в январе 1905 года по архиву Балтийского завода (кн. 1). Начальник этого завода ген.-майор К. Ратник и в этой статье, как в вышеупомянутой работе А. Л. Блека, рисуется объективным и готовым идти на сближение с рабочим человеком.

К истории забастовочного движения последующего времени относятся напечатанные А. Л. Блеком секретные журналы совещания по управлению заводами морского ведомства 1914 и 1915 гг., обсуждавшего вопросы о борьбе с забастовками (кн. 1). Стачечное движение накануне февральской революции статистически изображено в сообщенной Р. М. Кантором сводке департамента полиции о стачках за январь 1917 года (кн. 6—7).

Нельзя пройти мимо статей, освещающих положение производителей труда. Тут прежде всего большая статья А. Л. Блека «Рабочие на Ленских золотых приисках» (кн. 1, 5 и 10). Главным источником, использованным автором, является всеподданнейший отчет сенатора Манухина, производившего расследование Ленских событий 1912 года. Автор отмечает постепенное изменение состава рабочих на приисках. Коренного таежного рабочего, гото-

[illegible] работать за гроши, сменяет гонимый с родины земельной нищетой крестьянин-хлебопашец, приносящий с собою «более ровный запас трудовых идеалов». Технические условия труда на приисках были вредны для здоровья, обычные условия найма по договору отдавали рабочих в беспредельное подчинение к заводской администрации, заработная плата была ничтожна, жилищные условия совершенно невообразимы. Заканчивает статью автор кратким изложением трагедии 1912 года.

В небольшой заметке Д. Каргина сообщаются любопытные сведения о рабочих на постройке Петербургско-Московской жел. дороги (кн. 3). Д. Айзенберг рассказывает «как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дороги в 1859 и 1860 г.г.» (кн. 8). Н. Г. Васенко уделяет внимание рабочим на постройке Уссурийских и Амурских жел. дорог и в частности интересуется участием каторжан в работах. Тот же автор исследовал «условия быта промысловых рабочих Российско-Американской Компании» в начале 19 века (кн. 1).

Статьи М. Гордона выясняют быт коммунальных рабочих. Одна из них посвящена рабочим и служащим городских жел. дорог Петербурга (кн. 8). Здесь автор показывает противоположность интересов рабочих интересам «отцов города», каковыми являлись представители имущих классов. В другой статье автор интересуется жизнью рабочих и служащих петербургских водопроводов (кн. 10).

Журнал уделил внимание и работникам интеллигентного труда. Большая содержательная статья С. В. Рождественского [illegible] социальной организации педагогического труда в [illegible] 19 в.в.» (кн. 8). Автор разделяет социальную историю русских педагогов на четыре периода: первый—от реформ Петра до Екатерины II—когда над интересами общего образования преобладали технические задания государственной власти и сословных интересов, и педагогический труд был лишен цельности и единства, выделяя разные типы своих носителей (учителя-техника, духовного лица, гувернера); второй—время Екатерины II и Александра I—эпоха освобождения педагогической проблемы от подчинения заданиям государства, церкви и сословных групп, ставившая воспитанию задачу выработки «естественного человека» и создающая новый социально-культурный тип педагога; третий—эпоха Николая I—время бюрократизации педагогического труда; четвертый—эпоха растущего общественного движения, поиски новой школы, стремление создать тип педагога—общественного работника.

Журнал стремился найти место и для общих исторических обзоров. К числу таковых принадлежат упомянутые уже

статьи А. Е. Преснякова и И. М. Кулишера, а также заметки Н. А. Рожкова под заглавием «Очерки истории труда в России», дающие сжатую характеристику экономической истории России (кн. 5, 6—7, 8 и 11—12).

В итоге этого по необходимости сжатого обзора можно сказать, что, взявшись за большое и трудное дело, «Архив истории труда в России» в одних вопросах (история крестьянства, история фабрики) или шел далее по уже намеченным путям или подвергал пересмотру усвоенные методы и взгляды, в других (история рабочих в новейшее время, отдельные отрасли труда) собирал материалы для будущих исследователей.

Позволительно выразить надежду, что обзор содержания журнала побудит наши научные силы с усиленным рвением обратить свое внимание на несделанное или только намеченное. И тогда журнал внесет свою лепту в разработку истории русского труда.

А. Шебунин.

Редактор Юлий Гессен

Содержание.

□ □ □

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая (распродана).

Книга вторая. Цена 60 к.

Книга третья. Цена 60 к.

К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. К. Пажитнова.
Крестьяне Демидовского имения. Таисии Шатиловой.
Холерный бунт 1892 г. В. Колпенского.
Картины из крепостного быта. В. Аргунова.
Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
„Разных художеств мастеровые люди". Н. Садикова.
Запасные хлебные магазины. Н. Мурзанова.
Некоторые данные о фабриках в 1767 году. М. Цвибака.
Материалы для статистики: Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии. Стоимость наемного труда на полевых работах в 1871 г. (Оконч.)—Фабр.-зав. предприятия в помещичьих имениях (1861 г.).
Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях.—Об усилении мер наказания по преступлениям крепостных против помещиков.—Цехи в Москве по данным 1856 г.—Запрещение праздновать первое мая.
Итог годовой работы по составлению архивного каталога.

Книга четвертая. Цена 60 к.

Попытка регламентировать труд в кустарной промышленности. И. М. Кулишера.
Закрепощение в императорской России. А. Преснякова.
Положение рабочих в горноз. промышленности при креп. праве. К. Пажитнова.
Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. В. Святловского.
К истории ремесленного труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). Л. Айзенберга.
Рабочие на Ленских золотых приисках. Ал. Блека.
Требования рабочих Балтийск. и др. морских заводов в 1905 г. А. Львовича.
Вопросы труда в иностранной литературе. Я. Канторовича.
Из вотчинных архивов. А. Путилова.
Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. В. Дружинина.
Условия быта промысл. рабочих Рос.-Амер. Компании. П. Г. Вавенко.
Сельская школа накануне крестьянской реформы. В. Колпенского.
Из жизни приходских учителей. Ю. Михайловой.
Рабочие из „шатающихся" людей на Шлиссельб. фабрике. А. Шебунина.
К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей. П. Садикова.
Златоустовская забастовка. И. Бендера.
Заметки архивистов. Таежная трагедия.—Несколько слов о самоедах.—Привилегированное положение охтенских ремесленников.—К истории празднования первого мая.—Справка о частных горных заводах.

Книга пятая. Цена 60 к.

Побеги помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. Елены Коц.
Условия труда рабочих при постройке С.-Петерб.-Моск. ж. дороги. Д. Каргина.
Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
Рабочие на Ленских золотых приисках. (Продолжение). Ал. Блека.
Очерки истории труда в России. Н. Рожкова.
Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках. Юл. Гессена.
Уничтожение половничества в 19 веке. Таисии Шатиловой.
К истории ремеслен. труда в древней Руси. (Продолж.) Вл. Юл. Гессена.
Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при креп. праве. К. Пажитнова.
Рабочие волнения в царствование Александра I. К. Пажитнова.
К закрытию Нижнеисетского завода. А. Шебалина.
Материалы для истории стачек в начале 70-х г. 19 в. И. Сидорова.
К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). Р. Кантора.
Из стачечного движения на Кавказе в 1900 г. И. Бендера.
Заметки архивистов. Ре[illegible] Майер[illegible] Н[illegible] Рабочие из безз. крестьян [illegible] — Тру[illegible] в Си[illegible]

Книга 6—7-ая. Цена 1 руб.

Несколько слов об арестантском труде. Елены Коц.
Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. (Окончание.) Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве.—Наемный труд в крупном хозяйстве. А. Введенского.
Очерк истории труда в России. (Продолжение) Н. Рожкова.

Рабочие на Гончаровской мануфактуре в [illegible] г. Ал. Ог[illegible]ина.
Труд иностранцев в Московском государстве. Инны Любименко.
Крестьяне Вост. Сибири во второй половине 17 в. Анны Пруссак.
Рабочие Экспедиции загот. гос. бумаг в 1-ую полов. 19 в. С. Вознесенского.
Народное продовольствие в 1812 году. [illegible] Латковской.
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. А. Шебунина.
Условия труда и быт рабочих на Госуд. фарфор. заводе. Э. Голлербаха.
К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. Л. Айзенберга.
Рабочие на постройке Уссурийской и Амурской жел. дорог и участие каторжан в работах. П. Васенко.
Землепользование новгор. дворцовых крестьян в 17 в. М. Островской.
Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. К. Пажитнова.
Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
К стачечному движению на юге России в 1903 году. И. Бендера.
Статистика забастовок за январь 1917 года. Р. Кантора.
К истории крестьянских „беспорядков" в 1902 году. А. Шевалова.
О судьбе некоторых арх. материалов по истории крест. хозяйства. А. Большакова.

Книга восьмая. Цена 1 р. 40 к.

Строительные рабочие в московском государстве. А. Пруссак
Очерк истории труда в России. (Продолжение). Н. Рожкова.
Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской ж. дороги. Л. Айзенберга.
Основы социальн. организации педагог. труда в 18–19 в.в. С. В. Рождественского.
Госуд. земледелие на южной окраине моск. государства в 17 в. С. Тхоржевского.
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда. Макса Гордона.
К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли (Окончание). А. Шебунина.
Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г. Таисии Шатиловой
Крестьяне крепостной деревни моск. промышл. района во 2-й полов. 18 в. С. И. Архангельского.
Стачечная борьба рабочих (с 1870–1917 г.). С. Вознесенского.
К истории ремесл. труда в древней Руси (Окончание). Вл. Юл. Гессена.
Положение рабочих на постройках Гл. Общества Росс. жел. дорог. Д. Каргина.
Медико-санит. условия на постройке Петерб.-Моск. жел. дороги. П. Вакса.

Книга девятая. Цена 1 р. 40 к.

Первые конференции и съезды профессиональных союзов (1905–1907 гг.). В. Святловского.
Рабочий в свете статистики (сводные данные о росте промышл. пролетариата в годы войны и революции преимущественно в Петрограде). М. Солодниковой.
К выяснению причин крестьянских волнений в Никол. эпоху. Ел. Коц.
Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Макса Гордона.
Эконом. положение рабочих металлистов до 1905 г. Ф. Семенова-Булкина.
Преддверье аграрной революции 1905 г. (опыт характеристики крестьянского движения 1902 года). И. Цызырева.
Историч. справка о положении рабочих на Охт. порох. заводе. В. Катин-Ярцева.
Из жизни рабочих и служащих на гор. жел. дорогах Петрограда (Очерк второй). Макса Гордона.
Ученики на петербургской полотняной фабрике. М. Островской.
Рабочие волнения в царствование Александра I (Окончание). К. Пажитнова.
Несколько слов о художественном труде. Э. Голлербаха.

Книга десятая. Цена 1 р. 40 к.

На старейших полотняных фабриках Конст. Басилевича: Очерк социальной истории промышл. пролетариата Выксунского района—С. Архангельского; Рабочие на Ленских золотых приисках (окончание)—Ал. Блека; Прорытие Ново-Ладожского канала—А. Ф. Добрынина; Рабочие артели—К. Пажитнова; Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах—Макса Гордона; Из истории крестьянского труда в древней Руси—И. Кулишера. Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании—Л. А.; Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего в.в.—В. К.; К истории крестьянского переселенческого движения—Н. Петровича; Трудовой быт архангельских [illegible] в 18 веке—Т. Ш.

Ленинградгублит № 736. Тираж 3000.
Типография Культ.-Пр[illegible] Ленинградгубпрофсовета. Красная ул., 24.

2–

